

Академия наук Республики Татарстан
Марийский государственный университет

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (15)

2016

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдигов

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2016

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2016

© Журнал «Поволжская археология», 2016

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2016

© Mari State University, 2016

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2016

Номер журнала посвящен
памяти известных российских археологов
О.В. Данилова, В.Н. Мартьянова и И.М. Петербургского

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Федулов М.И. (Чебоксары, Россия), Соловьев Б.С. (Йошкар-Ола, Россия).*
Аблязовский курган (к вопросу о курганных могильниках
балановской культуры) 8
- Сапрыкина И.А., Кузьминых С.В., Пельгунова Л.А. (Москва, Россия).*
Исследование химического состава цветного металла
Ананьинского могильника 26
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. (Ижевск, Россия).*
Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника 41
- Ставицкий В.В. (Пенза, Россия).*
Хронология арочных шумящих подвесок с конями 90
- Лецинская Н.А. (Ижевск, Россия).*
«Жертвенные комплексы» как элемент погребальных традиций
населения Вятского края в раннем средневековье 102
- Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е. (Йошкар-Ола, Россия),
Федулов М.И. (Чебоксары, Россия).* Украшения Анаткасинского
могильника: о культурной принадлежности памятника 121
- Новиков А.В., Баранов В.С. (Кострома, Россия).* Городище Унорож:
предварительные итоги археологических работ 2014 г. 143
- Михеев А.В., Михеева А.И. (Йошкар-Ола, Россия).*
Носельское III селище по результатам исследований 2008 г. 169
- Волков А.В. (Чебоксары, Россия).* Погребальный обряд чувашей
и финно-угров (сопоставительный анализ) 182
- Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия), Павлова Н.А. (Москва, Россия).*
Об одном типе украшений марийского костюма XVI–XVIII вв. 191
- Данилов П.С. (Йошкар-Ола, Россия), Макарова Е.М. (Казань, Россия),
Блинова Д.С. (Йошкар-Ола, Россия).*
«Новокрещены» Входоиерусалимского некрополя Царевококшайска:
историко-археологический и антропологический анализ 202
- Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. (Казань, Россия).*
О фортификации «Великого города» – Биляра 223

Заметки

- Воробьева Е.Е. (Йошкар-Ола, Россия), Федулов М.И. (Чебоксары, Россия).*
«Большие Ключищи» Ульяновской области как новый
археологический комплекс: предварительные итоги 235
- Королева М.С. (Саранск, Россия).*
Сумки из древнемордовских памятников VII–X вв. 249
- Гришаков В.В., Седышев О.В., Любимкина Е.С. (Саранск, Россия).*
Находки раннесредневековых ритуальных ложечек
в Окско-Свияжском междуречье 256

Хроника

- Зеленеев Ю.А., Иванов А.Г., Сидоров О.А. (Йошкар-Ола, Россия).*
Памяти О.В. Данилова (1954–2014).....266
- Вихляев В.И. (Саранск, Россия), Зеленеев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия).*
Памяти И.М. Петербургского (1937–2015).....271
- Зеленеев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия), Зеленцова О.В. (Москва, Россия).*
Памяти В.Н. Мартъянова (1934–2015).....275
- Ситдииков А.Г., Каримов И.Р. (Казань, Россия).* Об основных итогах
научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан в 2015 г. 276
- Список сокращений 291
- Правила для авторов 293

*Issue of the journal is dedicated
to the memory of famous Russian archaeologists
O.V. Danilov, V.N. Martyanov and I.M. Peterburgsky*

CONTENTS

Articles

- Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation), Soloviev B.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).* Ablazovo Barrow (on the burial mounds of the Balanovo culture) 8
- Saprykina I.A., Kuz'minykh S.V., Pelgunova L.A. (Moscow, Russian Federation).* Analysis of Chemical Composition of Non-Ferrous Metal Items from the Ananyino Burial Ground 26
- Goldina R.D., Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation).* Chronology of the 1st–2nd Century Graves from the Tarasovo Burial Ground 41
- Stavitsky V.V. (Penza, Russian Federation).*
The Chronology of the Arched Rustling Pendants with Horses 90
- Leshchinskaya N.A. (Izhevsk, Russian Federation).*
“Sacrificial Complexes” as an Element of Funerary Traditions of the Vyatka Population in the Early Middle Ages.....102
- Nikitina T.B., Vorobeva E.E. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation).* Jewelry from the Anatkasi Burial Ground: Towards Cultural Attribution of the Site 121
- Novikov A.V., Baranov V.S. (Kostroma, Russian Federation).* The Unorozh Hillfort: Preliminary Results of Archaeological Activities in 2014 143
- Mikheev A.V., Mikheeva A.I. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).*
Nosely III Settlement by Results of Studies in 2008 169
- Volkov A.V. (Cheboksary, Russian Federation).* The Funerary Ceremony of the Chuvash and Finno-Ugric Peoples (a comparative study) 182
- Nikitina T.B. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Pavlova N.A. (Moscow, Russian Federation).* On One Type of Decoration of the Mari Costume in the 16th – 18th Centuries 191
- Danilov P.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Makarova E.M. (Kazan, Russian Federation), Blinova D.S. (Yoshkar-ola, Russian Federation).* The “Neophytes” from the Vkhodoierusalimskii Necropolis in Tsarevokokshaisk: historical, archaeological and anthropological analysis.....202
- Gubaidullin A.M., Khuzin F.Sh., Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation).*
On Fortification of “The Great City” of Bilyar.....223

Notes

<i>Vorobeva E.E. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation). “Bolshie Klyuchishi” (Ulyanovsk Oblast) as a New Archaeological Complex: Preliminary Results</i>	235
<i>Korolyova M.S. (Saransk, Russian Federation). Purses from Ancient Mordovian Sites of the 7th – 10th Centuries</i>	249
<i>Grishakov V.V., Sedishev O.V., Lyubimkina E.S. (Saransk, Russian Federation). Findings of Ritual Spoons of the Early Middle Ages in the Oka-Sviyaga Interfluve</i>	256

Chronicle

<i>Zeleneev Yu.A., Ivanov A.G., Sidorov O.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Ad Memoriam O.V. Danilov (1954–2014)</i>	266
<i>Vikhlyaev V.I. (Saransk, Russian Federation), Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Ad Memoriam I.M. Peterburgsky (1937–2015)</i>	271
<i>Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Zelentsova O.V. (Moscow, Russian Federation). Ad Memoriam V.N. Martyanov (1934–2015)</i>	275
<i>Sitdikov A.G., Karimov I.R. (Kazan, Russian Federation). Key Results of Scientific Activities of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in 2015</i>	276
List of abbreviations	291
Submissions.....	293

Статьи

УДК 902.3

АБЛЯЗОВСКИЙ КУРГАН (К ВОПРОСУ О КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКАХ БАЛАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

© 2016 г. М.И. Федулов, Б.С. Соловьев

Статья посвящена результатам раскопок Аблязовского кургана (Козловский район Чувашской Республики РФ) в 2011 г. Под распаханной насыпью исследованы кольцевой ровик, кострище, две глубокие могилы со сложными конструкциями и ритуальное захоронение особи мелкого рогатого скота. Погребальный обряд и вещевые комплексы демонстрируют сочетание балановской и атликасинской традиций и могут быть датированы финалом среднего бронзового века (конец III тыс. до н.э.). Синкретический характер материалов Аблязовского кургана позволяет рассматривать его как памятник переходного типа: появляются курганная насыпь, следы огня, тризна, особый орнамент на сосудах, но сохраняются типичная конструкция могильных ям, скорченное положение и ориентировка костяков. Материалы этого памятника дают возможность по-новому взглянуть на проблему формирования балановской культуры и в целом дополняют картину этнокультурного взаимодействия в Среднем Поволжье эпохи бронзы.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Чувашская Республика, средний бронзовый век, курган, погребальный обряд, балановская культура, культурогенез.

Памятник находился в северо-восточной части Чувашской Республики (бассейн р. Аниш, правого притока р. Волга) (рис. 9: 41). Данная территория относится к ареалу балановской культуры конца среднего бронзового века (Бадер, Халиков, 1976., с. 8, 74–82; Соловьев, 2007, с. 44–45, рис. 1; 2011, с. 227–230), а в физико-географическом отношении – к Цивиль-Кубнинскому возвышенно-равнинному району Лесостепной провинции Приволжской возвышенности (Физико-географическое районирование Среднего Поволжья, 1964, с. 109–111). Ландшафт представлен уплощенными ассиметричными водоразделами, покрытыми разветвленной сетью балок, оврагов, узких долин не-

больших рек (глубина врезания – до 35 м). Средние абсолютные высоты по балтийской шкале составляют 140–180 м, максимальные – до 230 м. Доминируют светло-серые, серые, темно-серые, коричнево-серые лесные почвы, встречаются пойменные аллювиальные, слабоподзолистые, выщелоченные суглинистые черноземы. Растительность – типично лесостепная. Лишь около 10% площади района занимают небольшие островки широколиственных и смешанных лесов: дубравы, вторичные рощи, посадки, располагающиеся на возвышенных плато, склонах речных долин и оврагов.

Специалистами существование балановско-фатьяновской общно-

сти относится ко второй (ксеротермической) фазе суббореала (Алешинская, Спиридонова, 2000, с. 354, 356, рис. 1). О.Н. Бадер, учитывая доминирование пыльцы березы и липы, состав травянистых растений в споро-пыльцевом спектре (анализ Г.Н. Лисицыной) Балановского могильника – базового памятника балановской культуры, отнес Чувашское Предволжье ко II тыс. до н.э. к зоне широколиственных лесов с участками лесостепи и луговых степей (Бадер, 1963, с. 280–284, табл. 1). Вывод подтверждают палеопочвенные и палинологические исследования хронологически близких памятников Марийско-Чувашского Предволжья. Е.А. Спиридонова пришла к выводу о теплых климатических условиях во время существования Виловатовского I могильника средневожской абашевской культуры (Спиридонова, 2000, с. 158–159; Никитин, 2009, с. 28, № 22). По данным А.Л. Александровского, под абашевскими Верхне-Олгашиинскими курганами и насыпью Атликасинского могильника (атликасинская культура?) залегали почвы, типичные для средней русской лесостепи (Каховский Б.В., 1985, с. 25–26; АК ЧР, 2014, с. 86–89, № 1331; АК ЧР, 2015, с. 166–168, № 266).

Холмы «Улап тапри» (чув. – «земля великана»), впервые отмеченные М.Е. Федоровым в 1876 г. у д. Эблес Чебоксарского уезда Казанской губернии (ныне д. Аблязово Козловского района Чувашской Республики), впоследствии неоднократно упоминались В.К. Магницким, С.М. Шпилевским, В.Ф. Смолиным, К.В. Элле, В.Ф. Каховским и другими исследователями (АК ЧР, 2013, с. 181, № 647). Так, по сведениям В.К. Магницкого, два из

них, «вспаханных по верху», находились на удалении 0,5 версты, один «почти совершенно сложенный» – в ста саженях от деревни, вблизи дороги в д. Кугеи (ныне д. Кугеево Мариинско-Посадского района Чувашской Республики).

Единственная дошедшая до наших дней распаханная насыпь высотой 30–40 см, располагавшаяся на пологом склоне оврага, плавно спускающегося к р. Аниш, по словам старожил Р.Н. Ярисова, хорошо прослеживалась еще в середине прошлого столетия. Расстояние до д. Аблязово составляло 400 м (азимут 200°), рядом проходила дорога в д. Кугеево. В 2011 г. на месте кургана М.И. Федуловым (Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова) заложен раскоп площадью 266 кв. м. Заметим, что последний погребальный комплекс балановской культуры – грунтовый Новосюрбеевский I могильник исследовался в 2000 г. Б.С. Соловьевым и Е.П. Михайловым (Цивильский район Чувашской Республики) (Соловьев, Михайлов, 2003, с. 73–88).

Стратиграфия (указана толщина слоя) и находки (глубина от условного репера) на площади раскопа. Дерн – до 3 см; распаханный темно-серый гуммированный суглинок – 20–44 см; серый надматериковый суглинок (за внешними пределами ровика) – 5–19 см; серо-коричневый суглинок (погребенная почва) – 8–20 см; пестроцвет (выброс из могил) – до 28 см; плотная красно-коричневая глина. В темно-сером гуммированном суглинке найдены: угли; куски и сколы кремня (-25, -39, -48); кованый железный гвоздь (-20); обломки фарфоровой (-33, -40), красной поливной (-33), серой (-17) посуды XIX–XX вв.

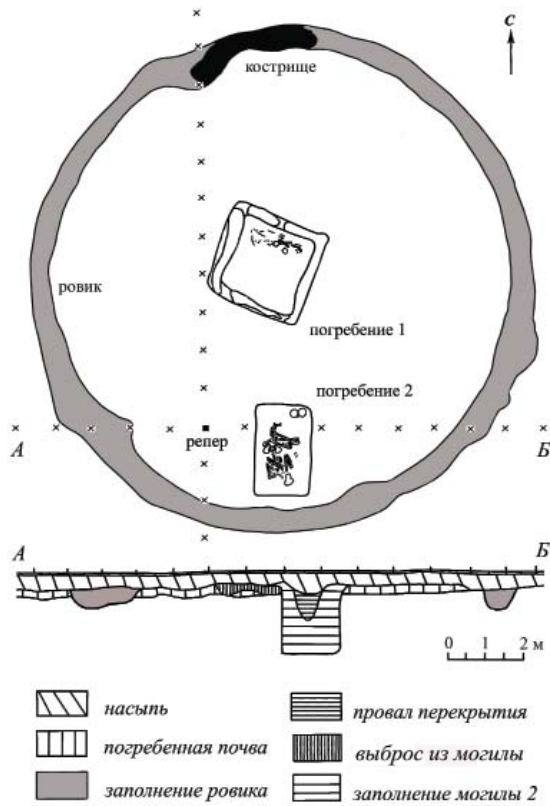

Рис. 1. План и профиль Аблязовского кургана (по М.И. Федулову, 2011 г.).

Fig. 1. Plan and profile of the Ablaizovo burial mound (after M.I. Fedulov, 2011).

Рис. 2. Аблязовский курган. Ровик на фоне материка.

Fig. 2. Ablaizovo burial mound. Ditch at the background of the bedrock.

А

Б

Рис. 3. Аблязовский курган. Могила 1.
А – на фоне погребенной почвы, Б – обмазка известью.

Fig. 3. Ablyazovo burial mound. Grave 1.
A – against the buried soil, Б – lime daub.

Погребальная площадка (рис. 1, 2). Границы очерчены сплошным кольцевым ровиком (внешний диаметр около 12 м, ширина – 80–170 см). Его темно-серое гуммированное суглинистое заполнение продолжалось до глубины 20–45 см от уровня материка, дно – неровное, с многочисленными углублениями. В северной части ровика с уровня -39 прослеживались следы овального ритуального (?) кострища длиной 340 см. На границе насыпи и погребенной почвы обнаружены кремневые сколы (-58, -59), обломок медной пластины (-33), в кострище – тлен кожи.

Могила 1 (рис. 1; 3–5; 5; 7: 1; 8: 2). Ориентированное по линии северо-запад – юго-восток подквадратное (260 x 240 см) темно-серое пятно с воронкой провала перекрытия (диаметр 67 см) и желтой глиняной обмазкой по краям (толщина 20–50 см) проявилось в центре площадки на погребенной почве (-58). Верхний горизонт могилы занимала подпрямоугольная светло-коричневая яма (47 x 35 см, -60–91), содержащая скелет овцы (определение сотрудника Зоологического института РАН кандидата биологических наук Е.А. Петровой).

В заполнении могилы расчищены угольки: юго-западный угол (-70), западный борт (-95); фрагмент керамики – юго-восточный угол (-68); древесный тлен – юго-западный угол (-87, -109, -119); полосы и вкрапления извести толщиной до 3 см; северо-восточный (-86) и юго-западный (-107) угол, западный (-105) и северо-западный (-112) борт. Прослежены следы массивной подквадратной деревянной конструкции размерами 240 x 220 см. По мнению автора раскопок, она представляла собой перекрытый накатни-

ком сруб (на бортах и дне ямы четко отпечатались два нижних венца шириной 23–25 см, углубленных до 3 см) (рис. 5). Изнутри каркас, предположительно скрепленный «в лапу», был покрыт белым веществом – минералом доломитом $\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2$ или известью карбонатной CaCO_3 (определение старшего преподавателя кафедры общей неорганической и аналитической химии химического факультета Е.В. Турусовой, Лаборатория качественного анализа ЧГУ).

Вдоль северо-восточной стенки (глубина 60–65 см от материка, -119–122) в темно-сером гуммированном пятне (следы подстилки?) располагался плохо сохранившийся скелет мужчины 30–40 лет (определение пола и возраста погребенных проведено Е.М. Макаровой, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ). Анатомические нарушения (череп находился в районе таза, кости конечностей сдвинуты) вызваны деятельностью сурков-байбаков, останки которых встречены в различных местах могилы. Очевидно, покойник лежал в характерной для балановского погребального обряда позе на правом боку головой к западу, юго-западу, ноги слабо согнуты, одна рука уложена вдоль туловища, вторая – под углом перед лицом. С внешней стороны коленного сустава вверх дном был поставлен круглодонный горшок (-117), под тазовыми костями залегало небольшое медное шило (-123).

Могила 2 (рис. 1; 6; 7: 2, 3; 8: 1). Ориентированное по линии север – юг темное трапециевидное пятно (200 x 156 см) с редкими вкраплениями гумуса и черной овальной воронкой провала перекрытия глубиной 43 см, зафиксировано в южной части пло-

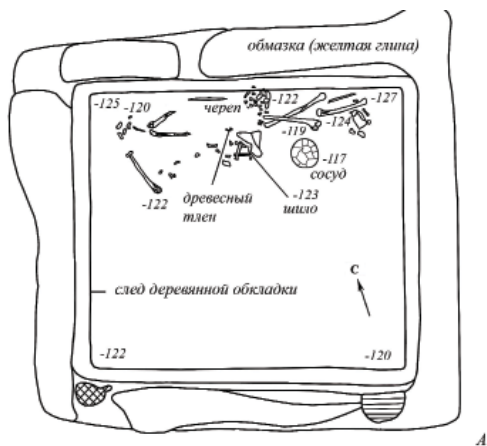
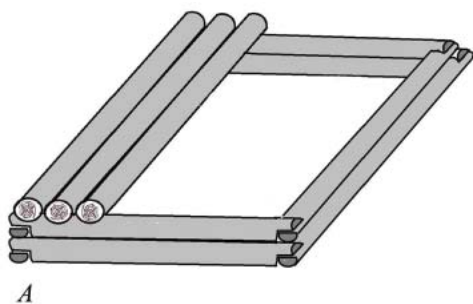

Рис. 4. Аблязовский курган. Могила 1 на уровне захоронения. А – план, Б – фото.

Fig. 4. Ablyazovo burial mound. Grave 1 at the level of the burial. A – plan, Б – photo.

Б

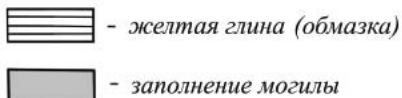
А

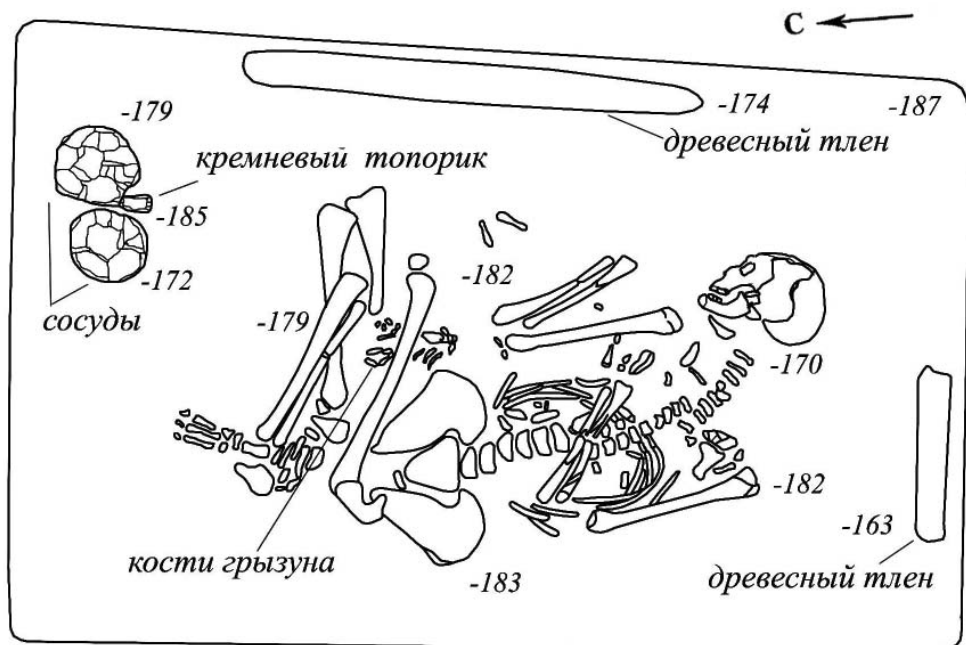

Б

Рис. 5. Аблязовский курган. Внутримогильная конструкция. Реконструкция М.И. Федулова.

Fig. 5. Ablyazovo burial mound. Internal design of the grave. Reconstructed by M.I. Fedulov.

А

Б

Рис. 6. Аблязовский курган. Могила 2 на уровне захоронения. А – план, Б – фото.

Fig. 6. Ablyazovo burial mound. Grave 2 at the level of the burial. А – plan, Б – photo.

щадки на материковой красно-коричневой глине. Стенки ямы – отвесные, основание – плоское (-184–187, глубина 140 см). В заполнении найдены угольки и зуб животного (-165). Дно, костяк, инвентарь покрывали известняковые конкреции и древесный тлен. У восточной и южной стенки прослежены следы прямоугольной конструкции из круглых бревен, обмазанных известью.

Ориентированный на юг костяк мужчины 50–60 лет залегал скорченно на правом боку (-180). Ноги сильно согнуты, берцовые и бедренные кости лежали почти параллельно, левая рука находилась перед лицом, направленным на восток. В результате мацерации (труп завалился на грудь) и деятельности сурков-байбаков (скелет одного из них расчищен в районе коленного сустава) правое предплечье, которое согласно балановскому ритуалу должно было быть вытянуто вдоль тела, оказалось на позвоночнике, плечо – за спиной, ребра и фаланги сдвинуты. В северо-восточном углу ямы расчищены развалы двух круглодонных керамических горшков (-179, -182), между которыми лежал миниатюрный клиновидный топорик (-185).

Характеристика и аналогии погребального обряда. На наш взгляд, обряд захоронения выглядел следующим образом. Вначале была подготовлена ровная погребальная площадка, позднее оконтуренная ровиком. В центре и южной части площадки совершены мужские захоронения с южной и западной ориентировкой на правом боку с согнутыми ногами, одной вытянутой, второй согнутой рукой. Покойники были помещены в глубокие обширные могилы – склепы – внутри бревенчатых конструкций, об-

мазанных известью. Обращает внимание наличие значительного «пустого» пространства в могиле 1. Ее борта, возможно, для гидроизоляции имели толстую подушку желтой лесовой глины. Воронки провала свидетельствуют о наличии накатников. В верхнем горизонте могилы 1 совершено ритуальное захоронение особи мелкого рогатого скота. Кострище, разведенное в ровике, свидетельствует об «огненных» ритуалах очищения места захоронения и передачи жертвоприношений. С похоронными ритуалами связаны оставленные на древней дневной поверхности обломок медной пластины и кремневые сколы. Доказать одновременность или разновременность погребений невозможно. Во всяком случае, судя по хорошо сохранившемуся выбросу из могил, погребальная площадка до сооружения насыпи просуществовала недолго.

Первая линия привязок уводит нас к материалам Балановского (рис. 9: 40) и Новосюрбеевского I (рис. 9: 42) грунтовых могильников (Акимова, 1947, с. 121–130, рис. 37; Бадер, 1963, с. 79–176; Соловьёв, Михайлов, 2003, с. 73–88)¹. Подчетырёхугольные или близкие к овалу (3–1,2 x 2,2–0,83 м) глубокие (2–1,5 м) могилы часто имели перекрытие и прямоугольные внутренние сооружения (длина до 2 м, ширина до 1,5 м, высота до 0,6 м, толщина стенок 1–8 см). Обычны внутренние сооружения,

¹ Эти памятники отнесены Б.С. Соловьёвым к периоду формирования балановских древностей (Соловьёв, 2015, с. 6). О.Н. Бадер и А.Х. Халиков включили Балановский могильник в первый этап балановской культуры (Бадер, Халиков, 1976, с. 15).

реконструируемые в виде дощатого ящика, плетеной корзины, древесной обкладки. Изредка встречаются следы тризны: кости животных, керамика (Баланово, могилы 6, 46, 70), захоронения животных (Баланово), обмазка известью (Баланово, могилы 41, 62), небольшие скопления углей в погребениях с атликасинскими проявлениями (Баланово, могилы 2, 4, 38, 46; Новое Сюрбеево I, могила 2). Характерная поза покойников – на правом (мужчины) или левом (женщины) боку, ноги согнуты, одна рука расположена вдоль тела, другая – под углом, кисть – у лица. Преобладают южная, западная, юго-западная ориентировки. Касаясь обмазки могилы 1, отметим покрытые серой глиной и древесным тленом (толщина до 40 см) борта котлованов построек балановско-атликасинского Тохмеевского поселения (Матвеева, 1962, с. 216). Отдаленной аналогией «полупустой» могиле 1 является могила 40 Баланово с внутренней конструкцией и двумя костяками (погребения 70, 71), лежавшими вдоль восточной и западной стенки; центр ямы оставался свободным, для керамики характерна смешанная балановско-атликасинская орнаментация (Бадер, 1963, с. 127–131, 66–68).

Вторую линию привязок характеризуют могильники атликасинской культуры.² Располагавшиеся на по-

² О.Н. Бадер и А.Х. Халиков рассматривали курганные и грунтовые памятники атликасинского типа в рамках второго этапа балановской культуры, сформировавшейся за пределами Среднего Поволжья (Бадер, Халиков, 1976, с. 78–80). П.М. Кожин, разделив керамические комплексы Балановского могильника на две группы: «балановскую (основную и первоначальную) и «атликасинскую», выделил особую атликасинскую культуру, не связанную с

катых склонах водоразделов небольшие кладбища: Андреевка (рис. 9: 3), Верхние Очаки (рис. 9: 5), Раскильдино (рис. 9: 6), Кумаккасы (рис. 9: 7), Атликасы (рис. 9: 8)... включали одну – три насыпи размерами 9–20 x 12–27 м, высотой 0,9–2,75 м. Погребальные площадки размерами 7,9 x 7,5 – 10 x 12 м окольцованы ровиками шириной 0,35–1,2 м, глубиной 0,4–1,2 м (Синцово, Верхние Ачаки). Встречена ингумация с юго-западной ориентировкой на грунте (Атликасы) или в мелкой подпрямоугольной яме (Кумаккасы); кремация на стороне – квадратное углубление, заполненное углями, золой, жжеными костями, погребальным инвентарем (Верхние Ачаки); большие прямоугольные ямы без человеческих останков, иногда с предметами материальной культуры – кенотафы? (Раскильдино). Характерна значительная роль огня в ритуалах: углистые пятна, кострища, зольники; размещение сопровождающего инвентаря на площадке и в захоронениях; следы тризны.

Характеристика и аналогии погребального инвентаря. Сосуд 1 (могила 1) – с заглаженной желто-коричневой поверхностью, высоким расширенным горлом, гладким, слегка отогнутым гладким венчиком, шаровидным туловом (рис. 7: 1). Общая высота – 10 см, высота шейки – 3,1 см, ширина горла – 11,8 см, диаметр тулова – 15,9 см, толщина стенок – 0,3–0,5 см. Горизон-

«амфорными» и «шнуровыми» сообществами боевых топоров (Кожин, 1963, с. 25–37; 1967, с. 13). По его мнению, балановская культура возникла на Средней Волге при взаимодействии древнего «протофатьяновского» и атликасинского субстратов. Точка зрения П.М. Кожина частично поддержана Б.С. Соловьевым (Соловьев, 2007, с. 176–191; 2015, с. 3–24).

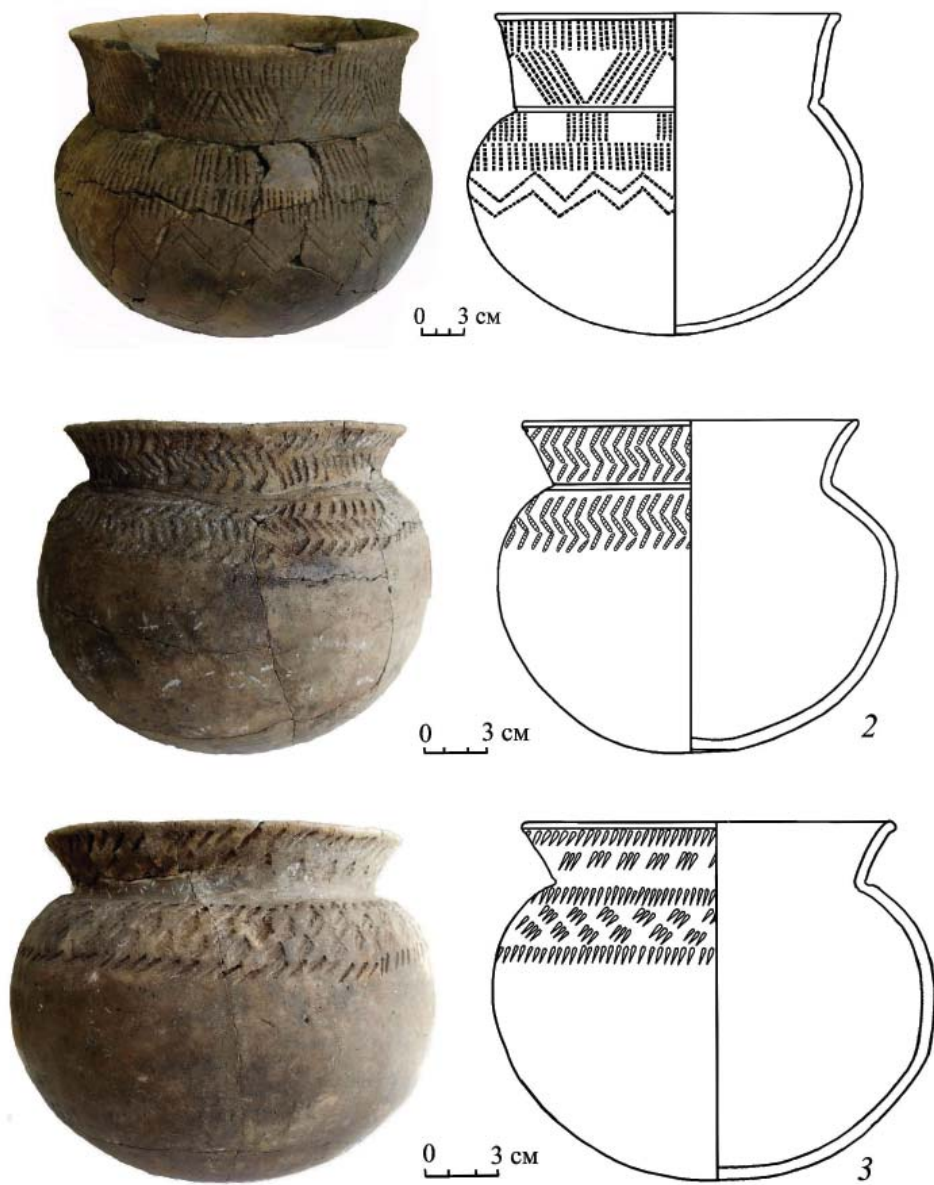

Рис. 7. Аблязовский курган. Сосуды. 1 – могила 1; 2, 3 – могила 2.

Fig. 7. Ablyazovo burial mound. Vessels. 1 – grave 1; 2, 3 – grave 2.

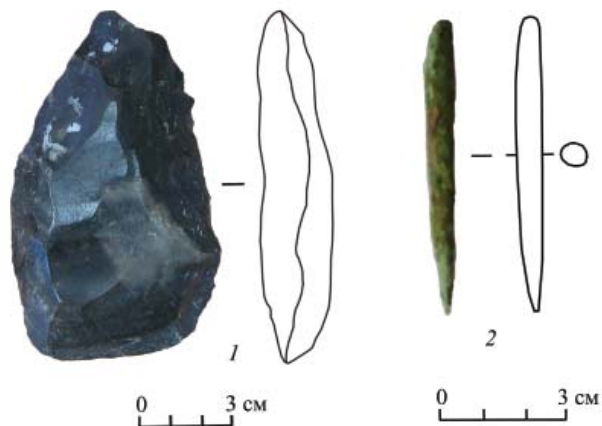

Рис. 8. Аблязовский курган. 1 – кремневый клиновидный топорик, 2 – медное шило.

Fig. 8. Ablyazovo burial mound. 1 – flint cuneal hatchet, 2 – copper awl.

тальные орнаментальные мелкозубчатые композиции занимают верхнюю половину сосуда. На шейке нанесены полосы коротких вертикальных и попеременно-наклонных групп отрезков; ниже – неоконтурные прямоугольники, поясok коротких вертикальных линий, двойной зигзаг. Граница шейки и плечика подчеркнута прочерченным желобком. Дно имеет плоскую округлую ямку.

Сосуд 2 (могила 2) характеризуется низкой отогнутой шейкой, шаровидным туловом, округло-заостренным гладким венчиком, слегка уплощенным днищем, заглаженной до блеска серо-коричневой поверхностью (рис. 7: 2). Общая высота – 13,6 см, высота шейки – 2 см, ширина горла – 12,5 см, диаметр тулова – 17,5 см; толщина стенок – 0,4–0,6 см. Орнаментальное поле, охватывающее шейку и плечико, образовано двумя ярусами вертикального зигзага, нанесенного глубокими оттисками овального ячеистого штампа.

Сосуд 3 (могила 2) имеет низкое расширенное горло, округлый глад-

кий венчик, шаровидное тулово, небольшую округлую ямку на дне (рис. 7: 3). Общая высота – 14,2 см, высота шейки – 2 см, ширина горла – 12,4 см, диаметр тулова – 17,3 см; толщина стенок – 0,4–0,5 см. Поверхность тщательно заглажена. Композиции на шейке и плечике состоят из одного – двух горизонтальных рядов глубоких наклонных насечек.

Клиновидный топорик с линзовидным сечением, полированной лезвийной частью изготовлен из плотного черного кремня; длина – 5,6 см, ширина – 3,4 см, толщина – 1,8 см (рис. 8: 1).

Шило медное с округлым сечением, острой рабочей частью, тупой пяткой; длина – 2 см, максимальный диаметр – 0,2 см (рис. 8: 2).

Близкие параллели орнаменту сосудов из погребения 2 можно найти в первом керамическом комплексе Балановского могильника (Бадер, 1963, рис. 137: 6; Бадер, Халиков, 1976, табл. 30: 2, 3). Горшок из погребения 1 с атликасинской посудой сближают приплюснутое тулово и

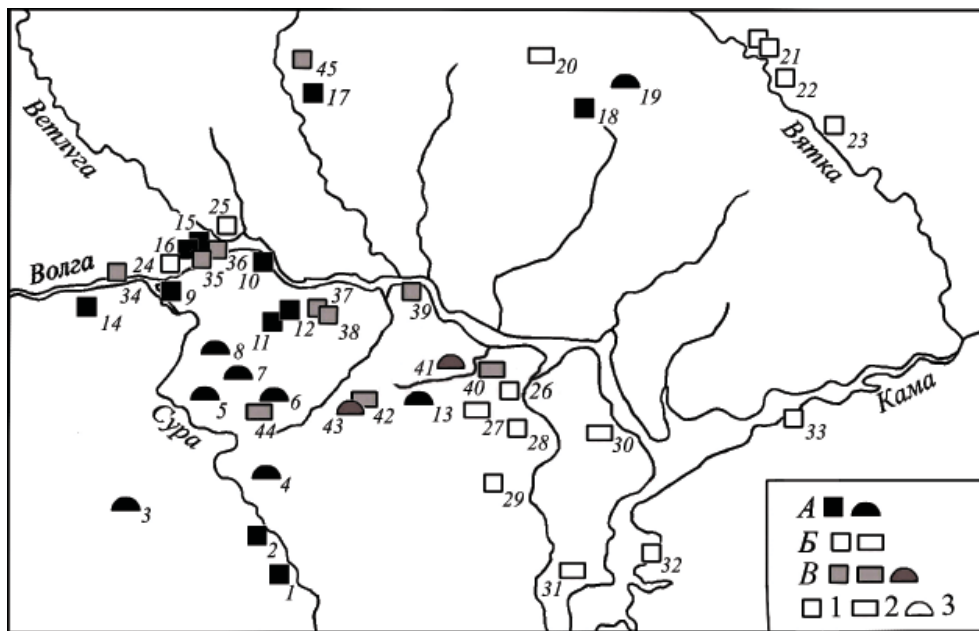

Рис. 9. Памятники общности боевых топоров юга лесного Поволжья.

А – комплексы атликасинской культуры(?): 1 – Сурский Майдан, 2 – Раздольное, 3 – Андреевка, 4 – Красный Октябрь, 5 – Верхние Ачаки, 6 – Раскильдино, 7 – Кумаккасы, 8 – Атыкасы, 9 – Васильсурск II, 10 – Юльялы, 11 – Моргауши, 12 – Малое Князь-Теняково, 13 – Саруй, 14 – Сомовка II, 15 – Сутыри I, IV, V, 16 – Полянки, 17 – Кубашево, 18 – Новоселово, 19 – Синцово. Б – раннебалановские комплексы: 20 – Павлушаты, 21 – Буй I, II, 22 – Чернушка II, 23 – Усть-Курья, 24 – Удельный Шумец VII, 25 – Ахмылово II, 26 – Кугушево, 27 – Старые Урмары, 28 – Большая Куланга, 29 – Большое Тябердино, 30 – Красновидово, 31 – Козловка, 32 – Гулькинская стоянка, 33 – Базяково. В – комплексы периода формирования балановской культуры: 34 – Нижняя Стрелка IV, 35 – Галанкина гора, 36 – Юринская стоянка, 37 – Тохмеево, 38 – Шоркино, 39 – Новинское, 40 – Баланово, 41 – Аблязово, 42 – Новое Сюрбеево I, 43 – Чурачики, 44 – Таутово, 45 – Марийская Лиса.

1 – поселения, 2 – могильники грунтовые, 3 – могильники курганные.

Fig. 9. Sites of the Battle Axe community from the south of the forested Volga region.

A – complexes of the Atlykasy culture(?): 1 – Sursky Mайдан, 2 – Razdolnoe, 3 – Andreevka, 4 – Krasny Oktyabr, 5 – Verkhnie Achaki, 6 – Raskildino, 7 – Kumakkasy, 8 – Atlykasy, 9 – Vasilsursk II, 10 – Yulyaly, 11 – Morgaushi, 12 – Maloe Knyaz-Tenyakovo, 13 – Saruy, 14 – Somovka II, 15 – Sutyri I, IV, V, 16 – Polyanki, 17 – Kubashevo, 18 – Novoselovo, 19 – Sintsovo. B – Early Balanovo complexes: 20 – Pavlushaty, 21 – Buy I, II, 22 – Chernushka II, 23 – Ust-Kurya, 24 – Udelyny Shumets VII, 25 – Akhmylovo II, 26 – Kugushevo, 27 – Starye Urmary, 28 – Bolshaya Kulanga, 29 – Bolshoe Tyaberdino, 30 – Krasnovidovo, 31 – Kozlovka, 32 – Gulkinskaya station, 33 – Bazyakovo.

B – the Balanovo culture complexes at development stage: 34 – Nizhnyaya Strelka IV, 35 – Galankina gora, 36 – Yurinskaya station, 37 – Tokhmeevo, 38 – Shorkino, 39 – Novinskoe, 40 – Balanovo, 41 – Ablyazovo, 42 – Novoye Syurbееvo I, 43 – Churachiki, 44 – Tautovo, 45 – Mariiskaya Lisa.

1 – settlements, 2 – burial grounds, 3 – burial mounds.

высокая шейка; в композициях сосуществуют балановские: двойной зигзаг, пояски коротких вертикальных отрезков и атликасинские: квадраты, переменнo-наклонные группы линий мотивы (Соловьев, 2007, с. 178–179, рис. 7; АК ЧР, с. 167, рис. «Находки из Атликасинского кургана...»). Кремневый клиновидный топорик по классификации А.Х. Халикова относится к типу 11 «топоры треугольные, тонкообушковые, с линзовидным сечением, частичной шлифовкой» (Бадер, Халиков, 1976, с. 67). Такие орудия, встреченные в комплексах Балановского, Атликасинского, Таутовского могильников, Ош-Пандинского и Кубашевского поселений, характерны для атликасинских древностей (Бадер, Халиков, 1976, с. 67, 79; Кожин, 2004, с. 92–95; Соловьев, Карпелан, Кузьминых, Михайлов, 2015, с. 262).

На Средней Волге известен еще один подобный памятник – Чурачикский могильник, исследованный В.Ф. Каховским в 1960, 1961 г. (Каховский В.Ф., 1963, с. 169–177; Степанов, 1962, с. 244; Бадер, Халиков, 1976, с. 94, табл. 8: 1–13). Он находился в 29 км к юго-западу от Аблязовского кургана в Цивильском районе Чувашской Республики (рис. 9: 43). Насыпь диаметром 20 м, высотой 2 м занимала вершину высокого холма, расположенного в пойме р. Малый Цивиль. Стратиграфия: чернозем толщиной до 25 см, насыпь, погребенная почва толщиной до 15 см, материковая глина. Вскрыты две вытянутые по оси юго-запад – северо-восток прямоугольные могилы размерами 3,2 x 2,7 и 3,32 x 2,5 м, глубиной до 0,8 м. Могила 1 включала два захоронения. Основное погребение, состоявшее из разроз-

ненных истлевших костей человека: черепная, берцовая, локтевая и лучевая правой руки, залегало на дне ямы (глубина 80 см) и сопровождалось медным вислообушным топором. Выше (глубина 38–70 см) расчищено просевшее скопление человеческих костей. Здесь же найдены кости животных, обломки сосуда с решетчатым резным орнаментом. Могила 2 содержала ориентированное на запад захоронение литейщика на спине, с согнутыми ногами. Погребальный инвентарь: подвеска из клыка медведя, кремневые сколы, медный вислообушный топор, две глиняные формы для отливки вислообушного топора, медное шило, кремневый клиновидный топор, два горшка, амфора. В верхнем горизонте залегали обломок точильного бруска, каменная зернотерка с пестом. Рядом с курганом прослежены три прямоугольные ямы (1,96 x 0,67 м, 2,1 x 0,73 м, 1,2 x 0,4 м, глубина до 0,15 м), одна из них содержала фрагменты балановской керамики, обломок медного кольца. Посуда: крупная амфора с валиками, ручками, лопастным «елочным» узором и три круглодонных горшка, «два из которых обнаруживаются по способу орнаментации и композициям явную связь с керамическими комплексами могил второго (атликасинского – Б.С., М.Ф.) типа» Балановского могильника (Кожин, 1967, с. 10).

Таким образом, синкретические Чурачикский и Аблязовский курганы сочетают две погребальные традиции: атликасинскую (насыпь; площадка, окольцованная ровиком; ритуальное кострище, угли в могилах) и балановскую (скорченные захоронения на боку в перекрытых накатником глубоких ямах с внутренними конструкци-

ями). Смешанные черты наблюдаются и в керамике.

Поскольку объяснить эволюционной теорией смену одного из наиболее консервативных мировоззренческих стереотипов сложно, для решения вопроса появления у носителей балановской культуры курганных захоронений использовалась идея внешнего импульса (Каховский В.Ф., 1963, с. 169–171; Бадер, Халиков, 1976, с. 15, 29–30, 39; Большов, 2006, с. 99). С.В. Большов (Большов, 2006, с. 99) выделяет в Чурачикском кургане следующие элементы абашевского погребального обряда: насыпь, поза покойника на спине с подогнутыми ногами, признаки расчленения. Курганы типичны практически для всех степных и лесостепных популяций, а единичные балановские захоронения «на спине» объясняются мацерацией трупа (Бадер, 1963, с. 170, рис. 89, 100). Т.н. «расчлененные» захоронения (Каховский В.Ф., 1963, с. 16–81) на самом деле являются остатками плохо сохранившихся двухъярусных погребений (Кожин, 1967, с. 10), известных в Балановском могильнике, например, могила 41, погребения 72, 73 (Бадер, 1963, с. 131–135; рис. 71–73). Версии противоречит отсутствие следов абашевского воздействия на балановцев и интеграции этих принципиально различающихся, вероятно, конфликтовавших популяций (Соловьёв, 2007а, с. 180). Точка зрения об активном (вплоть до ассимиляции) срубном влиянии (Халиков, 1960, с. 183; Смирнов, 1961, с. 68; Бадер, 1963, с. 317–318, 377; Каховский В.Ф., 1963, с. 169–171; Степанов, 1967, с. 64–65) опровергается фактическим материалом, поскольку срубные памятники

Чувашии демонстрируют отсутствие взаимодействия с более ранним атликасинско-балановским населением (Соловьёв, 2007, с. 34).

На наш взгляд, Чурачикский и Аблязовский курганы, наряду с синкретическими грунтовыми комплексами Ново-Сюрбеевского I, Балановского, Таутовского I могильников отражают процессы формирования средневожской балановской культуры. Судя по результатам картографирования, основной территорией ее сложения являлась контактная зона присурской атликасинской и свияжской раннебалановской группировок (центральная часть Сурско-Свияжского междуречья) (рис. 9). Результатом интеграции стало появление своеобразных памятников ошпандинско-хуласючского типа, характеризующихся курганным погребальным обрядом, демонстрирующим доминирование атликасинских культурных традиций, и керамикой, сочетающей балановские и атликасинские признаки (Соловьёв, 2015, рис. 10).

К сожалению, при датировке рассматриваемого периода можно оперировать лишь тремя частично стыкующимися радиоуглеродными датами (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011, табл. 5, а, б; 11, а, б). Очаг жилища 2 балановско-волосовского (раннего чирковского) поселения Удельный Шумец VII: 3710±30 ВР, 2190–2030, 2200–2020 CalBC. Синкретический могильник Новое Сюрбеево I: 3985±40ВР, 2570–2465, 2620–2340 CalBC. Волосово-Даниловский фатьяновский могильник с атликасинскими и балановскими проявлениями: 3650±80 ВР, 2140–1920, 2300–1750 CalBC. Предположительно время форми-

рования балановской культуры следует ограничить концом III тыс. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимова М.С.* Балановский могильник (предварительное сообщение о раскопках в 1940 г.) // КСИИМК. 1947. Вып. XVI. С. 121–130.
2. *Алешинская А.С., Спиридонова Е.А.* Периодизация эпохи бронзы лесной полосы Европейской России (по палинологическим данным) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 2000. С. 352–358.
3. Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 1 / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2013. 304 с.
4. Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 3. / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2015. 367 с.
5. *Бадер О.Н.* Балановский могильник: из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 372 с.
6. *Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Памятники балановской культуры / САИ. Вып. В1–25. М: Наука, 1976. 168 с.
7. *Большов С.В.* Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культуругенеза первой половины II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 232 с.
8. *Каховский Б.В.* Исследования Чувашской археологической экспедиции в 1983–1984 гг. // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа / Отв. ред. В.П. Иванов, В.А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИ, 1985. С. 3–31.
9. *Каховский В.Ф.* Чурачикский курган в Чувашии // СА. № 3. 1963. С. 169–177.
10. *Кожин П.М.* Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников // СА. № 3. 1963. С. 25–37.
11. *Кожин П.М.* О происхождении фатьяновской культуры. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1967. 19 с.
12. *Кожин П.М.* Атликасинская культура в свете исследований балановской культуры О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С. 92–95.
13. *Матвеева Л.П.* Поселение эпохи поздней бронзы в Чувашии // СА. № 4. 1962. С. 214–219.
14. *Никитин В.В.* Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2009. 415 с.
15. *Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья / МИА. № 95. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 202 с.
16. *Соловьев Б.С.* Хронологические рамки балановской культуры в Волго-Камье // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья (Пятьдесят лет Марийской археологической экспедиции) // Археология и этнография Марийского края. Вып. 30. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2007. С. 26–50.
17. *Соловьев Б.С.* К вопросу об атликасинской культуре // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения) / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2007. С. 176–191.
18. *Соловьев Б.С.* Особенности расселения носителей балановской культуры в Марийско-Чувашском Поволжье // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции V Халиковские чтения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2011. С. 224–230.
19. *Соловьев Б.С.* Формирование балановской культуры // Финно-угроведение. № 1. 2015. С. 3–24.

20. Соловьёв Б.С., Карпелан К., Кузьминых С.В., Михайлов Е.П. Каменные орудия балановской культуры (Чувашская Республика). Монография // Чувашская археология. Вып. 2 / Науч. ред. Н.С. Березина. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 255–355.

21. Соловьёв Б.С., Михайлов Е.П. Ново-Сюрбеевский I могильник – новый памятник балановской культуры в Чувашии // Новые исследования по археологии Поволжья / Отв. ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 73–88.

22. Спиридонова Е.А. Результаты палинологических исследований памятников эпохи бронзы на территории Республики Марий Эл // Труды Марийской археологической экспедиции Т. IV / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. С. 158–159.

23. Степанов П.Д. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4 / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 274 с.

24. Степанов П.Д. Ош Пандо. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1967. 211 с.

25. Физико-географическое районирование Среднего Поволжья / Отв. ред. А.В. Ступишин. Изд-во Казанского университета, 1964. 198 с.

26. Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. I / Отв. ред. А.Х. Халиков. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1960. 187 с.

27. Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2 / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2011. С. 24–78.

Информация об авторах:

Федулов Михаил Игоревич, старший преподаватель, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары, Россия); mfedulov.chvsu@mail.ru

Соловьёв Борис Степанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (г. Йошкар-Ола, Россия); srb@inbox.ru

ABLYAZOVO BARROW (ON THE BURIAL MOUNDS OF THE BALANOVO CULTURE)

M.I. Fedulov, B.S. Soloviev

The article studies the results of the excavations of the Ablyazovo barrow (Kozlovka district, the Chuvash Republic) in 2011. The tilled mound covered a circular ditch, a fireplace, two deep graves with complex design and a ritual burial of a small cattle, which were carefully studied. The funerary rite and complexes of artefacts demonstrate a combination of the Balanovo and Atlykasy traditions and are dated by the finale of the Middle Bronze Age (late III Millennium BC). The syncretism of finds from the Ablyazovo barrow allows us to regard it as a transitional type: it has a mound, traces of fire, funerary feast, specific ornament on vessels, yet at the same time it preserves the typical design of grave pits, crouched position and orientation of bones. Materials from this site enable us to take a new look at the problem of development of the Balanovo culture, and complement our general understanding of ethnocultural interaction in the Middle Volga region in the Bronze Age.

Keywords: archaeology, the Middle Volga area, Chuvash Republic, Middle Bronze Age, barrow, burial rites, the Balanovo culture, cultural genesis.

REFERENCES

1. Akimova, M. S. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVI, 121–130 (in Russian).
2. Aleshinskaia, A. S., Spiridonova, E. A. 2000. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 4 (1). Tver: Tver State United Museum, 352–358 (in Russian).
3. Mikhailov, E. P., Berezina, N. S. (eds.). 2013. *Arkheologicheskaiia karta Chuvashskoi Respubliki (Archaeological Map of the Chuvash Republic)* 1. Cheboksary: “Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
4. Mikhailov, E. P., Berezina, N. S. (eds.). 2015. *Arkheologicheskaiia karta Chuvashskoi Respubliki (Archaeological Map of the Chuvash Republic)* 3. Cheboksary: “Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
5. Bader, O. N. 1963. *Balanovskii mogil'nik: iz istorii lesnogo Povolzh'ia v epokhu bronzy (Balanovo Burial Ground: from the History of the Forested Volga Region in the Bronze Age)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
6. Bader, O. N., Khalikov, A. Kh. 1976. *Pamiatniki balanovskoi kul'tury (Sites of the Balanovo Culture)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) VI–25. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
7. Bol'shov, S. V. 2006. *Lesnaia polosa Srednego Povolzh'ia v epokhu srednei bronzy (problemy kul'turogeneza pervoi poloviny II tys. do n.e.) (The Forest Area of the Middle Volga Region in the Middle Bronze Age: Issues of the Cultural Genesis in the 1st Half of the II Millennium BC)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
8. Kakhovskii, B. V. 1985. In Ivanov, V. P., Prokhorova, V. A. (eds.). *Novye materialy po arkheologii i etnografii chuvashskogo naroda (Recent Materials on the Archaeology and Ethnography of the Chuvash People)*. Cheboksary: Chuvash Research Institute, 3–31 (in Russian).
9. Kakhovskii, V. F. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 169–177 (in Russian).
10. Kozhin, P. M. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 25–37 (in Russian).
11. Kozhin, P. M. 1967. *O proiskhozhdenii fat'ianovskoi kul'tury (On the Origins of the Fatyanovo Culture)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
12. Kozhin, P. M. 2004. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 92–95 (in Russian).
13. Matveeva, L. P. 1962. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 214–219 (in Russian).
14. Nikitin, V. V. 2009. *Arkheologicheskaiia karta Respubliki Marii El (Archaeological Map of the Mari El Republic)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskii poligraficheskoi-izdatel'skii kombinat” Publ. (in Russian).
15. Smirnov, A. P. 1961. *Zheleznyi vek Chuvashskogo Povolzh'ia (Iron Age of the Chuvash Volga Region)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 95. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
16. Solov'ev, B. S. 2007. In *Problemy pervobytnoi i srednevekovoi arkheologii Volgo-Kam'ia (Piat' desiat let Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii) (Issues of the Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga – Kama Area: 50 Years of the Mari Archaeological Expedition)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 30. Yoshkar-Ola: “Mariiskii poligraficheskoi-izdatel'skii kombinat” Publ., 26–50 (in Russian).
17. Solov'ev, B. S. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh sobshchestv. IV Khalikovskie chteniia (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities: 4th Khalikov Readings)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskii poligraficheskoi-izdatel'skii kombinat” Publ., 176–191 (in Russian).

18. Solov'ev, B. S. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 224–230 (in Russian).
19. Solov'ev, B. S. 2015. In *Finno-ugrovedenie (Finno-Ugric Studies)* (1), 3–24 (in Russian).
20. Solov'ev, B. S., Karpelan, K., Kuz'minykh, S. V., Mikhailov, E. P. 2015. In Berezina, N. S. (ed.). *Chuvashskaia arkheologiia (Chuvash Archaeology)* 2. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 255–355 (in Russian).
21. Solov'ev, B. S., Mikhailov, E. P. 2003. In Mikhailov, E. P. (ed.). *Novye issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (New Studies on the Archaeology of the Volga Area)*. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 73–88 (in Russian).
22. Spiridonova, E. A. 2000. In Nikitin, V. V. (ed.). *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition)* IV. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 158–159 (in Russian).
23. Stepanov, P. D. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 4. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
24. Stepanov, P. D. 1967. *Osh Pando (Osh Pando)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
25. Stupishin, A. V. (ed.). 1964. *Fiziko-geograficheskoe raionirovanie Srednego Povolzh'ia (Physical and Geographical Regionalization of the Middle Volga Region)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
26. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* I. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
27. Chernykh, E. N., Kuz'minykh, S. V., Orlovskaiia, L. B. 2011. In Chernykh, E. N. (ed.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of the Natural Science Methods)* 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 24–78 (in Russian).

About the Authors:

Soloviev Boris S. Candidate of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; srb@inbox.ru

Fedulov Mikhail I. Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. Moskovsky Ave., 15, Cheboksary, 428015, the Chuvash Republic, Russian Federation; mfedulov.chuvsu@mail.ru

УДК 903.05/052, 054

ИССЛЕДОВАНИЕ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА АНАНЬИНСКОГО МОГИЛЬНИКА¹

© 2016 г. И.А. Сапрыкина, С.В. Кузьминых, Л.А. Пельгунова

Публикуются результаты исследования химического состава изделий из цветного металла Ананьинского могильника. Выборка из 387 проб, полученных для наконечников стрел и копий, кельтов, втоков, чеканов, секир, ножей и кинжалов, а также предметов одежды и украшений, единичных деталей конской упряжи и узды, была проанализирована с помощью нескольких методов исследования: ОЭСА, РФА и TXRF. Полученные результаты вполне сопоставимы друг с другом. Классификация результатов проведена в соответствии с геохимическим принципом порога легирования в 1,0%. Установлено, что основу выборки составляют медные изделия, в том числе изготовленные из «чистой» меди и из меди, содержащей широкий ряд микропримесей (в частности, Ni, As, Sb). Основу анализируемой выборки (48%) составляют изделия из меди с примесями сурьмы и мышьяка или «чистой» меди (7%), оловянной или тройной бронзы (40%); в ней представлены также другие типы сплавов на основе меди или серебра (5%). Наиболее вероятным источником меди, судя по результатам анализа, являются комплексные полиметаллические руды. Традиционно наиболее вероятные рудные источники поступления металла в безрудные районы Восточной Европы связываются с месторождениями Урала, Саяно-Алтая, Казахстана и Северного Кавказа. Если для изделий из металлургически «чистой» меди рудные источники локализуются в пределах Уральской горно-металлургической области, то для предметов, отлитых из разных групп сплавов, источники поступления металла (речь идет не о прямых импортах изделий) еще предстоит выяснить в ходе дальнейших исследований.

Ключевые слова: археология, лесная полоса Восточной Европы, ранний железный век, Ананьинский могильник, цветные металлы, медь, бронзы, анализ химического состава.

Со времени выхода обобщающего труда об ананьинской цветной металлургии и металлообработке (Кузьминых, 1983) эта проблематика длительное время оставалась вне пристального внимания исследователей. Химический состав металла из крупнейших могильников ананьинской культурно-исторической области (АКИО) – Старшего Ахмыловского, Аозинского, Зуевского и Ананьинского – был изучен, прежде всего, в отношении орудий, оружия, конской

сбруи и др. Вне аналитического исследования осталась значительная часть украшений, которые составляют львиную долю бронзовых изделий этих памятников. В то же время в Лаборатории естественнонаучных методов (ЛЕНМ) ИА РАН сохранились сотни проб образцов металла, отобранных одним из авторов еще в 1970–1990-е гг. и оставшихся не проанализированными в силу различных причин.

¹ Исследование выполняется на средства гранта РГНФ № 14-01-00348а «Ананьинский могильник – публикация, исследование, каталог: воссоединение коллекции».

Особая сложность связана с изучением химического состава цветного металла Ананьинского могильника, коллекции которого хранятся в различных музеях России (Национальный музей Республики Татарстан, Государственный Исторический музей, Музей антропологии МГУ, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Государственный Эрмитаж) и за рубежом (Музейное ведомство Финляндии) (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 8).

В 2014 г. началась работа по атрибуции и описанию коллекции Ананьинского могильника с целью подготовки ее к полноценному научному изданию как эпонимного памятника АКИО, оказавшего значительное влияние на археологию раннего железного века лесной полосы Восточной Европы. Подготовка к изданию материалов памятника включает в себя анализ химического состава металла для отобранных в предшествующее время проб из архива ЛЕНМ ИА РАН и исследование химического состава металла тех предметов, которые не попали в предшествующие выборки и публикации. В рамках этого проекта проведено изучение химического состава значительной части изделий из цветного металла из Ананьинского могильника из собраний Музейного ведомства Финляндии² и Национального музея Республики Татарстан³.

² Мы признательны руководству Музейного ведомства и особенно хранителю Леене Руонаварре за содействие в нашей работе.

³ Мы выражаем искреннюю признательность генеральному директору НМ РТ Г.Р. Назиповой за возможность проведения исследования химического состава цветного металла из Ананьинского могильника.

Исследуемая аналитическая выборка представлена в настоящее время 387 анализами, выполненными как в предшествующие годы (Кузьминых, 1978), так и в ходе работы над проектом РГНФ в 2014–2015 гг. Изучение химического состава металла проводилось различными методами. Методом полуколичественного ОЭСА на анализаторах ИСП-28 и СТЭ-1 были исследованы 82 пробы из собрания НМ РТ (методика анализа опубликована в: Черных, 1966, с. 27–34).

Методом TXRF-анализа в 2015 г. было проанализировано 160 проб металла, хранящихся в ЛЕНМ ИА РАН и отобранных в начале 1990-х гг. Исследуемые предметы происходят из покупок и раскопок И.Р. Аспелина в Ананьине в 1872 и 1877 г. и покупок А.М. Тальгрена в 1909 г. (МВФ, №№ 1400, 5381, 7261). Анализ выполнялся на TXRF-анализаторе S2 PICOFOX (PicoTax) (Bruker). Сущность данного метода, позволяющего выполнять определение качественного и количественного содержания элементов, заключается в облучении образца мягким гамма-излучением и регистрацией вторичного характеристического рентгеновского излучения каждого присутствующего в образце элемента. Абсолютная чувствительность метода составляет 10-10%. Основное отличие от традиционного РФА-анализа – использование монокроматического излучения и оптики для полного отражения (TXRF). Для проведения количественного анализа образцы измельчались до размера не менее 50 мкм и смешивались с 1%-ным раствором TRITON X100. Анализ спектра выполнялся как в автоматическом режиме, так и «вручную»;

спектра – с помощью программного обеспечения Spectra 501.

Кроме того, с помощью метода неразрушающего РФА на спектрометре M1 Mistral (Bruker) было исследовано еще 145 предметов из Ананьинского могильника (НМ РТ, № 5353) (методика анализа стандартна: Енисосова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 114–120). Анализ выполнялся в музейных условиях. Расчет и проверка спектров проводились автоматически и «вручную» с помощью программного обеспечения XSpert.

Все полученные данные вполне сопоставимы друг с другом и могут быть использованы для характеристики анализируемой выборки, представленной результатами анализа состава металла для наконечников стрел (50%) и копий (6%), кельтов (8%), втоков, чеканов, секир, ножей и кинжалов (6%), а также разнообразных украшений (28%) и единичных образцов конской упряжи (3%), датируемых в широких хронологических пределах – VIII–VII вв. до н.э. до первых веков I тыс. н.э. (рис. 1). В данной публикации результаты по химическому составу металла приводятся совокупно, без ранжирования по хронологическим этапам АКМО.

Одним из сложных методических вопросов, возникших в ходе статистической обработки полученных данных, являлось ранжирование результатов по химическим и металлургическим группам. Традиционно металл ранних хронологических периодов ранжируется по иным показателям, чем металл более поздних эпох (к примеру: Черных, 1966; 1970; Черных, Барцева, 1972, с. 50–117; Черных, Кузьминых, 1989; Бобров, Кузьминых, Тенейшвили, 1997; Ени-

осова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 129–132). Тем не менее для древнейшего волго-уральского металла граница оловянных бронз прослежена Е.Н. Черных с 1,0% и выше (Черных, 1970, с. 14). При обработке металла АКМО также была сделана попытка применить геохимический подход (Кузьминых, 1983, с. 10, 11). Изученные в 1970-е годы коллекции не дали четкой постоянной границы оловянных бронз, но у большинства из них порог искусственного легирования начинался все же с 1,0% и выше. Для Ананьинского могильника этот порог был понижен до 0,4%, поскольку статистически выделялась группа низколегированных орудий и оружия с концентрацией олова 0,4–1,5% (Там же, рис. 19). Вероятно, она включала в себя как легированные изделия, так и медные, «загрязненные» в результате переплавок металлом с повышенным содержанием олова. Подобная ситуация не исключение, а скорее правило. Вспомним, что для металла Северного Кавказа и Северного Причерноморья раннего железного века порог легирования устанавливался статистически с 0,3% (Барцева, 1974; 1981; 1982).

Дальнейшие исследования металла Ананьинского могильника позволят уточнить порог легирования. В данной работе мы следуем принципу классификации с порогом легирования в 1,0%, который позволяет по стандартной модели обрабатывать значительные массивы данных и выделять в соответствии с заданными параметрами типы металлов и сплавов, внутри которых возможно проведение более дробного ранжирования. Кроме того, в ходе многочисленных экспериментов удалось установить, что фиксируемые в процессе обработ-

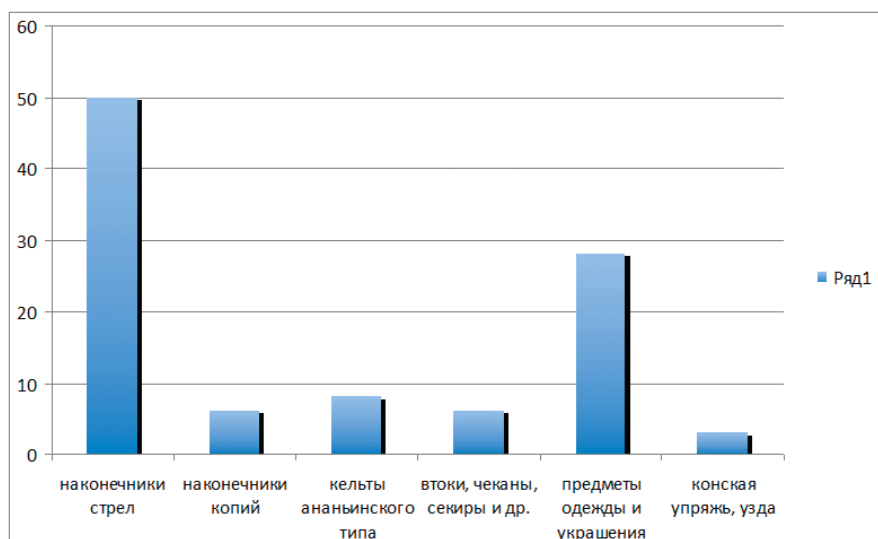

Рис. 1. Состав анализируемой выборки из Ананьинского могильника.

Fig. 1. Composition of the sample from the Ananyino burial ground.

ки свойства металла начинают изменяться только после введения легирующих компонентов в концентрациях, превышающих порог 1,0% (Рындина, Равич, 2012, с. 5, 6).

В соответствии с заявленными принципами классификации в анализируемой выборке выделяются следующие группы металлов и сплавов в зависимости от комбинации легирующих компонентов друг с другом.

Медь представлена основным количеством изделий, из них только около 18 относятся к группе металлургически «чистой» меди, где совокупное содержание микропримесей (Fe, Ni, As, Ag, Sn, Sb, Au, Pb, Bi) не превышает 1,0%; в единичных пробах зафиксировано наличие также Co и Zn. Из такой «чистой» меди с содержанием Cu 99–100% изготовлены в основном наконечники стрел и кельты. В уже опубликованной выборке из Ананьинского могильника «чистая» медь составляет небольшой процент (Кузьминых, 1983, с. 17, 37).

Основную долю составляют предметы, в которых содержание меди зафиксировано в пределах от 81,05 до 98,99% (среднее значение в пределах 95–98%). В этих пробах содержание микропримесей (Fe, Ni, As, Ag, Sn, Sb, Au, Pb, Bi, Co, Zn) – в пределах сотых и тысячных долей процента. Отмечается стабильное наличие таких примесей, как никель, сурьма и мышьяк во всех исследованных пробах, что позволяет говорить о присутствии и в этой выборке Ананьинского могильника сурьмяно-мышьяковистых сплавов с никелем, однако содержание каждого из этих элементов практически не превышает 0,7%. Из такой меди изготовлены в основном наконечники стрел, а также кельты, наконечники копий, шилья, долота, втоки, ножи и единичные украшения, например, бляшки круглой формы. Следует отметить, что наличие таких примесей, как Bi, Sb, As, образующих с медью твердые растворы, при содержании уже в десятые доли процента вызывает такие явления, как хладно-

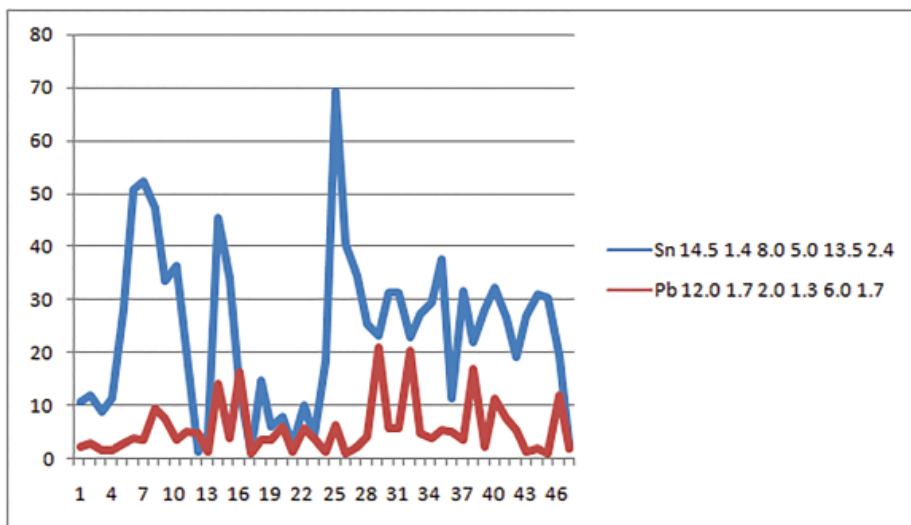

Рис. 2. Статистическое распределение содержания основных легирующих компонентов в тройной бронзе Ананьинского могильника.

Fig. 2. Statistical distribution of the main alloying ingredient in the triple bronze from the Ananyino burial ground.

и красноточность, что затрудняет, а в каких-то случаях делает невозможной обработку металла давлением (Кашенко, 1937, с. 23–25). Вероятно, понимание древними металлургами свойств используемых металлов и сплавов, их чистоты, может быть, объясняет преимущественное использование такой схемы изготовления предметов, как литье, зафиксированной при изучении выборки из Ананьинского могильника из собрания Музейного ведомства Финляндии; свидетельством тому отсутствие следов кузнечной доработки лезвий на кельгах (Сапрыкина, Кузьминых, 2014, с. 272).

В ряде изделий содержание таких элементов, как Zn, Pb, As и Sb превышает установленный порог в 1,0%. Так, с «повышенным» содержанием свинца в выборке зафиксировано 8 проб (1,08–1,63%), цинка – 11 (1,04–1,53%), мышьяка – 3 (1,12–1,8%), с «повышенным» содержанием сурьмы – 2 пробы (1,11 и 1,17%). Мы можем говорить о

наличии в выборке свинцовой бронзы, низкоцинковой латуни, сплавов, легированных мышьяком и сурьмой, однако нельзя исключать того, что присутствие в меди ананьинских предметов свинца и цинка в столь низких концентрациях может быть обусловлено металлургическим переделом полиметаллических руд с высоким естественным уровнем этих примесей в руде. Отметим, что единичные находки предметов из всех этих сплавов отмечались и в более ранних исследованиях (Кузьминых, 1983, с. 37, 39).

К числу редких образцов принадлежит наконечник стрелы, отлитый из свинцовой бронзы с мышьяком (Cu+Pb+As) с содержанием свинца 12,0%, а мышьяка – 5,0%. Для получения этого сложного по своим характеристикам сплава (мышьяк, как и свинец, вызывает в меди красноточность, а при высоких концентрациях – пузыристость литой меди: Кашенко, 1937, с. 24) свинцом дополнительно

легировали мышьяковистую бронзу. Не вполне ясно, зачем необходимо было вводить в мышьяковистую бронзу такой элемент, как свинец, который в больших процентных содержаниях вызывает ликвацию (расслоение) сплава. В то же время, гипотетически можно предположить, что мастер мог ввести свинец именно с целью заполнения пустот между дендритами, вызываемыми в меди мышьяком (т.н. дендритная ликвация: Кащенко, 1937, с. 24). Отметим, что единичные предметы с повышенным содержанием свинца и мышьяка зафиксированы в Ананьине и в 1970-е годы (Кузьминых, 1983, рис. 23).

Таковыми же единичными образцами представлены в выборке изделия, изготовленные из серебра или сплавов на его основе (2% от выборки). Содержание серебра варьирует от 50% до 94,63%; все исследованные серебряные изделия представлены украшениями – спиральным кольцом и обломками гривен. Височное кольцо с содержанием серебра в сплаве в пределах 50,0% происходит из раскопок А.В. Збруевой и Н.Ф. Калинина (Збруева, 1952, табл. V: 1), а гривны из высокопробного серебра – из покупок и сборов А.А. Штукенберга. На наш взгляд, гривны представляют собой более поздний, не ананьинский комплекс, включенный собирателями в состав коллекции могильника по ложной информации «черных» копателей того времени (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 9). В отношении височного кольца, происходящего из погребального комплекса, таких вопросов не возникает, тем более что это второе кольцо из Ананьина, изготовленное из сплава на основе серебра (ан. 15163, 15922) (Кузьминых, 1983, с. 36).

Другая значительная по объему группа сплавов в исследованной выборке представлена оловянной бронзой (Cu+Sn): она достигает 37%. Выборка характеризуется широкой вариативностью в содержании олова: минимальное значение – 1,1%, максимальное – 65,99%. Согласно диаграмме выделяются два типа бронзы: с содержанием олова до 15% и выше этой концентрации (рис. 2). Высоколегированные бронзы составляют не менее 40% всех оловянных бронз. В выборке выделяются также отдельные изделия с содержанием Zn, As и Sb выше 1,0% (1,0–3,91%) (всего 5%) (рис. 3).

Здесь необходимо обратить внимание на следующую закономерность. В результатах анализов, выполненных по методам ОЭСА и TXRF, содержание олова не превышает 15%, а в результатах исследования по РФА содержание олова в основном повышено. Это может быть следствием разных методов анализа: РФА исследует поверхностный слой на глубину не более 10 мкрн, в то время как для выполнения ОЭСА и TXRF теоретически возможно отобрать пробу на любой глубине образца, что играет свою роль при исследовании предметов, подвергавшихся в течение длительного времени воздействию коррозии. С другой стороны, необходимо отметить, что для анализа по методам ОЭСА и TXRF пробы были отобраны с таких предметов, как кельты, наконечники копий и стрел, а с помощью РФА исследовались в основном разнотипные украшения. Сопоставление данных по результатам анализа серебряных украшений, выполненных методами ОЭСА и РФА, показало приемлемый уровень сопоставления.

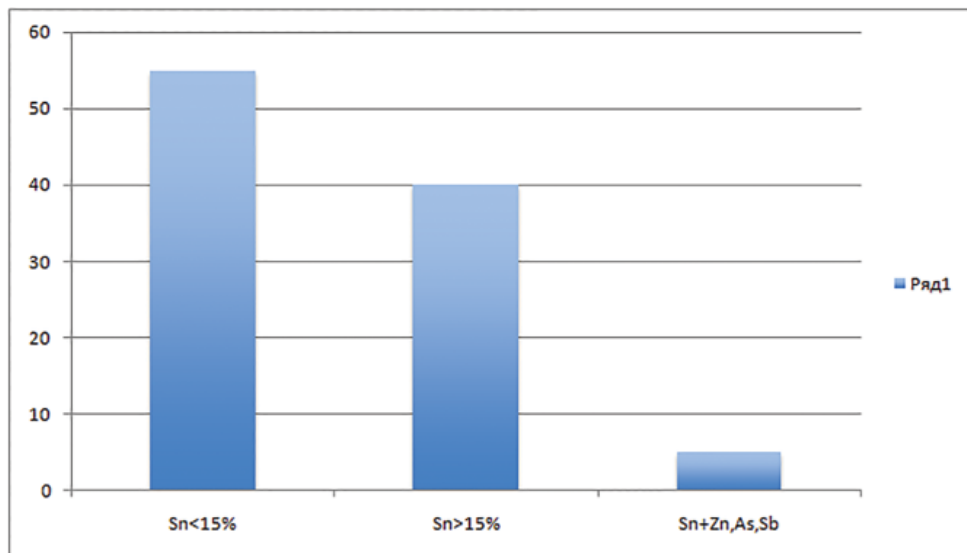

Рис. 3. Диаграмма количественного распределения проб по статистически выделенным группам в тройной бронзе.

Fig. 3. Diagram of quantitative distribution of samples by statistically distinguished groups in triple bronzes.

Результаты анализа небольшого количества наконечников стрел и кельтов, выполненных методом РФА, также показало их сопоставимость с данными, полученными для этой же категории предметов методами ОЭСА и TXRF.

Таким образом, мы можем говорить о наличии в выборке из Ананьинского могильника группы высокооловянной бронзы, из которой изготовлены такие украшения, как бляшки разных форм, подвески, накладки, гривны и т.д. Из оловянной бронзы с пониженным содержанием олова (ниже 15%) изготовлены, помимо украшений, наконечники стрел, кельты, кинжалы и чеканы.

Бронзы в Ананьинском могильнике представлены еще одним типом сплава – оловянно-свинцовой бронзой (Cu+Sn+Pb), из которой преимущественно были изготовлены детали одежды и украшения. В их числе – пронизи разных типов, накладки с

зубчатым краем, спиралевидные подвески, нашивные бляшки, поясные накладки и др. Из этого же сплава изготовлены в незначительном количестве наконечники стрел и копий и секира. Содержание легирующих компонентов варьирует в крайне широких пределах: олово – 1,36–69,27% (среднее значение до 10% или в пределах 20–35%), свинец – от 1,0 до 20,89% (среднее значение до 10%) (рис. 4). Обращает на себя внимание высокое процентное содержание олова в выборке: из высокооловянной тройной бронзы изготовлено 60% предметов всей выборки. Все они, как и в выборке оловянной бронзы, представлены исключительно украшениями и деталями одежды. Для части из них аналогии можно найти, к примеру, в материалах пьяноборской археологической культуры. И вновь возникает вопрос об их подмене и выдаче при покупке за предметы из Ананьинского

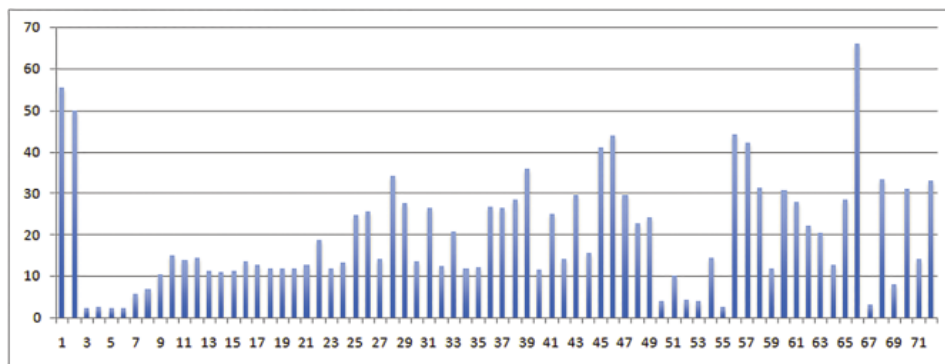

Рис. 4. Гистограмма содержания олова в оловянной бронзе Ананьинского могильника.

Fig. 4. Histogram of tin content in tin bronze from the Ananyino burial ground.

могильника (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 9). Вызывает интерес также присутствие в выборке сьюльгамы, предварительно датированной III–V вв. и изготовленной из многокомпонентного сплава с содержанием цинка 8,5% при низких показателях олова и свинца (2,61 и 2,05%).

Аналитические исследования, проведенные в 1970-е годы, позволили выделить в материалах Ананьинского могильника несколько металлургических групп: оловянные бронзы (основа коллекции), сурьмяно-мышьяковистые сплавы, «чистая» медь; другие типы сплавов были представлены единичными образцами (Кузьминых, 1983, табл. 2, с. 36–38). Вновь проведенные исследования подтверждают полученные ранее результаты, однако позволяют внести некоторые коррективы.

Основу анализируемой выборки (48%) также составляют изделия из меди с примесями сурьмы и мышьяка (содержание этих элементов в меди в основном не превышает 1,0%) или «чистой» меди (7%), оловянной, или тройной бронзы (40%); в ней представлены также другие типы сплавов на основе меди или серебра (5%).

Сурьмяно-мышьяковистые сплавы Ананьинского могильника характеризуются присутствием никеля (Ni) в концентрациях, сопоставимых с концентрациями сурьмы и мышьяка (в пределах 0,3–0,7%). Содержание этих элементов не превышает установленного порога в 1,0%, что не позволяет говорить об искусственном легировании меди мышьяком (сурьмой) или никелем. Скорее всего, здесь мы имеем дело с естественными примесями, перешедшими в металл из руды (Бобров и др., 1997, с. 50, 51; Рындина, Равич, 2012, с. 5, 6). Наиболее вероятным источником меди являются комплексные полиметаллические руды. Судя по зафиксированным в ананьинской меди микропримесям, характер и уровень их концентраций, с одной стороны, мог меняться в зависимости от исходных рудных компонентов и условий их металлургического передела, а с другой – является одним из основных статистических факторов поиска исходных рудных районов.

Традиционно наиболее вероятные рудные источники поступления металла в безрудные районы Восточной Европы связываются с месторождениями Урала, Саяно-Алтая, Казахста-

на и Северного Кавказа. Уральские месторождения по своему геолого-геохимическому типу подразделяются на два несходных типа. Собственно уральские месторождения связаны с коренными породами пенеплена восточных склонов Среднего и Южного Урала (Черных, 1970, с. 37–47). Второй тип – медистые песчаники и сланцы в осадочных горных породах Предуральской рудной провинции – в бассейнах Камы, Вятки, Белой и среднего течения р. Урал (прежде всего Каргалы) (см. обзор: Черных, 1970, с. 48; Сидоренко, 1973, с. 29; Горожанин и др., 2002, с. 19–24). Медь, выплавленная из медистых песчаников, химически исключительно чистая. Такими же свойствами обладает медь, выплавленная из окисленных руд коренных уральских месторождений (типа Гумешевского), на которой базировалась металлургия иткульской культуры (Бельтикова, 1997). Изделия из этой меди – местной, камской, или поставленной из иткульских производящих центров – занимают в выборке из Ананьинского могильника всего 7% (12,5% в ранней выборке, представленной главным образом орудиями и оружием; см.: Кузьминых, 1983, с. 37). Основная доля меди и бронз получена из других горно-металлургических областей (ГМО), руда которых характеризуется наличием большого количества микропримесей, в том числе Ni, As, Sb.

Древние разработки полиметаллических руд с заметным содержанием мышьяка, сурьмы и никеля известны в различных ГМО Северной Евразии, в частности, на Северном Кавказе (Ортенберг, 1923, с. 422–424; Рындина, Равич, 2012, с. 8–10, рис. 6), в Казахстане и Саяно-Алтае (см. обзор:

Черников, 1960; Сунчугашев, 1975; Кузнецова, Тепловодская, 1994; Берденов, 1998; Маргулан, 2001). При этом авторы настоящей статьи не пришли к единому взгляду на локализацию рудных источников сурьмяно-мышьяковистых сплавов Ананьинского могильника. И.А. Сапрыкина связывает их с Северным Кавказом, а С.В. Кузьминых – с горно-металлургическими центрами Казахстана и Саяно-Алтая.

И.А. Сапрыкина считает, что косвенным признаком поступления металлического сырья из Северокавказского региона может служить наличие в выборке Ананьинского могильника большого процента высокооловянной бронзы (с содержанием олова выше 10%), что позволяет говорить о намеренном легировании бронзы оловом. В северокавказской цветной металлообработке с V–III вв. до н.э. господствует оловянная и оловянно-свинцовая бронза с широкими вариациями содержания олова (1–30%) и свинца (1–12%). Этими же характеристиками исследователи описывают рецептурную базу скифоидных культур Северного Причерноморья (Барцева, 1981, с. 88; 1982, с. 40–41). В последующее время этот тип сплава вытесняет все остальные рецептуры в цветной металлообработке.

С.В. Кузьминых исходит из того, что сурьмяно-мышьяковистые сплавы (химико-металлургическая группа ВК – волго-камская) были отнесены к категории искусственных бронз в ранних работах Е.Н. Черных и его собственных достаточно условно (Бобров и др., 1997, с. 50; Черных, 2007, с. 94). Для металла этой группы зафиксировано повышенное со-

держание мышьяка, сурьмы, никеля, серебра и висмута (в десятых и сотых долях процента). Древнейшие изделия из этой бронзы, как правило, легированные оловом или полученные в ходе металлургического передела (когда концентрат касситерита добавляли при выплавке к полиметаллической руде), вошли в обиход производящих центров Евразийской (но не Кавказской) металлургической провинции вместе с распространением памятников сейминско-турбинского типа и использовались на протяжении всей эпохи поздней бронзы. В раннем железном веке в большинстве очагов металлообработки, функционировавших на территории прежней системы Евразийской провинции, эти сплавы по-прежнему доминировали, но они в большей степени, чем в эпоху бронзы, были легированы оловом (Кузьминых, 1983, табл. 1, 2; 2009, рис. 5; Барцева, 1987; 1989). Образцы ананьинской низкомышьяковой или сурьмяно-мышьяковой меди следует отождествлять, вероятнее всего, с группой естественных комплексных сплавов меди с мышьяком и сурьмой. Рудные источники этой меди, а также большей части оловянных и оловяно-

но-мышьяковых бронз связаны, как и в бронзовом веке, с производящими центрами Казахстанской и Саяно-Алтайской ГМО.

Анализируемая выборка из Ананьинского могильника распадается на две большие группы. Первая из них представлена преимущественно классическими для ананьинской культуры предметами из металлургически «чистой» меди, а также меди и низколегированной бронзы с широким набором микропримесей (кельты, ножи, наконечники стрел, наконечники копий, втоки, чеканы, секиры, кинжалы и др.). Вторая группа включает в себя разнообразные украшения и детали одежды, причем частью заведомо не связанные с Ананьинским могильником как археологическим памятником, выполненные из высоколегированной оловянной и оловянно-свинцовой бронзы, а также латуни. Если для изделий из металлургически «чистой» меди рудные источники локализуются в пределах Уральской ГМО, то для предметов, отлитых из разных групп сплавов, источники поступления металла (речь не о прямых импортах изделий) еще предстоит выяснить в ходе дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барцева Т.Б. Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке // СА. 1974. № 1. С. 24–37.
2. Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное Днепро-повское левобережье. М.: Наука, 1981. 128 с.
3. Барцева Т.Б. Спектроаналитическое изучение цветного металла скифского времени: (Днепро-повская левобережная степь) // Естественные науки и археология в изучении древних производств: Материалы совещания / Отв. ред. А.К. Станюкович. М.: МОИП, 1982. С. 39–42.
4. Барцева Т.Б. Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г. Б. Зданович [и др.]. Челябинск: Башкирский ун-т, 1987. С. 65–83.

5. Барцева Т.Б. Раннескифский цветной металл в Предкавказье (комплекс «Красное Знамя») // Естественнаучные методы в археологии / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Наука, 1989. С. 109–117.

6. Бельтикова Г.В. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1997. 23 с.

7. Берденов С.А. Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Сборник научных статей / Отв. ред. З. Самашев. Алматы-Москва: Гылым, 1998. С. 180–190.

8. Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 99 с.

9. Горожанин В.М., Горожанина Е.Н., Овчинников В.В., Пучков В.Н. Глава 1. Геологическая характеристика Каргалинского рудного поля // Каргалы, том I: Геолого-географические характеристики. История открытий, эксплуатации и исследований. Археологические памятники / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 19–24.

10. Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Методы исследования химического состава цветных металлов // Коновалов А.А., Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература., 2008. С. 113–120.

11. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.

12. Кащенко Г.А. Курс общей металлографии. Не железные сплавы. Ч. 3. М.–Л.: Объединение научно-технических издательств Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР, 1937. 225 с.

13. Кузьминых С.В. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.): Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, ИЯЛИ КФАН СССР, 1978 / Архив лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

14. Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

15. Кузьминых С.В. О металле городища Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 3 / Отв. ред. В.И. Молодин, Г. Парцингер. Новосибирск – Берлин: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2009. С. 202–212.

16. Кузьминых С.В., Агапов С.А. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале / Отв. ред. В.С. Коршунов. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 178–197.

17. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский могильник: основные вехи исследований, коллекции и характер памятника // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ИИАХМЗ, 2009. 276 с.

18. Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 206 с.

19. Маргулан А.Х. Сочинения: В 14 т. Т. 2: Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы. Джекказган – древний и средневековый металлургический центр (городище Милькудук). Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 144 с.

20. Ортенберг Д. Обзор меднорудных районов России и задачи промышленной разведки их // Горный журнал. № 8–9. ХСІХ. М.: ВСНХ, 1923. С. 409–424.

21. Рындина Н.В., Равич И.Г. О металлопроизводстве майкопских племен Северного Кавказа (по данным химико-технологических исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (17). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. С. 4–20.

22. Сапрыкина И.А., Кузьминых С.В. Предварительные результаты исследования техники изготовления предметов из цветного металла Ананьинского могильника (из коллекции Музейного ведомства Финляндии) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 263–275.

23. Сидоренко А.В. Геология СССР. Т. XII. Пермская, Свердловская, Челябинская и Курганская области. Полезные ископаемые. М.: Недра, 1973. 631 с.

24. Сунчугашев Я.И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.: Наука, 1975. 173 с.

25. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / МИА. № 88. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 272 с.

26. Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы / МИА. № 132. М.: Наука, 1966. 144 с.

27. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / МИА. № 172. М.: Наука, 1970. 180 с.

28. Черных Е.Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития: (Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаических горняков и металлургов) / Каргалы. Т. V. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

29. Черных Е.Н., Барцева Т.Б. Сплавы цветных металлов // Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры / МИА. № 187. М.: Наука, 1972. С. 50–117.

30. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

31. Штукенберг А.А. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России // ИОАИЭ. Т. XVII, вып. 4. Казань, 1901. С. 165–213.

Информация об авторах:

Сапрыкина Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); dolmen200@mail.ru

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); Kuzminykhsv@yandex.ru

Пельгунова Любовь Андреевна, научный сотрудник, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова (г. Москва, Россия); lubo4ka007@bk.ru

ANALYSIS OF CHEMICAL COMPOSITION OF NON-FERROUS METAL ITEMS FROM THE ANANYINO BURIAL GROUND⁴

I.A. Saprykina, S.V. Kuz'minykh, L.A. Pelgunova

The article presents results of an analysis conducted by the authors in order to study chemical composition of items from non-ferrous metals found on the Ananyino burial ground. A number of research methods, including OES, XRF and TXRF was applied to study a selection of 387 samples of arrow- and spearheads, celts, tail-pieces, warhammers, poleaxes, knives and daggers, as well as items of attire and jewelry, some sporadic details of harness and bridle. The findings are quite comparable. The results were classified by the geochemical principle of 1,0% alloyage threshold. It was found out that the sample primarily consists of copper items, including “pure” copper and copper with a wide range of trace elements (particularly, Ni, As, Sb). The core (48%) consists of copper items with traces of

⁴ The research is funded by the Russian Humanitarian Science Foundation, grant no. 14-01-00348a “Ananyino Burial Ground: Publication, Research, Catalogue: Reunion of the Collection”

antimony and arsenic, or “pure” copper (7%), tin or triple bronze (40%); it also includes some other types of alloys based on copper or silver (5%). As the analysis has shown, complex ores seem to be the most probable source of copper. Traditionally, the Urals, the Sayan and the Altay Mountains, Kazakhstan and the Northern Caucasus were regarded as the most probable minefields to supply ores to the barren regions of Eastern Europe. While ore sources for products made of metallurgical “pure” copper are localized within the Ural mining and metallurgical region, metal sources for items cast from different groups of alloys (rather than imports of ready-made products) require further research.

Keywords: archaeology, forest belt of Eastern Europe, Early Iron Age, Ananyino burial ground, non-ferrous metals, copper, bronzes, analysis of chemical composition.

REFERENCES

1. Bartseva, T. B. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 24–37 (in Russian).
2. Bartseva, T. B. 1981. *Tsvetnaia metalloobrabotka skifskogo vremeni. Lesostepnoe Dneprovskoe levoberezh'e (Non-Ferrous Metal Working from Scythian Time: Left-Bank Dnieper Forest-Steppe Area)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Bartseva, T. B. 1982. In Staniukovich, A. K. (ed.). *Estestvennye nauki i arkheologiya v izucheni drevnikh proizvodstv (Natural Sciences and Archaeology in Studies of Ancient Industries)*. Moscow: Moscow Society of Naturalists, 39–42 (in Russian).
4. Bartseva, T. B. 1987. In Zdanovich, G. B., et al. (eds.). *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (The Early Iron Age and the Middle Age of the Ural – Irtysh Interfluves)*. Chelyabinsk: Bashkir University, 65–83 (in Russian).
5. Bartseva, T. B. 1989. In Chernykh, E. N. (ed.). *Estestvennonauchnye metody v arkheologii (Natural Scientific Methods in Archaeology)*. Moscow: “Nauka” Publ., 109–117 (in Russian).
6. Bel'tikova, G. V. 1997. *Zaural'skii (itkul'skii) ochag metallurgii (VII–III vv. do n.e.) (Trans-Urals (Itkul') Center of Metallurgy (5th — 3rd Centuries BC))*. PhD Thesis. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).
7. Berdenov, S. A. 1998. In Samashev, Z. (ed.). *Voprosy arkheologii Kazakhstana (Issues of the Archaeology of Kazakhstan)* 2. Almaty; Moscow: “Gylm” Publ., 180–190 (in Russian).
8. Bobrov, V. V., Kuz'minykh, S. V., Teneishvili, T. O. 1997. *Drevniaia metallurgiya Srednego Eniseia (lugavskaya kul'tura) (Ancient Metallurgy of the Middle Yenisei Area: the Lugavskaya Culture)*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ. (in Russian).
9. Gorozhanin, V. M., Gorozhanina, E. N., Ovchinnikov, V. V., Puchkov, V. N. 2002. In Chernykh, E. N. (ed.). *Kargaly (Kargaly) I. Geologo-geograficheskie kharakteristiki. Istoriia otkrytii, ekspluatatsii i issledovani. Arkheologicheskie pamiatniki (Geological and Geographical Characteristics. History of Discovery, Exploitation and Investigations. Archaeological Sites)*. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 19–24 (in Russian).
10. Eniosova, N. V., Mitoian, R. A., Saracheva, T. G. 2008. In Konovalov, A. A., Eniosova, N. V., Mitoian, R. A., Saracheva, T. G. *Tsvetnye i dragotsennnye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Non-Ferrous and Precious Metals and their Alloys in Medieval Eastern Europe)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ., 113–120 (in Russian).
11. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
12. Kashchenko, G. A. 1937. *Kurs obshchei metallografii. Ne zheleznye splavy (A Course of the General Metallography: Non-Ferrous Alloys)*. Part 3. Moscow; Leningrad: United Scientific and Technical Publishers, People's Commissariat of Heavy Industry of the USSR (in Russian).

13. Kuz'minykh, S. V. 1978. *Bronzovye orudiia i oruzhie v Srednem Povolzh'e i Priural'e (I tysiacheletie do n.e.) (Bronze Tools and Weapons in the Middle Volga Area and Cis-Urals: I Millennium BC)*. PhD Diss. Moscow. Archive of the Natural Scientific Methods Laboratory, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
14. Kuz'minykh, S. V. 1983. *Metallurgiiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. Kuz'minykh, S. V. 2009. In Molodin, V. I., Partzinger, H. (eds.). *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi (Chicha, a Fortified Site from the Time of Transition from the Bronze to the Iron Age in the Baraba Forest-Steppe)* 3. Novosibirsk; Berlin: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 202–212 (in Russian).
16. Kuz'minykh, S. V., Agapov, S. A. 1989. In Korshunov, V. S. (ed.). *Stanovlenie i razvitie proizvodiashego khoziaistva na Urale (Formation and Development of the Producing Economy in the Ural Area)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 178–197 (in Russian).
17. Kuz'minykh, S. V., Chizhevskii, A. A. 2009. In Kuz'minykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Yelabuga Historical, Architectural and Art Museum (in Russian).
18. Kuznetsova, E. F., Teplovodskaiia, T. M. 1994. *Drevniaia metallurgiiia i goncharstvo Tsentral'nogo Kazakhstana (Antique Metallurgy and Pottery-Making of Central Kazakhstan)*. Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).
19. Margulan, A. Kh. 2001. *Sochineniia: V 14 t. (Works: in 14 Vols.)* 2. *Saryarka. Gornoe delo i metallurgiiia v epokhu bronzy. Dzhezkazgan – drevnii i srednevekovyi metallurgicheskii tsentr (gorodishche Milykuduk) (Saryarka. Mining and Metallurgy in the Bronze Age. Jezkazgan — Ancient and Medieval Metallurgic Center (Milykuduk Hillfort))*. Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian).
20. Ortenberg, D. 1923. In *Gornyi zhurnal (Mining Journal)* XCIX (8–9). Moscow: Supreme Soviet of the National Economy (Vysshiiy sovet narodnogo khozyaystva), 409–424 (in Russian).
21. Ryndina, N. V., Ravich, I. G. 2012. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 17 (2). Tyumen: Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 4–20 (in Russian).
22. Saprykina, I. A., Kuz'minykh, S. V. 2014. In Kuz'minykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 263–275 (in Russian).
23. Sidorenko, A. V. 1973. *Geologiiia SSSR (Geology of the USSR)* XII. *Permskaia, Sverdlovskaia, Cheliabinskaia i Kurganskaia oblasti. Poleznye iskopaemye (Perm, Sverdlovsk, Chelyabinsk and Kurgan Oblasts: Minerals)*. Moscow: "Nedra" Publ. (in Russian).
24. Sunchugashev, Ya. I. 1975. *Drevneishie rudniki i pamiatniki rannei metallurgii v Khakassko-Minusinskoii kotlovine (Most Ancient Mines and the Monuments of the Early Metallurgy in the Khakass-Minusinsk Basin)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
25. Chernikov, S. S. 1960. *Vostochnyi Kazakhstan v epokhu bronzy (Eastern Kazakhstan in the Bronze Age)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 88. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
26. Chernykh, E. N. 1966. *Istoriia drevneishei metallurgii Vostochnoi Evropy (History of the Ancient Metallurgy in Eastern Europe)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 132. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
27. Chernykh, E. N. 1970. *Drevneishaia metallurgiiia Urala i Povolzh'ia (Ancient Metallurgy of Ural and Volga Region)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 172. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

28. Chernykh, E. N. 2007. *Kargaly: Fenomen i paradoksy razvitiia; Kargaly v sisteme metallurgicheskikh provintsi; Potaennaia (sakral'naia) zhizn' arkhaiskikh gorniakov i metallurgov (The Phenomenon and the Paradoxes of Evolution; Kargaly in the System of Metallurgical Provinces; the Hidden (Sacred) Aspects of Life of Archaic Miners and Metallurgists)*. Series: Kargaly 5. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

29. Chernykh, E. N., Bartseva, T. B. 1972. In Bartseva, T. B., Voznesenskaia, G. A., Chernykh, E. N. *Metall cherniakhovskoi kul'tury (Metal of the Chernyakhov Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Research in Archaeology) 187. Moscow: "Nauka" Publ., 50–117 (in Russian).

30. Chernykh, E. N., Kuz'minykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgii Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seyma-Turbino Phenomenon))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

31. Shtukenberg, A. A. 1901. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XVII (4). Kazan, 165–213 (in Russian).

About the Authors:

Saprykina Irina A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; dolmen200@mail.ru

Kuz'minykh Sergei V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Kuzminykhsv@yandex.ru

Pelgunova Lubov A. A. N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution. Leninsky Pr., 33, Moscow, 119071, Russian Federation; lubo4ka007@bk.ru

УДК 902(470.51) “63” (045)

ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ I–II ВВ. ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2016 г. Р.Д. Голдина, В.А. Бернц

В статье рассматриваются вопросы хронологии погребений ранней (I–II вв. н.э.) ныргындинской стадии Тарасовского могильника I–V вв. – классического памятника чегандинской культуры пьяноборской культурно-исторической общности. Для исследования использован метод культурной стратиграфии. Корреляция вещей ранней стадии выполнена отдельно для 37 мужских и 102 женских комплексов. Анализ инвентаря мужских захоронений показал, что для ныргындинской стадии можно выделить три хронологические группы: I в. (группа 1), II в. (группа 2) и I–II вв. н.э. (группа 3). Более представительные и разнообразные серии вещей женских погребений позволили обособить, кроме этих, группы предметов более короткого бытования: первой половины II в. (группа 2а), второй половины II в. (группа 2б) и I – первой половины II в. (группа 4). Разумеется, предлагаемый вариант хронологического деления не исключает возможной корректировки его новыми материалами.

Ключевые слова: археология, Прикамье, эпоха железа, Тарасовский могильник, пьяноборская культурно-историческая общность, чегандинская культура, ныргындинская стадия, хронология, корреляция, культурная стратиграфия.

Уникальность Тарасовского могильника состоит не только в том, что это пока самый крупный из исследованных финно-угорских могильников (1880 захоронений), но и в том, что на нем собран огромный вещевой материал (37683 предмета), накопившийся за полтысячелетия функционирования памятника. Эти предметы характеризуют многие стороны жизни удмуртов I–V вв.: уровень их цветной металлургии, железоделательного и керамического производств, социальную организацию и духовный мир, вооружение и военное дело (наступательное и защитное оружие, конская упряжь), контакты с ближними и дальними соседями (фибулы, бусы, раковины, некоторые виды вооружения), их представления о красоте костюма (украшения). Особенно важной является возможность разработки

на этом материале проблем датировки и хронологии археологического материала. Присутствие в этом огромном массиве изделий не только местного происхождения, но и привозных делает эту работу весьма перспективной.

В статье представлен результат попытки разработать хронологию могил ранней ныргындинской стадии Тарасовского могильника, датируемой I–II вв. н.э. (Голдина Р.Д., Сабиров, Сабирова, 2015, с. 5).

Вопросами датировки древностей Урало-Поволжья рубежа эр и начала I тыс. н.э. со времен А.А. Спицына (1901), М.Г. Худякова (1933), А.П. Смирнова (1949, 1952) ученые России занимались со значительными перерывами более 100 лет. Велик вклад в разработку этой проблемы В.Ф. Генинга, который выделил 4 стадии чегандин-

ских древностей III в. до н.э. – II в. н.э. (1970, с. 88–93). Б.Б. Агеев датировал материалы этого времени II в. до н.э. – III в. н.э., разделив на 2 стадии (конец II в. до н.э. – I в. н.э. и II–III вв. н.э.) и несколько скорректировал даты В.Ф. Генинга отдельных предметов. Однако его работа, содержащая огромный фактический материал, в значительной мере обесценена отсутствием указателя к таблицам вещей. Приведенный указатель к типологии не работает, поскольку не все типы четко обозначены и их не всегда можно сопоставить с изображениями на таблицах (Агеев, 1992).

Некоторые памятники рубежа эр (Юлдашевский, Охлебининский, Уяндык, Шиповский и др.) изучал А.Х. Пшеничнюк (1973, 1976, 1986, 1986а, 1993). Значительный интерес представляют исследования С.М. Васюткина на Ангасьякском, Ново-Сасыкульском, Старо-Кабановском могильниках (Васюткин, Калинин, 1986; Васюткин, 1980; Васюткин, Останина, 1986), Н.А. Мажитова и А.Х. Пшеничнюка – на Камышлы-Тамакском (1968), Б.Б. Агеева и Н.А. Мажитова – на III Кушулевском могильнике (1986). Важны для определения датировок древностей первых веков н.э. результаты исследований комплекса могильников в Среднем Поволжье – Андреевского, Староардатовского, Писеральского, Клишкинского, Пильнинского (Степанов, 1980; Халиков, 1962, 1987; Вихляев, 1999, 2000; Архипов, Шадрин, 1995; Зубов, Михеев, 2006; Гришаков, Зубов, 2009; Зубов, Лифанов, Радюш, 2011).

Оценивая в целом состояние разработки хронологии древностей первых веков н.э. Среднего Прикамья и бассейна р. Белой, следует признать,

что, несмотря на значительные полевые работы на памятниках этого времени в последние десятилетия и полученный выразительный материал, пока не создана его хронологическая шкала хотя бы с точностью до столетия. Выделенные стадии, группы, этапы не имеют четкого набора вещей, временные границы их расплывчаты и широки (от 2 до 4-х столетий). Пожалуй, только В.Ф. Генинг, опубликовавший почти 50 лет назад свою хронологическую схему, попытался решить эту проблему. Все, что было создано после его работ, отнюдь не продвинуло ее решение. Поэтому с получением нового источника – богатейшего Тарасовского могильника – появилась возможность представить новый, уточненный вариант развития материальной культуры этого региона изучаемого времени.

На рубеже II–III вв. в этом крае, как и в целом в Восточной Европе, произошла общеизвестная смена моды на поясную garnитуру: вместо застежек с неподвижным крючком стали применяться различные варианты пряжек. Этот процесс в западных и юго-западных областях Европы начался несколько раньше, чем в Прикамье. Смена поясной garnитуры происходила постепенно, но именно в начале III в. этот процесс завершился – застежки с крючком в Прикамье исчезли. Нам представляется целесообразным анализировать могилы более ранние (I–II вв. – ныргындинский этап) отдельно от более поздних (III–V вв. – мазунинский этап), имея в виду при этом их тесную связь, обусловленную непрерывным развитием материальной культуры одного населения.

В результате визуального анализа сопровождающего инвентаря и плани-

графии могил выяснилось, что к ранней ныргындинской стадии (I–II вв.) относятся 495 могил, к поздней мазунинской (III–V вв.) – 870 (табл. А). Одно захоронение (№ 522) совершено в предшествующее ананьинское время. Дата 514 погребений вследствие отсутствия или невыразительности инвентаря не определена.

Для дальнейшей работы использован метод культурной стратиграфии, который впервые в российской археологии разработал и применил в 1926 г. при анализе материалов рязано-окских могильников П.П. Ефименко (1926). С легкой руки М.Б. Щукина считается, что автором этого метода является П. Рейнеке, якобы использовавший его при разработке хронологии латенской культуры (Бажан, Еременко, 1992, с. 14–21; Еременко, 1997, с. 79–81; Берлизов, 2011, с. 142 и др.). Заслуга П. Рейнеке состояла в том, что он при определении дат стал оперировать не отдельными вещами, а их комбинациями в закрытых комплексах, но корреляционных таблиц П. Рейнеке не знал и не составлял, «во всяком случае в работах нет ни самих таблиц, ни ссылок на них» (Щукин, 1994, с. 36, 38).

Метод культурной стратиграфии в археологии разработал и впервые применил выдающийся отечественный ученый П.П. Ефименко (1884–1969). Он снискал себе славу в русской археологии, прежде всего, как крупнейший палеолитовед: им исследован эталонный памятник отечественного палеолита Костенки I, разработана новая методика изучения палеолитических поселений, он стоял у истоков русской палеотрасологии, создал школу русского палеолитоведения, написал фундаментальный труд

«Первобытное общество» и множество других основополагающих работ в области изучения эпохи камня. О широком диапазоне его научных интересов свидетельствует и обращение П.П. Ефименко к материалам рязано-окских могильников первой половины I тыс. н.э., казалось бы, совершенно далеких от первобытности. На эту тему им написаны две известные нам серьезные работы (1926, 1937). Особый интерес представляет первая статья – «Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа», в которой он опубликовал свой метод выделения хронологических групп погребений по сочетанию в них вещей одинаковых типов. П.П. Ефименко анализировал материалы богатейших могильников на р. Оке – Кузьминского, Борковского, Кошибеевского и др. Выделенные группы он считал и доказал это – разновременными. Особо следует подчеркнуть, что П.П. Ефименко анализировал мужские и женские погребения отдельно, предполагая их значительные различия. Работа сопровождается примерами корреляционных таблиц (I–IV) и рисунками выделенных хронологических групп (рис. 1–6). П.П. Ефименко превосходно знал европейскую литературу, в частности, труды О. Монтелиуса, С. Мюллера, О. Тышлера, Э. Блюме и др. (1926, с. 66). Таким образом, следует восстановить историческую справедливость и считать культурно-стратиграфический или корреляционный метод не «методом П. Рейнеке», а методом П.П. Ефименко.

В 1950-х гг. метод культурной стратиграфии применил В.Ф. Генинг при разработке хронологии материалов чегандинской культуры. В 1959 г.

Таблица А

I – ныргындинская стадия (I–II вв. н.э.)	II – мазунинская стадия (III–V вв. н.э.)
73, 97, 115, 145, 216, 287, 443, 444, 489, 589, 603, 606, 608, 610, 611, 628, 633, 634, 635, 643, 644, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 672, 683, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 733, 768, 769, 770, 771, 773, 852, 887, 921, 977, 1040, 1042, 1046, 1049, 1050, 1051, 1053, 1056, 1057, 1058, 1059, 1060, 1061, 1062, 1065, 1067, 1068, 1070, 1071, 1074, 1075, 1079, 1082, 1083, 1084, 1085, 1086, 1088, 1090, 1091, 1093, 1094, 1096, 1098, 1099, 1100, 1104, 1107, 1108, 1113, 1115, 1116, 1117, 1118, 1119, 1120, 1121, 1124, 1125, 1126, 1127, 1130, 1131, 1132, 1133, 1134, 1136, 1137, 1138, 1139, 1140, 1144, 1145, 1147, 1148, 1149, 1152, 1153, 1154, 1155, 1156, 1157, 1158, 1159, 1160, 1161, 1162, 1163, 1164, 1165, 1166, 1167, 1168, 1169, 1170, 1173, 1174, 1176, 1177, 1178, 1179, 1180, 1181, 1182, 1184, 1185, 1186, 1187, 1188, 1189, 1192, 1193, 1194, 1197, 1198, 1199, 1200, 1201, 1202, 1207, 1208, 1209, 1210, 1211, 1212, 1214, 1215, 1219, 1220, 1221, 1223, 1224, 1226, 1227, 1228, 1229, 1232, 1233, 1234, 1236, 1237, 1238, 1239, 1241, 1242, 1243, 1245, 1247, 1248, 1249, 1250, 1251, 1252, 1253, 1257, 1258, 1263, 1264, 1265, 1267, 1273, 1274, 1275, 1276, 1277, 1278, 1279, 1281, 1286, 1289, 1291, 1292, 1293, 1294, 1295, 1296, 1297, 1298, 1300, 1301, 1302, 1303, 1304, 1305, 1306, 1307, 1308, 1309, 1310, 1311, 1313, 1314, 1315, 1316, 1317, 1318, 1319, 1320, 1321, 1323, 1325, 1326, 1327, 1330, 1331, 1332, 1333, 1334, 1335, 1336, 1337, 1338, 1344, 1347, 1348, 1349, 1350, 1351, 1352, 1353, 1354, 1355, 1357, 1359, 1362, 1363, 1364, 1365, 1368, 1369, 1370, 1371, 1372, 1373, 1374, 1375, 1376, 1377, 1378, 1380, 1381, 1382, 1383, 1384, 1385, 1388, 1389, 1390, 1391, 1392, 1393, 1394, 1395, 1396, 1398, 1399, 1400, 1401, 1402, 1407, 1414, 1415, 1416, 1417, 1418, 1419, 1420, 1423, 1424, 1425, 1426, 1427, 1428, 1430, 1431, 1432, 1433, 1434, 1435, 1436, 1437, 1438, 1439, 1440, 1441, 1442, 1443, 1444, 1445, 1447, 1448, 1450, 1451, 1452, 1454, 1455, 1456, 1458, 1459, 1460, 1461, 1462, 1464, 1465, 1467, 1469, 1470, 1471, 1472, 1473, 1475, 1476, 1479, 1480, 1481, 1482, 1483, 1484, 1485, 1486, 1488, 1489, 1490, 1491, 1492, 1494, 1495, 1497, 1498, 1500, 1502, 1503, 1504, 1505, 1506, 1507, 1508, 1509, 1510, 1511, 1514, 1515, 1519, 1520, 1521, 1522, 1524, 1526, 1528, 1552, 1554, 1555, 1556, 1557, 1558, 1559, 1560, 1562, 1563, 1565, 1566, 1567, 1568, 1572, 1573, 1574, 1575, 1576, 1577, 1578, 1581, 1582, 1588, 1589, 1591, 1592, 1593, 1594, 1596, 1599, 1601, 1602, 1603, 1604, 1606, 1607, 1608, 1609, 1610, 1612, 1613, 1614, 1615, 1616, 1617, 1618, 1619, 1620, 1621, 1622, 1623, 1624, 1625, 1627, 1628, 1629, 1630, 1631, 1634, 1635, 1636, 1637, 1639, 1640, 1643, 1645, 1646, 1647, 1648, 1649, 1654, 1655, 1656, 1657, 1659, 1660, 1662, 1663, 1667, 1670, 1671, 1672, 1673, 1857, 1858, 1860, 1861, 1862, 1865, 1869, 1870, 1871, 1872, 1874, 1875, 1877, 1878	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 79, 80, 81, 82, 83, 85, 87, 88, 89, 91, 92, 93, 95, 98, 100, 101, 102, 103, 106, 107, 108, 109, 111, 112, 113, 116, 117, 118, 120, 121, 122, 123, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 143, 144, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 159, 160, 161, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 173, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 251, 252, 254, 256, 257, 259, 261, 262, 263, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 273, 274, 276, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 288, 290, 291, 292, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 324, 327, 328, 329, 330, 331, 333, 334, 335, 336, 338, 341, 342, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 352, 354, 356, 357, 358, 359, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 369, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 378, 379, 380, 381, 383, 384, 385, 387, 390, 391, 392, 393, 394, 398, 399, 400, 402, 405, 406, 408, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 429, 430, 431, 432, 433, 435, 436, 437, 438, 440, 441, 442, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 456, 457, 458, 459, 461, 462, 463, 464, 465, 468, 469, 470, 471, 474, 475, 476, 477, 478, 480, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 490, 491, 492, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 502, 504, 505, 507, 511, 512, 513, 515, 517, 518, 520, 521, 525, 526, 528, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 555, 557, 558, 559, 560, 561, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 576, 577, 578, 579, 580, 583, 584, 585, 586, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 605, 607, 612, 613, 615, 616, 618, 619, 620, 621, 622, 624, 625, 626, 627, 630, 631, 638, 639, 642, 645, 646, 647, 648, 650, 660, 671, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 693, 695, 696, 698, 699, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 712, 713, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 732, 734, 735, 736, 737, 738, 742, 743, 744, 747, 748, 750, 751, 753, 754, 756, 757, 758, 759, 761, 762, 763, 764, 765, 775, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 795, 798, 799, 801, 802, 804, 805, 806, 807, 810, 811, 813, 815, 817, 818, 823, 825, 826, 827, 828, 829, 831, 832, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 845, 846, 847, 848, 851, 853, 854, 855, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 870, 871, 872, 873, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 882, 884, 885, 886, 889, 890, 891, 892, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 902, 903, 904, 905, 906, 908, 909, 910, 911, 912, 914, 915, 917, 919, 922, 923, 924, 926, 928, 929, 930, 931, 937, 938, 939, 942, 943, 945, 946, 949, 951, 952, 953, 954, 955, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 979, 985, 986, 988, 989, 990, 992, 993, 995, 998, 999, 1000, 1004, 1005, 1006, 1009, 1010, 1011, 1012, 1015, 1018, 1019, 1023, 1027, 1028, 1029, 1030, 1031, 1032, 1033, 1034, 1035, 1037, 1038, 1039, 1041, 1080, 1081, 1342, 1346, 1529, 1530, 1531, 1532, 1533, 1534, 1535, 1540, 1543, 1545, 1546, 1548, 1549, 1632, 1633, 1675, 1676, 1678, 1679, 1680, 1681, 1682, 1683, 1685, 1687, 1689, 1690, 1691, 1692, 1693, 1694, 1695, 1696, 1697, 1698, 1699, 1702, 1703, 1704, 1705, 1708, 1709, 1710, 1711, 1713, 1714, 1716, 1717, 1718, 1720, 1721, 1723, 1724, 1727, 1728, 1729, 1731, 1732, 1734, 1735, 1736, 1737, 1739, 1740, 1741, 1742, 1743, 1745, 1746, 1747, 1749, 1750, 1754, 1757, 1759, 1760, 1762, 1763, 1766, 1767, 1768, 1771, 1772, 1773, 1774, 1775, 1776, 1777, 1779, 1781, 1782, 1783, 1784, 1785, 1786, 1787, 1788, 1789, 1791, 1792, 1793, 1794, 1795, 1798, 1799, 1800, 1802, 1803, 1806, 1808, 1811, 1812, 1814, 1815, 1818, 1822, 1823, 1824, 1825, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850
495	870
36,3%	63,7%

он защитил кандидатскую диссертацию, в которой описал его. Результаты были опубликованы в 1970 г. (Генинг, 1970). Корреляционный метод использовал также А.К. Амброс при разработке хронологии раннесредневековых древностей Евразии (1971а, б). В это же время с помощью метода культурной стратиграфии получила первые результаты хронологического деления верхнекамских материалов Р.Д. Голдина (1970, 1979). Одновременно стали применять корреляцию и зарубежные коллеги: Р. Хахманн (1961), Ф. Волонгевич (1970), Й. Буйна (1982), Т. Домбровская (1988) и др. (по Шукину, 1994, с. 45).

Сейчас метод П.П. Ефименко с разной степенью результативности не использует разве что ленивый. Правда, далеко не всеми он доведен до логического конца. Часто типы предметов занесены в таблицу, но не выстроены системно. Этот метод является одним из действенных способов разработки относительной хронологии погребальных комплексов, позволяя в значительной мере приблизиться к определению и абсолютных дат. С помощью именно метода культурной стратиграфии А.И. Айбабин выделил основные хронологические этапы развития могильников Крыма поздне-неримского времени и эпохи средневековья (1984, с. 104–122). Примером успешного применения этого метода являются исследования О.А. Гей и И.А. Бажана по хронологии эпохи «готских походов» на территории Восточной Европы и Кавказа (1997), В.Е. Еременко – хронологии могильников зарубинецкой культуры (1997) и т.д. Археологи Ижевска успешно использовали метод культурной стратиграфии при анализе материалов мо-

гильников Прикамья – Агафоновских, Неволинского, Верх-Саинского, Тураевского I, многочисленных некрополей I тыс. н.э. Вятского бассейна и др. (Голдина Р.Д., Королева, 1983; Голдина Р.Д., Ютина, 1987; Голдина Е.В., 2010, с. 48–64; Голдина Р.Д., Бернц, 2010, с. 141–147; Голдина Р.Д., 2012; Голдина Р.Д., Перевозчикова, 2012; Лещинская, 1995; она же, 2014, с. 165–207). Систематическое использование этого метода позволяет убедиться в его действенности, помогает и усовершенствовать методику использования и вселяет уверенность в относительной справедливости выводов, полученных с его помощью. Однако следует учитывать, что на разных по численности выборках метод может дать и разные результаты. На формирование стабильных групп встречающихся вещей могут оказывать влияние не известные исследователям факторы: использование предметов длительного бытования, особая популярность у населения некоторых вещей, длительный повышенный спрос на них, состояние и эволюция базы для производства изделий и многие другие. Идеальна для хронологической оценки разработка корреляционных таблиц для могильников длительного, а также короткого диапазонов, их сопоставление и корректировка развития типов вещей по времени. При этом будут более точно обозначены границы функционирования типов, прерывность в их развитии (если она есть), апогей их использования. Только многократное наблюдение над материалом разных памятников и повторение результатов может дать уверенность в их правильности.

Корреляция вещей ранней стадии Тарасово была выполнена отдельно

для мужских (37 комплексов) и женских (102) захоронений. В случае плохой сохранности костей, но при выразительном инвентаре в графах «пол» и «возраст» поставлен вопрос. Мужские погребения разделились на 2 самостоятельные группы и 1 смежную, вещи которой встречались в погребениях обеих основных групп (рис. 1). Первую хронологическую группу составили 20 захоронений: 1484, 1093, 685, 1125, 1170Б, 608, 1395, 1470, 1500, 1635, 1608, 1144, 1202, 1452, 1646, 1612, 1079, 1165, 1208, 1456А, ко второй отнесены 17 могил: 1315А, Б, 1186, 1306, 1365, 1233, 672, 1326, 610, 692, 733А, 1309, 1420, 1375, 1317, 1291, 1568, 1307.

Первая группа представлена 19 типами вещей. Среди них – бронзовые поясные крючки, конец одного из них украшен треугольником из трех спиралей (рис. 2: 1), другой – в виде полового стержня с «крыльями» (рис. 3: 11); несколько вариантов застежек с неподвижным крючком (ЗНК): округлые кольцевидные без орнамента (рис. 2: 5), такие же с насечками по кольцу (рис. 2: 8); овально-рамчатые простые (рис. 2: 9) и с перекладиной посередине (рис. 3: 14); пластинчатые (рис. 2: 2 и 1: 7), вытянутая с кружковым орнаментом посередине и обоймой (рис. 3: 17); подобная с двумя ушками (рис. 2: 6); различные типы бронзовых одинарных ножен конической или близкой к ней формы без орнамента (рис. 2: 3) и с орнаментом (рис. 3: 10), а также двучастные ножны (рис. 2: 4); короткие трехлопастные железные наконечники стрел (рис. 3: 12); железные колчаные крючки с волотообразным концом или круглым отверстием (рис. 3: 13); ромбические бронзовые накладки с ушком (рис. 3:

15); бронзовые плоские бляшки средних размеров (рис. 3: 16); крупные выпуклые бляхи (рис. 3: 18) и плоские круглые без орнамента сюльгамы (рис. 3: 19).

Своеобразие первой группе придают поясные крючки (рис. 2: 1; 3: 11). Подобные изделия в зооморфном стиле хорошо известны в Прикамье в ананьинское время. Ст.А. Васильев учел 20 подобных крючков, выполненных из бронзы, железа и кости (2002, с. 75–82). Бронзовые крючки служили, скорее всего, для скрепления пояса. От этих предметов, по-видимому, в последующем развились различные варианты застежек с неподвижным крючком, в том числе эполетообразных. Ранняя группа мужских захоронений Тарасово отличается сочетанием разнообразных застежек с неподвижным крючком и поясных крючков ананьинского типа. Аналогии крючку с тремя спиральями нам не известны, полый крючок с тремя вздутиями и «крылышками», напоминающий стрекозу, подобен крючку из Биктимировского I могильника III в. до н.э. (Воробьева, 2012, с. 108–109, рис. 35: 23).

Железные, скорее всего, колчаные, крючки хорошо известны в Волго-Уральском регионе у сармат в VII–I вв. до н.э. (Мышкин, 2010). Известна аналогичная тарасовскому экземпляру с концом в виде двух расходящихся волот (рис. 3: 13) находка из могил IV–III вв. до н.э. Охлебининского и Шиповского грунтового могильников в Башкирии (Воробьева, 2012, с. 109, рис. 36: 4).

Железный трехлопастной наконечник стрелы с треугольной головкой и коротким черешком из погребения 1646 Тарасово (рис. 3: 12) вполне со-

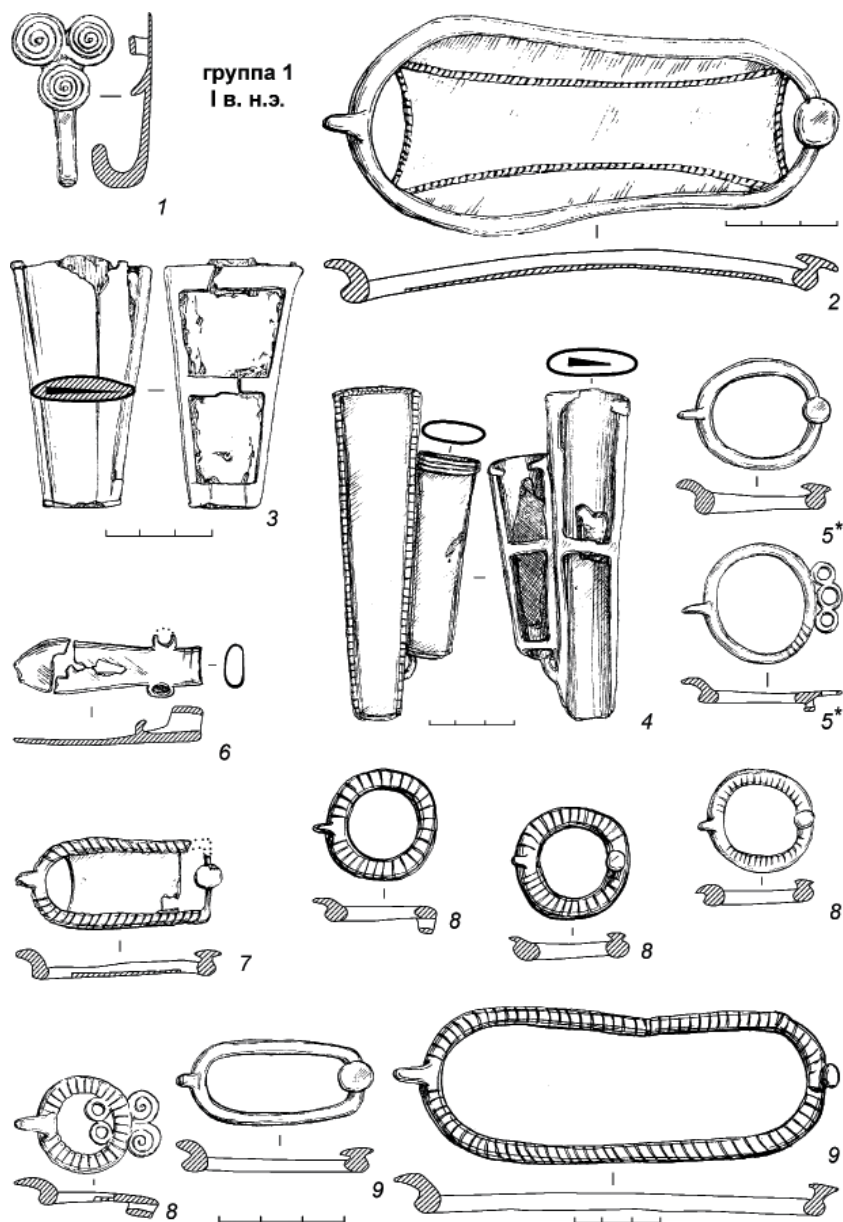

Рис. 2. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 1 (I в. н.э.).
1 – поясной крючок; 2, 5–9 – застёжки с неподвижным крючком; 3, 4 – ножны. 1, 2, 5–9 – бронза; 3 – бронза, железо; 4 – бронза, ткань, железо.

* Повторение номера изображения означает принадлежность к одному типу. Нумерация на рис. 2–5 сплошная и соответствует номерам изображений на рис. 1.

Fig. 2. Tarasovo burial ground. Items from male burials of group 1 (1st century AD) – belt hook; 2, 5–9 – clasps with fixed hook; 3, 4 – sheath.

1, 2, 5–9 – bronze; 3 – bronze, iron; 4 – bronze, textile, iron.

* Repeated numbering means attribution to the same type. Numbering on fig. 2–5 is continuous and corresponds to numbers of images on fig. 1.

поставим с сарматскими наконечниками рубежа эр (Хазанов, 1971, табл. XIX: 22, 23). Замена небольших наконечников на более крупные у сармат, на Кавказе и в Средней Азии произошла, по-видимому, во II в. н.э. (он же, с. 37–40). А.С. Скрипкин датирует их I – второй половиной II в. н.э. (1990, рис. 50: 11.4, 11.7). Подобные предметы составляют группу из наконечников Андреевского I кургана и 67 из них (всего 70) найдены при костяках 1, 2 и 3 кургана 25, относимых В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым к I в. н.э. (2009, с. 45, рис. 29, корреляция).

Двучастные ножны в виде соединенных разновеликих конусов (рис. 2: 4), использовавшиеся одновременно для ножей и шильев, были найдены в погребении 4 Андреевского I кургана и отнесены В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым к 3 группе могил, датированной рубежом I–II вв. н.э. (2009, с. 51–52, рис. 27: 4). Аналогичные ножны происходят также из погребения 259 Ново-Сасыкульского могильника I–II вв. на правом берегу р. Ик (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 15: 22). Конусовидные широкие ножны без орнамента (рис. 2: 3) известны в Удмуртском Прикамье (Генинг, 1970, табл. X: 15) и Юлдашевском могильнике III в. до н.э. – I в. н.э. в низовьях р. Белой (Пшеничнюк, 1986, рис. 4: 19). По мнению В.Ф. Генинга, они встречались в I в. н.э. на стадии В (1970, с. 83). Ножны в виде подпрямоугольных футляров с орнаментом в виде елочки или коротких горизонтальных полос выявлены также в погребении 26 могильника Чеганда II (Генинг, 1970, табл. XI: 7¹). Близкие по форме ножны обна-

ружены в могилах 122 и 173 III Кушувского могильника I в. до н.э. – III в. н.э. в Башкирии (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 12: 4, 6).

Более многочисленны конические ножны, украшенные поперечными или продольными, часто рифлеными поясками (рис. 3: 10). В.Ф. Генинг считал, что они появились в I в. до н.э. (1970, с. 83, табл. X: 17). В могиле 1 кургана 25 Андреевского I кургана середины I в. н.э. один короткий экземпляр найден на конце палаша как оформление нижней части ножен (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 26: 4, 10). В Тарасовском могильнике из 26 случаев находок мечей в погребениях ножны найдены лишь в 2 захоронениях (608 и 733Б), однако в обеих могилах в этих ножнах зафиксированы остатки ножей. Очевидно, ножны такого типа здесь использовались именно как футляры для ножей. Такие ножны хорошо известны в материалах Ново-Сасыкульского² (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 15: 23), а также Юлдашевского (Пшеничнюк, 1986, рис. 4: 18) могильников. Они найдены и на правом берегу р. Камы: на могильниках Ныргында I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 224: 1–4), Ныргында II и Чеганда II (Генинг, 1970, табл. X: 17), а также Икском II в. до н.э. – I в. н.э., расположенном в окрестностях Тураевского I могильника (Арматынская, 1988, рис. 4: 17). А.А. Красноперовым составлена солидная сводка близких по форме бронзовых и железных ножен из памятников Крымской Скифии II–I вв. до н.э., а также Прутско-Днестровского междуречья I в. до н.э. (2014,

¹ Указатель к таблицам вещей I–XXX (В.Ф. Генинг, 1970) находится в книге: В.Ф. Генинг, 1971, с. 147–158.

² Для уже упомянутых памятников даты повторно не приводятся.

с. 344, рис. 6: 3–24). Появление таких ножен на Средней Каме в I в. н.э. вполне закономерно.

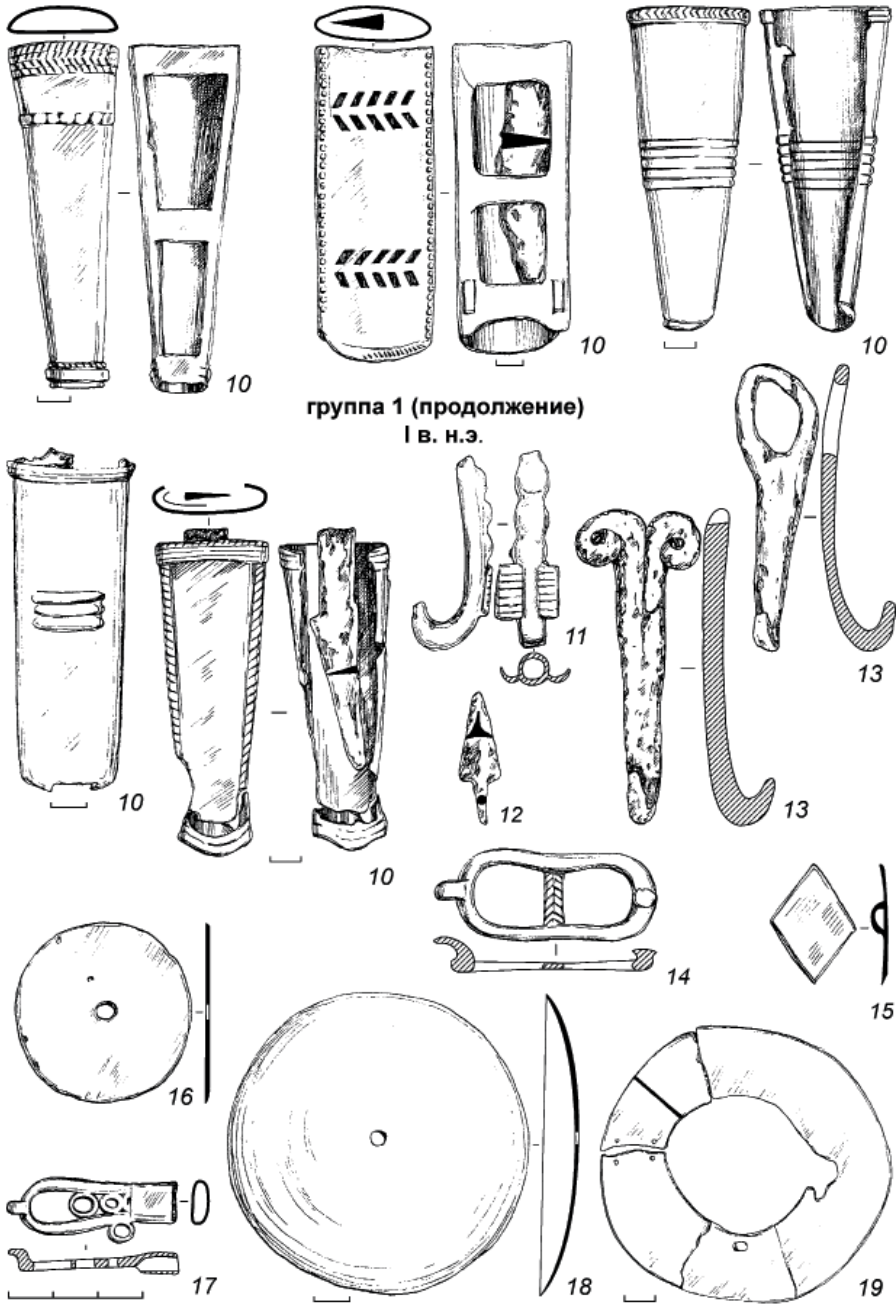
Большинство вариантов ЗНК этой группы (рис. 2: 5, 7–9; 3: 14) хорошо известны в захоронениях могильников северо-запада Башкирии и Удмуртского Прикамья: Ново-Сасыкульского (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 12: 1, 6, 8, 26; 13: 9), Юлдашевского (Пшеничнюк, 1986, рис. 3: 12, 22; 12: 20), III Кушулевского (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 9: 1; 11: 6, 7), погребений III–I вв. до н.э. Уяндык (Пшеничнюк, 1986а, с. 42, рис. 6: 7), Биктимировского I (Воробьева, 2012, рис. 29: 6), могил II–III вв. Охлебининского (Пшеничнюк, 1993, с. 39, рис. 5: 9), Ныргында I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 210: 1, 2, 17, 18), Чеганда II (Генинг, 1970, табл. VII: 9; VIII: 1, 2), Пьяноборского (там же, табл. XX: 6), Муновского (там же, табл. XXI: 10), Ныргында II (там же, табл. XX: 3, 4). Перечисленные типы, по мнению В.Ф. Генинга, сложились в Среднем Прикамье в I в. до н.э. и использовались на протяжении I и II вв. н.э. (1970, с. 46, рис. 20: 37, 38, 39, 41, 77).

Из 10 могил ранней группы происходят ромбические накладки с ушком на оборотной стороне (рис. 3: 15). Они появились в Прикамье в ананьинское время (Ананьинский могильник) и использовались в пьяноборское, начиная с III–II вв. до н.э. (Генинг, 1970, рис. 20: 13, 34). Накладки такого типа встречались в чегандинских памятниках Башкирии: Юлдашевском (Пшеничнюк, 1986, рис. 6: 21), III Кушулевском (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 9: 2; 10: 8), Ново-Сасыкульском (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 7: 26, 27). В Тарасово они попадают в группу I в. н.э. На правом берегу Камы они обна-

ружены в могильниках Ныргында I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 193: 9, 13), Ныргында II (Журавлева, 2014, рис. 5: 4). Н.А. Лещинская по материалам могильников Вятского бассейна: Первомайского, Тюм-Тюм – относит их к концу IV – V в. Но экземпляры V в., в отличие от чегандинских, всегда имели другое крепление – не петель, а штифтом. Особо популярны накладки подобного вида были у населения Башкирии, начиная с V в. (Старо-Муштинский могильник – Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, рис. 65: 1) и до VI–VII вв. (Бирский могильник), представляя, по мнению В.Б. Ковалевской, преобладающий тип накладок этого времени (Ковалевская, 2000, с. 149, рис. XII: 26, 27). По наблюдениям В.А. Бернц, накладки такого типа использовались как для украшения одежды, так и головных уборов, нагрудников, конской сбруи и особенно поясов (Бернц, 2014, с. 288–290).

Простые сюльгамы, выполненные из круглых бронзовых пластин с бронзовой или железной иглой (рис. 3: 19) принадлежат к наиболее ранним. В.Ф. Генинг относил их по находке в погребении 13 могильника Ныргында II к стадии В – I в. н.э. (1970, рис. 20: 70), Н.А. Лещинская – по погребению 28 Ошкинского могильника – к концу I – II в. (2014, табл. 81: 16).

Крупные, диаметром 7–15 см, бляхи (рис. 3: 18) имели гладкую выпуклую поверхность с отверстием по центру для крепления, цвет от серебристого до золотистого, часто хорошо полированные, выполнены из высокооловянистой бронзы. В.Ф. Генинг считал, что они, появившись в I в. н.э., использовались и во II (1970, с. 35, рис. 20: 69). Одна из ранних полиро-

группа 1 (продолжение)
I в. н.э.

Рис. 3. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 1 (I в. н.э.). 10 – ножны; 11 – поясной крючок; 12 – наконечник стрелы; 13 – колчаные крючки; 14, 17 – застёжки с неподвижным крючком; 15 – накладка; 16 – бляшка; 18 – бляха; 19 – сьюлгама. 10 – бронза, в некоторых случаях железо; 11, 14–19 – бронза; 12, 13 – железо.

Fig. 3. Tarasovo burial ground. Items from male burials of group 1 (1st century AD). 10 – sheath; 11 – belt hook; 12 – arrow head; 13 – quiver hooks; 14, 17 – clasps with fixed hook; 15 – onlay; 16 – plaque; 18 – badge; 19 – syulgam; 10 – bronze, in some cases – iron; 11, 14–19 – bronze; 12, 13 – iron.

ванных блях обнаружена в погребении 11 Кипчаковского I могильника II–I вв. до н.э. в низовьях р. Белой (Зубов, 2007, с. 86, рис. 10: 1). Они известны и в чегандинских памятниках на северо-западе Башкирии: Якимовском I городище (Генинг, 1971, с. 136), III Кушулевском могильнике (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 7: 9), Ново-Сасыкульском (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 7: 22). В кара-абызском Охлебининском могильнике крупные бляхи обнаружены в могилах II в. до н.э. – II в. н.э. (Пшеничнюк, 1993, рис. 9: 13; 16: 26, 27), атакже в могилах II–III вв. н.э. (там же, рис. 18: 10; 19: 16). Представляется важным присутствию таких блях в целой группе курганных могильников левобережья Волги: Писеральском (Халиков, 1962, табл. XXIII: 1), Климкинском (Архипов, Шадрин, 1995, с. 116, рис. 10: 9; Зубов, Михеев, 2006, рис. 7: 2) и захоронениях I в. н.э. Андреевского I (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 21: 4, 7).

На чегандинских памятниках правобережья р. Камы эти предметы особенно многочисленны: на Пьяноборском, Нырғынде I (26 экз., Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 204; 205; 206: 1, 2), Нырғынде II (22 экз., Журавлева, Генинг, 1989, табл. VII: 12, 14), Чеганде II, Тарасово (10 экз.). Датировка I–II вв. подтверждается и находкой 5 больших круглых блях в составе Ахтиальского клада, датированного А.М. Волкович на основании римских чаши и ковша концом I – началом II в. (1941, с. 219–236), В.В. Кропоткиным – первой половиной II в. (1970, с. 94, № 809).

В эту же группу попадают плоские бляшки средних размеров (рис. 3: 16), диаметром 1,8–6,5 см с отверстием посередине, выполненные, как и пред-

шествующие, из высокооловянистой бронзы (Голдина Р.Д., Перевошиков, Сабирова, 2012, с. 342). Они хорошо известны на памятниках правобережья Средней Камы – Пьяноборском, Чеганде II, Нырғынде II (Генинг, 1971, табл. III: 14, 17), Нырғынде I (23 экз., Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 202: 9, 10, 15–24, 29; 203: 27–36), на левобережье – в грунтовых могилах I–III вв. н.э. Шиповского комплекса (Пшеничнюк, 1976, рис. 25: 32, 33; 29: 17, 18), могильнике Уяндык (Пшеничнюк, 1986а, рис. 6: 18), Красноярском некрополе (Казанцева, 2012, рис. 18: 3) и др. Среди вещей этой группы интересны вытянутые застёжки с обоймой (рис. 2: 6; 3: 17), принадлежащие, очевидно, к одному из ранних вариантов застёжек такого типа.

Судя по многочисленным аналогиям анализируемым вещам в прикамских материалах, диапазон их функционирования весьма широк: от III в. до н.э. – до III в. н.э. Это происходит отнюдь не от длительного срока использования вещей, а от системы датировок памятников, широко распространенной до недавнего времени, когда исследователи стремились захватить при датировке максимальные рубежи. При этом возникала парадоксальная ситуация: датировки разных исследователей существенно различались. Например, погребения на могильнике Уяндык на смежных раскопах, давших близкий материал, датированы В.Ф. Генингом концом II – началом III в. н.э. (1971, с. 126–131), а А.Х. Пшеничнюком – III–I вв. до н.э. (1986а, с. 42). Поэтому широкие датировки в пределах нескольких столетий в дальнейшем заслуживают пристального внимания в плане их корректировки.

Для датировки I группы мужских могил Тарасово важно сочетание в комплексах поясных уже вырождающихся крючков ананьинского типа и появившихся им на смену застежек с неподвижным крючком, которые в массе и различных вариантах обнаружены в могилах I–II вв. н.э. Особое значение имеет наличие в этой группе представительной серии вещей, аналогичных древностям Андреевского I кургана I в. н.э.: бронзовых двучастных и одинарных конических ножен для ножей и шильев, железных трехлопастных маленьких наконечников стрел с коротким черешком, а также плоских бляшек среднего размера и других вещей. Перечисленные обстоятельства позволяют в целом датировать группу I мужских захоронений Тарасово I в. н.э.

Сопоставление вещей из мужских и женских захоронений показывает, что некоторые типы вещей, появившись в I в. н.э., продолжали использоваться и позже, хотя они не отложились по не известным нам причинам в более поздних мужских. Таковы крупные выпуклые полированные бляхи (рис. 3: 18), плоские бляшки средних размеров (рис. 3: 16) и простые круглые сьюльгамы из плоских дисков без украшений (рис. 3: 19). Следует отметить и то обстоятельство, что инвентарь мужских захоронений, вследствие своей скудости, менее благоприятен для хронологического анализа, нежели женских.

Вторую группу мужских захоронений ныргындинской стадии представляют 11 типов вещей. Среди них – довольно редкая кольцевидная застежка с крючком, обоймой и X-образным орнаментом (рис. 4: 20). Подобная чегандинская застежка выявлена только

в Пьяноборском могильнике (Генинг, 1971, табл. XX: 8). К ним же относятся и бронзовая круглая сьюльгама из дрота округлого сечения с волютообразными украшениями в основании (рис. 4: 27). Аналогичные вещи хорошо известны на памятниках чегандинского круга: Ныргынде II, Пьяноборском (Генинг, 1971, табл. XX: 15; Генинг, Журавлева, 1989, табл. XII: 14–18), Ныргынде I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, рис. 213: 10, 12), Ново-Сасыкуле (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 14: 8). В.Ф. Генинг датировал их II в. н.э. (1970, рис. 20: 82).

Ажурная круглая пластинчатая сьюльгама (рис. 4: 23) была обнаружена в могильнике Чеганда II и датирована В.Ф. Генингом, как и все сьюльгамы, I–II вв. (1970, табл. VI: 2). Близкие ей известны также из Ныргындинского I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 213: 3), Ново-Сасыкульского (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 14: 15) и Юлдашевского (Пшеничнюк, 1986, рис. 3: 5) некрополей.

На чегандинских памятниках многочисленны пронизки в виде полутрубочек. Они могут быть одночастными (рис. 4: 25, 25а), двучастными (рис. 4: 26) или многочастными (рис. 4: 22). Реже всего встречаются одночастные. Кроме Тарасово, они известны только в Ныргынде I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 218: 1–12). Но второй вариант одночастных пронизок (рис. 4: 25а) – один из характернейших предметов кара-абызской культуры, который зафиксирован в Шиповском могильнике (грунтовая часть) (Пшеничнюк, 1976, рис. 25: 8; 28: 4, 5 и др.), Юлдашевском (он же, 1986, рис. 4: 13; 10: 17; 11: 19), Кушулевском III (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 8: 9) и других.

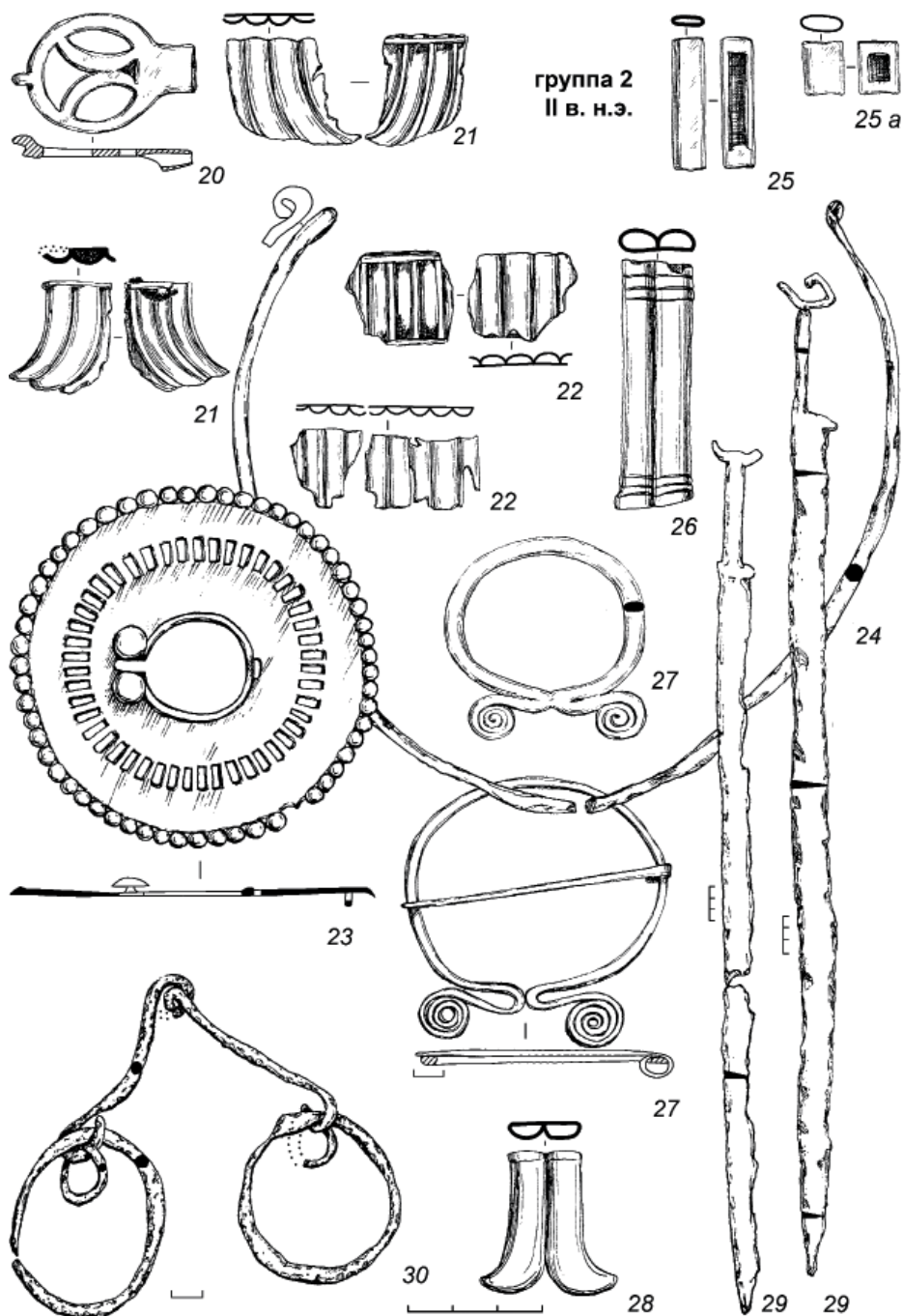

Рис. 4. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 2 (II в. н.э.).

20 – застежка с неподвижным крючком; 21, 22, 25, 25а, 26, 28 – пронизки;
23, 27 – сьюльгамы; 24 – гривна; 29 – палаши; 30 – удила. 20-23, 25-28 – бронза;
24, 29, 30 – железо.

Fig. 4. Tarasovo burial ground. Items from male burials of group 2 (2nd century AD). 20 – clasp with fixed hook; 21, 22, 25, 25a, 26, 28 – beads; 23, 27 – syulgams; 24 – grivna; 29 – broadswords; 30 – bits. 20-23; 25-28 – bronze; 24, 29, 30 – iron.

Наиболее популярны были дву-частные пронизки-трубочки (рис. 4: 26), которые найдены в могильниках Чеганда II, Пьяноборском I и II, кладках: Коростинском, Чегандинском I, Каракулинском, Трошковском, Исенбаевском (Генинг, 1971, табл. IV: 20), а также в могильниках Ныргында I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 218: 23), Ныргында II (Журавлева, Генинг, 1989, табл. VI: 10–12), Шиповском (Пшеничнюк, 1976, рис. 29: 22; Овсянников и др., 2007, рис. 35: 2, 3) и др. Многочастные пронизки-трубочки менее распространены: Коростинский клад, Пьяноборский I могильник, Чеганда II (Генинг, 1971, табл. IV: 18, XIX: 12), Ныргында II (Журавлева, Генинг, 1989, табл. VI: 16). В.Ф. Генинг относил все варианты этих изделий ко II в. н.э. (1970, рис. 20: 104).

К этому же времени – II в., по мнению В.Ф. Генинга, принадлежали и многочастные пронизки-сапожки (рис. 4: 21; Генинг, 1970, рис. 20: 103). Он знал их по находкам в Ныргынде II (Журавлева, Генинг, 1989, табл. VI: 18) и в Пьяноборском I могильнике (Генинг, 1971, табл. XIX: 13). Такие предметы встречались также во II в. (Генинг, 1970, рис. 20: 102) в Коростинском, Чегандинском I, Трошковском кладках, могильниках: Чеганда II, Пьяноборском (Генинг, 1971, табл. IX: 9), Ныргында I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 218: 26), Ныргында II (Журавлева, Генинг, 1989, табл. VI: 17), Икском (Ашихмина, Клюева, 1984, рис. 3: 19) и др. Несколько иной вариант исполнения, но вполне узнаваемый, выявлен в некрополях андреевско-писеральского круга: Андреевском I кургане (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 29: 2), Пильнинском I

могильнике (Зубов, Лифанов, Радюш, 2011, рис. 12: 6). Примечательно, что в Андреевском I кургане предметы такого облика появились уже в I в.

В составе этой группы имеются также железные удила с кольчатыми псалями, отличающиеся тем, что в качестве последних использовались два кольца: большое и малое (рис. 4: 30). Следует отметить, что не всегда оба кольца сохранялись полностью. Подобные удила отмечены в Юлдашевском могильнике в Башкирии (Пшеничнюк, 1986, рис. 5: 9).

Вторую группу ныргындинской стадии Тарасово составляют палаши из погребений 733А, 1291 и 1317 (рис. 4: 29). Они имеют общую длину 69–77,4 см, ширину клинка 3–3,2 см, длину рукояти 11–16 см, треугольное сечение, прямое короткое перекрестие и антенновидное навершие. По мнению специалистов, прикамские палаши (могильники Чеганда II, Ныргында II, Афонинский, Охлебнинский) синхронны западно-волжским (Андреевский, Кошибеевский, Сергачский, Писеральский, Пильнинский I, Климинский) (Зубов, 2007а; Зыков, 2011, с. 70–71) и датируются I–III вв. н.э. По данным корреляции Тарасово они достоверно использовались во II в., но, видимо, были распространены и в I в. В III в., скорее всего, они сменились мечами иных форм. По мнению А.П. Зыкова, палаши чегандинской культуры представляют собой древнейшие в Европе однолезвийные клинки, появившиеся задолго до прихода гуннов (Зыков, 2011, с. 71). В эту же группу входит также железная гривна с круглым сечением и загнутым в крючок концом (рис. 4: 24).

Таким образом, в соответствии с приведенными аналогиями предметы

второй группы ранней стадии Тарасово вполне можно отнести к II в. н.э. Однако следует учитывать, что некоторые из них: пронизки-трубочки одинарные и двучастные, железная гривна, пронизки-сапожки одинарные, застежка с крючком и обоймой и, возможно, другие – могли использоваться и в I в. н.э. Кроме того, вследствие скудости инвентаря мужских захоронений и распространенности в них вещей широкого диапазона, некоторые могилы трудно классифицировать по узким группам (например, погребение 1363 и др.).

В смежную группу (3), которая синхронна ранним и поздним захоронениям мужчин ныргындинской стадии Тарасово вошли костяные втульчатые наконечники стрел (рис. 5: 31). Такие наконечники представляют собой этнографическую особенность населения чегандинской культуры. Б.Б. Агеев насчитал их на известных ему могильниках этого типа около 900 экз. (1992, с. 45). Появившись во II–I вв. до н.э. (Кипчаково I; Зубов, 2007, рис. 8: 6), они были особенно популярны в I–II вв. н.э. и зафиксированы в большом числе на могильниках: Чеганда II (Генинг, 1971, табл. X: 2), Ныргында I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 227: 1–6), Юлдашевском (Пшеничнюк, 1986, рис. 9: 9, 10), Уяндык (он же, 1986а, рис. 7: 10–17), Кушулевском III (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 13: 10–13), Ново-Сасыкульском (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 15: 2), Камышлы-Тамакском (Мажитов, Пшеничнюк, 1968, рис. 7: 1–5), Шиповском (грунтовая часть) (Пшеничнюк, 1976, рис. 21: 14–16) и др. Костяные втульчатые наконечники в Среднем Прикамье существовали и в мазунинское время (Тарасово, погре-

бления 35, 266). На памятниках Вятского бассейна они неизвестны, немного их и в кара-абызской культуре (Пшеничнюк, 1973, с. 187). За пределами Прикамья А.Х. Пшеничнюк нашел им аналогии в памятниках I–III вв. на Северном Кавказе (там же, с. 175), Б.Б. Агеев отметил отдельные находки в Калиновских курганах IV–II вв. до н.э. и на Иволгинском городище в Сибири (Агеев, 1992, с. 45). Единичные экземпляры известны на хуннских памятниках Забайкалья и датированы II в. до н.э. – I в. н.э., а также на территории таштыкской культуры, где они отнесены Ю.С. Худяковым к I–II вв. н.э. (1986, рис. 7: 1–3, 14, 37: 1–3; 39). Крупные втульчатые наконечники происходят из могил II–III вв. н.э. Абатского 3 могильника саргатской культуры в Приишимье (Матвеева, 1994, с. 99, рис. 59: 2–4).

На протяжении всей ныргындинской стадии тарасовское население использовало мечи общей длиной 58–60 см, двулезвийные (в сечении уплощенный ромб или овал), с шириной клинка 3,2–4 см без навершия и перекрестия (рис. 5: 34). Такие мечи хорошо известны у сармат: тип 2 (I–II вв.) по А.М. Хазанову (1971, с. 17) и тип 8 (I в. н.э.) по А.С. Скрипкину (1990, с. 132, 168, рис. 49 – список 2).

В Тарасово многочисленны втульчатые наконечники копий (всего 110 экз., из 104 могил). Они встречались во многих мужских погребениях как в ранней (ныргындинской), так и поздней (мазунинской) группе. Наконечники сильно корродированы и типологически не всегда определимы. Наиболее распространены экземпляры с ромбическим или листовидным пером и наибольшим расширением в его нижней или средней части. Грани-

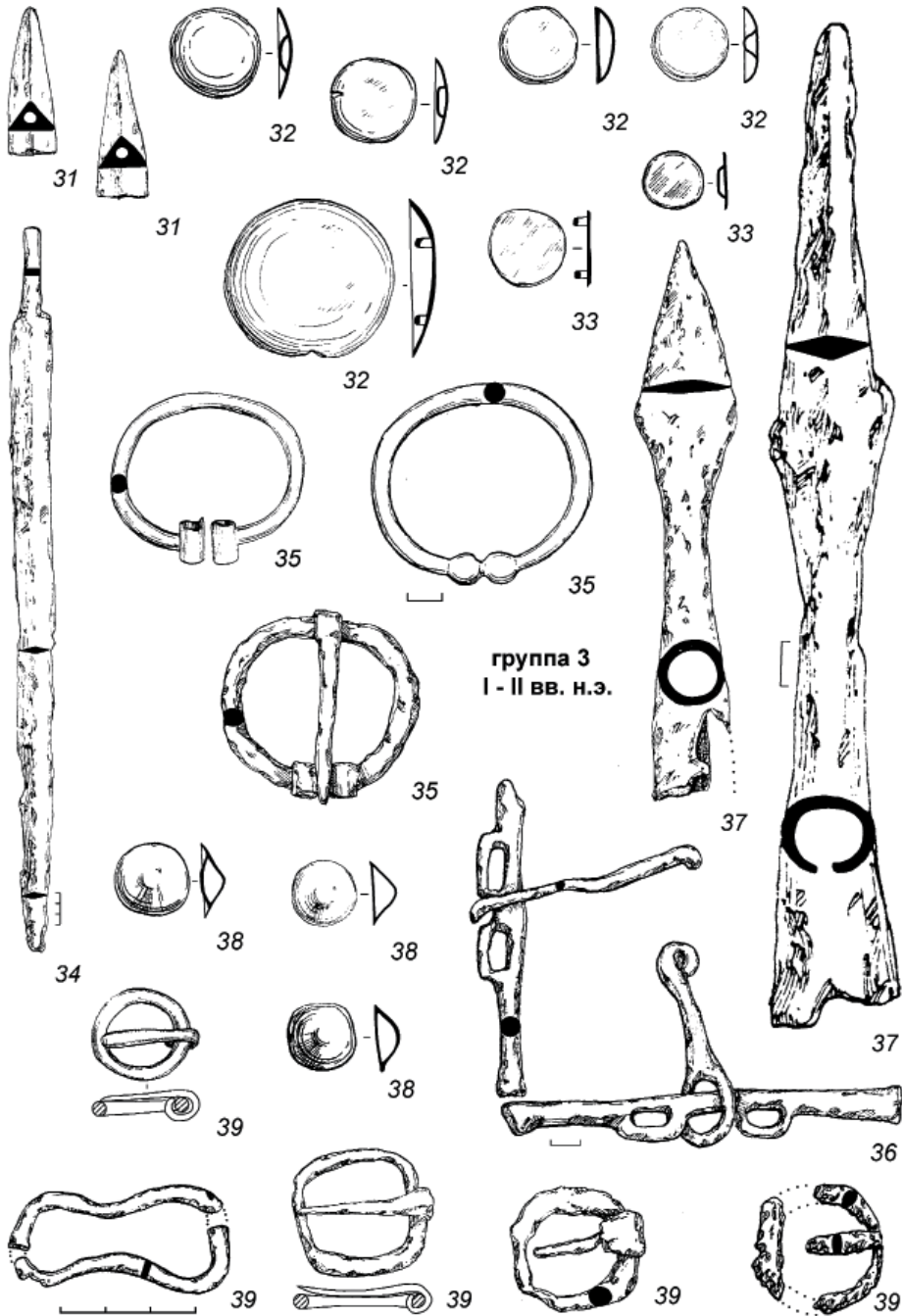

Рис. 5. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 3 (I–II вв. н.э.). 31 – наконечники стрел; 32, 33, 38 – бляшки; 34 – меч; 35 – сьюлгамы; 36 – удила; 37 – наконечники копий; 39 – пряжки. 31 – кость; 32, 33, 38 – бронза, 34, 36, 37 – железо; 35, 39 – бронза, железо.

Fig. 5. Tarasovo burial ground. Items of male burials of group 3 (1st–2nd centuries AD). 31 – arrowheads; 32, 33, 38 – plaques; 34 – sword; 35 – syulgams; 36 – bits; 37 – spear heads; 39 – buckles. 31 – bone; 32, 33, 38 – bronze; 34, 36, 37 – iron; 35, 39 – bronze, iron.

цы между типами весьма расплывчаты (рис. 5: 37). Такие наконечники в Поволжье имеют истоки в ананьинском времени (Старший Ахмыловский могильник VIII–VI вв. до н.э.; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 41: 1, 2; 43: 56 и др.). Разные варианты их обнаружены в Андреевском I кургане (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 24: 2, 4, 5) и Пильнинском I могильнике I в. н.э. (Зубов, Лифанов, Радюш, 2011, рис. 5: 1, 2). Они продолжали использоваться, судя по материалам Тарасово, и в III–V вв. В Прикамье и на Вятке подобные вещи хорошо известны и во второй половине I тыс. н.э. (Голдина Р.Д., 1985, табл. XXVII: 1, 5, 9; Лещинская, 2014, табл. 50: 4, 5; 52: 4–6). Наконечники таких типов универсальны и территориально широко распространены.

Судя по корреляционной таблице, в I–II вв. в Тарасово использовались железные удила со стержневыми псалями, дополненными двумя боковыми петлями (рис. 5: 36). Они обнаружены во многих чегандинских могильниках: Чеганде II, Пьяноборском (Генинг, 1971, табл. XI: 4, XVII: 12, 13), Нырғынде I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 228: 4), Нырғынде II (Журавлева, Генинг, 1989, табл. XVIII: 5, 8), Кушулевском III (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 12: 12), Ново-Сасыкульском (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 17: 5, 7). В.Ф. Генинг датировал их I–II вв. (1970, с. 83–84). Известны они и в Западном Поволжье: Андреевском I кургане – I в. н.э. (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 2: 2, 6), Пильнинском I (Зубов, Лифанов, Радюш, 2011, рис. 5: 12) и Клишкинском могильниках (Зубов, Михеев, 2006, рис. 7: 5). Аналогичные удила у сармат Подонья также датируются I–II вв. н.э.

(Медведев, 1990, рис. 12: 4; 18: 2 и др.; Максименко, 1998, рис. 78: 3), в комплексах Приазовья – этим же временем (Шепко, 1987, рис. 8: 4), I – первой половиной II в. н.э. – у сармат между речья Волги и Дона (Глухов, 2005, с. 57–58), I в. н.э. – в Крымской Скифии (Пуздровский, 2007, с. 143–144, рис. 100: II) и т.д.

К числу предметов, использовавшихся как в I, так и во II в., относятся круглые сюльгамы из железного или бронзового дрота овального сечения с завернутыми в трубочку концами (рис. 5: 35). В чегандинских древностях они распространены широко – в Нырғынде I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 213: 6, 7), Нырғынде II (Журавлева, Генинг, 1989, табл. XII: 11–13), Чеганде II, Пьяноборском могильнике (Генинг, 1971, табл. IX: 5), Икском (Ашихмина, Клюева, 1984, рис. 3: 37), Ново-Сасыкульском (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 14: 9). Подобные сюльгамы найдены в Андреевском I кургане (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 23: 2), в позднесарматских памятниках Дагестана (II в. н.э.; Абрамова, Красильников, Пятых, 2000, рис. 23: 2; 31: 1; 58: 6). В эту же группу входят очень популярные у чегандинского населения круглые бляшки из бронзы: выпуклые – с петлей на обороте или без нее (рис. 5: 32), плоские – также с петлей для крепления (рис. 5: 33). Они встречаются во всех могильниках в большом числе и приводят перечень их аналогий не имеет смысла. В эту же группу вошли разнообразные как железные, так и бронзовые рамчатые пряжки: круглые, подквадратные, восьмеркообразные (рис. 5: 39). Ареал и время их бытования очень широки.

Таким образом, по материалам мужских захоронений, ранняя (ныргындинская) стадия Тарасовского могильника делится на 2 хронологические группы: первая отнесена к I в. н.э., вторая – ко II в. н.э., третья – смежная – к I–II вв. н.э. Следует учитывать, что распределение могил и предметов по группам с накоплением новых материалов может быть скорректировано.

Женских захоронений, включенных в корреляционную таблицу, значительно больше – 102 (рис. 6). Первую раннюю хронологическую группу составили 57 погребений: 1663А, Б, 1321, 1443, 1320В, Г, 1090, 1331, 1308, 1460, 603, 1116А, В, 1494, 1107, 1588А, Б, 1325, 1380, 1520, 1425, 1251, 1637, 689, 1654, 1573, 1226, 691, 1418, 1508, 1243, 1614, 1108, 1672, 1281, 1629, 1871, 1179, 1556, 1085, 1257, 1152, 1464, 1279, 1647, 1552, 1189, 1278, 1376, 1660, 1354, 1258, 661, 1248, 1524, 1247, 1245, 1289, 1232, 1472, 1599. Из них 4 могилы (1116, 1320, 1588, 1663) – коллективные, в числе определенных антропологически – все женские.

К этой группе относятся 29 типов различных предметов. Прежде всего следует отметить те вещи, которые встречались в уже выделенных хронологических группах мужских захоронений. Среди них к первой группе (I в. н.э.) мужских и женских могил относятся различные варианты ЗНК: овальные пластинчатые (рис. 8: 12; 10: 23 – женские и рис. 2: 2, 7 – мужские); кольцевидные округлые с насечками (рис. 9: 20 и 2: 8), овальные с перекладиной (рис. 10: 24 и 3: 14); ромбические накладки с петлей (рис. 8: 10 и 3: 15), бронзовые конические ножны для ножей одинарные (рис. 8: 9 и 3: 10) и спаренные (рис. 11: 27 и 2: 4).

В группу I в. н.э. попали сюльгамы из круглопроволочного дрота с концами, завернутыми в трубочку или утолщенными (рис. 7: 4), которые в мужских могилах встречались в погребениях I–II вв. (рис. 5: 35). Кроме того, у женщин I в. (1 группа) обнаружены крупные одинарные полупронизки подквадратной формы (рис. 11: 25), одна из которых обнаружена в мужском захоронении 1233, отнесенном нами ко II в. (группа 2, рис. 4: 25а), вместе с подобной же, но малого размера. Вероятно, предметы этого вида, появившись в I в. н.э., а может быть и раньше, сначала в крупной модификации, продолжали использоваться на правобережье Камы и во II в. н.э. (как крупные, так и мелкие). Такие изделия были особенно популярны во II в. до н.э. – II в. н.э. у населения кара-абызской культуры (Пшеничнюк, 1973, с. 184).

В числе предметов группы I следует назвать бантикообразную накладку (рис. 7: 5) и железную круглопроволочную гривну (рис. 7: 2). В женских погребениях этой группы более разнообразны ЗНК: с округлой основой и выступающим крючком (рис. 7: 1), прямоугольные рамчатые (рис. 8: 8), кольцевидные с насечками и обоймой (рис. 9: 18), кольцевидные с X-видным узором (рис. 11: 28).

Особого внимания заслуживают ЗНК прямоугольной формы, несколько изогнутые в профиле, предназначенные для скрепления ремней обуви в области колен или взяема ступни (рис. 11: 26). Наиболее ранние экземпляры происходят из Кипчаковского могильника рубежа эр на левобережье р. Камы (Зубов, 2010, с. 72, рис. 9.3: 19, 23) и Андреевского I кургана рубежа I–II вв. н.э. в Среднем Поволжье

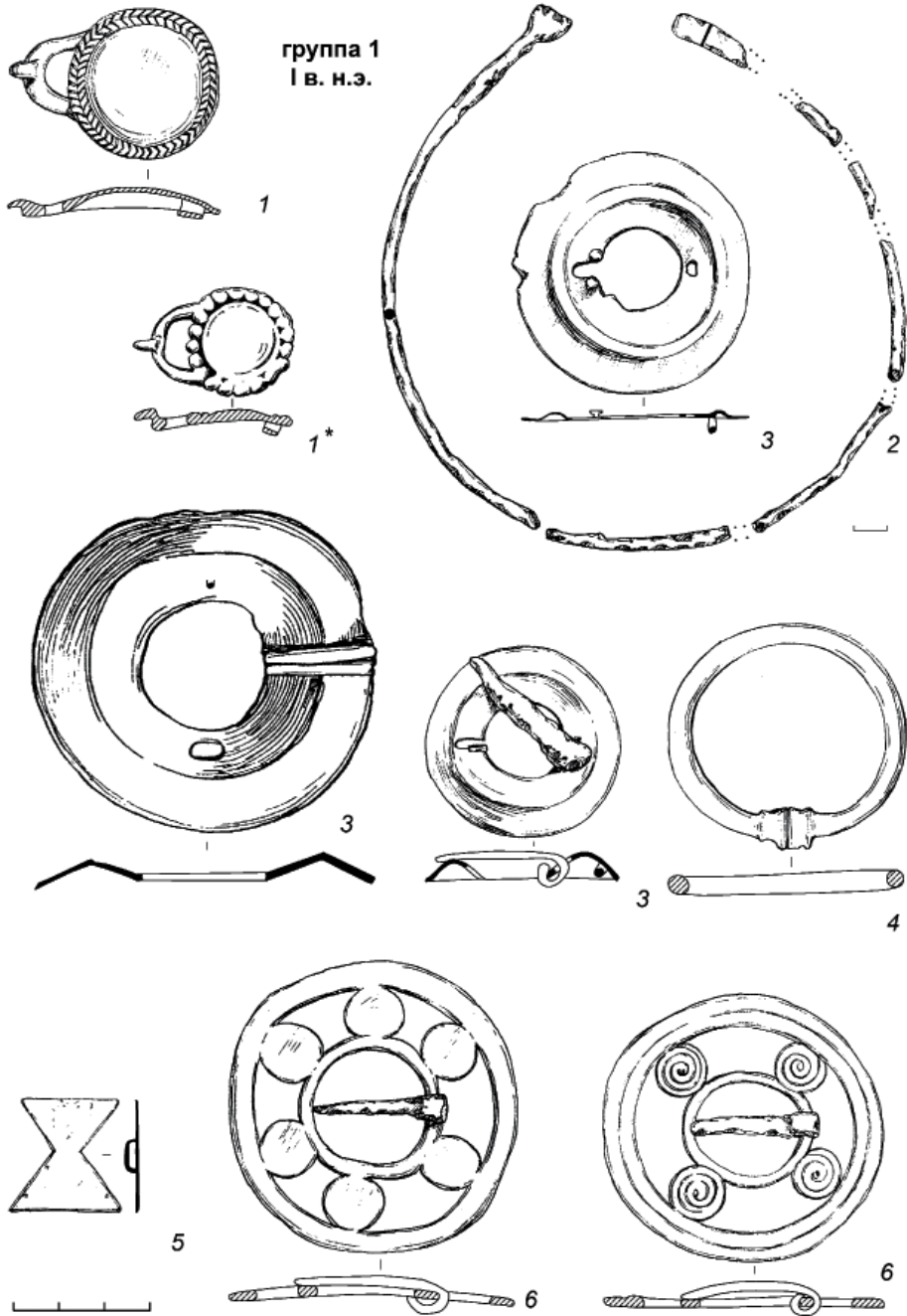

Рис. 7. Тарасовский могильник. Предметы женских захоронений группы 1 (I в. н.э.). 1 – застёжки с неподвижным крючком; 2 – гривна; 3, 4, 6 – сьюлгамы; 5 – накладка. 1, 4, 5 – бронза; 2 – железо; 3, 6 – бронза, железо.

* Нумерация на рис. 7–16 сплошная и соответствует номерам изображений на рис. 6.
 Fig. 7. Tarasovo burial ground. Items from female burials of group 1 (1st century AD). 1 – clasps with fixed hook; 2 – grivna; 3, 4, 6 – syulgams; 5 – onlay. 1, 4, 5 – bronze; 2 – iron; 3, 6 – bronze, iron.

* Numering on fig. 7–16 is continuous and corresponds to numbers of images on fig. 6.

(Гришаков, Зубов, 2009, рис. 20: 6). Н.А. Лещинская подобные предметы по вятским материалам датирует III в. (2014, табл. 87: 1, 8). На чегандинских памятниках такие застёжки известны из Коростинского клада и Пьяноборского могильника. Встречались они и в могильнике Нырғында I рубежа II–III вв. (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 209: 22, 23). В.Ф. Генинг датировал их II в. н.э. (Генинг, 1970, табл. XX: 7; рис. 20: 78).

Интересны ЗНК, напоминающие по форме цельнолитые пряжки (рис. 8: 7). Собственно, они таковыми и являются. Предметы отлиты из бронзы, но язычки сделаны из железа. У одного экземпляра на оборотной стороне присутствует и крючок. Очевидно, мы имеем дело с одним из ранних местных вариантов пряжек, сочетающих функции и внешний вид пряжки и ЗНК.

Своеобразны круглые сюльгамы из пластины с ребром посередине, иногда с радиальным разрезом (рис. 7: 3). Подобные собраны в Ново-Сасыкульском могильнике (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 14: 12, 27), в Андреевском I кургане рубежа I–II вв. в Среднем Поволжье (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 29: 31; 30: 8), в могильнике Чеганда II и Пьяноборском (Генинг, 1971, табл. V: 9, 12). В.Ф. Генинг датировал их II в. (1970, рис. 20: 98). Круглая застёжка, украшенная серией овалов или спиралей по кольцу (рис. 7: 6), напоминает экземпляр из погребения 32 Первомайского могильника, отнесенный Н.А. Лещинской к концу II – началу III в. (2014, табл. 82: 9).

В группу I в. попали ажурные накладки разных вариантов, украшенные спиральями, ромбами, треугольниками, овалами (рис. 8: 14). Им близки прямоугольные накладки, орнаменти-

рованные двумя рядами треугольников (рис. 9: 16). Их всего 8 экз. из 5 погребений. Эти типы накладок были очень популярны не только собственно в Прикамье, но и на памятниках Башкирии. Самые ранние из ажурных найдены на Кипчаковском могильнике II–I вв. до н.э. или рубежа эр (Зубов, 2007, рис. 9: 1, 2). И ажурные и прямоугольные известны в материалах могильников: Камышлы-Тамакского (Мажитов, Пшеничнюк, 1968, рис. 3: 2, 22), Юлдашевского (Пшеничнюк, 1986, рис. 4: 16; 6: 30–32, 36), Кушулевского III (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 9: 4–7; 10: 15), Ново-Сасыкульского (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 5: 25, 26; 3–32), Охлебнинского (Пшеничнюк, 1968, рис. 9: 9). Из камских памятников они встречались на могильниках Чеганда II, Нырғында I и II, Пьяноборском, в Исенбаевском и Каменный ключ кладах (Генинг, 1971, табл. II: 6–18; VIII: 11; XVIII: 3, 4). В.Ф. Генинг датировал ажурные накладки III в. до н.э. – II в. н.э. (1970, рис. 20: 30–32, 48, 49, 100), прямоугольные с двумя рядами треугольников – II в. н.э. (1970, рис. 20: 101).

Из нагрудных подвесок замечательны ажурные, изготовленные в сложнейшей технике металлического кружева: округлые (рис. 9: 15) и арочные (рис. 10: 22). Первые довольно редки. Отдаленно похожий экземпляр найден на могильнике Чеганда II (Генинг, 1971, табл. V: 4). Арочные встречались чаще: на могильниках Нырғында II (Журавлева, Генинг, 1989, табл. VII: 5), Чеганда II (Генинг, 1971, табл. V: 1) и III Кушулевском (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 6: 19).

Выразительны перстни первой хронологической группы Тарасово. Они имели большие щитки в виде

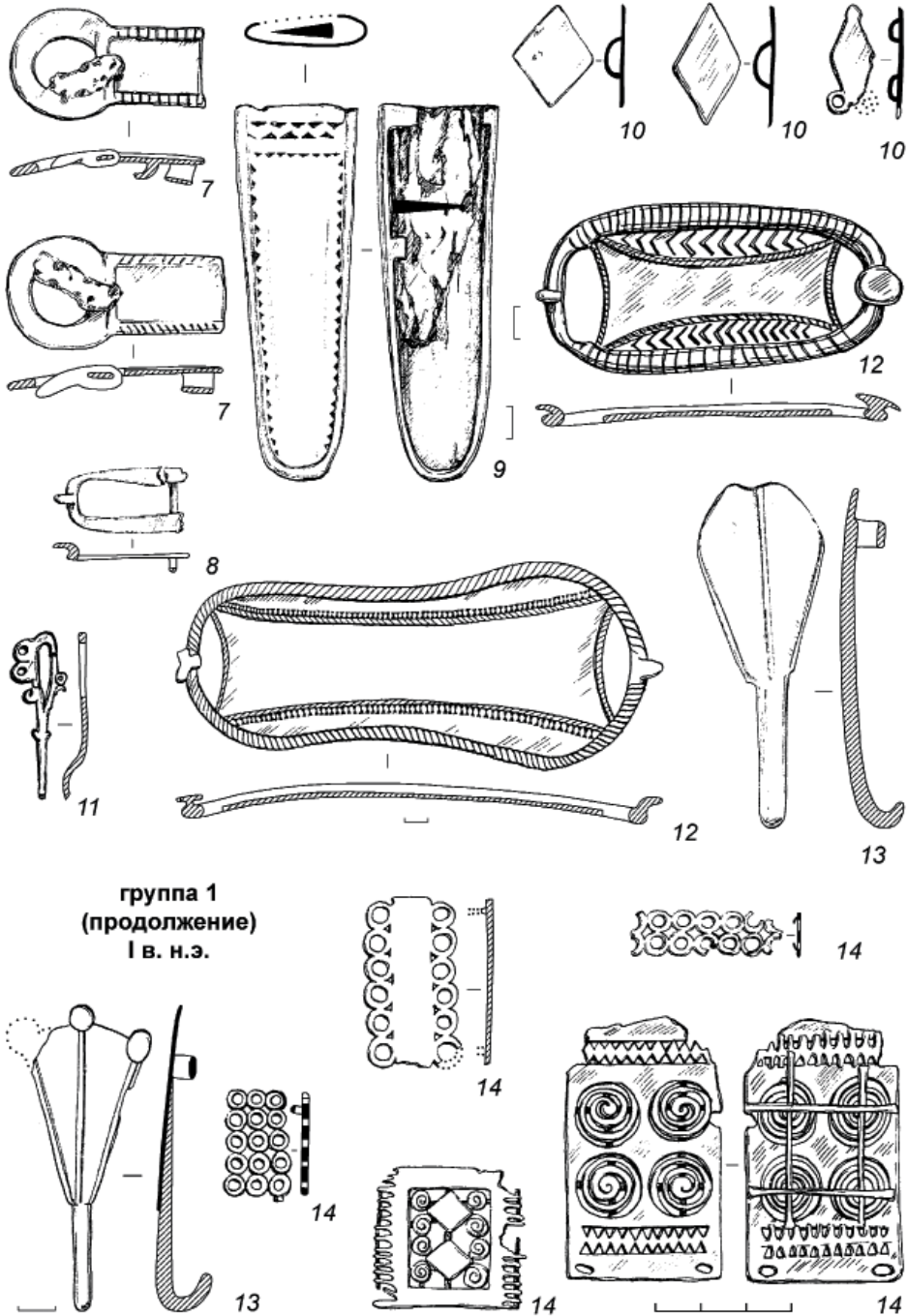

Рис. 8. Тарасовский могильник. Предметы женских захоронений группы I (I в. н.э.). 7 – пряжки; 8, 12 – застёжки с неподвижным крючком; 9 – ножны; 10, 14 – накладки; 11, 13 – поясные крючки. 7, 9 – бронза, железо; 8, 10–14 – бронза.

Fig. 8. Tarasovo burial ground. Items from female burials of group I (1st century AD). 7 – buckles; 8, 12 – clasps with fixed hook; 9 – sheath; 10, 14 – onlays; 11, 13 – belt hooks. 7, 9 – bronze, iron; 8, 10–14 – bronze.

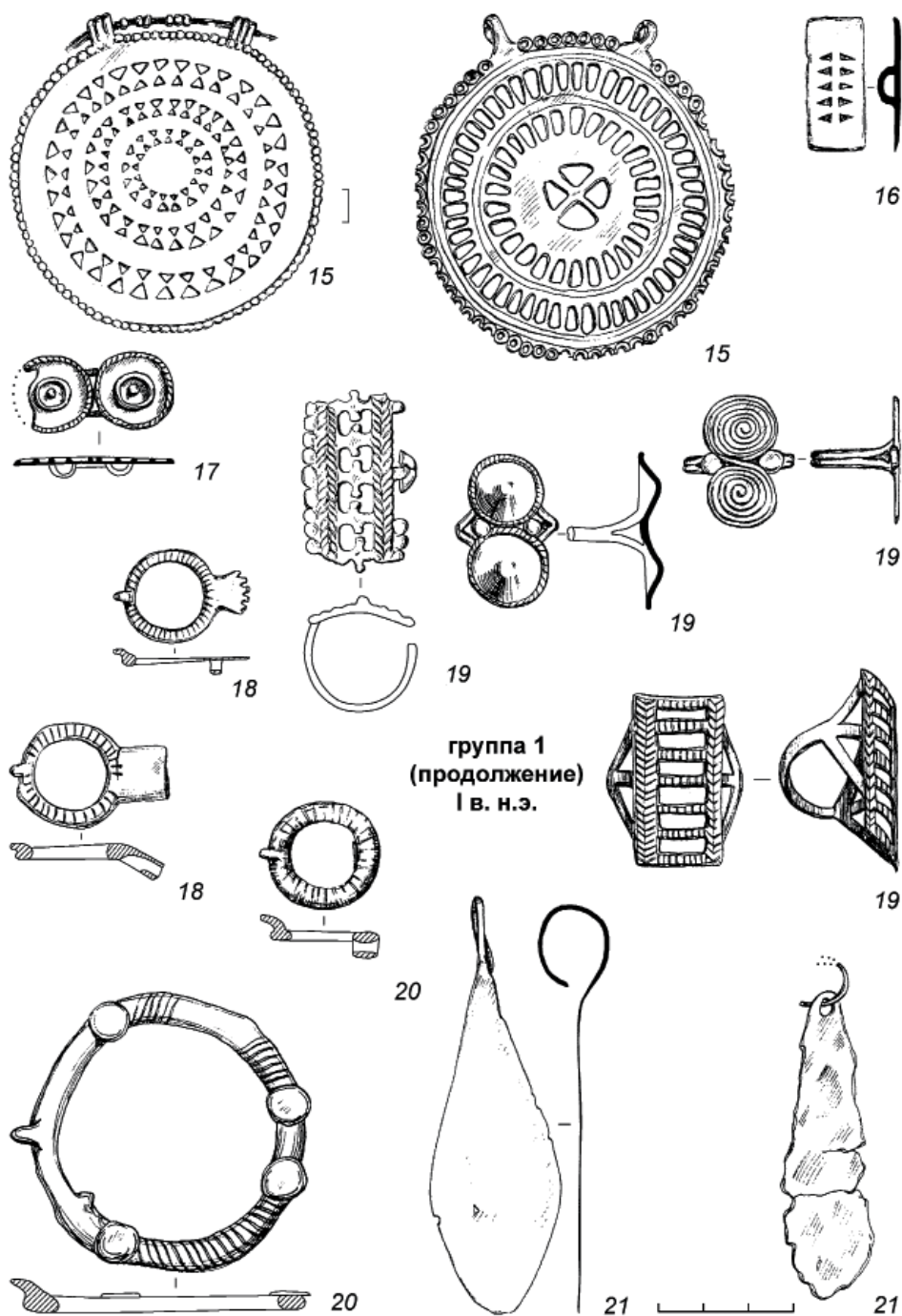

Рис. 9. Тарасовский могильник. Предметы женских захоронений группы 1 (I в. н.э.).
 15 – подвески; 16, 17 – накладки; 18, 20 – застёжки с неподвижным крючком;
 19 – перстни; 21 – височные подвески. 15–21 – бронза.

Fig. 9. Tarasovo burial ground. Items from female burials of group I (1st century AD). 15 – pendants;
 16, 17 – onlays; 18, 20 – clasps with fixed hook; 19 – fingerings; 21 – temple pendants.
 15–21 – bronze.

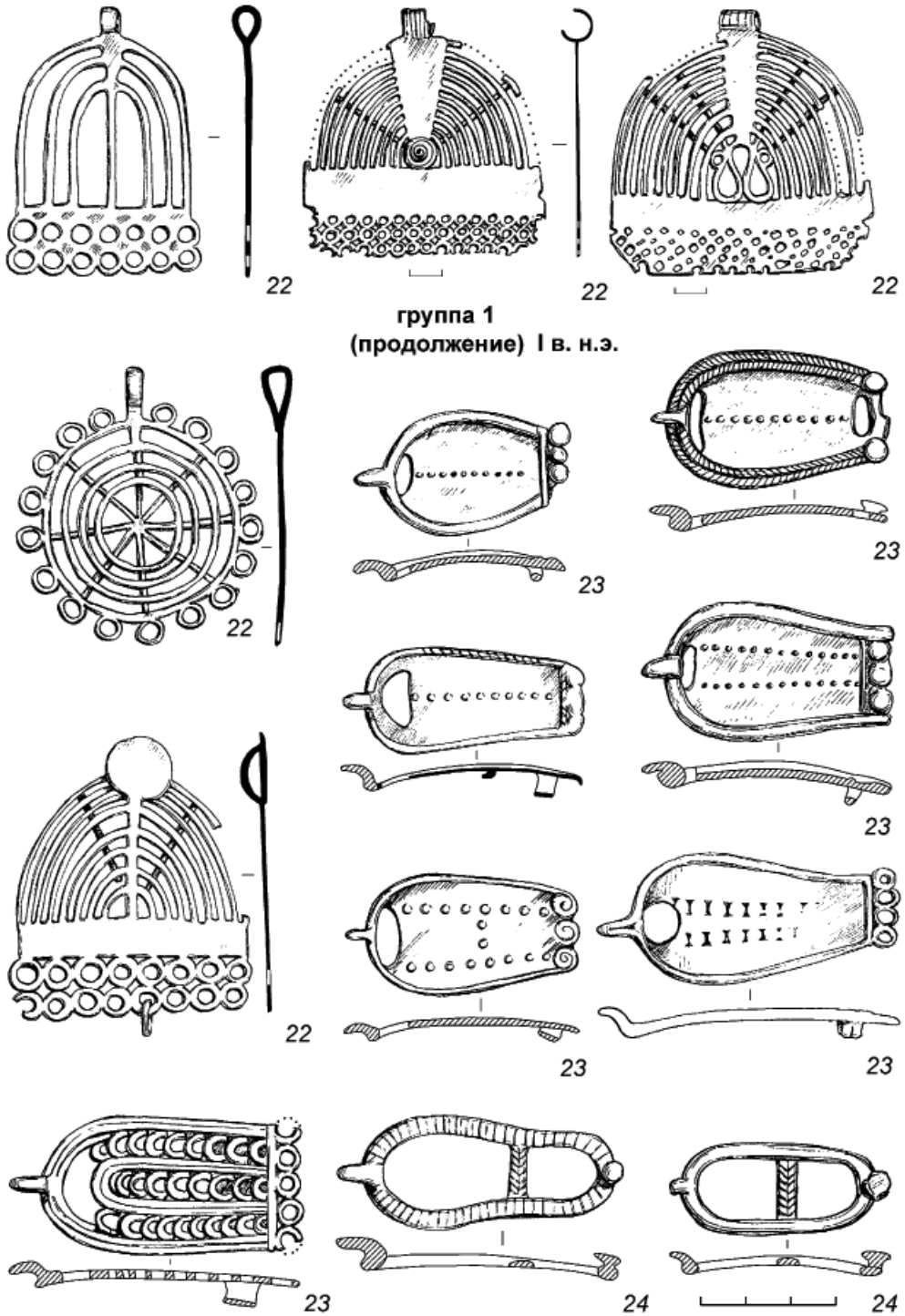
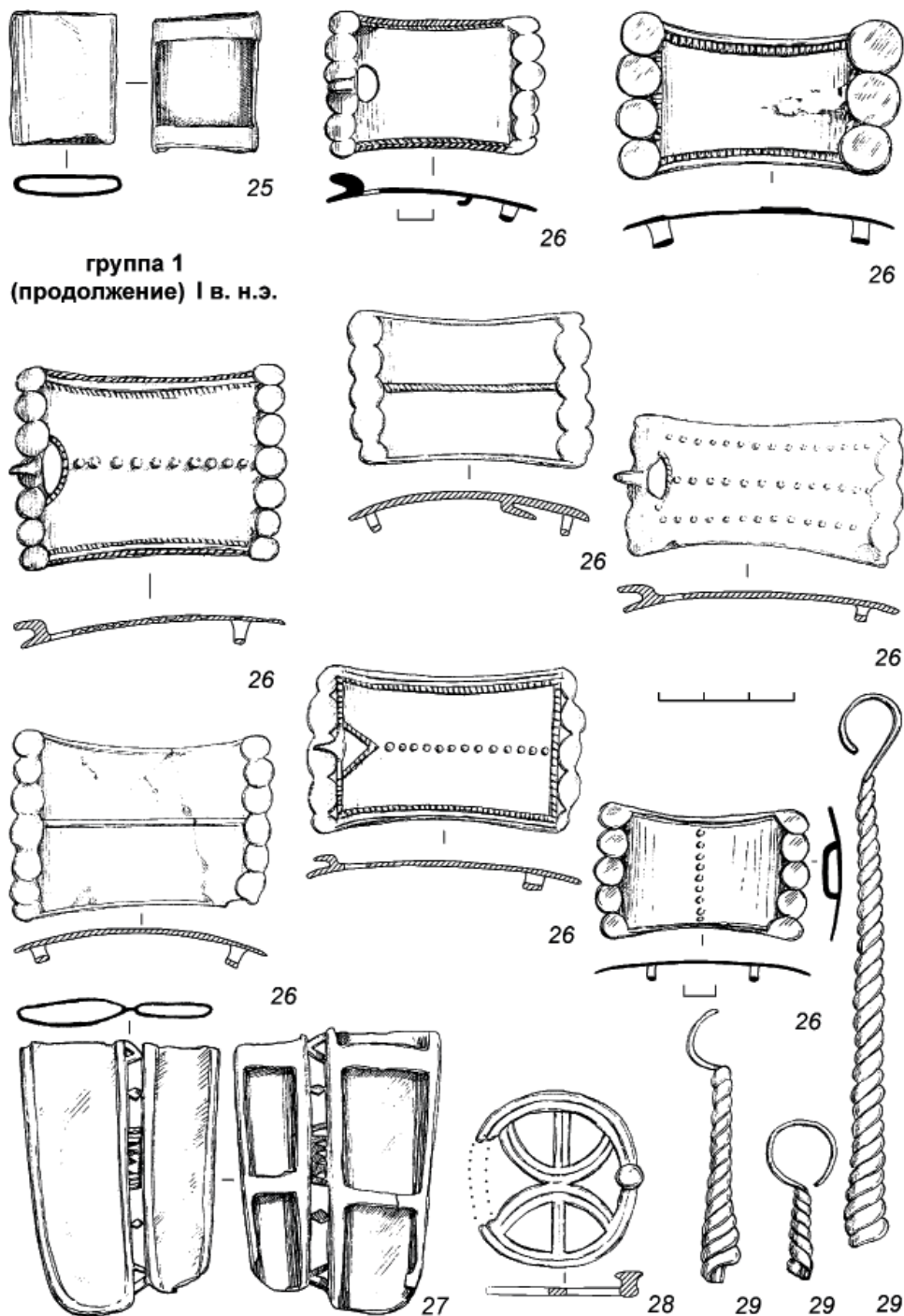

Рис. 10. Тарасовский могильник. Предметы женских захоронений группы 1 (I в. н.э.). 22 – подвески; 23, 24 – застежки с неподвижным крючком. 22–24 – бронза.

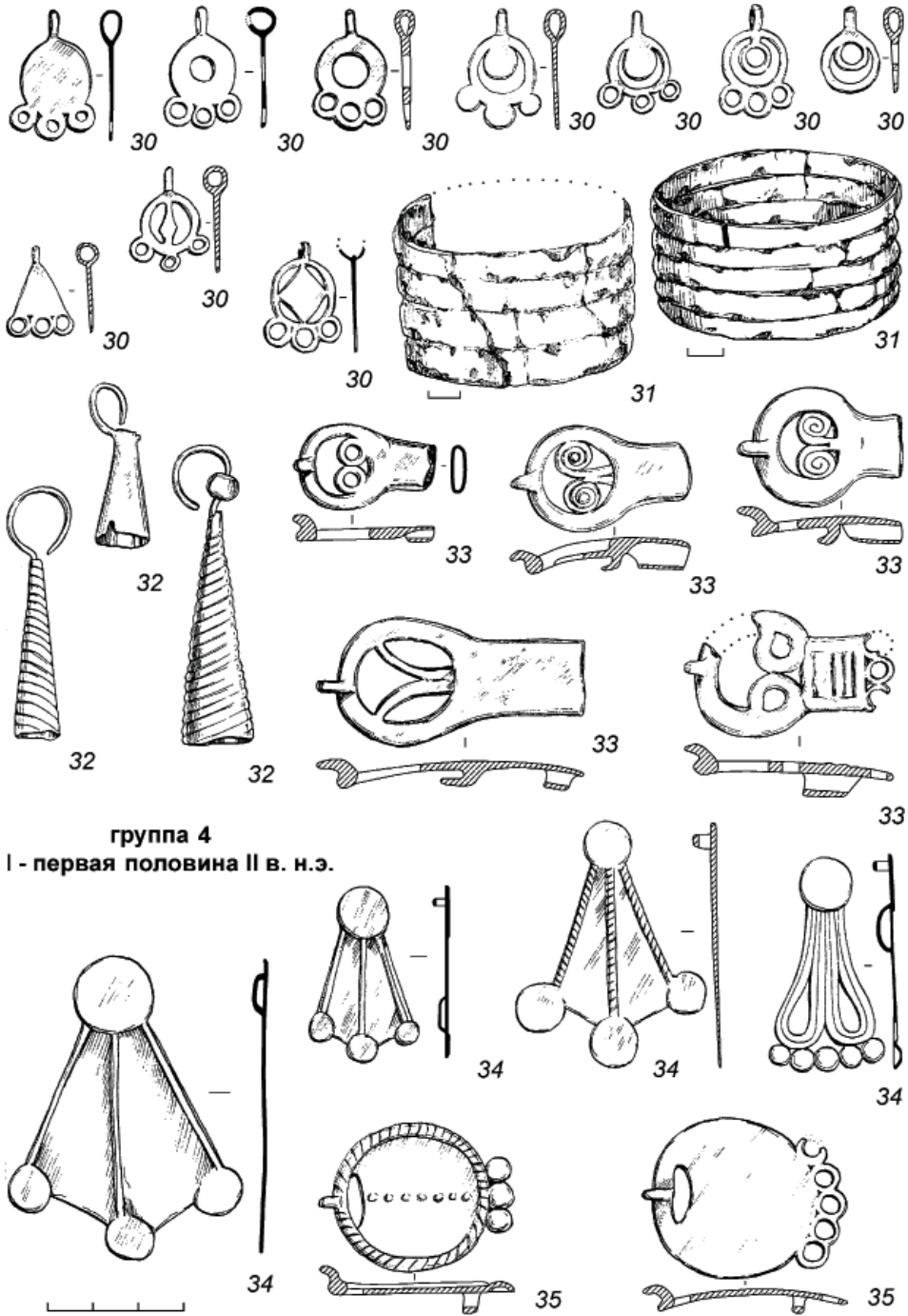
Fig. 10. Tarasovo burial ground. Items from female burials of group 1 (1st century AD). 22 – pendants; 23, 24 – clasps with fixed hook. 22–24 – bronze.

группа 1
(продолжение) I в. н.э.

Рис. 11. Тарасовский могильник. Предметы женских захоронений группы 1 (I в. н.э.).
25 – пронизка; 26, 28 – застёжки с неподвижным крючком; 27 – ножны;
29 – височные подвески. 25–29 – бронза.

Fig. 11. Tarasovo burial ground. Items from female burials of group 1 (1st century AD).
25 – beads; 26, 28 – clasps with fixed hook; 27 – sheath; 29 – temple pendants. 25–29 – bronze.

группа 4

I - первая половина II в. н.э.

Рис. 12. Тарасовский могильник. Предметы женских захоронений группы 4 (I – первая половина II в. н.э.). 30, 34 – подвески; 31 – браслеты; 32 – височные подвески; 33, 35 – застёжки с неподвижным крючком. 30, 32–35 – бронза; 31 – железо.

Fig. 12. Tarasovo burial ground. Items from female burials of group 4 (1st – first half of 2nd century AD). 30, 34 – pendants; 31 – bracelets; 32 – temple pendants; 33, 35 – clasps with fixed hook. 30, 32–35 – bronze; 31 – iron.

прямоугольника с ажурным орнаментом или двух соединенных овалов, орнаментированных спиралями, или двух умбончиков (рис. 9: 19). Последние имеют аналогии в материалах башкирских могильников: Уяндык (Пшеничнюк, 1986а, рис. 6: 40), Юлдашевского (Пшеничнюк, 1986, рис. 6: 11, 15), Ново-Сасыкульского (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 8: 59). Перстни с прямоугольными щитками обнаружены на той же территории в Юлдашевском (Пшеничнюк, 1986, рис. 6: 10), а также в Ново-Уфимском могильнике и датированы С.Л. Воробьевой III–II вв. до н.э. (2012, рис. 16: 18; 18: 2.3.6). Подобные предметы в вятских памятниках отнесены Н.А. Лещинской к концу I – II вв. н.э. (2014, табл. 81: 9). В той же манере, что и перстни с щитком в виде двух овалов, выполнена одна из накладок первой группы (рис. 9: 17).

В первую группу входят височные подвески с узкой конической трубицей различной, чаще значительной длины, выполненной из спиральной проволоки (рис. 11: 29). Они встречались в материалах могильников чегандинской культуры: Чеганде II, Нырғынде II, Пьяноборском (Генинг, 1971, табл. I: 1, 2), Нырғынде I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 220: 24, 25, 31: 36). В Башкирии они выявлены на могильниках: Камышлы-Тамак (Мажитов, Пшеничнюк, 1968, рис. 3: 6), Уяндык (Пшеничнюк, 1986а, рис. 6: 3, 4), Юлдашевском (Пшеничнюк, 1986, рис. 6: 5), Ново-Сасыкульском (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 56), Кушулевском III (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 4: 18). В.Ф. Генинг датировал такие височные подвески III в. до н.э. – II в. н.э. (1970, рис. 20: 22, 87), Н.А. Лещинская по вятским могильникам

– концом I – началом III вв. н.э. (2014, табл. 82: 21), О.А. Казанцева – I в. н.э. (2012, рис. 17: 1).

К этой же группе относятся височные подвески с листовидной привеской (рис. 9: 21). Подобные происходят из могильников Чеганда II (Генинг, 1971, табл. I: 13, 14), Нырғында I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 220: 37, 38), Нырғында II (Журавлева, Генинг, 1989, табл. I: 12–22), Кушулевского III (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 4: 7), Красноярского в бассейне р. Тулвы (Казанцева, 2012, рис. 17: 2). В.Ф. Генинг относил их к I–II вв. н.э. (1970, рис. 20: 56, 84), О.А. Казанцева – к I в. н.э. Б.Б. Агеев и Н.А. Мажитов Кушулевский III могильник датируют I–III вв. н.э.

Как и в группе I мужских захоронений, в женских – также представлены поясные крючки: с основой в виде лапки (рис. 8: 13) и с фигурной с несколькими отверстиями (рис. 8: 11). Семантику последней еще предстоит разгадать. Подобные крючки – атрибут ананьинского времени и присутствие их в этой группе указывает на ее ранний возраст. В целом на основании аналогий и характера материала группа I женских захоронений, как и мужских, датирована нами I в. н.э.

На материалах Тарасово удалось выявить комплексы хронологического диапазона I – первой половины II в. (группа 4). Описание ее будет дано ниже.

Группа 2 (II в. н.э.) включает в себя 2 типа вещей: бронзовые круглые сюльгамы с волютообразными украшениями (рис. 13: 37), известные также в этой группе мужских захоронений (рис. 4: 27), и бронзовые витые из двух проволок гривны (рис. 13: 36). Такие сюльгамы В.Ф. Генинг датиро-

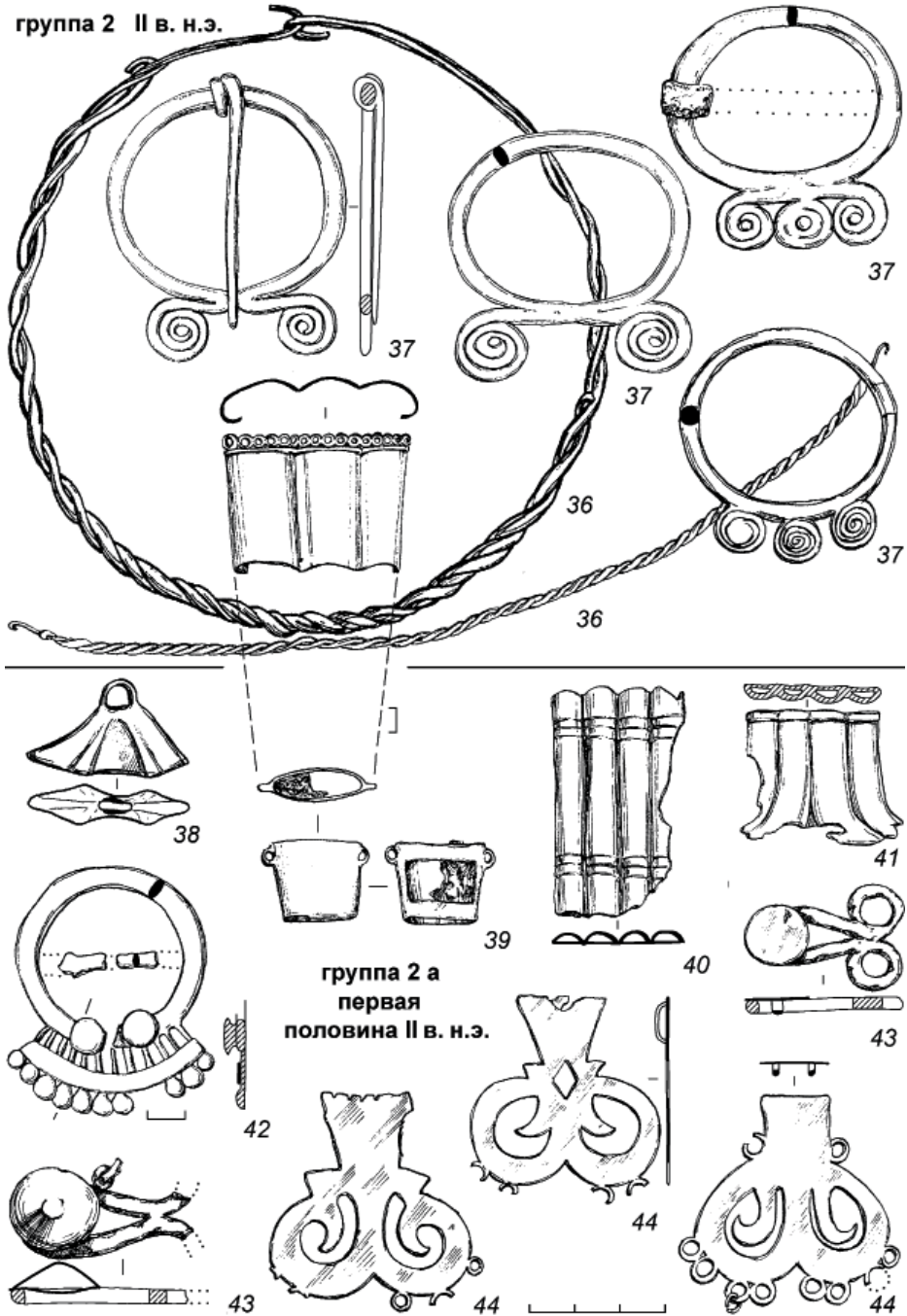

Рис. 13. Тарасовский могильник. 36–37 предметы женских захоронений группы 2 (II в. н.э.); 38–44 предметы группы 2а (первая половина II в. н.э.). 36 – гривны; 37, 42 – сьюлгамы; 38, 44 – подвески; 39 – ножны; 40, 41 – пронизки; 43 – застёжки. 36, 37, 39, 43 – бронза, железо; 38, 40–42, 44 – бронза.

Fig. 13. Tarasovo burial ground. 36–37 – items from female burials of group 2 (2nd century AD); 38–44 – items from group 2a (first half of 2nd c. AD). 36 – grivnas; 37, 42 – syulgams; 38–44 – pendants; 39 – sheath; 40, 41 – beads; 43 – clasps. 36, 37, 39, 43 – bronze, iron; 38, 40–42, 44 – bronze.

вал II в. (1970, рис. 20: 82), а гривны – I–II вв. (там же, рис. 20: 61). Подобные гривны известны на р. Вятке, где Н.А. Лещинской отнесены к III в. (2014, табл. 86: 19).

В отличие от мужских, инвентарь женских могил II в. н.э. удалось подразделить на два периода: ранний (первая половина II в.) – группа 2 а и поздний (вторая половина II в.) – группа 2 б.

В группу 2 а вошли многочастные сапожковые пронизки (рис. 13: 41), известные в группе 2 (II в.) мужских захоронений Тарасово (рис. 4: 21), а также многочастные пронизки-трубочки (рис. 13: 40), бронзовые трехчастные ножны (рис. 13: 39) и треугольная подвеска (рис. 13: 38). Круглая бронзовая сьюльгама, сделанная из уплощенного дрота с «бахромой» в нижней части (рис. 13: 42), имеет аналогии в Ново-Сасыкульском могильнике (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 14: 6). Очковидные застежки (рис. 13: 43) отдаленно напоминают застежки I–III вв. из Пильнинского I (Зубов, Лифанов, Радюш, 2011, рис. 10: 8, 9) и кургана 1 погребения 12 Климкинско-го (Зубов, Михеев, 2006, рис. 2: 4) могильников. Указанные предметы составляли единый комплекс с оригинальными поясными накладками из могилы 1514 Тарасово (рис. 13: 44). Такие изделия происходят также из могильника Чеганда II (Генинг, 1971, табл. VII: 15).

В группу 2 б (вторая половина II в.) входят бронзовые многовитковые перстни (рис. 14: 45), квадратная накладка с насечками по краям (рис. 14: 46), прямоугольная накладка с зубчатым краем (рис. 14: 47), бронзовые и железные рамчатые пряжки с расширенной площадкой на язычке (рис. 14:

48), височные подвески в виде знака вопроса с бусинами (рис. 14: 49) и без них (рис. 14: 50), а также простые овальные небольшие проволочные кольца (рис. 14: 50 а).

Особый интерес для датировки представляет серия пряжек, выполненных как из бронзы, так и из железа, отличительной особенностью которых является граненое (треугольное или ромбическое) сечение кольца, а также овальное или квадратное расширение на язычке (рис. 14: 48). Шесть экземпляров их происходят из ранней части памятника (Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, ил. 233), лишь одна, сильно коррозированная – из мазунинской (Голдина, 2003, табл. 344: 3). Аналогичная пряжка из погребения 70 Кошибеевского могильника И.Р. Ахмедовым отнесена к группе 1В и датирована второй половиной II в. (2007, с. 137–138, рис. 1: 7). Пряжки с такими язычками трактуются как германские и были распространены в Скандинавии и на балтийском побережье в 150–200 гг. н.э. (Шаров, 2009, с. 188, рис. 139). Они хорошо известны и на Боспоре. А.А. Васильевым (2005, рис. 5) они считаются германскими, а О.В. Шаров видит в них свидетельство первой волны находок в Причерноморье прибалтийско-германского происхождения, датируемых 170–220 гг. н.э. (Шаров, 2009, с. 170–192).

Подобные пряжки из бронзы происходят из могильников Прикамья: Чеганда II (Генинг, 1971, табл. XIV: 2), Афонинского (Клюева, Отчет за 1980 г.), Нивского (Останина, 1997, рис. 13: 22), Ныргында I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 213: 2). Местным подражанием таким пряжкам являются, по-видимому, железные пряжки с аморфным листовидным язычком

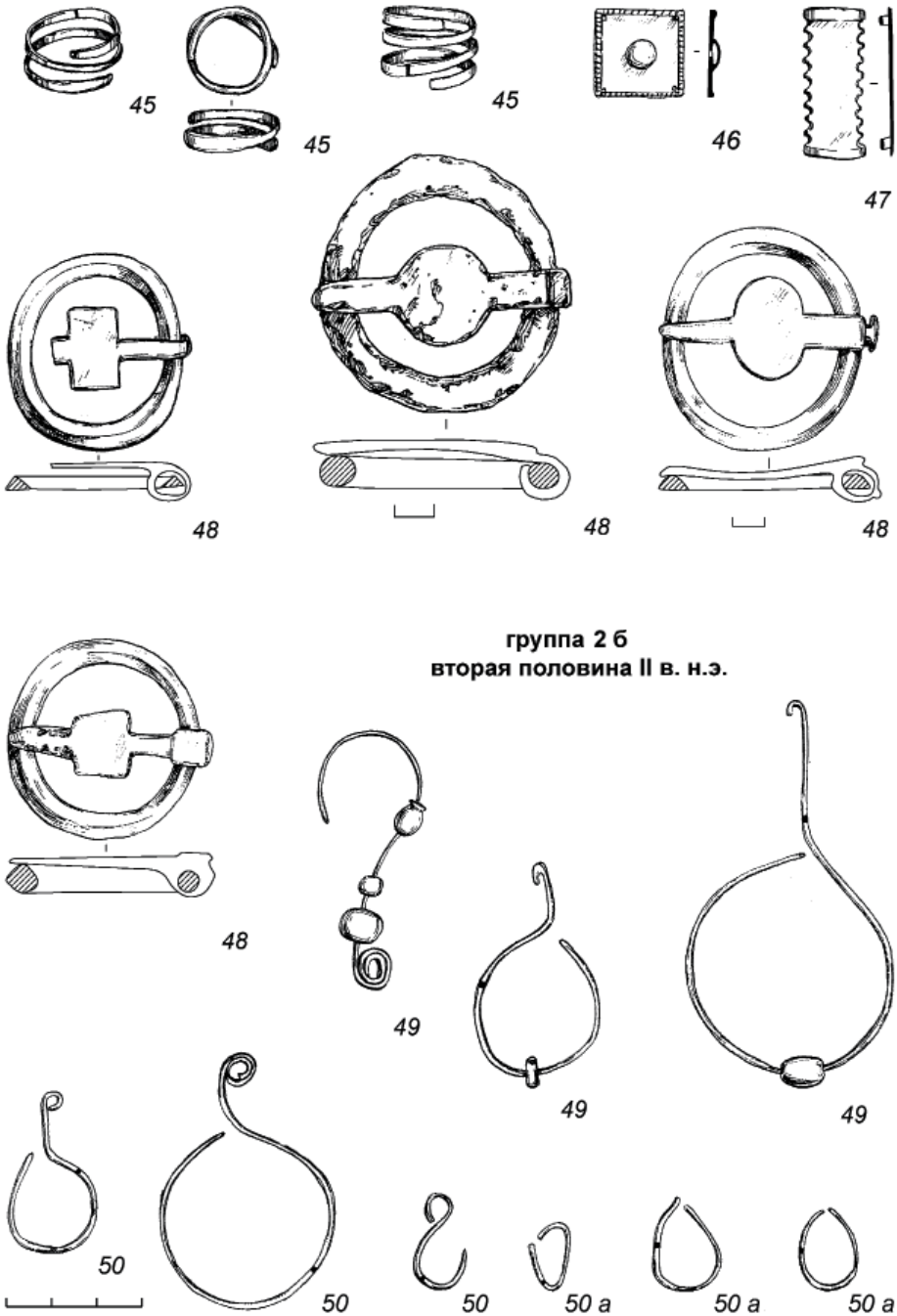

Рис. 14. Тарасовский могильник. Предметы женских захоронений группы 26 (вторая половина II в. н.э.). 45 – перстни; 46, 47 – накладки; 48 – пряжки; 49, 50, 50a – височные подвески. 45–47, 50, 50a – бронза; 48 – бронза, в некоторых случаях железо; 49 – бронза, стекло.

Fig. 14. Tarasovo burial ground. Items from female burials of group 26 (second half of 2nd c. AD). 45 – fingerrings; 46, 47 – onlays; 48 – buckles; 49, 50, 50a – temple pendants. 45–47, 50, 50a – bronze; 48 – bronze, iron; 49 – bronze, glass.

(Тарасово; Афоново – 7 экз. – отдел В, тип 7, Агеев, 1992, с. 42, рис. 12: 17). Пряжка с расширением на язычке также происходит из погребения 1 кургана 1 Писеральского могильника в Среднем Поволжье (Зубов, 2011, с. 84, рис. 56: 6).

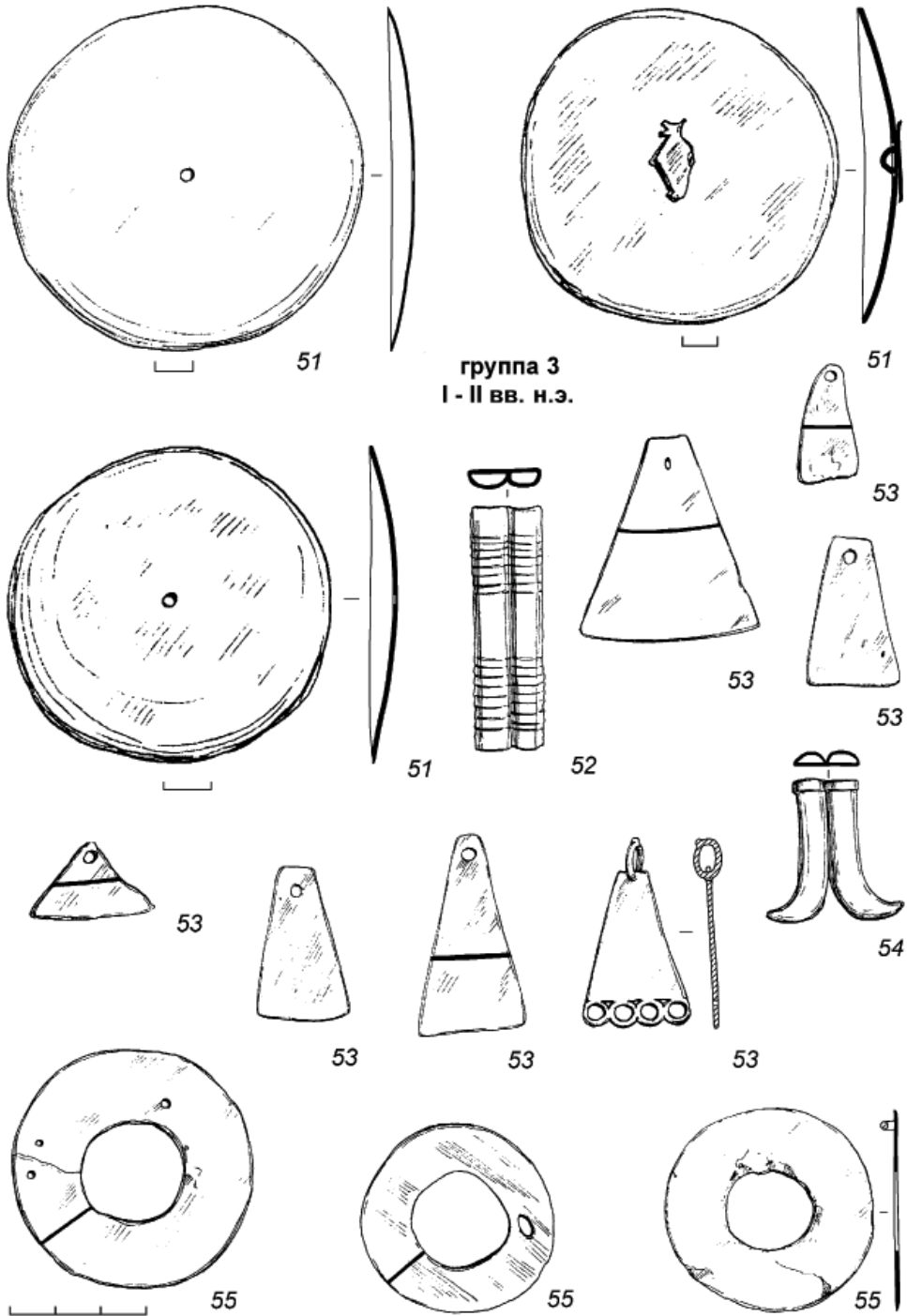
Остальные вещи группы 2 б мало что дают для обоснования датировки, за исключением височной подвески в виде знака вопроса с напускной бусиной (рис. 14: 49). В.Ф. Генинг относил такую подвеску из могилы 217 Чеганды II к самому позднему периоду чегандинской культуры, то есть к концу II в. (1970, с. 52, табл. I: 19). Другие вещи, поскольку происходят из памятников с широкими датами, позволяют лишь очертить ареал их распространения. Многочисленные бронзовые перстни, найденные в могильниках бассейна р. Белой IV в. до н.э. – IV в. н.э. (Воробьева, 2012, рис. 18, тип Б.1.3), хорошо известны. Из правобережных прикамских объектов они встречались на могильнике Ныргында II (Генинг, 1970, табл. XVIII: 2; Журавлева, Генинг, 1989, табл. 9: 13). Прямоугольные накладки с зубчатым краем найдены на Юлдашевском могильнике (Пшеничнюк, 1986, рис. 6: 39) и Ново-Сасыкульском (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 5: 30). Таким образом, на Тарасовском могильнике впервые удалось предположительно выявить группы могил и предметов чегандинской культуры первой и второй половин II в.

К группе 3 отнесены крупные выпуклые бляхи из высокооловянистой бронзы (рис. 15: 51), которые хорошо известны в чегандинской культуре. Б.Б. Агеев в свое время насчитал их 70 экземпляров. Он предполагал, что они были сделаны из сарматских зеркал

(Агеев, 1992, с. 37). Эту мысль сейчас развивают некоторые современные археологи (Красноперов, 2006; Воробьева, 2012, т. I, с. 167–169). Р.Д. Голдина считает, что крупные выпуклые бляхи не имеют никакого отношения к зеркалам: они более тонкие, с отверстием в центре, выпуклые и использовались как нагрудные, реже – поясные или оружейные украшения. Учитывая их массовое распространение в Среднем Прикамье, скорее всего, они произведены в местных мастерских из привозного сырья. Что касается времени их использования, то, видимо, прав В.Ф. Генинг, который считал, что основной пик падает на I–II вв., хотя единичные экземпляры могли встречаться как в раннее, так и более позднее время (1970, с. 59). Подобную картину (I–II вв.) мы наблюдаем и для трапециевидных подвесок, вырубленных из таких блях (рис. 15: 53). Такие подвески на левобережье Камы обнаружены в Красноярском (Казанцева, 2012, рис. 18: 1), Шиповском (Пшеничнюк, 1976, рис. 25: 26–28), Юлдашевском (Пшеничнюк, 1986, рис. 6: 37), Ново-Сасыкульском (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 7: 17) могильниках. На правобережье они известны по материалам некрополей: Чеганда II, Ныргында I и II, Пьяноборского; Усть-Бельского селища; кладов у дд. Чеганда, Трошки, Каменный Ключ (Генинг, 1971, табл. VI: 6).

Что касается двучастных пронизок-трубочек (рис. 15: 52) и одночастных пронизок-сапожков (рис. 15: 54), то в мужских могилах Тарасово они найдены в комплексах II в. (группа 2, рис. 4: 26, 28), но, судя по женским могилам, они использовались и в I, и во II в. То же самое следует сказать и о плоских круглых сюльгамах без орна-

группа 3
I - II вв. н.э.

Рис. 15. Тарасовский могильник. Предметы женских захоронений группы 3 (I–II вв. н.э.). 51 – бляхи; 52, 54 – пронизки; 53 – подвески; 55 – сьюлгамы. 51–55 – бронза.

Fig. 15. Tarasovo burial ground. Items from female burials of group 3 (1st – 2nd cc. AD). 51 – badges; 52, 54 – beads; 53 – pendants; 55 – syulgams. 51–55 – bronze.

мента (рис. 15: 55) и среднего размера плоских бляшках (рис. 16: 61), которые в мужских захоронениях зафиксированы только в могилах I в. (рис. 3: 16, 19), а в женских – встречались как в I, так и во II в. Таким образом, отдельный анализ материала по полу позволяет несколько скорректировать наши представления о датах вещей. В разнополюх захоронениях совпала хронологическая оценка – I–II вв. – бляшек: мелких умбовидных (рис. 16: 59), мелких и средних выпуклых (рис. 16: 60) и плоских (рис. 16: 61).

В I–II вв. в женских могилах Тарасово встречались височные подвески с бусинами и без них и конической спиральновитой короткой подвеской (рис. 16: 58). Ареал их в пределах чегандинской культуры традиционен: Шипово (Пшеничнюк, 1976, рис. 6: 4), Юлдашево (он же, 1986, рис. 6: 2), Чеганда II, Пьяноборье (Генинг, 1971, табл. I: 1), Ныргында I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 220: 24, 25, 36), Ныргында II (Журавлева, Генинг, 1989, табл. I: 4). Они известны также в комплексах I в. Красноярского могильника (Казанцева, 2012, рис. 17: 1) и Кипчаковского I могильника II–I вв. до н.э. (Зубов, 2007, рис. 8: 7). Среди предметов I–II вв. на Тарасово следует выделить бронзовые круглопроволочные гривны (рис. 16: 56), которые встречались как в обычном, так и в разомкнутом состоянии. По мнению В.Ф. Генинга, она характерны для стадий В и Г чегандинской культуры (I и II вв.) (1970, рис. 20: 60).

Группа 4 (I – первая половина II в.). В нее вошли бронзовые шейные подвески «кошачьи лапки» или подобные им (рис. 12: 30), которые были найдены в могильниках: Ново-Сасыкуль (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 5: 17–

22), Чеганда II, Ныргында II, Пьяноборском (Генинг, 1971, табл. II: 1–5), Ныргында I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 219: 1–10). По В.Ф. Генингу они относятся к I–II вв. (1970, рис. 20: 63, 90). Правда, он считал, что подвески без прорезей характерны для I, а с прорезями – для II в., но материалы Тарасово показывают, что оба варианта иногда встречались в одной могиле (погребения 1327, 1351, 1465 и др.). Железные многовитковые браслеты (рис. 12: 31) обнаружены в Юлдашевском (Пшеничнюк, 1986, рис. 11: 23), Ново-Сасыкульском (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 6: 3), Красноярском (Казанцева, 2012, рис. 18: 5), Чеганда II (Генинг, 1971, табл. VII: 3), Ныргында II (Журавлева, Генинг, 1989, табл. X: 1) могильниках. В.Ф. Генинг датировал их III–I вв. до н.э., отмечая, что ему известен только один такой браслет более позднего времени (1970, с. 56, рис. 20: 23, 43, 59). По нашим же материалам такие браслеты были популярны в I – первой половине II в.

В эту группу входят также височные подвески с конической привеской без орнамента или чаще с нарезным орнаментом, имитирующим спирали (рис. 12: 32). На Тарасово это наиболее многочисленный тип – 218 экз. Они обнаружены в могильниках Ново-Сасыкуль (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 5: 7, 8), Ныргында I (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 222: 11–17), Чеганда II, Ныргында II, Пьяноборском (Генинг, 1971, табл. I: 7, 8). В.Ф. Генинг относил их к I–II вв. н.э. (1970, рис. 20: 57, 85, 86).

Оригинальны застежки с крючком, крепившиеся к ремню с помощью обоймы (рис. 12: 33). Один из вариантов с X-видным орнаментом учтен в

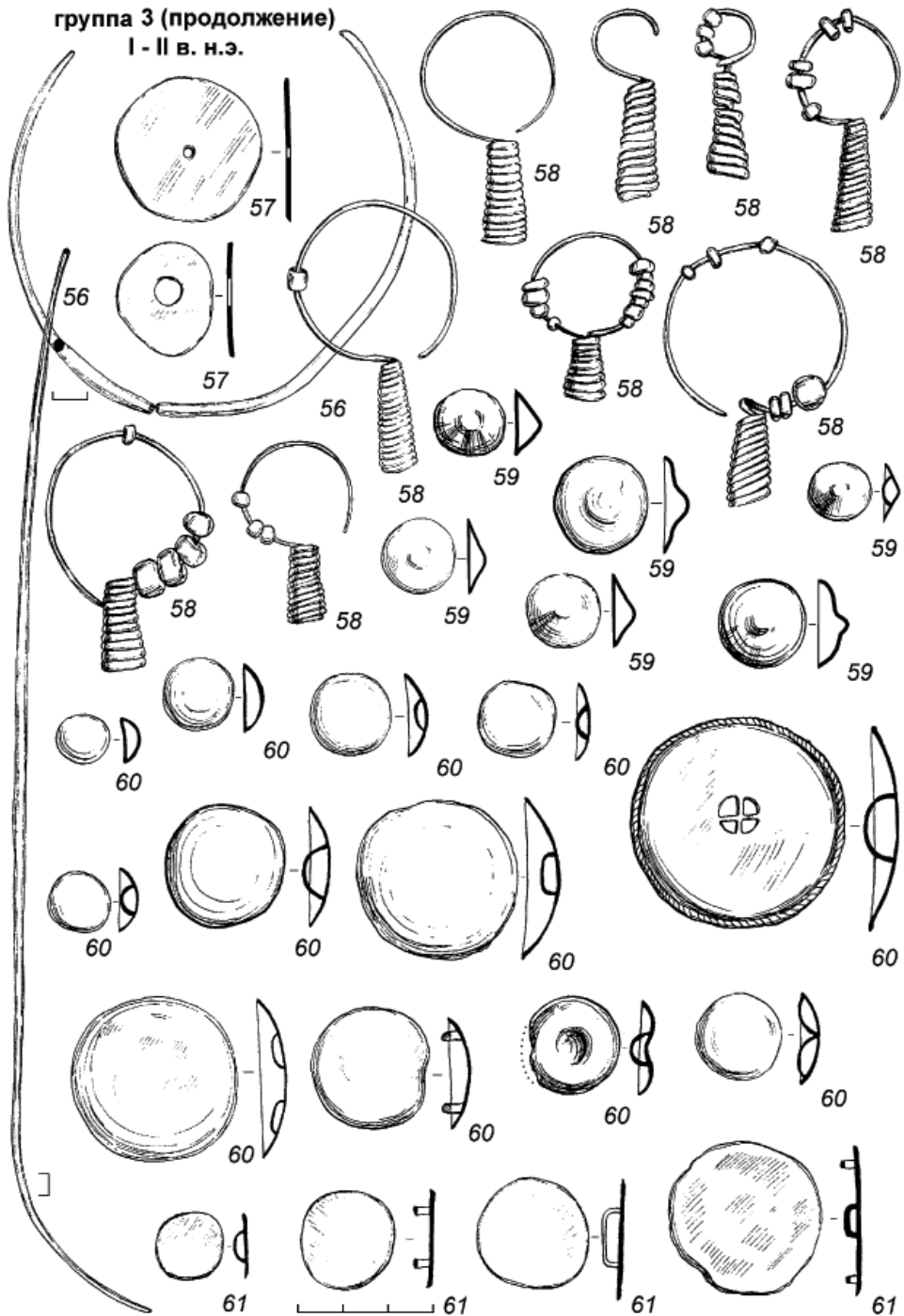

Рис. 16. Тарасовский могильник. Предметы женских захоронений группы 3 (I-II вв. н.э.). 56 – гривны; 57, 59–61 – бляшки; 58 – височные подвески.
56, 57, 59–61 – бронза; 58 – бронза, стекло.

Fig. 16. Tarasovo burial ground. Items from female burials of group 3 (1st – 2nd cc. AD). 56 – grivnas; 57, 59–61 – plaques; 58 – temple pendants. 56, 57, 59–61 – bronze; 58 – bronze, glass.

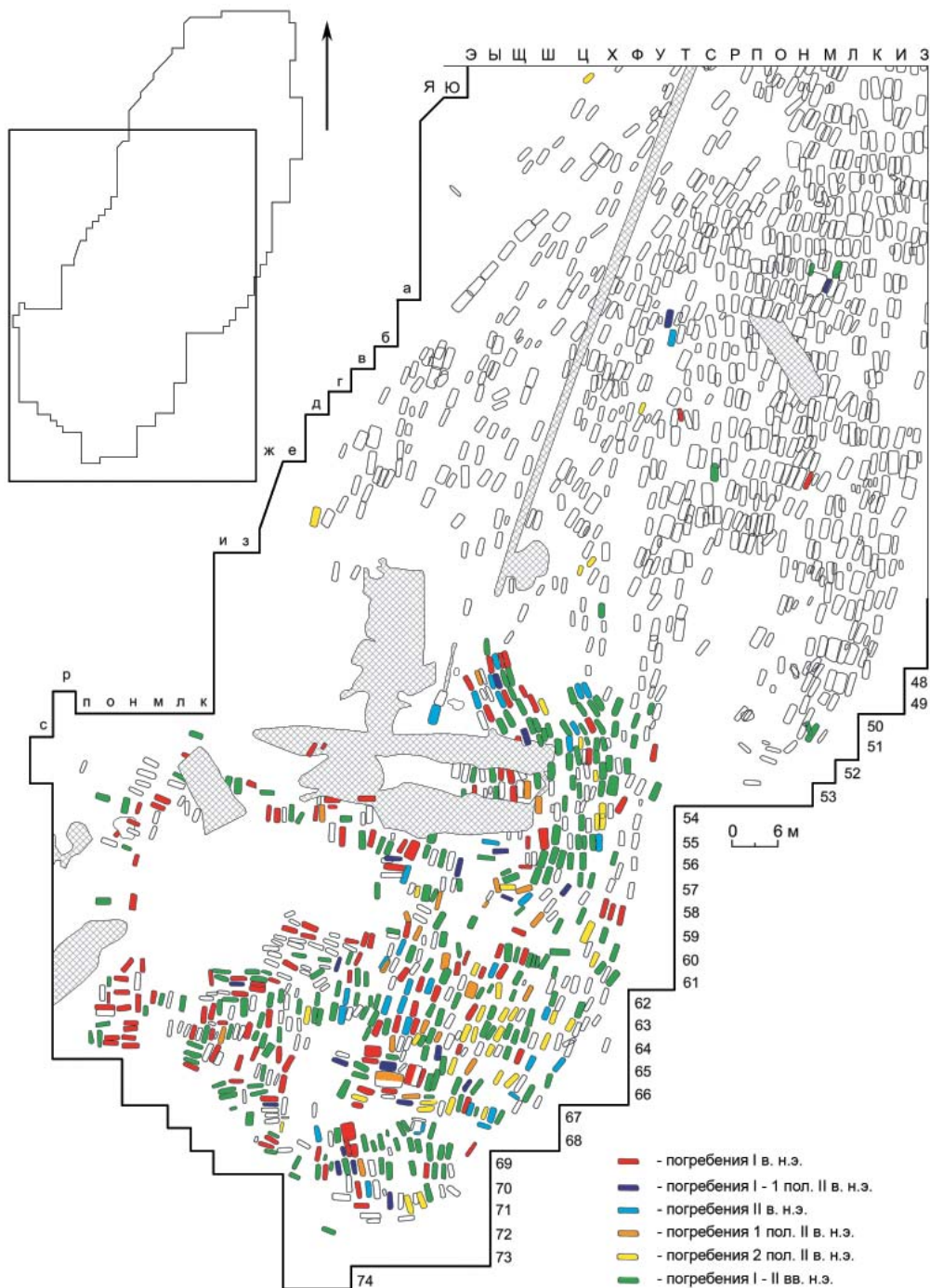

Рис. 17. Тарасовский могильник. Планиграфия хронологических групп могил ранней (ныргындинской) стадии. Учтены все датированные погребения.

Fig. 17. Tarasovo burial ground. Planigraphic setting of chronological groups of the early (Nyrgynda) stage graves. All dated graves have been examined.

группе 2 (II в. н.э.) мужских захоронений (рис. 4: 20). В женских же такие застежки более разнообразны за счет появления экземпляров с орнаментом в средней части в виде кружков и спиралей. Подобные застежки выявлены в Ново-Сасыкульском (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 12: 9, 10, 13) и Пьяноборском (Генинг, 1971, табл. XX: 8) могильниках. В.Ф. Генинг считал, что они характерны для позднего периода (II в.) и, возможно, сменяют обычные застежки с неподвижным крючком (1970, с. 47). Н.А. Лещинская близкую застежку с обоймой из погребения 26 Ошкинского могильника отнесла к концу I – II в. (2014, табл. 80: 5).

К этой же группе относятся подвески «утиная лапка» (рис. 12: 34). Подобные изделия обнаружены в могильниках: Ново-Сасыкуль (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 7: 19; 13: 8), Чеганда II, Ныргында II; кладях Чеганда I и II, Каракулинском, Трошковском, Исенбаевском, Камский Ключ; Ныргындинском II городище (Генинг, 1971, табл. IV: 10; XIX: 21; XXII: 5). В.Ф. Генинг датировал их I–II вв. н.э. (1970, рис. 20: 91). Судя по планиграфии Тарасово, 6 могил с такими находками располагались в ранней, ныргындинской, части памятника (482, 689, 1091, 1100, 1167, 1654), 3 – в мазунинской (555, 616), из которых одна (532) имеет смешанный характер.

И, наконец, последний тип в этой группе – круглые пластинчатые застежки с крючком со скудным орнаментом или без него (рис. 12: 35) – не столь многочисленен, как другие (4 экз.). В.Ф. Генинг считал этот вариант одним из позднейших и датировал II в. (1970, рис. 20: 76). В итоге вещи группы 4 Тарасово можно предвари-

тельно оценить в пределах I – первой половины II в. н.э.

Не следует воспринимать даты, предлагаемые нами, как некую аксиому. Уже сопоставление результатов корреляции вещей мужских и женских захоронений показало, что некоторые типы, представленные в мужских сериях I в., отсутствуют во II в., но присутствуют в женских II в. Такими крупными выпуклыми бляхами (рис. 3: 18), круглыми плоскими бляшками средних размеров (рис. 3: 16), круглыми плоскими сюльгамами без орнамента (рис. 3: 19). В мужских могилах оказались только во II в., а в женских и в I и во II вв. – двучастные пронизки-трубочки (рис. 15: 52), одинарные пронизки-сапожки (рис. 15: 54). Скорее всего, на протяжении I, и II в. использовались конические ножны с орнаментом (рис. 3: 10), височные подвески с длинной спиральновитой конической привеской (рис. 11: 29) и др. Окончательное решение будет получено в ходе дальнейшего изучения этой проблемы.

Планиграфическое распределение на площади могильника различных по времени групп (рис. 17) показало, что захоронения ныргындинской стадии концентрируются преимущественно в южной части раскопа. Свободная от погребений часть площадки на уч. а-м/55-61, не разрушенная нефтяниками, скорее всего, была во время функционирования могильника залесена, либо существовали еще какие-то препятствия для совершения на ней захоронений. Часть ранних могил располагается и в северной половине раскопа – явные свидетельства принадлежности памятника однокультурному населению. Обращает на себя внимание и разная ориентировка ранних могил (I в.), что позволяет ду-

мать о двух родственных коллективах, основавших Тарасовский могильник. Но возможны и другие объяснения этому явлению. Последующего анализа требует и размещение разновременных могил в рядах и группах.

Подведем итоги. Тарасовский могильник I–V вв. – классический памятник чегандинской культуры пьяноборской культурно-исторической общности. Его материалы делятся на 2 периода: ранний – ныргындинский (I–II вв.) – и поздний – мазунинский (III–V вв.). Анализ инвентаря как мужских, так и женских могил ранней стадии показал, что в ней можно выделить следующие хронологические группы: I в. (1-я), II в. (2-я) и I–II вв. (3-я). Более представительные и разнообразие серии вещей женских могил позволили обособить группы вещей короткого бытования: первой

половины II в. (группа 2 а), второй половины II в. (группа 2 б) и I – первой половины II вв. (группа 4). Выяснилось, что датировки значительного количества вещей этого времени, предложенные в свое время В.Ф. Генингом, подтвердились. В некоторых случаях они уточнены и скорректированы. В целом набор вещей Тарасовского могильника оригинален и значительно расширяет наши представления о материальной культуре I–II вв. н.э. Среднего Прикамья. Разумеется, предлагаемый вариант хронологизации требует дополнительного анализа, проверки и корректировки на основе новых материалов. Не скроем, очень хотелось бы выделить плохо изученные комплексы конца I тыс. до н.э. в Среднем Прикамье, но, к сожалению, пока это доказательно сделать не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г.* Курганы нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-2 // Труды Дагестанской экспедиции. Т. 1 / МИАР. Вып. 2 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М., 2000. 140 с.
2. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа, 1992. 140 с.
3. *Агеев Б.Б., Мажитов Н.А.* III Кушулевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 75–94.
4. *Айбабин А.И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. 1984. № 1. С. 104–122.
5. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971а. № 2. С. 96–123.
6. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971б. № 3. С. 106–133.
7. *Арматинская О.В.* Новые исследования Икского могильника в устье р. Ик // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Л.Д. Макаров. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1988. С. 31–42.
8. *Архипов Г.А., Шадрин А.И.* Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино // Новые материалы по археологии Поволжья / АЭМК. Вып. 24 / Науч. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола, 1995. С. 110–129.
9. *Ахмедов И.Р.* Инвентарь мужских погребений (культура рязано-окских могильников) // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 9 / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–152.

10. Ашихмина Л.И., Ключева Г.Н. Икский могильник – новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Б.Г. Плющевский. Ижевск, 1984. С. 44–53.

11. Бажан И.А., Еременко В.Е. Некоторые аспекты исследования хронологии могильников по методу П. Рейнеке // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени / Науч. ред. М.Б. Щукин, О.А. Гей. Л., 1992. С. 14–21.

12. Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. I. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум, 2011. 320 с.

13. Бернц В.А. Пояса с ромбическими накладками (по материалам погребений Тарасовского могильника I–V вв.) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань: Отечество, 2014. С. 288–290.

14. Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование) / Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2002. 513 с.

15. Васильев А.А. Германские воинские пряжки и наконечники ремней на Боспоре // Боспорские исследования. Вып. IX / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Симферополь-Керчь, 2005. С. 279–288.

16. Васюткин С.М. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск, 1980. С. 72–91.

17. Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.

18. Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии / Сост., науч. ред. Т.И. Останина. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64–125.

19. Вихляев В.И. Андреевская культура и ее роль в этнической истории Западного Поволжья // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы современности: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 1999. С. 17–30.

20. Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 2000. 132 с.

21. Волкович А.М. К южным связям Прикамья в последние века до н.э. и в первые века н.э. // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. 1. Л., 1941. С.219–236.

22. Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа. Т. I, II. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2012. 291, 138 с.

23. Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа) / Науч. ред. М.Б. Щукин. М., 1997. 144 с.

24. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 257 с.

25. Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II / Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Семенов. Свердловск-Ижевск, 1971. 159 с.

26. Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2005. 238 с.

27. Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: Удм. ун-т, 2010. 264 с.

28. Голдина Р.Д. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Вып. 9 / Памятники ломоватовской культуры / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1970. С. 57–118.

29. Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып. 158. М.: Наука, 1979. С. 79–90.

30. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
31. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
32. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.
33. *Голдина Р.Д.* Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 21. Ижевск, 2012. 472 с.
34. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.
35. *Голдина Р.Д., Королева О.П.* Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Удм. ун-т, 1983. С. 40–72.
36. *Голдина Р.Д., Красноперов А.А.* Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 364 с.
37. *Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А.* О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25 / Науч. ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Ширококова. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 321–375.
38. *Голдина Р.Д., Перевоицков С.Е., Сабирова Т.М.* О составе металла некоторых украшений Нырғындынского I могильника II–III вв. н.э. в Среднем Прикамье // Р.Д. Голдина, А.А. Красноперов. Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. / Науч. ред. Л.И. Липина. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 341–362.
39. *Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М.* Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 29. Казань, Ижевск: Институт археологии им. Халикова АН РТ, Удмуртский университет, 2015. 297 с.
40. *Голдина Р.Д., Ютина Т.К.* Хронология погребальных комплексов Агафонового II могильника (IX–XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск, 1987. С. 39–61.
41. *Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7 / Отв. ред. В.А. Иванов. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.
42. *Еременко В.Е.* «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III–I вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. 237 с.
43. *Ефименко П.П.* Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 1. Л., 1926. С. 59–84.
44. *Ефименко П.П.* К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н.э. по археологическим источникам // СА. 1937. № II. С. 39–58.
45. *Журавлева Г.Н., Генинг В.Ф.* Нырғындынский II могильник (рукопись монографии). 1989 / Личный архив Г.Н. Журавлевой.
46. *Журавлева Г.Н.* Предварительные итоги изучения Нырғындынского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга // ПА. 2014. № 1(7). С. 69–91.

47. *Зубов С.Э.* Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 72–88.
48. *Зубов С.Э.* Ранние палашы Волго-Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007а. С. 124–133.
49. *Зубов С.Э.* Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // УАВ. Вып. 10. Уфа: Гилем, 2010. С. 64–82.
50. *Зубов С.Э.* Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 136 с.
51. *Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А.* Новые памятники писеральско-андреевского типа I–III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение) // Вояджер: мир и человек. Самара: Изд-во Самарский муниципальный институт управления, 2011. С. 13–30.
52. *Зубов С.Э., Михеев А.В.* Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 204–225.
53. *Зыков А.П.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху великого переселения народов // УАВ. Вып. 11. Уфа: Гилем, 2011. С. 66–80.
54. *Казанцева О.А.* Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 24. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 180 с.
55. *Клюева Г.Н.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Каракулинском и Сарапульском районах УАССР летом 1980 года / Архив ИИКНП. Ижевск, 1980. Ф. 2. Д. 122.
56. *Ковалевская В.Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии / Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. Вып. 2. М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. 364 с.
57. *Красноперов А.А.* Зеркала пьяноборской культуры // Пятые Берсовские чтения / Редколл. В.Д. Викторова, Т.Ю. Клементьева, В.М. Морозов, С.Н. Панина (отв. за выпуск), Ю.П. Чемякин. Екатеринбург: Квадрат, 2006. С. 144–148.
58. *Красноперов А.А.* Погребение № 28 Икского могильника: к вопросу о ранней дате пьяноборских памятников // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 331–348.
59. *Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) / САИ. Вып. Д1–27. М.: Наука, 1970. 222 с.
60. *Лецинская Н.А.* Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1995. С. 88–127.
61. *Лецинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск, 2014. 472 с.
62. *Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х.* Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1968. С. 38–58.
63. *Максименко В.Е.* Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) / Донские древности. Вып. 6. Азов, 1998. 304 с.
64. *Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

65. *Медведев А.П.* Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. 220 с.
66. *Мышкин В.Н.* Колчанные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII–I вв. до н.э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 262–279.
67. *Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.
68. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УдНИИЯЛ УрО РАН, 1997. 328 с.
69. *Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.
70. *Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: «Бизнес-Информ», 2007. 480 с.
71. *Пшеничнюк А.Х.* Охлебнинский могильник // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 59–104.
72. *Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т.V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа, 1973. С. 162–243.
73. *Пшеничнюк А.Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.
74. *Пшеничнюк А.Х.* Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 45–74.
75. *Пшеничнюк А.Х.* Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986а. С. 26–44.
76. *Пшеничнюк А.Х.* Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебнинского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.
77. *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.
78. *Смирнов А.П.* Могильники пьяноборской культуры (к вопросу о дате) // КСИ-ИМК. Вып. XXV. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 22–32.
79. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.
80. *Спицын А.А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы / МАР. № 25. СПб., 1901.
81. *Степанов П.Д.* Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск: Мордовское книжное издательство, 1980. 108 с.
82. *Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.И., Юсупов Р.М.* Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовой могильник). Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. 172 с.
83. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
84. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. / Тр. МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1962. С. 7–187.
85. *Халиков А.Х.* Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья / АЭМК. Вып. 12 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 1987. С. 8–24.

86. Худяков М.Г. Нырғындынские I и II могильники // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л.: Типография «Печатный Двор», 1933. С. 15–19. Табл. IX–XI.

87. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.

88. Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV вв. н.э.). Дисс... докт. ист. наук. СПб., 2009. 571 с.

89. Шенко Л.Г. Позднесарматские курганы в северном Приазовье // СА. 1987. № 4. С. 158–173.

90. Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Изд-во «Фарн», 1994. 323 с.

Информация об авторах:

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

Бернц Вероника Александровна, специалист по учебно-методической работе I категории, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

CHRONOLOGY OF THE 1ST– 2ND CENTURY GRAVES FROM THE TARASOVO BURIAL GROUND

R.D. Goldina, V.A. Bernts

The article focuses on the chronology of graves dating back to the early (1st – 2nd centuries AD) – Nyrғыnda stage of the 1st – 5th century Tarasovo burial ground, a classical monument attributed to the Cheganda culture of the Pyany Bor cultural-historical community. Cultural stratigraphy is applied as a research method. Artifacts from the early stage were correlated for 37 male and 102 female complexes, separately. The analysis of grave goods from male burials showed the following three chronological groups, that can be distinguished at the Nyrғыnda stage: 1st century (group 1), 2nd century (group 2) and 1st – 2nd centuries AD (group 3). The goods from female graves are more representative and various, so three more groups with shorter chronological lives can be singled out: the first half of the 2nd century (group 2a), the second half of the 2nd century (group 2b) and the 1st – first half of the 2nd century (group 4). Certainly, the suggested chronology leaves room for any eventual corrections subject to new findings.

Keywords: archaeology, Kama region, Iron Age, Tarasovo burial ground, the Pyany Bor cultural-historical community, Cheganda culture, Nyrғыnda stage, chronology, correlation, cultural stratigraphy

REFERENCES

1. Abramova, M. P., Krasilnikov, K. I., Piatykh, G. G. 2000. In Munchaev, R. M. (ed.). *Trudy Dagestanskoi ekspeditsii (Proceedings of the Dagestan Expedition)* 1. Materialy i issledovaniia po arkeologii Rossii (Materials and Research of the Russian Archaeology) 2. Moscow (in Russian).
2. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
3. Ageev, B. B., Mazhitov, N. A. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iakh Beloi (Archaeological Research in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 75–94 (in Russian).

4. Aibabin, A. I. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 104–122 (in Russian).
5. Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 96–123 (in Russian).
6. Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 106–133 (in Russian).
7. Armatynskaia, O. V. 1988. In Makarov, L. D. (ed.). *Novye arkheologicheskie pamiatniki Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (New Archaeological Sites in the Kama and Vyatka Interfluves Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 31–42 (in Russian).
8. Arkhipov, G. A., Shadrin, A. I. 1995. In Nikitin, V. V. (ed.). *Novye materialy po arkheologii Povolzh'ia (New Materials on the Archaeology of the Volga Area)*. Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 24. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography Institute 110–129 (in Russian).
9. Akhmedov, I. R. 2007. In Gavritukhin, I. O., Oblomskii, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletii n.e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.)*. Series: Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors 9. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 137–152 (in Russian).
10. Ashikhmina, L. I., Klyueva, G. N. 1984. In Pliushchevskii, B. G. (ed.). *Pamiatniki zhelezno-veka Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Iron Age Sites in the Kama and Vyatka Interfluves Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 44–53 (in Russian).
11. Bazhan, I. A., Eremenko, V. E. 1992. In Shchukin, M. B., Gei, O. A. (eds.). *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni (Issues of Chronology of La Tene and Roman Period)*. Saint Petersburg: s. ed., 14–21 (in Russian).
12. Berlizov, N. E. 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskie plemena Iuzhnoi Rossii v VII v. do n.e. – V v.n.e. (Rhythms of Sarmatia. The Sarmatian and Sauromatian Tribes of Southern Russia in the 7th Century BC – 5th Century AD)* I. Krasnodar: Krasnodar State University for Culture and Arts; “Parabellum” Publ. (in Russian).
13. Bernts, V. A. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* II. Kazan: “Otechestvo” Publ., 288–290 (in Russian).
14. Vasilev, St. A. 2002. *Iskusstvo drevnego naseleniia Volgo-Kam'ia v anan'inskiu epokhu (istoki i formirovanie) (Art of the Ancient Population of Volga – Kama Rivers Region in the Ananyino Epoch: Origins and Formation)*. PhD Diss. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
15. Vasilev, A. A. 2005. In Zinko, V. N. (ed.). *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* IX. Simferopol; Kerch, 279–288 (in Russian).
16. Vasiutkin, S. M. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Pamiatniki epokhi srednevekov'ia v Verkhnem Prikam'e (Medieval Sites in the Upper Kama Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 72–91 (in Russian).
17. Vasiutkin, S. M., Kalinin, V. K. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iax Beloi (Archaeological Research in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 95–122 (in Russian).
18. Vasiutkin, S. M., Ostanina, T. I. 1986. In Ostanina, T. I. (ed.). *Voprosy istorii i kul'tury Udmurtii (Issues of History and Culture of Udmurtia)*. Ustinov: Udmurtia, 64–125 (in Russian).
19. Vikhliaev, V. I. 1999. In Arsent'ev, N. M. (ed.). *Issledovaniia P. D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy sovremennosti (P. D. Stepanov's Studies and Modern Ethnic-Cultural Processes)*. Saransk: Institute for History and Social Sciences, Mordovia State University named after N. P. Ogarev, 17–30 (in Russian).
20. Vikhliaev, V. I. 2000. *Proiskhozhdenie drevnemordovskoi kul'tury (Origins of the Ancient Mordovian Culture)*. Saransk: Institute for History and Social Sciences, Mordovia State University named after N. P. Ogarev (in Russian).

21. Volkovich, A. M. 1941. In *Trudy Otdela istorii pervobytnoi kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha (Papers of the Department of Primitive Culture of the State Hermitage Museum)* 1. Leningrad, 219–236 (in Russian).
22. Vorobeva, S. L. 2012. *Tipologiya elementov ubranstva kostiuma kara-abyzskoi kul'tury epokhi rannego zheleza (Typology of the Wear Design Elements in the Early Iron Age Kara-Abyz Culture)*. Vols. I, II. PhD Diss. Ufa, 291 (in Russian).
23. Gaj, O. A., Bažan, I. A. 1997. *Khronologiya epokhi «gotских pokhodov» (na territorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza) (Chronology of the Epoch of “Gothic Raids” (on the Territory of Eastern Europe and Caucasus))*. Moscow: s. ed. (in Russian).
24. Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Izhevsk (in Russian).
25. Gening, V. F. 1971. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. II. Arkheologicheskie pamiatniki chegandinskoj kul'tury (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part II. Cheganda Culture Archaeological Sites (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 11. Sverdlovsk; Izhevsk (in Russian).
26. Glukhov, A. A. 2005. *Sarmaty mezhdurech'ia Volgi i Dona v I – pervoi polovine II v. n.e. (Sarmatians in the Volga and Don Interfluves Area in 1st – First Half of 2nd c. AD)*. Volgograd: “Volgogradskoe nauchnoe izdatelstvo” Publ. (in Russian).
27. Goldina, E. V. 2010. *Busy mogil'nikov nevolinskoj kul'tury (konets IV–IX vv.) (Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
28. Goldina, R. D. 1970. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 9. *Pamiatniki lomovatovskoj kul'tury (Sites of the Lomovatovo Culture)*. Sverdlovsk, 57–118 (in Russian).
29. Goldina, R. D. 1979. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications from the Institute of Archaeology)* 158. Moscow: “Nauka” Publ., 79–90 (in Russian).
30. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
31. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region)* II. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).
32. Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th centuries in the Middle Kama Region)*. Vol. 1. Izhevsk: Udmurtiia, (in Russian).
33. Goldina, R. D. 2012. *Nevolinskii mogil'nik VII–IX vv. v Permskom Predural'e (Nevolino Burial Ground from 7th–9th cc. in the Perm Cis-Urals)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoj arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 21. Izhevsk (in Russian).
34. Goldina, R. D., Bernits, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of Great Migrations Epoch in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans))*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoj arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
35. Goldina, R. D., Koroleva, O. P. 1983. In Vladykin, V. E. (ed.). *Etnicheskie protsessy na Urale i Sibiri v pervobytnuiu epokhu (Ethnic Processes in the Urals and Siberia in the Prehistoric Age)*. Izhevsk: Udmurt State University, 40–72 (in Russian).
36. Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd–3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoj arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

37. Goldina, R. D., Perevozchikova, S. A. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaiia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 321–375 (in Russian).
38. Goldina, R. D., Perevoshchikov, S. E., Sabirova, T. M. 2012. In Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd–3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University, 341–362 (in Russian).
39. Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame (Funerary Rite in the Tarasovo Burial Ground from 1st–5th Centuries in the Middle Kama Area)* III. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 29. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
40. Goldina, R. D., Yutina, T. K. 1987. In Ivanova, M. G. (ed.). *Pogrebal'nye pamiatniki Prikam'ia (Funerary Sites of the Kama Area)*. Izhevsk, 39–61 (in Russian).
41. Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'turnogo zheleznogo veka Vostochnoi Evropy (Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhanii, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).
42. Eremenko, V. E. 1997. «*Kel'tskaia vual'*» i zarubinskaia kul'tura. *Opyt rekonstruktsii etnopoliticheskikh protsessov III–I vv. do n.e. v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope (The "Celtic Veil" and the Zarubintsy Culture: An Essay on Reconstruction of 3rd–1st Centuries BC Ethnic-Political Processes in Central and Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
43. Efimenko, P. P. 1926. In *Materialy po etnografii (Materials on Ethnography)* 1 (III). Leningrad, 59–84 (in Russian).
44. Efimenko, P. P. 1937. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* II, 39–58 (in Russian).
45. Zhuravleva, G. N., Gening, V. F. 1989. *Nyrgyndinskii II mogil'nik (Nyrgynda 2 Burial Ground)*. Monograph's manuscript. Personal Archive of G. N. Zhuravleva (in Russian).
46. Zhuravleva, G. N. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 7 (1), 69–91 (in Russian).
47. Zubov, S. E. 2007. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 6–7. Ufa: "Gilem" Publ., 72–88 (in Russian).
48. Zubov, S. E. 2007. In Yablonsky, L. T., Tairov, A. D. (eds.). *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiya i khronologiya (Armament of Sarmatians: Regional Typology and Chronology)*. Chelyabinsk: South Ural State University, 124–133 (in Russian).
49. Zubov, S. E. 2010. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 10. Ufa: "Gilem" Publ., 64–82 (in Russian).
50. Zubov, S. E. 2011. *Voinskie migratsii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I–III vv.). Migratsionnye protsessy v formirovanii novoi etnokul'turnoi sredy po materialam arkheologicheskikh dannykh (Warriors Migrations of the Roman Time in the Middle Volga Area (1st–3rd Centuries). Migrational Processes in the New Ethno-Cultural Milieu, by the Archaeological Data)*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing (in Russian).
51. Zubov, S. E., Lifanov, N. A., Radiush, O. A. 2011. In *Voiazher: mir i chelovek (Voyager: World and Man)*. Samara: Samara Municipal Institute for Public Administration, 13–30 (in Russian).
52. Zubov, S. E., Mikheev, A. V. 2006. In Obydennova, G. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia (Southern Ural and Adjacent Territories in Scythian and Sarmatian Time)*. Ufa: "Gilem" Publ., 204–225 (in Russian).

53. Zыkov, A. P. 2011. In *Ufmskii arkhеologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 11. Ufa: “Gilem” Publ., 66–80 (in Russian).
54. Kazantseva, O. A. 2012. *Krasnoiarskii mogil'nik I–V vv. n.e. v basseine r. Tulvy Srednego Pri-kam'ia (Krasny Yar Burial Ground from 1st–5th cc. AD in the Tulva River Basin, Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 24. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
55. Kliueva, G. N. 1980. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniiax, provedennykh v Kara-kulinskom i Sarapul'skom raionakh UASSR letom 1980 goda (Report on the Archaeological Research in the Karakulino and Sarapul Districts, Udmurt Autonomous Republic, in Summer of 1980)*. Archives of the Institute for History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Izhevsk, Fund 2, dossier 122 (in Russian).
56. Kovalevskaia, V. B. 2000. *Komp'yuternaia obrabotka massovogo arkhеologicheskogo ma-teriala iz rannesrednevekovykh pamiatnikov Evrazii (Computer-assisted Processing of Mass Archae-ological Finds from Early Medieval Sites of Eurasia)*. Series: Khronologiiia vostochnoevropskikh drevnostei V–IX vv. (Chronology of 5th–9th Centuries East-European Antiquities) 2. Moscow: Pushchino Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
57. Krasnoperov, A. A. 2006. In Viktorova, V. D., Klement'eva, T. Yu., Morozov, V. M., Panina, S. N., Chemiakin Yu. P. (eds.). *Piatye Bersovskie cheniia (Fifth Bers Readings)*. Yekaterinburg: “Kvadrat” Publ., 144–148 (in Russian).
58. Krasnoperov, A. A. 2014. In Kuz'minykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *Anan'inskoii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (Ananyino World: Origins, Evolution, Relations, Historical Fates)*. Kazan: “Otechestvo” Publ., 331–348 (in Russian).
59. Kropotkin, V. V. 1970. *Rimskie importnye izdeliia v Vostochnoi Evrope (II v. do n.e. – V v. n.e.) (Roman Imports in Eastern Europe (2nd Century BC – 5th Century AD))*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-27. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
60. Leshchinskaya, N. A. 1995. In Goldina, R. D. (ed.). *Tipologiiia i datirovka arkhеologiches-kikh materialov Vostochnoi Evropy (Typology and Dating of the Archaeological Materials from Eastern Europe)*. Izhevsk: Udmurt State University, 88–127 (in Russian).
61. Leshchinskaya, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogre-bal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st – 5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
62. Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiiia i etnogra-fiiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 38–58 (in Russian).
63. Maksimenko, V. E. 1998. *Sarmaty na Donu (arkheologiiia i problemy etnicheskoi istorii) (Sarmatians on the Don: Archaeology and Problems of Ethnic History)*. Series: Donskie drevnosti (An-tiquities of the Don) 6. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum (in Russian).
64. Matveeva, N. P. 1994. *Rannii zheleznyi vek Priishim'ia (Early Iron Age in the Ishim River Region)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
65. Medvedev, A. P. 1990. *Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ia) (Sarmatians and For-est-Steppe Zone (by materials from the Don River Region))*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
66. Myshkin, V. N. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiiia i paleoantropologiiia evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Pa-leoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Materials and Research on the Archae-ology of Russia 13. Moscow: “Taus” Publ., 262–279 (in Russian).
67. Ovsiannikov, V. V., Savelev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasilev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).

68. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III—V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd — 5th Centuries AD)*. Izhevsk: Udmurt Institute of the History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
69. Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intсы (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Volga Ananyino People (The Elder Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
70. Puzdrovskii, A. E. 2007. *Krymskaia Skifia II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki (Crimean Scythia of the 2nd Century BC — 3rd Century AD. Funerary Sites)*. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).
71. Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 59–104 (in Russian).
72. Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).
73. Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Iuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–131 (in Russian).
74. Pshenichniuk, A. Kh. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iax Beloi (Archaeological Research in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 45–74 (in Russian).
75. Pshenichniuk, A. Kh. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iax Beloi (Archaeological Research in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 26–44 (in Russian).
76. Pshenichniuk, A. Kh. 1993. In Ageev, B. B. (ed.). *Khronologiia pamiatnikov Iuzhnogo Urala (Chronology of the Southern Urals Sites)*. Ufa: Ural Research Center of the Russian Academy of Sciences, 32–61 (in Russian).
77. Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Issues of Chronology and Its Historical Aspect)*. Saratov: Saratov University (in Russian).
78. Smirnov, A. P. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXV. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 22–32 (in Russian).
79. Smirnov, A. P. 1952. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
80. Spitsyn, A. A. 1901. *Drevnosti basseinov rek Oki i Kamy (Antiquities from the Oka and Kama Rivers Basins)*. Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 25. Saint Petersburg (in Russian).
81. Stepanov, P. D. 1980. *Andreevskii kurgan. K istorii mordovskikh plemen na rubezhe nashei ery (Andreevka Burial Mound. On History of Mordovian Tribes at the Turn of the Common Era)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
82. Sungatov, F. A., Garustovich, G. I., Iusupov, R. M. 2004. *Priural'e v epokhu velikogo peregeleniia narodov (Staro-Mushtinskii kurganno-gruntovyi mogil'nik) (Cis-Urals Area in the Great Migrations Epoch: Staraya Mushta Burial Ground)*. Ufa: "Ufimskii poligrafkombinat" Publ. (in Russian).
83. Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
84. Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).
85. Khalikov, A. Kh. 1987. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Drevnosti Volgo-Viatskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Volga and Vyatka Interfluvies Area)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo

kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 12. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History I, 8–24 (in Russian).

86. Khudiakov, M. G. 1933. In *Drevnosti Kamy po raskopkam A. A. Spitsyna v 1898 g. (Antiquities of the Kama Area on the A. A. Spitsyn's Excavations in 1898)*. Series: Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture 2. Leningrad: "Pechatnyi Dvor" Typography, 15–19, tabl. IX–XI (in Russian).

87. Khudiakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Arms of the Medieval Nomads of the Southern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

88. Sharov, O. V. 2009. *Bospor i varvarkii mir Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v pozdnerimskuiu epokhu (seredina II — seredina IV vv. n. e.) (Bosporus and Barbarian World of Central and Eastern Europe in Late Roman Time (Middle of 2nd — Middle of 4th Centuries AD))*. Doct. Diss. Saint Petersburg (in Russian).

89. Shepko, L. G. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 158–173 (in Russian).

90. Shchukin, M. B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n.e. — I v.n.e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope (On the Turn of Erae. An attempt to construct a model of political events in Eastern and Central Europe during the 3rd Century BC — 1st Century AD)*. Saint Petersburg: "Farn LTD C." Publ. (in Russian).

About the Authors:

Goldina Rimma D. Doctor of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Bernts Veronika A. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

УДК 903.25

ХРОНОЛОГИЯ АРОЧНЫХ ШУМЯЩИХ ПОДВЕСОК С КОНЬМИ

© 2016 г. В.В. Ставицкий

В статье уточняется типология и хронология арочных шумящих подвесок с конями, которые относятся к характерным древностям азелинской культуры. Ранее они рассматривались в работах ряда исследователей (Л.А. Голубевой, Н.А. Лещинской, Д.Г. Бугрова), но даты их бытования были, в основном, существенно омоложены. Сложение и развитие арочных подвесок иллюстрируют материалы могильника Тюм-Тюм, опубликованные в 2010 г. Ранние типы подобных подвесок появляются не позже середины IV века, а поздние бытуют на протяжении первой половины VI века. В более позднее время арочные подвески с конями спорадически встречаются на периферии азелинских древностей.

Ключевые слова: археология, Волго-Вятский регион, раннее средневековье, азелинская культура, арочные подвески с конями, могильник Тюм-Тюм, хронология.

Арочные подвески с конями являются одним из культуроопределяющих признаков азелинских древностей, и их находки за пределами азелинского ареала памятников расцениваются в качестве этнокультурных контактов. Подвески выполнены в наборной технике путем спайки отдельных деталей или отлиты по восковой модели. Основу подвески составляет полукруглая арка, в верхней части которой присутствуют схематические изображения коней, витые колечки, крест, в нижней – ряд витых столбиков. Под аркой располагается ряд петель, к которым крепятся шумящие привески.

Свод находок подобных подвесок был проанализирован в работе Л.А. Голубевой «Зооморфные украшения финно-угров», опубликованной в 1979 г. Однако из-за того, что значительная часть арочных подвесок, происходящих из раскопок могильника Тюм-Тюм, в то время не была опубликована, хронология их бытования была разработана Л.А. Голубевой

только в предварительном плане (Голубева, 1979, с. 31).

В настоящее время нам известны изображения 24 подвесок, 10 из которых связаны с могильником Тюм-Тюм (8 происходят из погребений, 2 – из подъемного материала)¹.

Л.А. Голубевой разработана типология подвесок, по которой они были разделены на два варианта:

1) С рамкой из двух или трех жгутов, с 7 или 8 петлями для подвешивания ромбовидных привесок на одинарных звеньях.

2) С рамкой из двух или трех жгутов, или трех рядов полугорошин, соединенных горизонтальными перемычками. Петель девять. Шумящие привески бутылковидные колокольчики или ромбические на двойных звеньях.

При этом второй вариант был признан автором типологии более поздним.

¹ Выражаю благодарность Д.Г. Бугрову за помощь в сборе информации по находкам подвесок.

К нему Л.А. Голубевой были отнесены четыре подвески: из Безводновского клада, 15-го погребения Уржумкинского могильника², 91-го погребения Младшего Ахмыловского могильника и 33-го погребения Абрамовского могильника (Голубева, 1979, с. 31).

При знакомстве с материалом оказалось, что данная типология не работает, поскольку для обоих вариантов в качестве одного из определяющих был выбран общий признак – наличие рамки из двух или трех жгутов. В результате ко второму варианту Л.А. Голубевой была отнесена подвеска из 33-го погребения Абрамовского могильника (рис. 3: 4), которая отличается от подвесок первого варианта только наличием девятой петли. Причем эта дополнительная петля, за вычетом второстепенных деталей, отличает ее от другой аналогичной подвески Абрамовского могильника (рис. 3: 5), которая была обнаружена в 8-м погребении, располагавшемся в соседнем ряду поблизости, что предполагает высокую степень вероятности их одновременного попадания к населению

² В публикации Л.А. Голубевой ошибочно указано погребение № 11, где на самом деле присутствует подвеска другого типа. Неверные данные приведены ею и в подрисуночных подписях к таблице 10: 4, где указана находка из 2-го погребения Уржумкинского могильника, в котором подобные подвески отсутствуют. Вероятно, здесь изображена подвеска из 2-го погребения Уржумского могильника, рисунок которой приведен в статье Н.А. Лещинской. При этом на рисунке в статье изображено на одно звено больше (Лещинская, 1995, рис. 11: 19). В этом случае подвеска на рис. 13 из Свода Л.А. Голубевой, видимо, происходит из коллекции Уржумского музея, а не из одноименного могильника, как указано в подписи.

этого некрополя (Ставицкий, Шитов, 2013, рис. 1).

О том, что число петель относится к признакам третьестепенного порядка и, следовательно, не может служить критерием для отнесения к определенному варианту, свидетельствуют материалы могильника Тюм-Тюм. Здесь, несмотря на хронологическую близость материалов, количество петель у подвесок заметно варьируется. Пять подвесок имеют по 7 петель, две – по 8 (рис. 2; 3: 2–3). Еще три экземпляра имеют по 9 петель, что по типологии Л.А. Голубевой является признаком второго варианта, но при этом они отнесены ею к первому. Кроме того, на двух подвесках могильника Тюм-Тюм привески имеют не ромбическую, а бутылковидную форму (рис. 3: 2; 4: 2), что опять же характерно для второго варианта по ее типологии. Фактически Л.А. Голубева разделила украшения на типы не по комплексу перечисленных признаков, а лишь по числу соединительных звеньев, отнеся к первому варианту подвески с одиночными звеньями, а ко второму – с двойными.

Во избежание подобной путаницы нам пришлось изменить типологию подвесок, в основу которой была положена конструкция арочной рамки. По количеству коней в рамке подвески были разделены на варианты. Дополнительными признаками являются число соединительных звеньев и форма привесок.

Тун 1. Подвески, имеющие рамку из двух или трех жгутов. Соединительные звенья одинарные. Привески имеют ромбическую форму, близкую к квадрату или бутылочную.

Вариант 1 А с фигурой одного коня в рамке (1 экз.). Могильник Тюм-Тюм, погребение 79 (рис. 2: 1).

Рис. 1. Карта распространения арочных подвесок с конями.

1 – Абрамовский могильник, 2 – Младший Ахмыловский, 3 – Уржумкинский могильник, 4 – Мари-Луговской, 5 – Безводновский клад, 6 – Уржумский могильник, 7 – могильник Тюм-Тюм, 8 – Аргыжское городище, 9 – Старо-Узюмский могильник, 10 – Айшинский могильник, 11 – Концовский могильник.

Цветом выделен ареал памятников азелинского периода худяковской культуры по Р.Д. Голдиной (1999).

Fig. 1. Distribution of arched pendants with horses.

1 – Abramova burial ground, 2 – Later Akhmylovo burial ground, 3 – Urzhumkino burial ground, 4 – Mari-Lugovoe burial ground, 5 – Bezzvodnoe hoard, 6 – Urzhum burial ground, 7 – Tyum-Tyum burial ground, 8 – Argyzh hillfort, 9 – Stary Uzyum burial ground, 10 – Aysha burial ground, 11 – Konets burial ground.

Colored area identifies sites of Khudyaki culture, Azelino period. After R.D. Goldina (1999).

Вариант 1 Б с двумя фигурами коней (1 экз.). Могильник Тюм-Тюм, погребение 124 (рис. 2: 2).

Вариант 1 В с тремя фигурами коней (14 экз.). Могильник Тюм-Тюм, погребения: 46, 57, 105, 122, подъемный материал – 2 экз.; Уржумский могильник; Айшинский могильник; Абрамовский могильник, погребения 8, 33; Уржумкинский могильник, погребения 11 и 22, Аргыжский клад,

Уржумский музей (?) (рис. 2: 3–5; 3; 4: 3, 4; 5: 1).

Тип 2. Подвески, имеющие рамку из двух или трех жгутов, по периметру которой располагается ряд полугорошин. С тремя конями в рамке (3 экз.). На подвесках из погребений 21 и 117 могильника Тюм-Тюм соединительные звенья одинарные (рис. 4: 1, 2). На подвеске из Мари-Луговского могильника звенья не сохранились (рис. 5: 2).

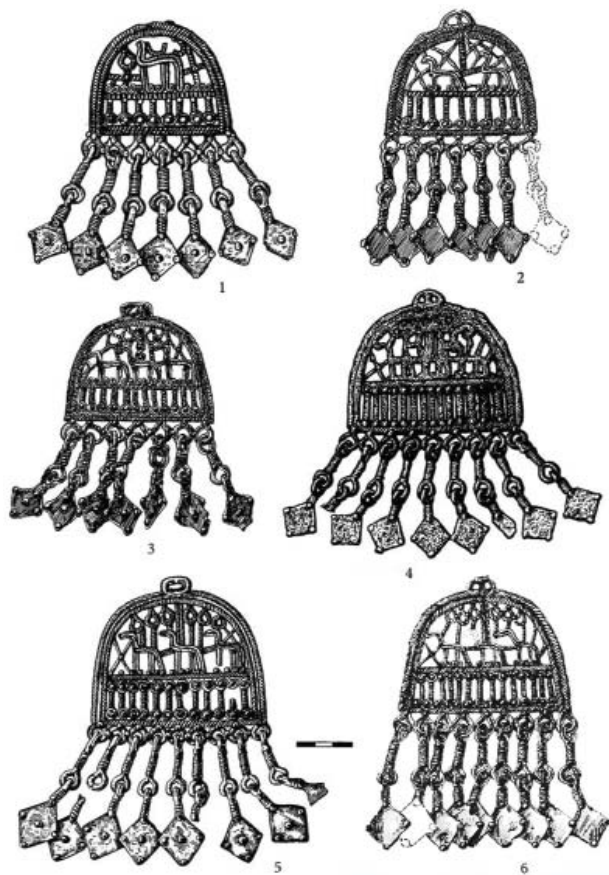

Рис. 2. Арочные подвески 1-го типа из могильника Тюм-Тюм:
1 – п. 79, 2 – п. 124,
3 – п. 105, 4 – п. 122,
5 – п. 46, 6 – п. 57.
По С.В. Ошибкиной
(2010).

Fig. 2. The arched pendants, type 1, from Tuym-Tyum burial ground:
1 – grave 79, 2 – gr. 124,
3 – gr. 105, 4 – gr. 122,
5 – gr. 46, 6 – gr. 57.
After S.V. Oshibkina (2010).

Тип 3. Подвески с рамкой из рядов полугорштин, соединенных горизонтальными перемычками. Соединительные звенья двойные. Привески бутылчатые или в виде вытянутого ромба.

Вариант 3 А с тремя фигурками коней (4 экз.). Уржумкинский могильник, погребение 15 (рис. 5: 3), Безводновский клад (рис. 4: 6), Староузюмский могильник (Бугров, 2015, рис. 1), Концовский могильник (Стефанова, 1982, рис. 7).

Вариант 3 Б с четырьмя фигурками коней (1 экз.). Младший Ахмыловский могильник, погребение 91 (рис. 4: 6). Рис.2-5.

Все положенные в основу типологии признаки имеют хронологическое

значение, что в дальнейшем будет показано на конкретных примерах.

Хронология подвесок первого варианта (1 и 2 тип по нашей типологии) была предположительно определена Л.А. Голубевой преимущественно VI в., возможно, и началом VII в. (Голубева, 1979, с. 31). Подобная датировка опиралась на хронологию А.К. Амброза, которая, судя по значительному «омоложению» им древностей Кошибеевского могильника (Амброз, 1971), содержала ряд существенных просчетов при датировании памятников лесной зоны. Еще более поздним временем (вплоть до VIII в.) Л.А. Голубевой было определено бытование подвесок третьего типа. Основанием для этого послужила соответствующая

датировка 91-го погребения Младшего Ахмыловского могильника, где, в частности, были найдены крестовидная фибула, пирамидальные колокольчики с шипами на углах, наконечники из цилиндрических пронизок и т. д. (Голубева, 1979, с. 31).

Судя по типологии, подвеска из Младшего Ахмыловского могильника является наиболее поздней (тип 3 Б, рис. 4: 5). Стилистически она отличается от всех остальных тем, что изображения коней на ней носят схематичный характер. Единой извилистой линией здесь намечены только головы, туловища и хвосты животных, а в качестве ног использованы пересекающие их туловища соединительные планки, отчего у коней получилось различное число ног. В арку вписано четыре коня, чего нет ни на одной из других известных находок. Видимо, данная подвеска замыкает эволюционный ряд украшений и является одной из самых поздних. Поэтому по ней следует датировать не время существования всего варианта, а только его финал.

В настоящее время погребения Младшего Ахмыловского могильника датируются Т.Б. Никитиной второй половиной VI–VII в., а для отдельных захоронений не исключается VIII в. (Никитина, 2002, с. 178–179). Однако в ранней части этого могильника зафиксировано погребение с крестовидной фибулой окского типа, время бытования которой определено И.Р. Ахмедовым первой третью V в., а время совершения самого погребения не позже середины этого века (Ахмедов, 2012, с. 116). Крестовидная фибула, но только более развитого облика, имеющая более массивную ромбическую ножку, присутствует и в 91-м

погребении этого могильника (Никитина, 1999, с. 105, рис. 23). Среди окских фибул ближайšie аналоги ей имеются в 28-м погребении могильника Курман, которое датируется И.Р. Ахмедовым первой половиной V в. (Ахмедов, 2007, с. 178, рис. 23: 3).

Но в 91-м погребении имеются вещи более позднего времени. К ним относится серповидная пластинчатая гривна с лопастью треугольного сечения (Никитина, 1999, с. 104, рис. 22: 7). В мордовских могильниках подобные гривны получают распространение с начала VI в., когда входят в употребление и сьюльгамы с завернутыми в трубочку «усами», незначительно выступающими за пределы кольца (Ставицкий, Шитов, 2013, с. 264), которые найдены и в ряде погребений Младшего Ахмыловского могильника. Однако в 91-м захоронении сьюльгамы не имеют выступающих «усов» (Никитина, 1999, с. 104, рис. 22: 1–2). Подобные сьюльгамы в мордовских древностях выходят из употребления на рубеже V–VI вв. (Ставицкий, Шитов, 2013, с. 263). Причем их смена происходит достаточно быстро. Из 2374 погребений, проанализированных В.И. Вихляевым, А.А. Беговаткиным, О.В. Зеленцовой, В.Н. Шитовым, сьюльгамы без выступающих «усов» и сьюльгамы с «усами» встретились вместе только в 13 погребениях (Вихляев и др., 2008).

Впрочем, нельзя исключать, что в Младшем Ахмыловском могильнике смена сьюльгам происходит несколько позже. В частности, в погребениях Безводнинского могильника, артефакты которого очень близки ахмыловским материалам, сьюльгамы без выступающих «усов», по мнению Ю.А. Краснова, бытуют на протяжении

всего VI в. (Краснов, 1980, с. 88–111). Причем в Безводном они присутствуют в более чем половине погребений с крестовидными фибулами, которые весьма близки к ахмыловским. На наш взгляд, подобное запаздывание вряд ли могло достигать сотни лет и, по всей видимости, разработанная Ю.А. Красновым хронология нуждается в корректировке. Об этом, в частности, свидетельствует и более ранняя хронология крестовидных фибул, основной период бытования которых в рязано-окских могильниках И.Р. Ахмедов определяет V в. (Ахмедов, 2012, с. 108). На наш взгляд, 91-е погребение Младшего Ахмыловского могильника было совершено не позднее первой половины VI в. Вероятно, с указанным временем совпадает и дата староузюмского погребения с подвеской 3-го типа, хронология которого определена Д.Г. Бугровым в пределах VI в. (Бугров, 2015, с. 26).

Из общей хронологии значительно выбивается дата подвески из 23 погребения Концовского могильника, в инвентаре которого зафиксирована серебряная монета Хосрова II (590–628 гг.) (Стефанова, 1982, с. 93). По мнению Н.А. Лещинской, подобное запаздывание могло объясняться высокой значимостью подвесок, что обуславливало их передачу из поколения в поколение. С данным тезисом не согласен Д.Г. Бугров, который отмечает, что подвески поздних форм значительно отличаются от украшений предшествующего периода, т.к. имеют невысокую степень износа, что противоречит их длительному бытованию (Бугров, 2015, с. 14). Последнее утверждение представляется нам вполне справедливым. Тем не менее следует отметить, что две подвески

из 24-х получены из кладов. Следовательно, данный тип украшений вполне мог рассматриваться в качестве источника хранения ценностей, отложенных про запас. В этом случае неизношенные украшения могли оказаться в погребении достаточно позднего времени. К типичным примерам подобного запаздывания относятся находки выемчатых эмалей в мордовских могильниках (Ставицкий, 2012). Кроме того, практически все поздние находки подвесок тяготеют к периферии азелинского ареала (рис. 1), где в условиях распада прежней этнокультурной традиции могла иметь место консервация отдельных элементов костюма, производимых местными мастерами по сохранившимся образцам.

При определении нижней даты подвесок 3-го типа Д.Г. Бугровым было сделано предположение об их сложении не позже середины V в. (Бугров, 2015, с. 14). Данный вывод базируется на материалах 15-го погребения Уржумкинского могильника, где кроме арочной подвески найдена эполетообразная застежка с семью соединительными жгутами (Никитина, 1999, с. 133, рис. 51). По хронологии Н.А. Лещинской, подобные застежки характерны для IV в., но их модификации существуют и в более позднее время. Концом IV–V в. она определяет дату бытования здешней колесовидной подвески (Лещинская, 2012, с. 130–135, рис. 19). Датировка материалов уржумкинского погребения серединой V в. достаточно вероятна, но с учетом того, что подвески третьего типа отсутствуют в погребениях IV–V вв. могильника Тюм-Тюм, насыщенного подобного рода изделиями, наиболее реальной датой их появления нам представляется конец V в.

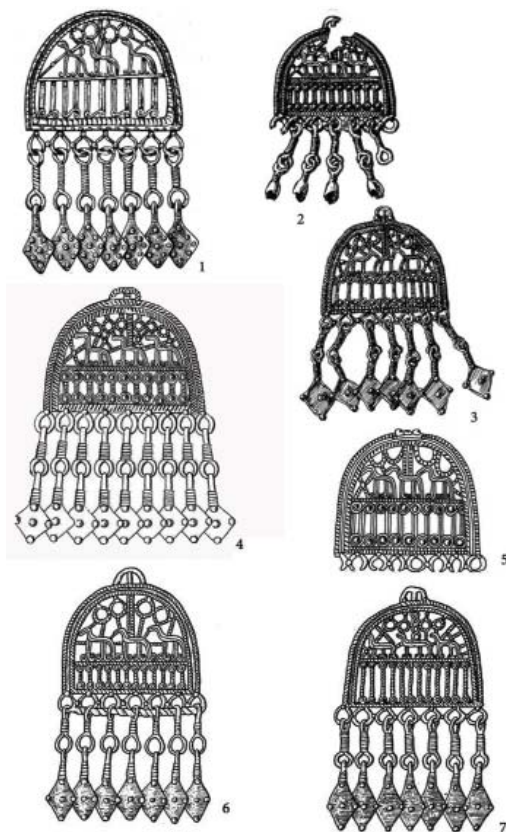
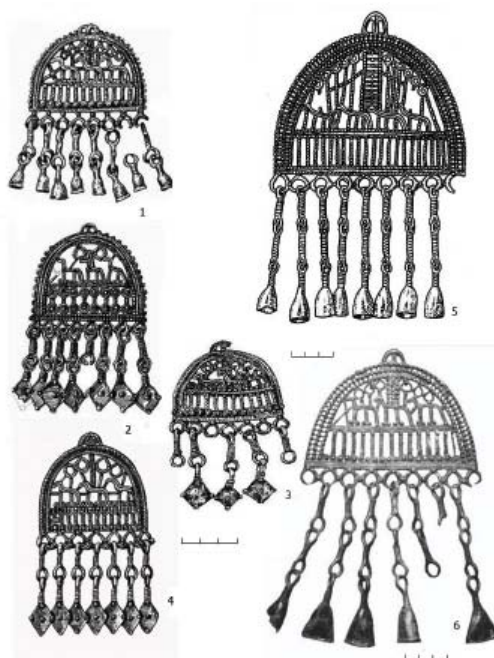

Рис. 3. Арочные подвески 1-го типа:
1 – Уржумский могильник;
2, 3 – могильник Тюм-Тюм (подъемный материал); 4 – Абрамовский могильник п. 33; 5 – Абрамовский могильник п. 8; 6 – Уржумкинский могильник п. 32; 7 – Уржумкинский могильник п. 11. Без масштаба. 1 – по Л.А. Голубевой (1979); 2–3 – по С.В. Ошибкиной (2010); 6–7 – по Т.Б. Никитиной (1999).

Fig. 3. The arched pendants, type 1:
1 – Urzhum burial ground;
2, 3 – Tyum-Tyum burial ground (stray finds);
4 – Abramova burial ground, gr. 33;
5 – Abramova burial ground, gr. 8;
6 – Urzhumkino burial ground, gr. 32;
7 – Urzhumkino burial ground, gr. 11. No scale applied.
1 – after L.A. Golubeva (1979);
2-3 – after S.V. Oshibkina (2010);
6-7 – after T.B. Nikitina (1999).

Рис. 4. Арочные подвески 1-го (3, 4), 2-го (1, 2), 3-го типов (5, 6).
1 – могильник Тюм-Тюм п. 21;
2 – могильник Тюм-Тюм п. 117;
3 – Айшинский могильник;
4 – Уржумский музей (?);
5 – Младший Ахмыловский могильник п. 91; 6 – Безводновский клад.
1–3 – по С.В. Ошибкиной (2010);
4, 6 – по Л.А. Голубевой (1979);
5 – по Т.Б. Никитиной (1999).

Fig. 4. The arched pendants, type 1 (3,4) and 2 (1,2), 3 (5,6). 1 – Tyum-Tyum burial ground, gr. 21; 2 – Tyum-Tyum burial ground, gr. 117; 3 – Aysha burial ground; 4 – Urzhum Museum (?); 5 – Later Akhmylovo burial ground, gr. 91; 6 – Bezvodnoe hoard. 1–3 – after S.V. Oshibkina (2010); 4, 6 – after L.A. Golubeva (1979); 5 – after T.B. Nikitina (1999).

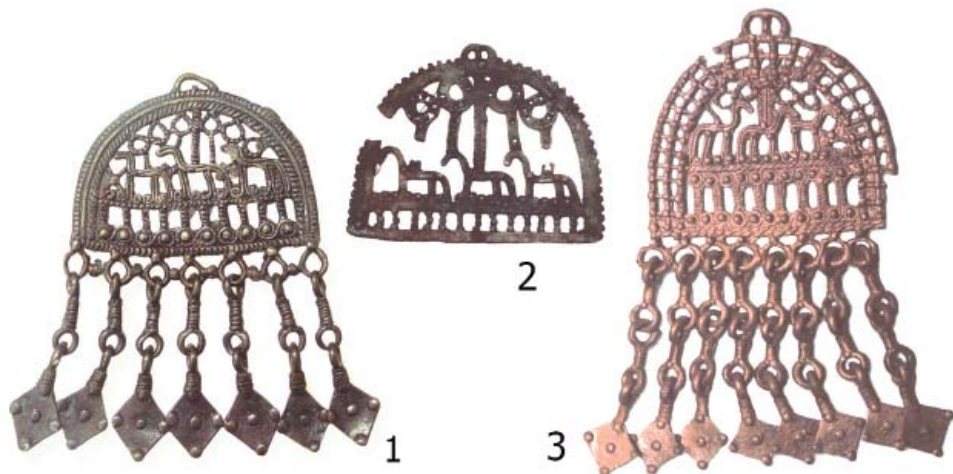

Рис. 5. Арочные подвески: 1 – Аргыжское городище, 2 – Мари-Луговской могильник, 3 – Уржумкинский могильник п. 15.

1 – по *Голдиной Р.Д., Лещинской Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А., 2007;*
2, 3 – по *Никитину В.В., Никитиной Т.Б., 2004.*

Fig. 5. The arched pendants: 1 – Argyzh hillfort, 2 – Mari-Lugovoe burial ground, 3 – Urzhumkino burial ground, gr. 15.

1 – after *R.D. Goldina, N.A. Leshchinskaya, E.M. Chernykh, V.A. Bernts, 2007;*
2,3 – after *V.V. Nikitin, T.B. Nikitina, 2004.*

Хронология подвесок 1-го и 2-го типов может быть установлена по материалам могильника Тюм-Тюм (Ошибкина, 2010), погребения которого Н.А. Лещинская относит к двум хронологическим стадиям. Ранние погребения могильника датируются ею IV в., поздние концом IV–V вв. К первой стадии существования могильника Н.А. Лещинской отнесено 105-е погребение, содержащее подвеску типа 1 Б (рис. 2: 3). Погребение расположено в центральной части могильника, и вряд ли время его совершения сильно отличается от других погребений с подвесками. Вероятно, той же точки зрения придерживается и Н.А. Лещинская, поскольку в разработанной ею хронологии могильников бассейна Вятки бытование подвесок первого типа отнесено к одной стадии, датированной концом IV–V вв. (Лещинская, 2014, с. 173–176).

На наш взгляд, появление подвесок данного типа следует относить к более раннему времени. В частности, два погребения с подвесками типа 1 В (рис. 3: 4–5) на территории Абрамовского могильника находятся на участке, который датируется второй половиной IV в. (Ставицкий, Шитов, 2013, с. 259). Непосредственно в 33-м погребении Абрамовского могильника вместе с арочной подвеской присутствуют трехсоставные обувные пряжки с прямоугольным сужающимся щитком и овальным расширением на конце, фасетированные подвески с округлой площадкой на конце (Гришаков, 2003, с. 303, 305, рис. 3: 2; 5: 9, 10), вятские аналоги которых Н.А. Лещинская относит к хронологическим индикаторам IV в. (Лещинская, 2014, с. 186, табл. 89: 13–15, 21), а А.В. Богачев считает характерными артефактами тезиковского этапа раз-

вития ременной гарнитуры Среднего Поволжья (III–IV вв.) (Богачев, 1992, с. 144). Против датировки V веком ряда погребений с арочными подвесками выступает и автор раскопок могильника Тюм-Тюм. По мнению С.В. Ошибкиной, подобная хронология противоречит их материалам, находящим близкие аналогии в поздне-сарматской и рязано-окской культурах III–IV вв. (Ошибкина, 2010, с. 60).

Поскольку арочные подвески первого типа на могильнике Тюм-Тюм имеют более архаичный облик, чем абрамовские экземпляры, то их появление здесь следует датировать временем не позже середины IV в. Вероятно, наиболее ранними на могильнике являются подвески вариантов 1 А и 1 Б, имеющие нестандартное число коней в арке. Самая ранняя подвеска с одним конем в арке происходит из 79-го захоронения, которое от обрыва начинается погребальный ряд на могильнике Тюм-Тюм. Н.А. Лещинская отнесла это погребение ко второй стадии развития памятника. Однако кроме двух подвесок (колесовидной и арочной) оно не содержит других датирующих вещей. Видимо, именно по этим находкам погребение было датировано, что не исключает более ранней хронологии данных предметов. Судя по планиграфии расположения других датированных Н.А. Лещинской погребений, это захоронение является на могильнике одним из ранних (Лещинская, 2014, рис. 37). Это подтверждается также отсутствием на подвеске волютообразных фигур или полугорошин под верхней переключной, разделяющей арку на две части. На подвесках вариантов 1 А и 2 А, волютообразные фигуры присутствуют только у нижнего основания арки. То

же самое мы видим и на подвеске из 105-го погребения могильника Тюм-Тюм, которое, по мнению Н.А. Лещинской, является наиболее ранним из числа захоронений с арочными подвесками. Аналогичным образом оформлена подвеска из Айшинского могильника (рис. 4: 3).

В период существования Тюм-Тюмского могильника, вероятно, зародились и традиции изготовления подвесок третьего типа. Об этом свидетельствует появление здесь подвесок 2-го типа, оформленных по внешней стороне арки рядом из полугорошин, которые позже становятся характерными для подвесок третьего типа. По данному признаку их следует отнести к переходному типу. Погребения с этими подвесками (21 и 117) на могильнике Тюм-Тюм располагаются на самой границе раннего хронологического участка, и значит должны датироваться не позже, чем подвески 1-го типа. Следует отметить, что в погребениях Уржумкинского могильника подвески типа 1 В бытуют практически одновременно с подвесками типа 3 А, вероятно, на протяжении последней четверти V в., что предполагает параллельное развитие двух разных традиций оформления арочной рамки. Причем Т.Б. Никитина даже считает, что уржумкинское погребение 32 с подвеской типа 1 В является на могильнике одним из наиболее поздних (Никитина, 1999, с. 34–35).

Таким образом, традиции изготовления арочных шумящих подвесок с конями 1-го и 2-го типов сформировались в азелинской среде примерно в середине IV века и бытовали вплоть до конца V в. На основе подвесок второго типа в последней четверти или конце V в. происходит сложение

подвесок третьего типа, которые про- азелинского ареала арочные подвески
должают использоваться в качестве третьего типа спорадически встреча-
украшений костюма на протяжении ются и в более позднее время.
первой половины VI в. На периферии

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 96–134.
2. *Ахмедов И.Р.* Инвентарь мужских погребений // Культура рязано-окских могильников. Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / РСМ. Вып. 9 / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–185.
3. *Ахмедов И.Р.* Окские крестовидные фибулы как индикатор этнокультурных процессов в центральной России эпохи великого переселения народов // Вояджер: мир и человек. 2012. № 3. С. 107–122.
4. *Богачев А.В.* Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VII вв. Среднего Поволжья). Самара, 1992. 208 с.
5. *Бугров Д.Г.* Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 7–34.
6. *Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та. М., 2008. 352 с.
7. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.
8. *Голдина Р.Д., Лецинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А.* Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собрания Удмуртского государственного университета. Ижевск: Удмуртский университет, 2007. 196 с.
9. *Голубева Л.А.* Зооморфные украшения финно-угров / САИ. Вып. Е1-59. М.: Наука, 1979. 112 с.
10. *Гришаков В.В., Винничек А.В.* Эполетообразная застежка с верховьев Суры // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: ПензГПУ, 2003. С. 394–305.
11. *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.
12. *Лецинская Н.А.* Хронология и периодизация могильников бассейна. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: Удмуртский университет, 1995. С. 88–128.
13. *Лецинская Н.А.* Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н.э.): хронологическая атрибуция / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широбокова. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 124–163.
14. *Лецинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 472 с.
15. *Никитин В.В., Никитина Т.Б.* К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИИ, 2004. 152 с.
16. *Никитина Т.Б.* История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Труды Марийской экспедиции. Т. V. Йошкар-Ола, 1999. 160 с.
17. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. 432 с.

18. *Ошибкина С.В.* Вятские древности: могильник Тюм-Тюм / Материалы охранных исследований. Т. 13. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.

19. *Ставицкий В.В.* Изделия с выемчатыми эмальями с древнемордовских и рязанско-окских памятников // Центр и периферия. 2012. № 3. С. 30–38.

20. *Ставицкий В.В., Шитов В.Н.* Планиграфия и хронология Абрамовского могильника // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 3. Пенза, 2013. С. 255–278.

21. *Стефанова П.Н.* Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 90–103

Информация об авторе

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет, (г. Пенза, Россия), stawiczky.v@yandex.ru

THE CHRONOLOGY OF THE ARCHED RUSTLING PENDANTS WITH HORSES

V.V. Stavitsky

The article defines the typology and the chronology of the arched rustling pendants with horses, which belong to typical antiquities of the Azelino culture. Earlier, they were studied in a number of works (by L.A. Golubeva, N.A. Leshchinskaya, D.G. Bugrov), yet they received a much later dating. Formation and development of the arched pendants are illustrated by the materials found on Tyum-Tyum burial ground and published in 2010. While the earlier types of such pendants appear as late as the middle fourth century, the later types exist along the first half of the sixth century. Later, the arched pendants with horses are sporadically found on the periphery of the Azelino antiquities.

Keywords: archaeology, Volga-Vyatka region, the Early Middle Ages, the Azelino culture, the arched pendants with horses, Tyum-Tyum burial ground, chronology

REFERENCES

1. Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 96–134 (in Russian).
2. Akhmedov, I. R. 2007. In Gavritukhin, I. O., Oblomskii, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysyacheletia n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 9. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 137–185 (in Russian).
3. Akhmedov, I. R. 2012. In *Voiazher: mir i chelovek (Voyager: World and Man)* 3, 107–122 (in Russian).
4. Bogachev, A. V. 1992. *Protsedurno-metodicheskie aspekty arkheologicheskogo datirovaniia (na materialakh poiasnykh naborov IV–VIII vv. n. e. Srednego Povolzh'ia) (Procedural-Methodological Issues of Archaeological Dating (by materials of belt sets from the Middle Volga area dated by 4th – 8th cc. AD))*. Samara: “Artefakt” Publ. (in Russian).
5. Bugrov, D. G. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 7–34 (in Russian).
6. Vikhlaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiya mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of 1st – 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: “Krasnyi Oktiabr” Typography (in Russian).
7. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

8. Goldina R. D., Leshchinskaya, N. A., Chernykh, E. M., Bernts, V. A. 2007. *Nasledie narodov Prikam'ia. Drevnosti Prikam'ia iz sobraniia Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta (Kama Peoples' Heritage: Antiquities of the Kama Area in the Collection of the Udmurt State University)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
9. Golubeva, L. A. 1979. *Zoomorfnye ukrasheniia finno-ugrov (Zoomorphic Decorations of Finno-Ugrians)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-59. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Grishakov, V. V., Vinnichek, A. V. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitskii, V. V. (eds.). *Arkheologiya Vostochnoevropeskoj lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 394–305 (in Russian).
11. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Leshchinskaya, N. A. 1995. In Goldina, R. D. (ed.). *Tipologiya i datirovka arkheologicheskikh materialov Vostochnoi Evropy (Typology and Dating of the Archaeological Materials from Eastern Europe)*. Izhevsk: Udmurt State University, 88–128 (in Russian).
13. Leshchinskaya, N. A. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza: khronologicheskaja atributsiya (Iron Age Antiquities of the Kama Area: Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 124–163 (in Russian).
14. Leshchinskaya, N. A. 2014. *Viatskii kraj v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Epoch: on the Materials from Burial Sites of the 1st – 5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
15. Nikitin, V. V., Nikitina, T. B. 2004. *K istokam mariiskogo iskusstva (To the Origins of the Mari Art)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).
16. Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov) (History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD (by Materials from Burial Grounds))*. Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).
17. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).
18. Oshibkina, S. V. 2010. *Viatskie drevnosti: mogil'nik Tium-Tium (Vyatka River Ancients: Tyum-Tyum Burial Ground)*. Series: Materialy okhrannykh issledovaniy (Materials of Rescue Studies) 13. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
19. Stavitsky, V. V. 2012. In *Tsentr i periferiya (Center and Periphery)* (3). Saransk, 30–38 (in Russian).
20. Stavitsky, V. V., Shitov, V. N. 2013. In *Arkheologiya Vostochnoevropeskoj lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)* 3. Penza: Penza State Pedagogical University, 255–278 (in Russian).
21. Stefanova, P. N. 1982. In Ivanova, M. G. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki basseina r. Cheptsy (Medieval Sites in the Chepsta River Basin)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 90–103 (in Russian).

About the Author:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Lermontov St., 37, Penza, 440026, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

УДК 904:393(470.342)«653»(045)

**«ЖЕРТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ» КАК ЭЛЕМЕНТ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ ВЯТСКОГО КРАЯ
В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ¹**

© 2016 г. Н.А. Лещинская

Исследуются «жертвенные комплексы» из погребений вятских могильников VI–VIII вв., раннего этапа еманаевской культуры. Представлены основные характеристики «жертвенных комплексов»: частота встречаемости, соотношение со способом захоронения, количество в погребениях, состав наборов, тип контейнера, местоположение в погребении, антропологические данные, семантическая составляющая. Проводится сравнительное сопоставление погребений с «жертвенными комплексами» с вятскими памятниками предшествующего пьяноборского периода и синхронными памятниками древнепермского и поволжско-финского ареалов.

Ключевые слова: археология, бассейн р. Вятки, раннее средневековье, еманаевская культура, могильники, погребальный обряд, «жертвенные комплексы»

На страницах журнала «Поволжская археология» № 1 за 2014 г. были опубликованы результаты изучения жертвенных комплексов пьяноборских могильников конца I–V вв. н.э. бассейна р. Вятки (Лещинская, 2014). В данной статье предпринимается попытка проследить эволюцию этого элемента древней погребальной практики на материалах раннесредневековых некрополей Вятского края.

В VI–IX вв. археологические памятники, наследующие постазелинские позднепьяноборские традиции объединены в еманаевскую археологическую культуру (Голдина, 1987; 1999), территориально охватывающую бассейн р. Вятки, с право- и левобережными притоками, верхья рр. Большой, Малой Кокшаги и Илети – левобережных притоков

марийского течения р. Волги. Погребальных памятников еманаевской культуры известно немного (рис. 1): это Тат-Боярский могильник VI–VIII вв. в бассейне р. Лобань, правом притоке р. Кильмезь, левого притока р. Вятки (Голдина, 1988; Лещинская, 1990); Концовский могильник VI–VII вв. на правобережье среднего течения р. Вятки (Стефанова, 1982; Иванова, 1988); несколько погребений из крупного, но разрушенного Шор-Унжинского могильника VI–VII вв. в бассейне р. Илеть, левого притока р. Волги (Никитина, 1999). К этому же хронологическому периоду культуры относится коллекция украшений, собранная около д. Антонково в окрестностях г. Уржума и происходящая, скорее всего, из разрушенного мо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке со стороны Минобрнауки РФ на выполнение базовой части государственного задания в сфере научной деятельности в 2014–2016 гг. Проект (НИР) № 2174: Этносы и культуры Прикамья в древности и средневековье: в парадигме историко-археологического наследия.

гильника (хранится в фондах Кировского областного краеведческого музея). В конце еманаевской культуры и на стыке с вятской кочергинской археологической культурой X–XI вв. функционировали Юмский, Лопьяльский могильники VIII–X, Кочергинский некрополь IX–XI вв., есть небольшие материалы из разрушенного Вятского могильника VIII–IX вв.

В статье анализируются материалы раннего этапа еманаевской культуры. Возможностью для анализа погребальной обрядности обладает выборка из 90 погребений трех некрополей: Тат-Боярского, Концовского, Шор-Унжинского могильников. Жертвенные комплексы не выявлены в шор-унжинских погребениях и зафиксированы в 6 погребениях вятских могильников: 5 погребений Тат-Боярского могильника, что составляет 9,3% (показатель исчисления – 54 погребения) и одного погребения Концовского могильника – 3,3% (показатель исчисления – 30 погребений) (табл. 1). В целом, учитывая только вятские некрополи, степень встречаемости жертвенных комплексов в раннем средневековье составляет 7,2%, с учетом погребений Шор-Унжинского могильника этот показатель будет 6,7%. Если сравнить эти показатели с данными о встречаемости жертвенных комплексов в пьяноборских погребениях Вятки в разные хронологические периоды, то зафиксированная тенденция роста показателя встречаемости жертвенных комплексов от конца II в. к первой половине V в. (Лещинская, 2014, с. 93) сохраняется и в раннем средневековье: 4,6% – вятские пьяноборские памятники, 6,7%–7,2% – вятские раннесредневековые могильники. Интересны и сопоставления

данных по отдельным пьяноборским и средневековым памятникам в локально-территориальных группах бассейна р. Вятки. На Средней Вятке невысокий процент встречаемости жертвенных комплексов в погребениях проявляет как пьяноборский Первомайский могильник (1,3%), так и раннесредневековый Концовский могильник (3,3%). В группе археологических памятников Нижней Вятки иная картина: здесь и в пьяноборское время, и в раннее средневековье зафиксированы близкие и более высокие показатели встречаемости жертвенных комплексов: Тюм-Тюмский могильник IV–V вв.: 9%; Суворовский могильник IV в.: 6,5%; Тат-Боярский могильник VI–VIII вв.: 9,3%.

Рассматривая аналогии с другими этнокультурными территориями древнепермского ареала эпохи средневековья, стоит, прежде всего, обратить внимание на Варнинский могильник конца IV–Xв. в бассейне р. Чепцы, с которым вятские могильники имеют определенные параллели в материальной культуре, в керамических комплексах и в элементах погребальной обрядности. В камско-вятской археологии достаточно давно утвердилось положение об участии вятского населения в генезисе полемской культуры раннего средневековья на Чепце (Семенов, 1982; 1989; Голдина, 1999; Лещинская, 1997; Лещинская, 2002; Иванов, 1998). Сравнивая вятские могильники с Варнинским некрополем по степени встречаемости жертвенных комплексов, следует отметить, что этот элемент погребальной обрядности выражен на чепецком памятнике более ярко. Среди 304 грунтовых захоронений Варнинского могильника (взята опубликованная часть памятника

ка) (Семенов, 1980) не менее чем в 70 погребениях зафиксированы жертвенные комплексы (Семенов, 1980, прил. 2) – цифра эта несколько условна, так как включает меньше погребений с жертвенными комплексами, чем указано в Приложении 2 (не учитывались жертвенные комплексы с керамикой). При этом общий показатель встречаемости жертвенных комплексов на Варнинском могильнике составляет $\approx 23\%$. Если обратиться к хронологии варнинских погребений с жертвенными комплексами, то к VI–VII вв. можно отнести 10 погребений (Семенов, 1980, прил. 2: п.п. 70, 114, 130, 134, 210, 222, 232, 234, 236, 264). С учетом результатов хронологического анализа древностей полоумской культуры, проведенного Р.Д. Голдиной, которая отнесла к VI–VII вв. 40 захоронений Варнинского могильника из раскопок В.А. Семенова (Голдина, 2012, с. 400–401), степень встречаемости жертвенных комплексов в погребениях этого периода составляет 25%, что значительно выше вятских показателей.

Территориально близок к вятскому Тат-Боярскому могильнику единственный известный на сегодняшний день средневековый некрополь в Удмуртском Прикамье Петропавловский могильник VI–VII вв. (Семенов, 1976), который, несмотря на параллели в украшениях с вятскими погребальными наборами, жертвенных комплексов не содержит, что еще раз подтверждает неоднозначность его этнокультурной атрибуции.

В отличие от Петропавловского могильника сопоставимые показатели встречаемости жертвенных комплексов с вятскими некрополями имеет Бирский могильник бахмутинской культуры. Среди захоронений позд-

ней части памятника (взята опубликованная часть некрополя) 8 погребений V–VI вв. содержали жертвенные комплексы, что составляет 8,6% (показатель исчисления – 93) (Мажитов, 1968, табл. I), с тенденцией затухания этого элемента обряда в VII–VIII вв.

Обычай помещения части вещей в жертвенный комплекс фиксируется и на памятниках древнепермских археологических культур бассейна р. Камы и Европейского Северо-Востока. В неволинском Верх-Саинском могильнике основное количество погребений с жертвенными комплексами приходится на курганный могильник – 10 погребений VI в. (7,5% от общего количества подкурганых могил) и одно погребение VI в. с жертвенным комплексом зафиксировано в грунтовой части могильника среди двух захоронений с жертвенными комплексами VIII в. (в целом это 1,6% от общего количества грунтовых могил).² При исследовании верхокамского Аверинского II могильника в группе хронологически определенных погребений VI–VII вв. (26 погребений) жертвенный комплекс отмечен в п. 68 (Голдина, Кананин, 1989, с. 40, рис. 27, 66), что составляет не менее 4%. На ранних этапах формирования ванвиздинской археологической культуры Европейского Северо-Востока о степени встречаемости жертвенных комплексов в погребениях можно судить по могильнику Боргангъель, где они зафиксированы в 6 курганных захоронениях (14,3%, показатель исчисления – 42).

² Автор выражает свою признательность Р.Д. Голдиной, С.А. Перевозчиковой, Е.В. Голдиной, авторам готовящейся к печати монографии «Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи», за возможность использовать статистические данные по жертвенным комплексам памятника.

ления – 42 курганных захоронения) (Ашихмина, 1988, с. 12, рис. 2).

Расширяя ареал аналогий, стоит обратить внимание на средневековые могильники поволжско-финского круга памятников, для которых также характерно наличие жертвенных комплексов в погребениях. Сопоставления их с вятскими данными интересны с точки зрения географического положения бассейна р. Вятки как контактной зоны древнепермских и поволжско-финских племен. Жертвенные комплексы (или «дары», или «жертвенно-ритуальные комплексы») известны для многих средневековых могильников древней мордвы, муромы, марийцев, но для периода VI–VII вв. наиболее полная информация по характеристике жертвенных комплексов в научный оборот введена по рязано-окскому могильнику Кораблино (Белоцерковская, 1997). К периоду VI–VII вв. на памятнике отнесено 11 погребений с жертвенными комплексами – 11,1% от всех погребений этого времени, что существенно ниже показателя для IV–V вв. этого некрополя: 18 погребений – 40% (Белоцерковская, 1997, с. 22). При этом тенденция уменьшения степени встречаемости жертвенных комплексов в погребениях сохраняется до конца VII в. (Белоцерковская, 1997, с. 25). В рязано-окском Шатрищенском могильнике из 164 погребений жертвенные комплексы известны для 9 (5,5%) с практически равным количественным распределением погребений с дарами между IV–V вв. (3) и VII в. (4) (Белоцерковская, 1997, с. 24). Территориально наиболее близок к вятским могильникам поволжско-финский ветлужский Младший Ахмыловский некрополь VI–VII вв. Т.Б. Никитина выделяет на

памятнике три погребения с жертвенными комплексами (Никитина, 1999, с. 15), но, судя по описанию в двух погребениях (п.п. 115, 487), – это скопленные орудия труда, которое не всегда можно отнести к классическим жертвенным комплексам (подобные есть и в Тат-Боярском могильнике, но в статистике не учитывались). И только жертвенный комплекс в п. 738 наиболее соответствует параметрам «дара». Таким образом степень встречаемости жертвенных комплексов в Младшем Ахмыловском могильнике составляет 1,4% (1 погребение из 70). В близком ему Безводнинском могильнике конца V – начала VIII в. Ю.А. Красновым отмечено 8 погребений по обряду ингумации с расположением отдельных вещей вне костюмного комплекса и 2 скопления вещей в кенотафах (Краснов, 1980, с. 24, 32), что в целом составляет 5,9% (показатель исчисления – 169 погребений).

Таким образом, по показателю встречаемости жертвенных комплексов в погребениях вятские могильники, прежде всего Тат-Боярский некрополь, наибольшие параллели проявляют с памятниками древнепермской ойкумены, хотя не всегда это сравнение можно считать строго корректным, т.к. выбор памятников для сопоставления был ограничен объемом опубликованной информации о них.

Все захоронения с жертвенными комплексами на вятских могильниках совершены по обряду ингумации и только п. 33 Тат-Боярского могильника было кенотафом. Все погребения индивидуальные и содержат по 1 жертвенному комплексу, кроме п. 42 Тат-Боярского могильника, где зафиксировано 2 жертвенных комплекса.

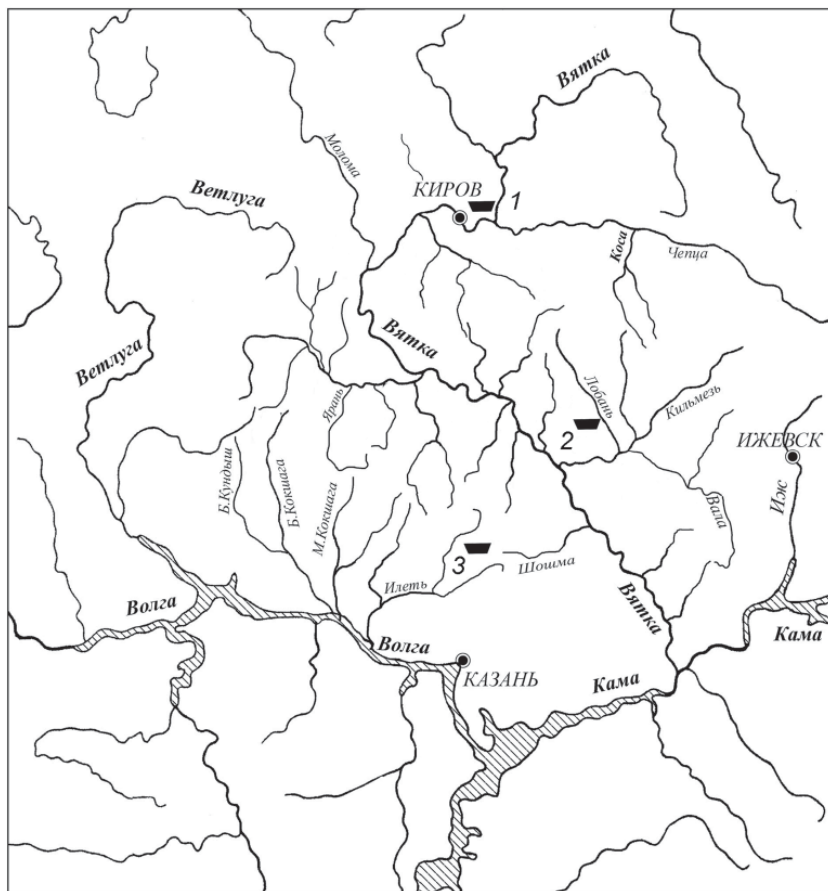

Рис. 1. Карта-схема локализации раннесредневековых могильников еманаевской археологической культуры, материалы которых использованы в статье:
1 – Концовский могильник, 2 – Тат-Боярский могильник,
3 – Шор-Унжинский могильник.

Fig. 1. Schematic map of the early medieval Emanaev culture burial grounds, which yielded materials used in this article: 1 – Konets burial ground, 2 – Tat-Boary burial ground, 3 – Shor-Unzha burial ground.

Однако не исключена возможность, что это было парное захоронение, если принять во внимание значительную ширину могильной ямы – 143 см – и плохо фиксируемую западную продольную стенку.

Из 7 жертвенных комплексов для 4-х в качестве контейнера использовалась берестяная емкость (п.п. 11, 33, 37, 42 Тат-Боярского могильника), объем и форма которой зависели от состава жертвенного комплекса. В по-

гребении 33, судя по сохранившимся фрагментам крышки и дна, это был прямоугольной формы короб, размером около 40 x 20 см, высотой около 10–11 см. Такой же прямоугольный короб, размерами 35 x 30 см использовался для жертвенного комплекса №1 в погребении 42. По хорошо сохранившейся крышке короба со следами отверстий для крепления, соединение частей короба осуществлялось материалом из лыка, судя по зафик-

сированному фрагменту лыковых волокон с узелком. В погребении 37 – это была берестяная круглая коробочка диаметром 8 см, высотой около 3 см. Дно берестяных коробов выстилалось тканью (п. 37) или мехом (п. 42). Меховая подстилка зафиксирована под жертвенным комплексом №2 погребения 42, вероятно, в качестве самостоятельного типа контейнера. Жертвенный комплекс в погребении 16 обнаружен на фрагментах дерева, учитывая, что жертвенный комплекс здесь находился в специальной нише, это, скорее всего, были фрагменты деревянного контейнера (или только деревянной подстилки). Широкое использование берестяных контейнеров для жертвенных комплексов в раннесредневековых вятских могильниках – это развитие предшествующей пьяноборской традиции. Правда, в памятниках худяковской культуры вятского пьяноборья берестяные контейнеры представлены в большей вариации: коробочки, коробка, свертки, «кошели» в сочетании с кожей, мехом, тканью (Лецинская, 2014, табл. II). Да и в целом в это время встречается большее типологическое разнообразие контейнеров для жертвенных комплексов (хотя и в единичных случаях): свертки из луба, кожи, ткани; перевернутые эполетообразные застёжки. Некоторая стандартизация этого признака жертвенных комплексов в раннем средневековье на Вятке может объясняться небольшим количеством погребений с жертвенными комплексами, происходящих практически из одного памятника. Предпочтение в использовании берестяных контейнеров для жертвенных комплексов сближает вятские могильники, прежде всего, с памятниками древнепермского эт-

нокультурного ареала: в погребениях VI–VII вв. Варнинского могильника в 8 из 11 случаев зафиксированы берестяные сосуды (Семенов, 1980, прил. 1); большинство погребений этого времени с жертвенными комплексами Верх-Саинского неволинского могильника фиксируют фрагменты берестяных контейнеров. Такая же ситуация характерна для ванвиздинского могильника Боргангёль (Ашихмина, 1988, с. 12). Среди редких случаев фиксации контейнеров для жертвенных комплексов в поздних бирских захоронениях обнаружены фрагменты только берестяных коробов (п.п. 128, 138) (Мажитов, 1968, с. 103, 105). В этом отношении для поволжско-финских погребений с жертвенными комплексами исследуемого периода чаще отмечаются находки отдельно лежащих вещей без контейнера (Кораблинский, Шатрищенский, Безводнинский могильники) или свертки из луба в сочетании с тканью, кожей; завертывание в ткань (Кораблинский м-к), и только в единичных случаях встречаются берестяные коробка (Кораблинский, Шатрищенский, Безводнинский м-ки), деревянная шкатулка (Кораблинский м-к), сосуды (Кораблинский, Шатрищенский м-ки) (Белоцерковская, 1997, с. 21, табл. 1, 3).

Особенность Тат-Боярского могильника по признаку «местоположение жертвенного комплекса в погребении» – это сооружение специальных ниш для их размещения: из пяти погребений с жертвенными комплексами на памятнике ниши зафиксированы в трех случаях. Как правило, это ниши-выступы, обнаруженные на уровне фиксации могильной ямы, подпрямоугольной формы, размерами 65 x 25 см (п. 11), 75 x 43 см (п. 16), 58 x 34 см

Таблица 1

Характеристика жертвенных комплексов

Название могильника (общее кол-во погр.)	№ п.п.	Дата (вв.)	Пол, возраст	Обряд захоронения	Кол-во ЖК в погребении	Местоположение в погребении	Тип контейнера
Тат-Боярский могильник (54 погребения)	11	VII	М*	ингумация	1	Ниша	Берестяная емкость (во фрагментах)
	16	VI	М*	ингумация	1	Ниша	Деревянный контейнер? – подстилка?
	33	VIII	Ж*	кенотаф	1	Ниша	Берестяной короб
	37	VI	Ж., 40-50 л.	ингумация	1	За головой	Берестяная коробочка
	42	VII	М*	ингумация	2	В области груди (?), справа	Меховая подстилка
						В области груди (?), слева	Берестяной короб
Концовский могильник (30 погребений)	28	VI	М*	ингумация	1	В области ног	Не определен

* Половозрастная идентификация по характеру погребального инвентаря

(п. 33), устроенные в северо-западном углу ямы в области предполагаемой головы, справа (п. 11) или в продольной северо-западной стенке погребения в области предполагаемой груди и пояса, справа (п. 16). Оба погребения, судя по сопровождающему инвентарю, были мужскими и относились к VI–VII вв. Ниша-выступ в погребении-кенотафе 33 была устроена в продольной северо-восточной стенке, и жертвенный комплекс по составу находок предназначался женщине. Во всех нишах жертвенные комплексы располагались на уровне фиксации дна могилы.

Сам принцип устройства ниш в Тат-Боярском могильнике, вероятно, имеет корни в позднеазелинском этапе

пьяноборья. Небольшие ниши-подбои в придонной части были зафиксированы в вятском Суворовском могильнике (п. 30); в нижекамских азелинских могильниках: Нармонский (п. 6), Рождественский V (п. 266); на поволжских азелинских некрополях: Арзелянский (п. 8), Мари-Луговской (п. 40). Часть из них были пустыми (Суворовский м-к, п. 30; Арзелянский м-к, п. 8), в других нишах обнаружены жертвенные комплексы с набором женских украшений в берестяном коробе (Мари-Луговской м-к, п. 40) или бронзовые котелки (Нармонский м-к, п. 6; Рождественский V м-к, п. 266). Ниши в нижекамских погребениях сооружены в центре продольных сте-

нок, слева от костяков. В поволжском Мари-Луговском погребении 40 – в северо-восточном углу, скорее всего, в области ног, слева (Лещинская, 2014а, с. 16–17).

Из круга древнепермских погребальных памятников раннего средневековья устройство ниш для жертвенных комплексов зафиксировано только на Варнинском могильнике. К VI–VII вв. здесь относится погребение 236, с прямоугольной нишей, размерами 50 x 40 см, высотой 18,5 см, сооруженной в придонной части продольной стенки, слева, вероятно, в области ног. В нише располагался богатый по составу жертвенный комплекс, завернутый в мех и ткань и уложенный в берестяной сосуд (Семенов, 1980, с. 12, 45, рис. 9). В состав жертвенного комплекса входили шумящая подвеска, железные цепочки, подвески-«бельки», которые имеют прямые параллели в вятских погребениях VI–VII вв., что подтверждает правоту предположений автора раскопок Варнинского могильника о связи погребений с нишами и другими особенностями этих погребений с приходом на Чепцу групп вятского населения. Традиция устройства ниш сохраняется на Варнинском могильнике и в последующие хронологические этапы памятника. В целом вся небольшая выборка погребений с нишами локализуется на западном участке памятника, планиграфически подтверждая существование этнолокальной группы среди населения, оставившего данный некрополь (Семенов, 1980, с. 11–12).

Среди поволжско-финских раннесредневековых памятников только в наиболее территориально близком к вятским могильникам Младшем Ахмыловском некрополе комплекс ве-

шей, примыкающий к юго-восточному углу п. 738, вероятно, находился в нише-подбое (Никитина, 1999, с. 58, рис. 39).

Кроме специальных ниш в единичных случаях на вятских раннесредневековых могильниках жертвенные комплексы располагались: за головой (Тат-Боярский м-к, п. 37), в области предполагаемой груди, справа и слева (Тат-Боярский м-к, п. 42), и в области ног (Концовский м-к, п. 28). Такая небольшая выборка не позволяет провести корректное сравнение с памятниками других этнотерриторий.

Половозрастная характеристика захоронений с жертвенными комплексами в связи с плохой сохранностью костного материала основывается на особенностях погребального инвентаря. Антропологическое определение есть только для одного погребения (Тат-Боярский м-к, п. 37), где была захоронена женщина 40–50 лет. В целом из 6 захоронений с жертвенными комплексами четыре были мужскими, а два – женскими (табл. 1). В вятских погребальных памятниках первой половины I тыс. н.э. тенденция к появлению жертвенных комплексов в мужских захоронениях начинает оформляться с III в. (Лещинская, 2014, с. 101), но только в VI–VII вв. количество мужских погребений, сопровождаемых жертвенными комплексами, начинает преобладать. Близкое соотношение, с минимальным перевесом в сторону мужских жертвенных комплексов, характерно для грунтовых погребений VI–VII вв. Варнинского могильника (Семенов, 1980, прил. 2). Количественно преобладают мужские захоронения с жертвенными комплексами в поволжско-финских Кораблинском, Шатрищенском (Белоцерков-

ская, 1997, табл. 1, 3), Безводнинском (Краснов, 1980, с. 24, 32) могильниках. В отличие от них на древнепермских Верх-Саинском, Аверинском II, Боргантьель могильниках жертвенные комплексы коррелируются только с женскими захоронениями.

С половозрастными характеристиками напрямую связан и состав жертвенных комплексов (табл. 2). Для женских захоронений – это головные, шейно-нагрудные украшения костюма. Богатый по элементам женский жертвенный комплекс обнаружен в погребении-кенотафе Тат-Боярского могильника (п. 33). В берестяном коробе, лицевой частью вниз, плотно лежали многочисленные украшения, фрагменты ткани, меха. Под крышкой (рис. 3: 1) находился свернутый кожаный пояс (рис. 3: 2 а, 3) с бронзовыми накладками (рис. 3: 3 в), пряжкой (рис. 3: 3 б), наконечником ремня (рис. 3: 3 г) и нагрудник из тонких серебряных пластин, полусферических бляшек, закрепленных на тканой, кожаной и деревянной основах с узким кожаным ремешком для подвешивания (рис. 3: 2 б, 4). Под ними обнаружено нагрудное украшение из 10 крупных серебряных подвесок, скрепленных кожаным ремешком (рис. 4: 1 а, б), кожаный кошелек с серебряной обкладкой (рис. 4: 1 в), составное украшение из кожаных ремешков с нанизанными бронзовыми пронизками-обоймочками и привесками – бронзовыми рожковыми пронизками и раковинами-каури (рис. 4: 1 г). Под украшениями находились фрагменты тканевых и кожаных изделий, полностью которые реконструировать не представляется возможным. Среди них «веревочный» жгут, обмотанный тканевой тесьмой (рис. 4: 2 а). С ним связаны тканевые

пояски различной ширины, украшенные бронзовыми пронизками (рис. 4: 2 б). Здесь же лежали 3 конические бронзовые подвески (рис. 4: 2 в). Все вместе, вероятно, относилось к головному убору. Еще ниже находился тканевый мешочек? (рис. 4: 3 а), на нем тканевые полосы разных цветов (рис. 4: 3 б), фрагменты меха (рис. 4: 3 в), пояс? из узких кожаных полос, некоторые из которых были сшиты между собой (рис. 4: 3 г). На самом дне берестяного короба (рис. 4: 4 в) лежали многочисленные узкие тканевые ленты (рис. 4: 4 а) и фрагменты кожаного пояса (рис. 4: 4 б). Женский жертвенный комплекс из п. 37 Тат-Боярского могильника состоял из кожаного пояса с бляшками, вероятно, налобного венчика – как дополнительного элемента к головному убору костюмного комплекса погребенной. Таким образом, женские жертвенные комплексы – это часть костюмного комплекта самой умершей.

В набор мужских жертвенных комплексов вятских захоронений входили, чаще всего, орудия труда: скобель, ложкарь, малая коса, шило; иногда – железный наконечник копья, удила. Как правило, они дополнялись бронзовыми браслетами, фрагментами бронзовых пронизей, гривной, элементами поясной гарнитуры, которые, скорее всего, можно рассматривать как набор металлической пластики мужского костюмного комплекта (рис. 5).

Другую семантическую нагрузку несли наборы женских украшений в мужских захоронениях. Так, с наибольшей вероятностью в мужском п. 28 Концовского могильника жертвенный комплекс содержал бронзовые бляхи-застежки, ажурные бляшки,

Таблица 2

Характеристика жертвенных комплексов по составу предметов

Пол	Мужские				Женские		
№ погребений	Т-Б 11	Т-Б 16	Т-Б 42	К 28	Т-Б 33	Т-Б 37	
Датировка (в.)	VII	VI	VII	VI	VIII	VI	
Элементы жертвенных комплексов:							
Наконечник копья	+						
Гривна	+		+				
Удила	+						
Браслеты	+			+			
Скобель	+	+					
Ложкарь	+						
Бронзовая пронизь и ее отдельные элементы		+		+			
Пряжки		+			+		
Накладки		+					
Коса		+					
Шило		+					
Серебряные бляхи			+				
Железное колечко				+			
Застежки					+		
Бляшки					+		
Шумящая подвеска					+		
Наконечник пояса					+		
Нагрудник						+	
Пояс: накладки, пряжка, наконечник ремня						+	
Нагрудное украшение из подвесок-«бельков»						+	
Кошелек						+	
Шумящая пронизь						+	
Фрагменты ткани, кожи, меха от изделий						+	
Подвески						+	
Кожаный пояс с бляшками (налобный венчик?)							+

Т-Б – Тат-Боярский м-к; К – Концовский м-к.

шумящую подвеску – традиционные элементы женского костюма. Возможно, женским по набору вещей можно считать один из жертвенных комплексов в п. 42 Тат-Боярского могильника, содержащий в берестяном коробе гривну и 2 серебряные бляхи, под которыми зафиксированы фрагменты тонко выделанной кожи со следами швов и полоски меха. Во всех этих случаях есть аргументы рассматривать помещение женских вещей в мужские погребения как своеобразный поминальный дар со стороны женщины. Истоки традиции помещения женских вещей в мужские погребения вятских могильников проявляются наиболее четко в позднеазелинском Тюм-Тюмском могильнике (Лещинская, 2014, с. 103). Из круга памятников других локальных вариантов пьяноборской культурно-исторической общности наиболее ярко это фиксирует группа мужских (по антропологическим определениям) погребений среднекамского Тарасовского могильника, в которых обнаружены женские по набору (чаще всего, височные подвески, бусы, бисер) жертвенные комплексы (Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, илл. 60). В середине I тыс. н.э. подобное явление характерно для мужских захоронений с жертвенными комплексами V–VI в. Бирского могильника (п.п. 77, 81) (Мажитов, 1968, с. 95–97). Женский набор вещей (преобладают головные, шейно-нагрудные украшения) традиционен для мужских погребений с жертвенными комплексами VI–VII в. Варнинского могильника (Семенов, 1980, прил. 1). Это явление отмечается для поволжско-финских могильников раннего средневековья, особенностью жертвенных комплексов в

мужских захоронениях которых в отличие от древнепермских некрополей является меньшее количественное и качественное разнообразие состава жертвенных комплексов, вплоть до «символического» присутствия только одного предмета (Белоцерковская, 1997, с. 24; Краснов, 1980, с. 24). В целом по признаку «состав жертвенного комплекса» раннесредневековые вятские погребения продолжают позднепьяноборские традиции погребального ритуала. Женские захоронения сопровождают жертвенные комплексы с дополнительными комплектами украшений и частей одежды. Жертвенные комплексы в погребениях мужчин, как правило, содержали орудия труда (редко оружие), металлические детали костюма. Находки женских по составу жертвенных комплексов в мужских захоронениях связаны с поминально-дарственными обрядовыми действиями. В социальном измерении погребения с жертвенными комплексами говорят об определенной статусности умерших. На это может указывать глубина захоронений. Для мужских захоронений Тат-Боярского могильника наиболее часто фиксируемые показатели глубин лежат в пределах 105–140 см, погребения с жертвенными комплексами имеют глубину 140, 145, 177 см. Чаще фиксируемый диапазон глубин женских захоронений этого могильника: 85–117 см, глубина погребений с жертвенными комплексами: 117, 140 см. Наиболее характерная глубина погребений Концовского могильника: до 55 см, мужское погребение с жертвенным комплексом (п. 28) имеет глубину 63 см. Женские захоронения с жертвенными комплексами сопровождаются выразительной металли-

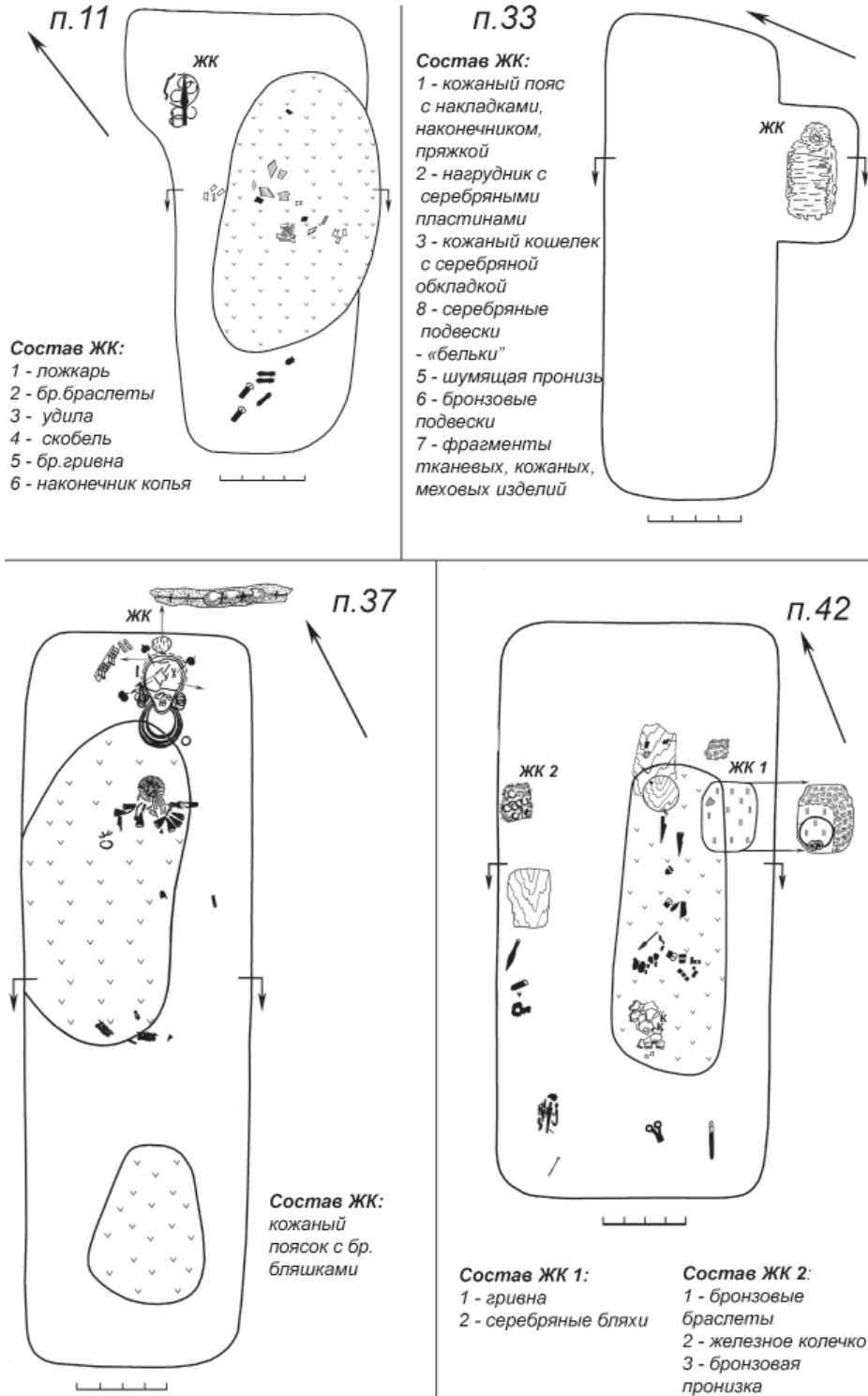

Рис. 2. Тат-Боярский могильник. Погребения с жертвенными комплексами.

Fig. 2. Tat-Boiyary burial ground. Burials with sacrificial complexes.

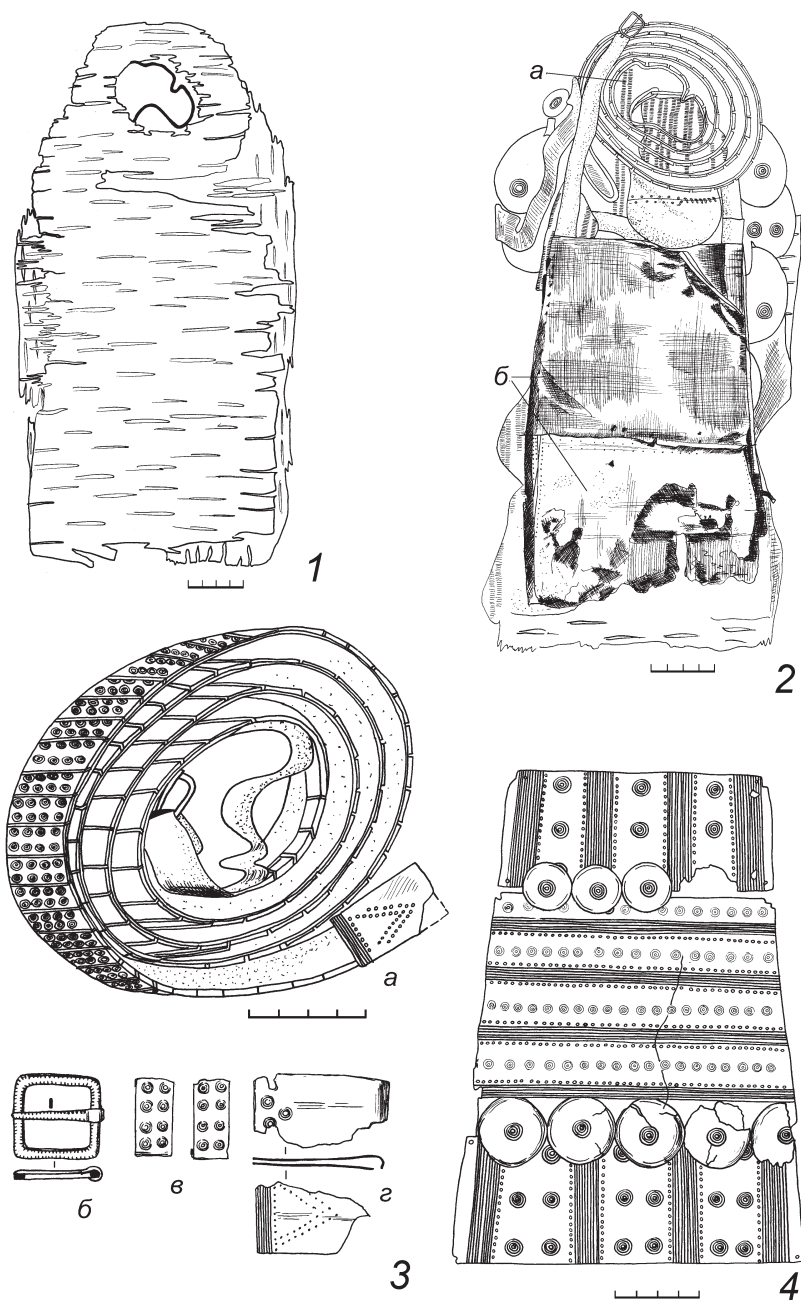

Рис. 3. Тат-Боярский могильник. Погребение 33. Жертвенный комплекс: 1 – крышка берестяного корба; 2а – свернутый кожаный пояс, 2б – нагрудник с внутренней стороны; 3 – детали пояса: а – общий вид, б – бронзовая пряжка, в – бронзовые накладки, г – бронзовый наконечник ремня; 4 – серебряные пластины и бляшки нагрудника.

Fig. 3. Tat-Boyary burial ground. Grave 33. Sacrificial complex: 1 – lid of a birch bark basket; 2a – rolled up leather belt, 2б – haubergeon, the inner side; 3 – details of a belt: а – general view, б – bronze buckle, в – bronze onlays, г – bronze tip of a belt; 4 – silver plates and plaques of a haubergeon.

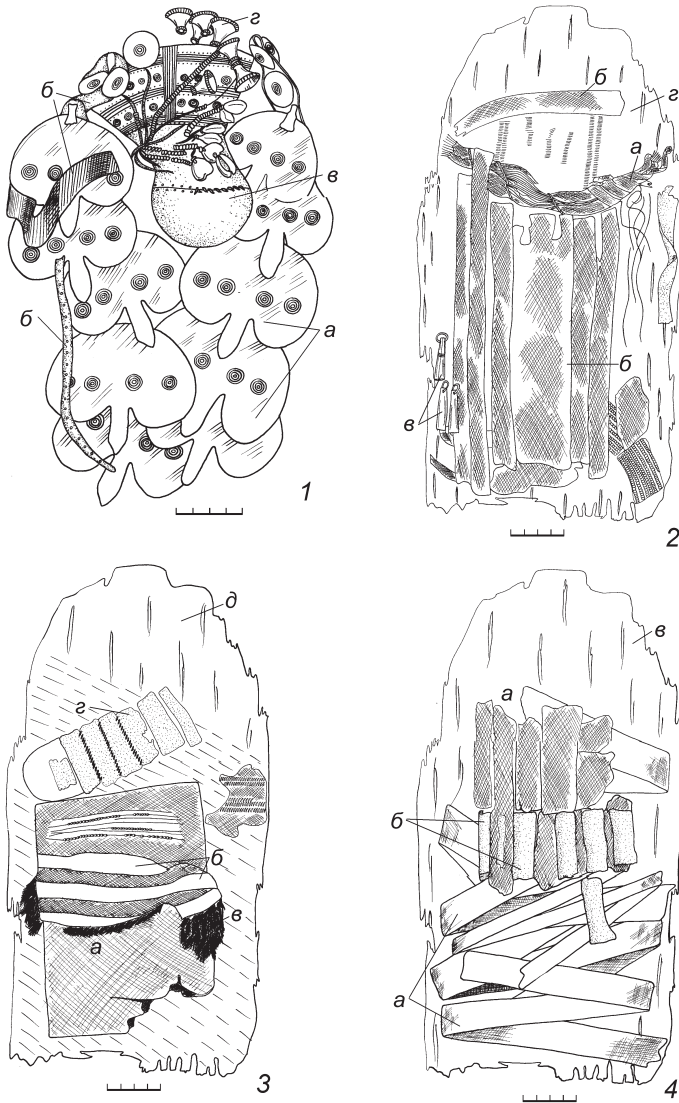

Рис. 4. Тат-Боярский могильник. Погребение 33. Жертвенный комплекс: 1а – серебряные подвески, 1б – кожаные ремешки, 1в – кожаный кошелек с серебряной обкладкой, 1г – составное украшение: ремешки с бронзовыми пронизками, привесками из бронзовых рожковых пронизок, раковин-каури; 2а – «веревочный» жгут, 2б – тканевые пояски с фрагментами бронзовых пронизок, 2в – бронзовые конические подвески, 2г – днище берестяного короба; 3а – тканевый мешочек?, 3б – тканевые полоски, 3в – фрагменты меха, 3г – кожаный пояс?, 3д – днище короба; 4а – тканевые пояски, 4б – фрагмент кожаного пояса?, 4в – днище короба.

Fig. 4. Tat-Boary burial ground. Grave 33. Sacrificial complex: 1a – silver pendants, 1б – leather straps, 1в – leather purse with silver coating, 1г – composed adornment: straps with bronze beads and strings of bronze cornet beads, cowries, 2а – ‘twine’ binder, 2б – woven belts with fragments of bronze beads, 2в – conical bronze pendants, 2г – bottom of a birch bark basket; 3а – woven pouch?, 3б – woven strips, 3в – fragments of fur, 3г – leather belt?, 3д – bottom of a basket; 4а – woven belts, 4б – fragment of a leather belt?, 4в – bottom of a basket.

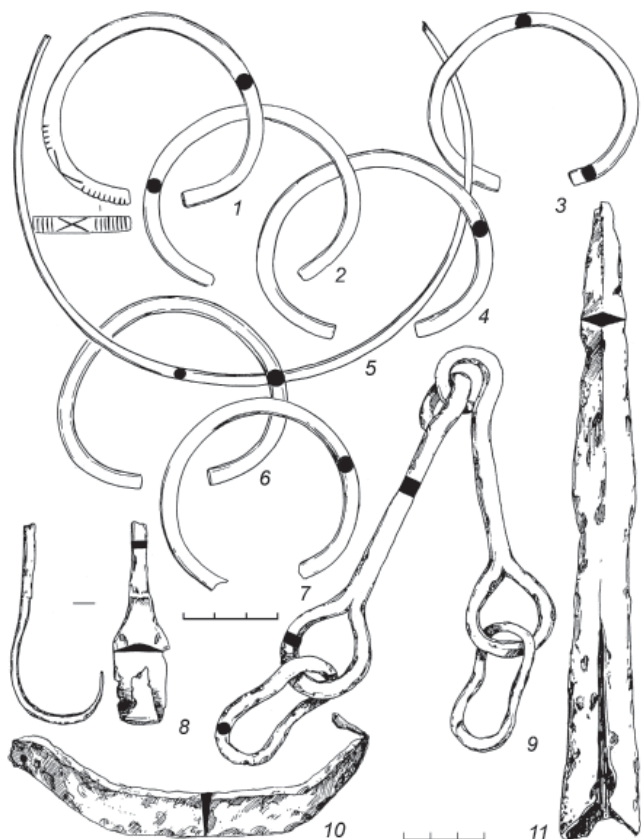

Рис. 5. Тат-Боярский могильник. Погребение 11. Жертвенный комплекс: 1–4, 6, 7 – бронзовые браслеты; 5 – бронзовая гривна; 8 – ложкарь; 9 – удила; 10 – скобель; 11 – наконечник копья.

Fig. 5. Tat-Boyar burial ground. Grave 11. Sacrificial complex: 1–4, 6, 7 – bronze bracelets; 5 – bronze grivna; 8 – spoon knife (lozhkar); 9 – bits; 10 – strickle; 11 – spear head.

ческой пластикой погребального костюма (Тат-Боярского м-к, п. 37) или богатым качественно и количественно самим жертвенным комплексом (символическое погребение 33 Тат-Боярского могильника). Подобное соотношение в мужских погребениях менее выражено: часть захоронений (п.п. 16, 42 Тат-Боярского м-ка) содержало значительное количество единиц погребального инвентаря, другие (п. 11 Тат-Боярского м-ка, п. 28 Концовского м-ка) при невыразительном наборе сопровождающего инвентаря содержали значительные жертвенные комплексы.

Резюмируя характеристику жертвенных комплексов погребений вятских могильников раннего средневековья, можно утверждать, что для

VI–VIII вв. наличие жертвенных комплексов – это устойчивый элемент погребальных традиций, наследующий основные черты с пьяноборского времени по признакам жертвенных комплексов и палитре семантических значений. Пожалуй, к специфике жертвенных комплексов этого периода можно отнести большую стандартизацию типа контейнера, более частое сооружение специальных ниш для жертвенных комплексов, отсутствие богатых воинских наборов в качестве жертвенного комплекса. Однако следует осознавать, что расширение источников может скорректировать в дальнейшем некоторые статистические и аналитические выводы, обозначенные в статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашихмина Л.И. Погребальный обряд курганного могильника Борганьёль // Научные доклады. Препринт. Сыктывкар: Коми научный центр УрОАН СССР, 1988. 21 с.
2. Белоцерковская И.В. Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986–1991 гг.) // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды Государственного исторического музея. Вып. 93 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1997. С. 20–28.
3. Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1987. С. 6–36.
4. Голдина Р.Д. Отчет об археологических раскопках Тат-Боярского могильника в Кильмезском районе Кировской области летом 1988 г. Ижевск, 1989 / Архив ИИК-НПУдГУ. Ф. 2. Д. 273а.
5. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.
6. Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 399–414.
7. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 216 с.
8. Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III. Казань, Ижевск, 2015. 297 с.
9. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 309 с.
10. Иванова М.Г. Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1988. С. 4–24.
11. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 223 с.
12. Лецинская Н.А. Отчет об археологических исследованиях Тат-Боярского могильника в Кильмезском районе Кировской области летом 1990 г. Ижевск, 1991 / Архив ИИКНПУдГУ. Ф. 2. Д. 303.
13. Лецинская Н.А. Взаимодействие населения Вятского бассейна с древними коми-пермяками в I тыс. н.э. // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы I Международной науч.-практ. конференции (Кудымкар, 26–27 мая 1995 г.). Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 1997. С. 143–145.
14. Лецинская Н.А. Этнокультурные связи населения бассейна р. Вятки в I тыс. н.э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной научной конференции (Ижевск, 29–31 октября 2002 г.). Ижевск: Изд-во Института экономики и управления УдГУ, 2002. С. 109–115.
15. Лецинская Н.А. «Жертвенные комплексы» пьяноборских могильников бассейна р. Вятки // Поволжская археология. 2014. №1. С. 92–113.
16. Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск, 2014а. 472 с.
17. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 161 с.
18. Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. V. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт, 1999. 160 с.

19. Семенов В.А. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1976. С.3–50.

20. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1980. С. 5–135.

21. Семенов В.А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 43–62.

22. Семенов В.А. Этнокультурные компоненты полемской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1989. С. 20–33.

23. Стефанова И.И. Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 90–103.

Информация об авторе:

Лещинская Надежда Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

“SACRIFICIAL COMPLEXES” AS AN ELEMENT OF FUNERARY TRADITIONS OF THE VYATKA POPULATION IN THE EARLY MIDDLE AGES³

N.A. Leshchinskaya

The author studies “sacrificial complexes” from the graves in the Vyatka burial grounds dated by the 6th – 8th centuries, attributed to the early stage of the Emanaevo culture. Main features of the “sacrificial complexes” are described, such as: occurrence, correlation with the burial practice, their quantity in graves, grave goods, type of container, position in graves, anthropological characteristics and semantics. These data are compared with the Vyatka sites of the previous Pyany Bor period and synchronous sites from the ancient Perm and Volga-Finnish areas.

Keywords: archaeology, the Vyatka basin, Early Middle Ages, Emanaevo archaeological culture, burial grounds, funerary rite, “sacrificial complexes”

REFERENCES

1. Ashikhmina, L. I. 1988. *Pogrebal'nyi obriad kurgannogo mogil'nika Borgan"el' (Funerary Rite of the Borganyol' Barrow Cemetery)*. Series: Nauchnye doklady. Preprint (Scientific Papers: Preprint). Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

2. Belotserkovskaya, I. V. 1997. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 93. Moscow: State Historical Museum, 20–28 (in Russian).

³ The research is funded by the RF Ministry of Education and Science to implement the main part of the state assignment in science for 2014-2016. Project (НИР – Scientific Research Work) no. 2174: Ethnic Groups and Cultures of the Kama Region in the Antiquity and Middle Ages through the Paradigm of Historical-Archaeological Heritage.

3. Goldina, R. D. 1987. In Atamanov, M. G. (ed.). *Problemy etnogeneza udmurtov (Issues of the Ethnic Genesis of Udmurts)*. Ustinov (Izhevsk): Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 6–36 (in Russian).
4. Goldina, R. D. 1989. *Otchet ob arkhelogicheskikh raskopkakh Tat-Boiarskogo mogil'nika v Kil'mezskom raione Kirovskoi oblasti letom 1988 g. (Report on the Archaeological Excavations of the Tat-Boiary Burial Ground in the Kilmez' District, Kirov Oblast, Summer of 1988)*. Izhevsk. Archive of the Institute for History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 273 (in Russian).
5. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i srednevekovaiia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
6. Goldina, R. D. 2012. In Goldina, R. D. (ed.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaiia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC — 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 399–414 (in Russian).
7. Goldina, R. D., Kananin, V. A. 1989. *Srednevekovye pamiatniki verkhov'ev Kamy (Medieval Sites in the Upper Kama Area)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
8. Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame (Funerary Rite of the Tarasovo Burial Ground of 1st–5th cc. AD in the Middle Kama Area)* III. Kazan; Izhevsk: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov; Udmurt State University (in Russian).
9. Ivanov, A. G. 1998. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniia basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ia (konets V – pervaiia polovina XIII v.) (Ethnic, Cultural and Economic Relations of the Cheptsya River Basin Population in the Middle Ages (Late 5th — First Half of 13th Centuries))*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
10. Ivanova, M. G. 1988. In Ivanova, M. G. (ed.). *Novye issledovaniia po drevnei istorii Udmurtii (Recent Researches in the Ancient History of Udmurtia)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 4–24 (in Russian).
11. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Leshchinskaya, N. A. 1991. *Otchet ob arkhelogicheskikh raskopkakh Tat-Boiarskogo mogil'nika v Kil'mezskom raione Kirovskoi oblasti letom 1988 goda (Report on the Archaeological Excavations on the Tat-Boiary Burial Ground, Kil'mez' District, Kirov Region, Summer 1990)*. Izhevsk. Archive of the Institute for History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 303 (in Russian).
13. Leshchinskaya, N. A. 1997. In *Komi-permiaki i finno-ugorskii mir (Komi-Permyak People and the Finno-Ugric World)*. Kudymkar: "Komi-Permiatskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 143–145 (in Russian).
14. Leshchinskaya, N. A. 2002. In Goldina, R. D. (ed.). *Istoricheskie istoki, opyt vzaimodeistviia i tolerantnosti narodov Priural'ia (Historical Origins, an Experience of Interaction and Tolerance of Peoples in the Cis-Ural Region)*. Izhevsk: Institute of Economics and Public Administration of Udmurt State University, 109–115 (in Russian).
15. Leshchinskaya, N. A. 2014. In *Povolzhskaya arkhelogiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 92–113 (in Russian).
16. Leshchinskaya, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Epoch: on the Materials from Burial Sites of the 1st — 5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

17. Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura: Etnicheskaia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysiacheletiiia nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
18. Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov) (History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD: by Materials from Burial Grounds)*. Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute (in Russian).
19. Semenov, V. A. 1976. In Vladykin, V. E. (ed.). *Voprosy arkheologii Udmurtii (Issues of the Archaeology of Udmurtia)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 3–50 (in Russian).
20. Semenov, V. A. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 5–135 (in Russian).
21. Semenov, V. A. 1982. In Atamanov, M. G. (ed.). *Materialy po etnogenezu udmurtov (Materials on the Ethnic Genesis of the Udmurt People)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 43–62 (in Russian).
22. Semenov, V. A. 1989. In Ivanova, M. G., Shutova, N. I. (eds.). *Novye issledovaniia po etnogenezu udmurtov (New Studies on the Ethnic Genesis of Udmurts)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 20–33 (in Russian).
23. Stefanova, I. I. 1982. In Ivanova, M. G. (ed.). *Srednevekoveye pamiatniki basseina r. Cheptsy (Medieval Sites in the Cheptsy River Basin)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 90–103 (in Russian).

About the Author:

Leshchinskaya Nadezhda A. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

УДК 902.01

УКРАШЕНИЯ АНАТКАСИНСКОГО МОГИЛЬНИКА: К КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКА

© 2016 г. Т.Б. Никитина, Е.Е. Воробьева, М.И. Федулов

Статья посвящена анализу украшений из Анаткасинского могильника на правом берегу р. Волги, которые впервые вводятся в научный оборот. Разработана их типология, представлен широкий круг аналогий. По украшениям определена датировка памятника X–XI вв., которая подтверждается находками монет. На основе обозначенных этномаркеров (деталей головного убора, височных колец, наконечников, а также отдельных типов перстней и браслетов) установлена близость памятника к синхронным марийским могильникам Ветлужско-Вятского междуречья. Кроме украшений и элементов костюма, характерных для марийской культуры, в материалах Анаткасинского могильника выделяется круг инокультурных изделий: болгарских, древнерусских, мордовских, прикамских или приуральских, подчеркивающих своеобразие данного памятника. Проникновение большинства заимствованных вещей связано с торговыми контактами, которым способствовало расположение могильника на р. Цивиль, недалеко от р. Волги.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Ветлужско-Вятское междуречье, раннее средневековье, марийская культура, болгарская культура, костюм, украшения, типология, этнокультурная атрибуция.

До недавнего времени на правом берегу Марийско-Чувашского Поволжья не изучено ни одного погребального памятника рубежа I–II тысячелетия н.э. Открытие и исследование Анаткасинского могильника позволяет по-новому оценить этнокультурные процессы, происходящие в этом регионе.

Анаткасинский могильник располагается в 700 м к ЗСЗ от д. Анаткасы (чув. Анаткасси) Мариинско-Посадского района Чувашской республики, в 10 км к востоку от г. Новочебоксарска на мысу коренной террасы с крутыми склонами (рис. 1). Холм доминирует над поймой более чем на 30 м. Памятник открыт в 2011 году Поволжской археологической экспедицией МарГУ под руководством Е.Е. Воробьевой. Раскопки проведены в

2012, 2013 г. (руководитель Е.Е. Воробьева), в 2015 г. (руководитель А.А. Семенов). В работе принимали участие студенты историко-географического факультета Чувашского ГУ, проходившие практику под руководством М.И. Федулова. Материал для статьи обработан Т.Б. Никитиной.

На памятнике вскрыта площадь 340 кв.м., изучено 30 погребений, 2 жертвенных комплекса, 2 ямы с остатками ритуальных действий (рис. 2).

Наиболее выразительной категорией находок, позволяющей определить этнокультурную принадлежность памятника, являются украшения и отдельные элементы костюма.

Украшения головы

Головной убор из женского захоронения 3 представлен налобным берестяным венчиком, фрагментами кожи

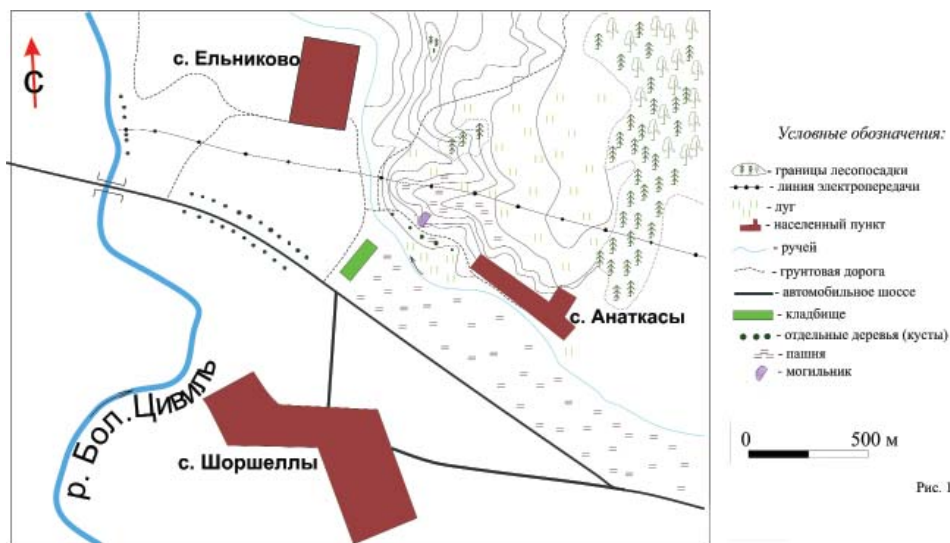

Рис. 1. Ситуационный план местонахождения Анаткасинского могильника.

Fig. 1. Situational plan of the Anatkasi burial ground.

и цепочки из цветного металла. Длина венчика составляет 23 см, ширина 3 см в центральной части, на концах – до 1,2 см. На венчике крепились накладки из цветного металла прямоугольной формы размером 5 x 7 мм. Фрагмент многозвеньевой металлической цепочки, расположенной поверх венчика, состоял из 17 звеньев, более мелкие фрагменты сохранились в тенной части. Впервые реконструкция головного убора, состоящего из венчика с накладками и головной цепочки, произведена Е.А. Халиковой по материалам Веселовского могильника (Халиков, Безухова, 1960, рис. 38) и впоследствии подтверждена материалами других марийских могильников.

Более полно головные цепочки сохранились также в жертвенном комплексе (далее жк) 1 (рис. 3: 3), погребениях 9 и 24. Цепочки состоят из звеньев овальной формы, изготовленных из бронзовой проволоки; сохранившаяся длина цепочки из жк 1 со-

ставляет 44,5 см, из погр. 24 – 61,5 см. К основной цепочке привешены бронзовые бубенчики на коротких цепочках из трех аналогичных звеньев.

Головные цепочки с подвесками-бубенчиками являются диагностирующим элементом марийской средневековой культуры и известны в большом количестве в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. (Архипов, 1973; Никитина, 2002, 2012). На других территориях цепочки из бронзовых звеньев в качестве головных не зафиксированы.

В погребении 17 обнаружена бронзовая цепочка другого типа, представляющая собой «сплошную змейку», длина цепочки 24 см (рис. 3: 7).

С украшением головы связаны накосники, которые обычно состоят из кожаных ремешков, обвитых бронзовой проволокой круглого или уплощенного сечения, завершающихся на концах привесками или пронизками различной формы (рис. 4: 18, 27–31). В погребении они располагаются в об-

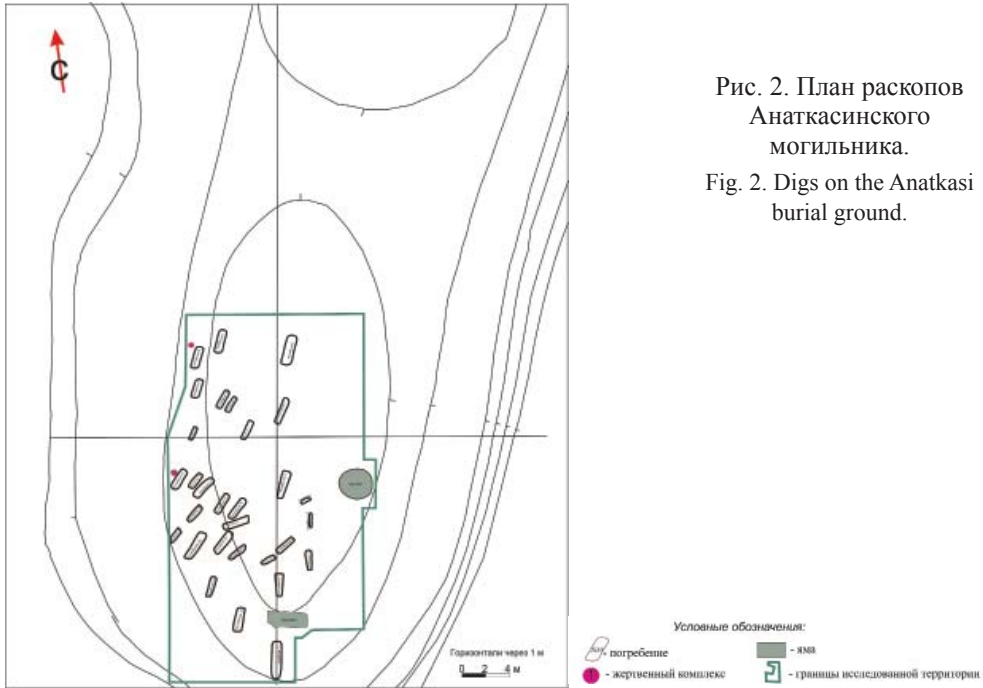

Рис. 2. План раскопов Анаткасинского могильника.

Fig. 2. Digs on the Anatkasi burial ground.

ласти спины или грудной клетки (при плохой сохранности или отсутствии костей определить невозможно), в жертвенных комплексах сконцентрированы кучкой, иногда ремешки связаны. В Анаткасинском могильнике целых экземпляров не обнаружено, но отдельные фрагменты и составные части позволяют предполагать их наличие. В погребениях 9, 20, 21, жк 2 зафиксировано скопление ремешков с обмотками из проволоки. В жк 2 ремешки завершаются рифлеными бубенчиками, полыми шаровидными бубенчиками из двух половинок; в одном случае обнаружена колоколовидная пронизка с двумя лапчатыми привесками.

С наконечниками, по всей видимости, связаны и подвески-пронизки в форме костяных коньков (рис. 3: 4–6) – 8 экз. (п. 10). Изделия имеют длину 1,8–2,2 см, высоту 1,5 см. Несмотря на мелкие размеры, на хорошо отшлифованной поверхности нанесен точ-

ками орнамент, изображающий сбрую коня. Тулово коня схематизировано и в большей степени напоминает силуэт плывущей утки. Поэтому, не случайно в литературе скульптурные орнаментоморфные изображения сравнивают с коньками (Иванова, 1998, с. 77) или водоплавающей птицей (Белавин, Крыласова, 2008, с. 443). Материалы марийских могильников Ветлужско-Вятского междуречья: Черемисского кладбища (погр. 7), Юмского (погр. 7), Нижней стрелки (погр. 29), Дубовского (погр. 11, 27, 36, 52) показывают, что наиболее часто подобные изделия являются составной частью наконечников и крепятся к спиральным пронизкам из бронзовой проволоки (Никитина, 2012, рис. 97; 126; 180, 222, 234, 242, 257). В материалах могильников Ветлужско-Вятского междуречья костяные коньки зафиксированы также в качестве привесок к нагрудным украшениям (Никитина 2012, рис. 16: 8, 9), височным украшениям (Никити-

на 2012, рис. 24); в этих случаях они не образуют скоплений, а использованы поштучно. Аналогичные фигурки в качестве единичных находок встречены также в Предуралье (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 201: 9, 10) и Большетиганском могильнике (Казанов, 1992, рис. 22: 4). Основные находки локализируются на Чепце (Иванова, 1998, с. 77) и в Ветлужско-Вятском междуречье.

В погребении 3 в районе грудного отдела расположены костяная копоушка, шумящая пронизка и железная ложечка, связанные ремешком. Учитывая тот факт, что кости не сохранились, возможно предположить, что это также часть наконсника, который крепился со стороны спины. Рядом с этими украшениями обнаружены фрагменты односторонней костяной расчески, которая также могла входить в состав наконсника.

Копоушка из погребения 3 имела на одной стороне нарезной орнамент из заштрихованных треугольников, на другой – флажковый также из прорезных линий. Копоушки обнаружены и в погребении 10.

Костяные копоушки в качестве объекта археологического изучения рассматривались многократно, территория их распространения достаточно широкая.

Для Ветлужско-Вятского междуречья в большей степени характерны копоушки, украшенные нарезным флажковым орнаментом.

Височные кольца

Браслетообразные височные кольца из круглой в сечении проволоки из цветного металла, предположительно бронзы – 4 экз. Два браслетообразных кольца с заходящими концами, один из которых отогнут,

обнаружены на черепе в женском погребении 22. У одного кольца отогнутый конец оформлен квадратной припаянной пластиной, у второго – гвоздевидным утолщением (рис. 3: 1). Браслетообразное височное кольцо из п. 10 очень плохой сохранности фрагментов имеет примерный диаметр кольца 5 см, один слабоотогнутый конец. Одно браслетообразное кольцо из ямы 1 имеет заходящие концы без утолщения.

Браслетообразные височные кольца с одним отогнутым концом являются частой находкой в марийских захоронениях Ветлужско-Вятского междуречья и являются этномаркером марийской культуры (Архипов, 1973, с. 19, 20; Никитина, 2012, с. 84).

Перстневидные височные кольца – 8 экз: погр. 8, 14, 17, 18; 23; 29 (рис. 5: 7, 8). Кольца изготовлены из круглой, предпочтительно серебряной, проволоки, имеют сомкнутые обрубленные концы.

Простая универсальная форма этих украшений наводит на первоначальную мысль об их самостоятельном происхождении на достаточно широкой территории. Однако в марийских средневековых захоронениях они обнаружены только в памятниках левобережья р. Волги: на Дубовском могильнике (18,8% всех изученных могил) и могильнике Нижняя стрелка (11,3%). Для аналогичных могильников в Поволжье данные украшения не характерны, известна только одна находка такого кольца в погребении 7 Русенихинского мужского захоронения.

Перстневидные височные кольца в марийских захоронениях встречаются преимущественно в мужских погребениях и располагаются по одному с каждой стороны. В женских погребениях

Рис.3. Анаткасинский могильник: 1 – погребение 22; 2, 7 – погребение 17; 3 – жк 1; 4–6, 8 – погребение 10; 9 – пп. 11, 18; 10 – яма 1.

Fig. 3. The Anatkasi burial ground: 1 – grave 22; 2, 7 – grave 17; 3 – sacrificial complex 1; 4–6, 8 – grave 10; 9 – pp. 11, 18; 10 – pit 1.

ниях височные кольца представлены, как правило, 1 экземпляром и обнаружены с левой стороны от черепа. Т.Б. Никитина уже высказывала предположение, что носители этих украшений, представленные в основном мужчинами, пришли в Среднее Поволжье и вступили в брачные отношения с марийскими женщинами. Указанные выше могильники укладываются в хронологические рамки X–XII вв. Пока остается открытым вопрос, откуда пришла новая волна переселенцев. Аналогичные украшения известны в мордовских захоронениях (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 14), у кочевников восточноевропейских степей (Степи Евразии, 1981, рис. 82–89), в половецких погребени-

ях конца XI–XII вв. (Степи Евразии, 1981, рис. 84–2), на памятниках северной Руси (Зайцева, 2008, с. 102). Большое количество таких колец обнаружено в памятниках ранних болгар, в частности, в Танкеевском могильнике они составляют более половины височных колец (Казаков, 1971, с. 111).

Височное кольцо из серебряного круглого в сечении дрота с несомкнутыми обрубленными концами – 4 экз.: п. 7, 8. Диаметр колец 3–3,5 см. Кольцо из погребения 7 имеет на дроте ободок с утолщениями (рис. 5: 5). Похожие ободки встречаются на украшениях древних венгров (The ancient, 1960, с. 256).

Височное кольцо небольшого диаметра (2 см) из круглого в сечении

Рис.4. Анаткасинский могильник: 1–3 – погребение 6; 5 – жк 1; 4, 8–10 – погребение 8; 6–7 – погребение 7; 11–12 – погребение 23, 29; 13–18, 29–31 – погребение 17; 19–27 – жк 2; 28 – погребение 3.

Fig. 4. The Anatkasi burial ground: 1–3 – grave 6; 5 – sacrificial complex 1; 4, 8–10 – grave 8; 6–7 – grave 7; 11–12 – grave 23, 29; 13–18, 29–31 – grave 17; 19–27 – sacrificial complex 2; 28 – grave 3.

серебряного дрота с тремя напускными бусами – погр. 6 (рис. 5: 1). Один конец кольца завернут в спираль, второй обрублен, между бусами намотана серебряная проволока. Бусины состоят из двух половинок, украшены напаянными шариками, образующими полосы и треугольники.

По оформлению кольцо идентично многочисленным болгарским изделиям, изготовленным как из золота, так и из серебра (Руденко, 2011, с. 226, 227, рис. X: 37).

Серьги из проволоки с круглым сечением в виде треугольника со слегка вогнутыми краями (форма близка грушевидной) со стыком в основании – 1 экз. (погр. 17) (рис. 3: 2).

По мнению Ю.А. Подосеновой, проволочные украшения грушевидной формы были свойственны для территории Пермского Предуралья X–XII вв. (Подосенова, 2009, с. 84).

Шейно-нагрудные украшения представлены ожерельями и гривнами.

Ожерелья состоят из кожаного ремешка с бронзовыми пронизками из проволоки, свитой в спираль, и гофрированных бубенчиков из 2-х половинок (рис. 4: 19–26). В двух случаях (погр. 8, жк 2) они сохранились в крупных фрагментах. Отдельные экземпляры таких бубенчиков находились среди подъемного материала 2013 года, в погребениях 2 и 22.

Ожерелье из желтых бусин-лимонок найдено в погребении 22.

Гривны различаются по материалу и оформлению.

Гривна глазовского типа из крученого серебряного дрота с петлей и колбочкой на концах – 1 экз. (погр. 6). Имеет многочисленные аналогии на широкой территории Волго-Камья, Среднего Поволжья, северо-запада Руси.

Гривна из крученого железного дрота представлена 1 экз. во фрагментах: п. 26. Подобные гривны считаются скандинавским импортом и были распространены на территории Руси в X–XI вв. Их находки сосредоточены в основном вдоль торговых путей, связывающих Северную Европу со странами Востока (Фехнер, 1967, с. 63; Седова, 1997, с. 66). В среднем Поволжье обнаружены среди марийских материалов X–XI вв. Нижней стрелки и Дубовского могильников, в погребениях мордовского Крюково-Кужновского могильника (Материалы по истории мордвы, табл. XXI–1).

В качестве **нагрудных украшений** использовались подвески, застежки-фибулы и т.д.

Фибулы кольцевидной формы с разомкнутыми концами, получившие название сьюльгам, представлены 2 типами.

Сьюльгама с завернутыми в трубочку концами – 1 экз.: погр. 26.

Сьюльгамы являются наиболее частой находкой в памятниках мордовской культуры, также встречаются в захоронениях других поволжских финнов, значительно реже (в порядке исключения) в прикамских памятниках.

Сьюльгама с раскованными концами округлой формы из погребения 17 имеет аналогии среди материалов

северно-русской деревни (Зайцева, 2008, рис. 98: 9).

Подвески. Биконьковая подвеска из погребения 10 имела в центре прорезь в виде соединенных фигур круга и треугольника (в литературе такая прорезь получила условное название «замочной скважины»), изображение личины и 6 отверстий для крепления цепочек с привесками (рис. 3: 8). Прорезь околнута орнаментальной полосой с горошинами в виде псевдозерни. Головы коньков реалистичные, с проработанными деталями глаз, ушей и гривы. По древностям Пермского Предуралья подвески с замочной скважиной появляются в X в., с личиной характерны для X–XI вв. (Иванов, Крыласова, 2006, с. 64, 65). По материалам Рождественского могильника подобные изделия отнесены к типу 3.3 (Белавин, Крыласова, 2008, с. 381, рис. 187:16) и датируются XI в. В настоящее время подтверждены их широкие аналогии от Северного Предуралья до Средней Волги и от Верхней Камы до Иртыша. Они обнаружены также в погр. 58 Дубовского, погр. 11 Русенихинского могильников, п. XI Черемисского кладбища, наиболее близко расположенных к Анаткасинскому могильнику. Вывод о том, что они не могут быть этномаркером вполне логичен (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 214).

Литая подвеска в виде одностороннего изображения хищной птицы с распахнутыми крыльями и хвостом трапецевидной формы обнаружена в яме 1 ритуального назначения (рис. 3: 10). Идентичных подвесок нам неизвестно, но по форме крыльев, изображению головы и оформлению поверхности близкие изделия известны в

Пермском Предуралье (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, рис. 73: 12–14).

Украшения рук представлены перстнями и браслетами.

Перстни пластинчатые широкие щитковидные с завернутыми концами (усатые) – 4 экз.: погр. 11, 18, 21, жк 1, (рис. 3: 9). На поверхности нанесены две линии зигзага, разделенные валиком. Зигзаг выполнен нарезной линией в технике шагающей гребенки.

По материалам Древней Руси выделены два района распространения усатых перстней, различающихся по орнаментации: в бассейне среднего течения р. Волги и нижней Оки и в северо-западных областях (Недошина, 1967, с. 257, 258). Многочисленны усатые перстни в памятниках Ветлужско-Вятского междуречья; на этой территории оформился свой стиль декора щитка: зигзаги, разделенные валиком (Никитина, 2012, рис. 15: 7, 8, 10; 18: 3; 25: 7–9 и др.). Перстни Анаткасинского могильника приближены к перстням из марийских могильников Ветлужско-Вятского междуречья.

Перстни-печатки с камнем – 4 экз.

Тип 1. Перстни-печатки с высоким бортиком и круглым щитком – 3 экз.: погр. 6, 7 (рис. 5: 2–4). Бортик одного перстня из погребения 6 украшен сканью в форме треугольников. Аналогичны серебряным изделиям волжских болгар группы II Б со щитками, имеющими вставки. Один из серебряных перстней, украшенный пирамидами зерни, датирован XI–XIII вв. (Казаков, 1991, рис. 33: 15, с. 125, 126). К этому же периоду относится находка в кургане Ньюбиничи-10 летописной веси (Кочуркина, Линевский, 1985, рис. 60: 4) и к XI в. – украшение из погребения 57 Дубовского марийского могильника на левобережье р. Волги.

Тип 2. Перстень цельнолитой со вставкой из стекла, закрепленной четырьмя захватами с выступами – 1 экз. (погр. 18) (рис. 5: 6). Имеет многочисленные аналогии в материалах Большетиганского, Танкеевского, Тетюшского раннеболгарских могильников, Алексеевского комплекса (Казаков, 1992, с. 22–15, 61–15, 73–42, 75–18, рис. 91: 17; 10 в.). На других территориях: в курганах Южного Урала (Мажитов 1981, рис. 38: 7; 44: 12; 51: 15), полемско-чепецких древностях (Иванова, 1998, рис. 55: 17, 18; Иванов, 1998, рис. 19–20, 48: 2,3,8–10), Пермском Предуралье (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 182: 8), Пановском мордовском могильнике – их находки единичны и трактуются в качестве болгарского импорта (Белавин, 2000, с. 103; Аксенов, Михеев, 1998, рис. 4: 34, рис. 3: 26).

Браслеты различаются по сечению дрота.

Плоские

Тип 1. Браслет изготовлен из плоского дрота, имеющего посередине желобок. Дрот сужается к концам, концы имеют форму овала с углублением по центру – 3 экз.: погр. 12, 14. Аналогичные по оформлению дрота и концов браслеты довольно часто встречаются в женских захоронениях из марийских могильников Ветлужско-Вятского междуречья: Русенихинском, Дубовском, Нижняя стрелка. На других территориях удалось обнаружить только два экземпляра среди мордовских материалов (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 39). Близкое сходство (но не идентичные) по оформлению концов обнаруживают овальноконечные браслеты Новгорода, имеющие более позднее

Рис.5. Анаткасинский могильник: 1–2, 4, 15, 20–21, 23, 25 – погребение 6; 3, 5, 9, 24 – погребение 7; 6 – погребение 18; 7–8 – погребение 23; 10 – погребение 8; 11–14 – погребение 10; 16 – погребение 4, 17 – погребение 14; 18–19 – погребение 17; 22 – погребение 11; 26 – погребение 1.

Fig. 5. The Anatkasi burial ground: 1–2, 4, 15, 20–21, 23, 25 – grave 6; 3, 5, 9, 24 – grave 7; 6 – grave 18; 7–8 – grave 23; 10 – grave 8; 11–14 – grave 10; 16 – grave 4; 17 – grave 14; 18–19 – grave 17; 22 – grave 11; 26 – grave 1.

бытование от 30-х годов XII в. до конца XIII в. (Седова, 1981, с. 112,13).

Тип 2. Пластинчатый браслет с расширяющимися концами – 1 экз. (п. 6). Поверхность украшена зигзагом из прочерченных линий в технике шагающей гребенки. Браслеты шириной от 1 до 3 см с расширенными концами, украшенные орнаментом, нанесенным чеканом-колесиком, встречаются в курганах Южного Приладожья, Тверского, Угличского и Ярославского Поволжья XI–XII вв., Белоозера (Левашова, 1967, с. 237; Макаров, 1997, с. 342, табл. 130,10; Зайцева, 2008, с. 118), Прикамья (Крыласова, 2001, с. 119, рис. 42: 6, 56: 9). В курганах Плешково-1 браслеты с расширенными концами залегали совместно с монетами X–начала XI в., но, в целом, по вещевому комплексу курганы датируются XI–XII вв. (Комаров, 2002, рис. 7, 8). В могильнике Оленино на Верхней Волге аналогичные изделия найдены в курганах второй половины XI в. (Кашкин, 2003, рис. 1: 22; с. 121). В материалах соседних памятников Ветлужско-Вятского междуречья (пп. 22, 25 Веселовского) аналогичные браслеты находились в комплексах XI в. (Архипов, 1973, с. 66; Никитина, 2012, рис. 60, 66 и т.д.) Учитывая то, что в погребении 6 Анаткасинского могильника браслет использован в качестве заплатки при ремонте котла, следует признать его дату не ранее XI в.

Тип 3. Пластинчатый с ровными по ширине концами – 1 экз. из погребения 8.

Витые

Браслет витой из 2-х проволок, концы не сохранились – погребение 12. Витые завязанные браслеты по древнерусским материалам датируются с X по начало XII вв. (Левашова, 1967, с. 219; Даркевич, 1974, рис. 47: 4; с.

73), на северных окраинах Руси XI в. (Макаров, 1997, с. 120, 125, 126; Зайцева, 2008, с. 117–118). Аналогичные браслеты нередки в памятниках Марийского Поволжья конца XI–XII вв. (Никитина, 2002, рис. 68 Б: 22; 76 А: 13; 76 Б: 4).

Дротовые граненые

Тип. 1. Браслет дротовый четырехгранный уплощенный, концы не орнаментированы, иногда украшены кружковым орнаментом или зигзагом – погр. 6, 8, 11, 12 (рис. 4: 1).

Тип 2. Браслет граненый (от 4–8-гранный) – 35 экз. (погр. 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 18, 23, 29, жк 1, 2; под. мат.) (рис. 4: 2, 3). В центральной части дрот прокован, грани незаметны, сечение приближается к круглому. Многогранные браслеты являются самой многочисленной категорией, составляющей более половины браслетов в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья, и входят в число признаков, определяющих особенности марийских памятников данного региона (Архипов, 1973, с. 33). К ним приближаются и вышеописанные четырехгранные уплощенные браслеты. На других территориях граненые браслеты встречаются в единичных экземплярах (Белавин, Крыласова, 2008, с. 372; Казаков, 1992, рис. 62: 1,2; Мажитов, 1981, рис. 56: 5; Голдина, 1985, с. 37, табл. IV: 20–22), поэтому нет оснований считать, что браслеты этого типа проникли в Среднее Поволжье из Прикамья и Приуралья (Казаков, 1992, с. 174). Близкие формы в Марийском Поволжье уже известны по материалам Младшего Ахмыловского могильника (Никитина, 1999, рис. 24 Б: 4). Вполне вероятно их местное происхождение.

Тип 3. Браслет из четырехгранного дрота с зауженными концами – 1 экз. (погр. 7) (рис. 4: 7). Аналогия в погребении 8 Русенихинского марийского могильника датируется XI в. По русскимкладам такие изделия имеют более ранние датировки (Жилина, 2008, т. II. рис. 2).

Тип 4. Браслет из дрота треугольного сечения – 9 экз.: погр. 3, 6, 12, 22.

Из круглого дрота

Тип 1. Концы раскованы и заходят друг за друга – 6 экз. (погр. 6,7,8, 22).

Тип 2. Браслет с концами, завернутыми в трубочку – жк 1 (рис. 4: 5).

Тип 3. Концы заужены, один имеет небольшой крючок – 1 экз. из погребения 22.

Поясные украшения представлены фрагментами кожаных ремней, украшенных металлическими накладками, имеющими пряжку и наконечник.

Поясные накладки по форме сгруппированы в отделы, по оформлению в типы.

Отдел 1. Квадратные и прямоугольные накладки

Тип 1. Накладки с прорезью, скошенным бортиком и прочерченным растительным орнаментом. Крепились при помощи 4-х шпеньков: погр. 10, 26 (рис. 5: 11, 12). Имеют широкое распространение в марийских могильниках Поветлужья (Архипов, 1973, рис. 43: 13, 72) и Поволжья (Никитина, 2012), мордовских древностях (Материалы по истории мордвы, 1952, табл. XXXI: 2), в Пермском Предуралье на Огурдинском и Рождественском, Питерском (Степаново Плотбище) могильниках (Белавин, 2000, рис. 47–53; Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199: 3; Данич, 2013, рис. 1: 13), в Вотчинском могильнике на Вы-

чегде (Истомина, 1999, рис. 10: 19), в Омутницком могильнике IX–XII вв. в Удмуртии (Семенов, 1985, рис. 5: 17, 19), во Владимирских курганах, Тимирево и Кирьяново Ярославской области второй половины X в., Гнездово Смоленской области X в. (Мальм, 1963, рис. 39: 1; Мурашева, 2000, рис. 62: 1 Г, 1 Д, с. 116), Новгороде (Козлова, 2004, с. 189, рис. 2: 10), Старой Ладого (Михайлов, 1997, с. 252, рис. 2: 4), в средневековых древностях на Кубенском озере (Зайцева, 2008, рис. 76: 1, с. 89). Изготовлены по восковым моделям, которые получены путем оттиска пластин воска на матрицах (Зайцева, 2008, с. 89; Мурашева, 2000, с. 10).

Тип 2. Накладки с прорезью, одним ровным краем, второй край состоит из трех горошин – 1 экз. (погр. 29). Аналогичные накладки в Мининском археологическом комплексе изготовлены по восковой модели (Зайцева, 2008, с. 90). Известны в других марийских могильниках, болгарских памятниках (Халикова, 1976), в Южном Приладжье (Мурашева, 2000, с. 109) и юго-западном Белозерье (Зайцева, 2008, с. 90).

Тип 3. Накладки с прорезью и орнаментом в виде волнистой линии: 3 экз (погр. 4) (рис. 5: 16). Аналогии в жк 3 Русенихинского марийского могильника.

Тип 4. Полукруглый выступ на одной короткой стороне и выемка на противоположной. Геометрический орнамент выполнен в виде ложной зерни или насечек, образующих полукруглости и ромб: жк 2, погр. 6 (24 экз.) (рис. 5: 20). На поясе крепились один в другой, образуя сплошную полосу. Целые ремни с такими накладками обнаружены в жертвенных

комплексах марийских могильников «Нижняя стрелка» (жк 7, 8, 10), Русенихинском (жк 2), отдельные находки среди подъемного материала на территории могильника «Кузинские хутора».

Аналогичные изделия имели широкое распространение в X в.: в Пановском и Крюково-Кужновском мордовских могильниках (Материальная культура среднецнинской мордвы, 1969, табл. 18: 2–5), на городище в Гнездово (Мурашева, 2000, с. 54), в Волжской Болгарии на Семеновском и Измерском селищах и в Болгаре (Казаков, 1991, рис. 44: 81–83), на севере на побережье Белого озера (Захаров, 2004, рис. 96, 19, 43; Тухтина, 1966, с. 126, рис. 3, 4), Кубенского озера (Зайцева, 2008, с. 88, рис. 76: 10, 13; 79) и до Бирки, Болгарии и Венгрии (The ancient, 1966, p. 207, fig. 1). Накладки изготовлены по восковым моделям с использованием матриц (Зайцева, 2008, с. 89).

Таким образом, несмотря на то, что подобные изделия встречены в Волжской Болгарии, все же очевиден более западный ареал их распространения. В Прикамье, Южном Урале и на более восточных территориях подобные изделия пока не известны.

Тип 5. С прорезью с одной стороны и ровной поверхностью без орнамента – 5 экз. (пп. 4, 14) (рис. 5: 17).

Аналогичные изделия встречаются в марийских могильниках Поветлужья и Вятки (Черемисское кладбище, Юмский, Веселовский, Дубовский, Нижняя стрелка) (Архипов, 1973, рис. 43: 15, 68), Большетиганском некрополе конца VIII–первой половины IX в. (Халикова, 1976, с. 166, 169, рис. 10, с. 171), Болгаре VIII–IX вв. (Полякова, 1983, Приложение с. 138, табл.

LIX, 8), в Венгрии (The ancient, 1996, с. 186, 2), у мордвы (Материальная культура среднецнинской мордвы, 1969, табл. 33: 3; 36: 3; 10: 10; Ястребов, 1893, с. 12, рис. 14; Материалы по истории, табл. XXXIII: 5), в Прикамье VIII–IX вв. (Голдина, 1985, с. 201; Комар, 2001, с. 114, рис. 1: 18), в Предуралье (Белавин, 2000, рис. 47: 52; Белавин, Крыласова, 2008, с. 199, рис. 2), в Пенджикенте Средней Азии в VII–VIII вв. (Распопова, 1965, рис. 1, 2, Комар, 2001, с. 116, рис. 31) а также в Сибири VI–VIII вв. (Распопова, 1965, рис. 1, 24; Киселев, 1951, с. 353, рис. 13), у славян второй половины X в. (Мурашева, 2000, с. 106, с. 26, рис. 27: 1Д).

Отдел 2. Сердцевидной формы

Тип 1. Плоские без орнамента с круглой или сердцевидной выемкой у основания: пп. 6, 29 и кладоискательского вкопа (рис. 5: 15). Имели распространение в Веселовском, Выжумском, Нижняя стрелка, Дубовском марийских могильниках. В Дубовском могильнике п. 73 датируется X в.

Аналогии в Муракаевских курганах на Южном Урале (Мажитов, 1981, с. 145, рис. 71: 6), у мордвы в Крюково-Кужновском (IX–X вв.) и Лядинском могильниках (Ястребов, 1893, с. 12, рис. 14, Воронина, 2007, рис. 14: 10, рис. 43: 2), в Танкеевском могильнике п. 300 (Казаков, 1971, рис. XX: 23) и г. Болгар (Полякова, 1983, приложения, с. 131, табл. LVII: 12), в Большетиганском могильнике (Мурашева, рис. 27: 3), в Пермском Предуралье (Белавин, Крыласова, 2008, с. 199, рис. 74–76), на Качкашурском могильнике в Удмуртии (Иванов, 1991, рис. 9: 2), в Тимерово (Мальм, 1963, рис. 37: 7) и Гнездово (Сизов, 1902, т. V: 10), на Белоозере в XI в. (Захаров,

2004. рис. 263: 29). Наиболее ранние экземпляры обнаружены в Прикамье VIII–XI вв. (Голдина, 1985, с. 201) и у алан, в частности в Тарском могильнике (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995, с. 278).

Тип 2. Плоские со скошенным бортиком и прочерченным растительным орнаментом: пп. 6,10 (рис. 5: 14, 13).

Распространены в марийских могильниках (Веселовский, Юмский, Черемисское кладбище (Архипов, 1973, рис. 43: 8, 75, 76), Нижняя стрелка (Никитина, 2012), Русенихинском (п. 3,6, жк 2, 11); у мордвы (Крюково-Кужновский и Лядинский м-ки) (Ястребов, 1893, табл. VI: 12, 15; Материалы по истории мордвы, 1952, табл. XXXI: 2), Прикамье (Истомина, 1999, с. 94), в Гнездово и курганах Ярославского Поволжья (Тимерево, Кирьяново), Старой Ладоге (Михайлов, 1997, с. 252, рис. 2,5), на Кубенском озере (Зайцева, 2008, с. 90, рис. 77: 2), а также встречены среди неаннотированных коллекций Владимирской области (Мурашева, 2000, с. 115–116, рис. 62: 1А).

Отдел 3. *Сердцевидные с каплевидными выступами по сторонам*

Тип 1. Форма приближается к пятиугольной – 17 экз.: п. 1, подъемный материал 2015 г. Точные копии обнаружены в Русенихинском могильнике.

Тип 2. Форма приближается к треугольной (рис. 5: 18, 19). Похожие изделия фиксировались среди материалов Танкеевского могильника (Казаков, 1971).

Наконечники от ремня представлены одним экземпляром из погребения 6 (рис. 5: 23). Наконечник имеет круглый вырез на одной стороне и заостренный край, орнамент из кругов и ромбов, выполненный

ложной зернью. Обнаружен в погребении совместно с прямоугольными накладками с выступом на одной стороне и выемкой на противоположной, оформленной таким же узором. Наконечник по орнаментации имеет сходство с наконечником из Танкеевки (Казаков, 1992, рис. 30: 4). Орнамент на наконечнике совпадает с орнаментом на пряжках Пермского Предуралья (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 198: 9, 12).

Пряжки Анаткасинского могильника индивидуальны, не повторяют друг друга. Их описание произведено с учетом принципов классификации, разработанных В.Б. Ковалевской.

Пряжка трапециевидной формы с фигурной рамкой: п. 11 (рис. 5: 22).

Аналогии в жк 4 «Нижняя стрелка» (Никитина, 2012, рис. 196: 12) и жк 3 Русенихинского марийского могильника, Среднем Примокшанье в материалах Стародевиченского могильника (Петербургский, 2009, рис. 32: 17).

Пряжка треугольнорамчатая без щитка (рис. 5: 21) близка изделию из западной Сибири (Ваганово 1) (Бобров, Васютин, Онищенко, 2011, рис. 3–14).

Пряжка цельнолитая треугольнорамчатая с прямоугольным щитком, имеющим выем на задней стенке и украшенным по краю виноградной лозой, – п. 7 (рис. 5: 24). Оформление по бортику в виде вьющейся лозы идентично оформлению наконечника из погребения 73 Дубовского могильника (Никитина, 2012, рис. 277). Аналогии в кургане 127 Давыдково (?) Владимирской области второй пол. X–нач. XI в. (Мурашева, 2000, рис. 85).

Пряжка цельнолитая треугольнорамчатая с вытянутым заостренным

щитком, украшенным стилизованным трилистником – п. 1 (рис. 5: 26). Имеет идентичное сходство с изделиями из п. 3 и жк 2 Русенихинского и п. 2 Юмского марийских могильников.

Пряжка цельнолитая треугольно-рамчатая с прямоугольным укороченным щитком, украшенным трилистником – п. 6 (рис. 5: 25). Поверхность щитка позолочена. Изображение трилистника выполнено в стиле изображений на наконечниках ремня древних венгров (The ancients, 1996, с. 369).

Пряжка цельнолитая овальнорамчатая с коротким щитком с выступом из погребения 8 (рис. 5: 10).

Накладка на кошелек. В погребении 7 сохранились фрагменты кожного кошелька и крупные фрагменты тонкой фольги белого цвета (вероятно, серебра) с тисненным узором. Фольга лежала на слое кожи (рис. 5: 9). Вероятно, это остатки поясного кошелька-сумочки. К этому типу относится известная сумочка из п. 19 Веселовского могильника с изображением двух зверей (львов?) на задних лапах (Архипов, 1973, с. 40, рис. 49), которая впоследствии была включена в несколько работ. Данная находка относится к первой половине X в. (Никитина, 2012, с. 62, 63), считается уникальной и долгое время была единственной. В 2011 году подобное изделие было зафиксировано в жк 8 Русенихинского могильника. К сожалению, сам кошелек не сохранился, но по остаткам фольги из белого металла видно, что на нем была пластина с изображением, аналогичным или близким на пластине из погребения 19 Веселовского могильника. Контуры задней части животных и их поза полностью идентичны изображениям на пластине Веселовского

могильника. Пластина изготовлена из очень тонкой фольги, которая расслаивается. Описания сумочек с серебряной пластиной на лицевой стороне упоминается в п. 400 Крюково-Кужновского могильника (Материалы по истории мордвы VIII–XI вв., 1952, с. 127). Массовые аналогии кошелькам/сумочкам с пластиной находятся в венгерских погребальных комплексах Карпато-Дунайского бассейна (Эрдели, 1972, с. 137, рис. 1; The ancient, 1996, с. 73, 88, 95, 112, 120, 126, 153, 154, 178, 183, 186, 205, 283, 295, 297, 318, 331, 364, 380, 384, 413). Одна уникальная серебряная пластина-накладка на кошелек с изображением животных известна в Пермском крае (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 222, рис. 77: 24).

Таким образом, металлические украшения костюма изученных погребений позволяют сделать вывод о культурной принадлежности памятника. В 10 комплексах содержатся украшения, которые по материалам могильников Ветлужско-Вятского междуречья признаны этномаркерами марийской средневековой культуры. К таким изделиям относятся: металлические бронзовые головные цепочки, браслетообразные височные кольца с одним отогнутым концом, наконечники. К кругу этномаркирующих украшений можно отнести граненые и овальноконечные браслеты. Безусловно, браслеты являлись предметом торговли, вследствие чего разные типы получили распространение на широкой территории. Так, на территории Среднего Поволжья были найдены витые и плетеные браслеты древнерусского облика второй половины XI в. Не являются исключением и граненые браслеты, которые также имеют

аналогичные образцы в древностях Волжской Болгарии, Прикамья, Пермского Приуралья и Южного Урала, но там они обнаружены в единичных экземплярах (см. выше). Учитывая, что в захоронениях Ветлужско-Вятского междуречья они находились в комплексах в совокупности с другими этноопределяющими украшениями, мы можем включить их в состав маркирующих изделий. В Анаткасинском могильнике браслеты найдены преимущественно в погребениях, имеющих иные маркирующие украшения. Аналогичная картина наблюдается с браслетами с овальными концами.

По количеству браслетов в погребениях и количеству погребений с браслетами марийские могильники близки захоронениям поволжских финнов (муроме и мордве) и существенно отличаются от памятников, оставленных окружающими соседями. В могильниках Верхнего Прикамья браслеты не очень популярны и в большей степени обнаружены в богатых захоронениях, являясь статусным украшением (19,7% мужских и 30,2% женских) (Крыласова, 2001, с. 102); по 1–2, редко 3 браслета. Немногочисленны браслеты в памятниках чепецкой культуры (Иванова, 1982, с. 58). В могильниках северо-западной и северо-восточной Руси браслеты являются частой находкой, но они обнаружены преимущественно по 1–2 экземпляра в погребении, более 3 изделий в одном комплексе является исключением из общего правила (Левашова, 1967, с. 207). По количеству и характеру использования браслетов Анаткасинский могильник приближается к кругу памятников поволжских финнов, а по типам аналогичен марийским.

Кроме изделий, характерных для могильников марийской культуры Ветлужско-Вятского междуречья, в материалах Анаткасинского могильника выделяется круг изделий иного культурного направления: болгарских (височные кольца малого диаметра с ободком или напускными бусинами, перстни-печатки), древнерусских (браслеты витые и плоские с расширенными концами и т.д.), мордовских (крестовидные привески, пронизки-бубенчики с боковыми лапчатыми привесками), прикамских или приуральских (биконьковая подвеска и подвеска-птичка). Проникновение большинства инокультурных вещей связано с торговыми контактами, которым способствовало расположение могильника на р. Цивиль, недалеко от Волги. Особый интерес могут представлять височные кольца, которые традиционно большинством исследователей считаются этнодиагностирующим элементом культуры. В Анаткасинском могильнике таких вещей немного, они обнаружены в 2-х мужских погребениях.

Датировка памятника основана на находках монет, определение которых произведено кандидатом исторических наук Д.Г. Мухаметшиным. В погребении 6 обнаружена монета – Муид ад-Дауля. Мансур ибн Нух. Самарканд, датированная 363 г.х. (974 г.). Монета из погребения 9 чеканена при династии Бувейхидов (Ат-Таи Биллах. Азиз ад-Дауля абу-Шуджа) и датирована 357(9) г.х. (968/9 г.). Монета из погребения 12 относится ко времени династии Саманидов (Ат-Таи Биллах. Мансур ибн Нух) 363–365 г.х. (974–976 гг.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксенов В.С., Михеев В.К.* Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии)* / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина, 1998. С. 344–357.
2. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 198 с.
3. *Белафин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.
4. *Белафин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: ИПК БГПУ «Вагант», 2009. 285 с.
5. *Белафин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ. 2008. 603 с.
6. *Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С.* Угорские элементы в структуре погребально-поминальной обрядности средневекового населения Обь-Иртышья (сооружения, вещи, жертвенные животные) // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2011. С. 33–45.
7. *Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.И.* Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья / Научн. ред. И.М. Петербургский. Саранск: Республиканская типография «Красный октябрь», 2008. 352 с.
8. *Воронина Р.Ф.* Лядинские древности Из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. М.: Наука, 2007. 183 с.
9. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1985. 280 с.
10. *Данич А.В.* Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // *Поволжская археология*. 2013. №1. С. 181–196.
11. *Даркевич В.П.* Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) // *Археология Рязанской земли* / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М: Наука, 1974. С. 19–71.
12. *Жилина Н.В.* Хронология украшений древнерусских кладов IX–XI вв. // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале* / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. Т. II. М.: ИА РАН, 2008. С. 324–328.
13. *Зайцева И.Е.* Изделия из цветных металлов и серебра // *Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 2. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере* / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2008. С. 57–141.
14. *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: «Индрик». 2004. 592 с.
15. *Иванов А.Г.* Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // *Материалы по погребальному обряду удмуртов* / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск, 1991. С. 140–180.
16. *Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.) Ижевск: УИИЯЛ УрОРАН, 1998. 309 с.
17. *Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь, 2006. 160 с.
18. *Иванова М. Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв.: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
19. *Иванова М.Г.* Мало-Венижский могильник // *Средневековые памятники бассейна р. Чепцы* / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск, 1982. С. 27–51.

20. *Истомина Т.В.* Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и историография) / Ред. Э.А.Савельева. МАЕСВ. Вып. 16. Сыктывкар, 1999. С. 76–102.
21. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань, 1991. 176 с.
22. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.
23. *Казаков Е.П.* Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татари. Вып. 1 / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Татполиграф, 1971. С. 94–155.
24. *Кантемиров Э.С., Дзаттиаты З.Г.* Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н.э. // Аланы. История и культура / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ, 1995. С. 259–314.
25. *Кашкин А.В.* Могильник Оленино на Верхней Волге // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция. Сборник статей / Отв. ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль: Ярославский музей-заповедник, Гос. музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2003. С. 112–127.
26. *Козлова А.В.* Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 18 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород, 2004. С. 188–207.
27. *Комар А.В.* Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия (из истории костюма). Том 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2001. С. 103–117.
28. *Комаров К.И.* Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны. Тула: Гриф и К, 2002. С. 141–184.
29. *Кочуркина С.И., Линецкий А.М.* Курганы летописной веси X – начала XIII века. Петрозаводск: «Карелия», 1985. 223 с.
30. *Крыласова Н.Б.* История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.
31. *Левашова В.П.* Браслеты // Очерки по истории русской деревни / Труды ГИМ. Вып. 43 / Ред. Б.А. Рыбаков, М.: «Советская Россия», 1967. С. 207–252.
32. *Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VII–XII в. 1981. М.: Наука. 166 с.
33. *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968, 161 с.
34. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: «Скрипторий», 1997. 368 с.
35. *Мальм В.А.* Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А.П. Смирнов. М.: ГИМ, Ярославский музей-заповедник, 1963. С. 64–71.
36. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова / Ред. А.П. Смирнов. Моршанск: Моршанский краеведческий музей, 1952. 232 с.
37. Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII–XI вв. (по материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 годы) / Ред. А.П. Смирнов. Саранск, 1969, 175 с.
38. *Михайлов К.А.* Центральноазиатские ременные украшения в материалах древнерусских памятников X века // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 11 / Составители П.Г. Гайдуков, Т.М. Казармщикова. Новгород, 1997. С. 251–260.
39. *Мурашева В.В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС, 2000. 136 с.
40. *Недошивина Н.Г.* Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Издательство «Советская Россия», 1967. С. 253–274.

41. *Никитина Т.Б.* История населения Марийского края в I тыс.н.э. (по материалам могильников) // Труды МАЭ. Т. V. Йошкар-Ола, 1999. 159 с.
42. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.
43. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14 / Ред. Е.П. Казаков. Казань: «Отчество», 2012. 408 с.
44. *Петербургский И.М.* Мордва среднего Примокшанья в XI–XIV вв. Саранск: Красный Октябрь, 2009. 240 с.
45. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.
46. *Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов из Болгар. Дисс... канд. ист. наук. М., 1983.
47. *Распопова В.И.* Поясной набор Согда VI–VIII вв. // СА. № 4. 1965. С. 78–91.
48. *Руденко К.А.* Булгарское золото. Филигранные височные подвески. Казань: «Заман», 2011. 255 с.
49. *Седова М.В.* Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1997. С. 63–78.
50. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
51. *Семенов В.А.* Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: УдмНИИ, 1985. С. 92–118.
52. *Сизов В.И.* Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. Вып. 28. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1902. 162 с.
53. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. 301 с.
54. *Тухтина Н.В.* Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X–XIII // Труды ГИМ. Вып. 40 / Ред. А.П. Смирнов. 1966. С. 120–136.
55. *Фехнер М.В.* Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни / Труды ГИМ. Вып. 43 / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: «Советская Россия», 1967. С. 21–33.
56. *Халиков А.Х., Безухова Е.А.* Материалы к древней истории Повелужья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). Горький, 1960. 60 с.
57. *Халикова Е.А.* Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2. С. 158–178.
58. *Эрдели Иштван.* Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н.э. // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 128–144.
59. *Ястребов В.Н.* Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // МАР. Вып. 10. СПб: Императорская Археологическая комиссия, 1893. 88 с.
60. The ancient Hungarians: Exhibition Catalogue. Budapest. 1960. 484 с.

Информация об авторах:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, заместитель директора, ГБНУ «Марийский научно-исследовательский НИИ языка, литературы истории им. В.М. Васильева» (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); veer47@mail.ru

Федулов Михаил Игоревич, старший преподаватель, ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова» (г. Чебоксары, Россия); mfedulov.chuvsu@mail.ru

JEWELRY FROM THE ANATKASI BURIAL GROUND: TOWARDS CULTURAL ATTRIBUTION OF THE SITE

T.B. Nikitina, E.E. Vorobeva, M.I. Fedulov

The authors introduce into discussion and examine jewelry from the Anatkasi burial ground situated on the right bank of the Volga River. They developed typology of these jewelry items and provided a wide range of analogies. The jewelry dates the site by 10th – 11th centuries, which is confirmed by coins. The identified ethnical markers (details of headdress, temple rings, nakosnik (braid charm), and also certain types of rings and bracelets) point to a similarity of this site to the synchronous Mari burial grounds of from the Vetluga-Vyatka area. Beside the jewelry and the elements of costume typical for the Mari culture, the Anatkasi burial ground also yielded a range of foreign artefacts: Bulgarian, Old Russian, Mordovian, Kama or Cis-Uralic, which emphasizes the originality of this site. Most of the borrowed things could penetrate into this area through trade contacts encouraged by location of this burial ground on the river Tsvil, near the Volga River.

Keywords: archaeology, Central Volga area, Vetluga-Vyatka interfluvial area, early Middle Ages, Mari culture, Bulgar culture, costume, jewelry, typology, ethnocultural attribution.

REFERENCES

1. Aksenov, V. S., Mikheev, V. K. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysyacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 344–357 (in Russian).
2. Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th — 11th Centuries: to the Question on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
3. Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
4. Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: “Vagant” Publ. (in Russian).
5. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniia Afkula: arkhelogicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
6. Bobrov, V. V., Vasiutin, A. S., Onishchenko, S. S. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Forum «Idel'-Altai» (“Idel'-Altai” Forum)*. Kazan, 33–45 (in Russian).
7. Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. I. 2008. *Khronologiia mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of 1st — 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: “Krasnyi Oktiabr” Typography (in Russian).
8. Voronina, R. F. 2007. *Liadinskie drevnosti. Iz istorii mordvy-mokshi. Konets IX — nachalo XI veka: Po materialam Tsninskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii 1983–1985 godov (Lyada Antiquities. From the History of the Mordva-Moksha. The End of the 9th — the Beginning of the 11th Centuries: on the Materials of the Tsna River Archaeological Expedition, 1983–1985)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
10. Danich, A. V. 2013. In *Povolzhskaya arkhelogiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 181–196 (in Russian).

11. Darkevich, V. P. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologiya Riazanskoj zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 19–71 (in Russian).
12. Zhilina, N. V. 2008. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal)* II. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 324–328 (in Russian).
13. Zaitseva, I. E. 2008. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologiya severnorusskoj derevni X–XIII vv.: Srednevekovye poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere (Archaeology of the Northern Rus Village, the 10th — 13th Centuries: Medieval Settlements and Cemeteries near Kubenskoye Lake)*. Moscow: "Nauka" Publ., 57–141 (in Russian).
14. Zakharov, S. D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (The Old Rus Town of Beloozero)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
15. Ivanov, A. G. 1991. In Ivanova, M. G., Shutova, N. I. (eds.). *Materialy po pogrebal'nomu obriadu udmurtov (Materials of the Funerary Rite of the Udmurts)*. Izhevsk, 140–180 (in Russian).
16. Ivanov, A. G. 1998. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniia basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ia (konets V – pervaja polovina XIII v.) (Ethnic, Cultural and Economic Relations of the Cheptsya River Basin Population in the Middle Ages (Late 5th — First Half of 13th Centuries))*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
17. Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2006. *Vzaimodeistvie lesa i stepi Uralo-Povolzh'ia v epokhu srednevekov'ia (po materialam kostiuma) (Interrelations between the Forest and Steppe Zones in Urals and Volga Area in the Medieval Epoch: on the Materials of Costume)*. Perm (in Russian).
18. Ivanova, M. G. 1998. *Idnakar: Drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. (Idnakar: Ancient Udmurt Hillfort of 9th–13th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
19. Ivanova, M. G. 1982. In Ivanova, M. G. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki basseina r. Cheptsy (Medieval Sites in the Cheptsya River Basin)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 27–51 (in Russian).
20. Istomina, T. V. 1999. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Etnokul'turnye protsessy v drevnosti na Evropeiskom Severo-Vostoke (istochniki i istoriografija) (Ethnic-Cultural Processes in Antiquity in the European North-East: Sources and Historiography)*. Series: Materials on the Archaeology of Northeast 16. Syktyvkar, 76–102 (in Russian).
21. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
22. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
23. Kazakov, E. P. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazыchnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnogenesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Tatarii (Archaeology and Ethnography of Tataria) 1. Kazan: "Tatpoligraf" Publ., 94–155 (in Russian).
24. Kantemirov, E. S. 1995. In Tmenov, V. Kh. (ed.). *Alany. Istoriia i kul'tura (Alans: History and Culture)*. Vladikavkaz, 259–314 (in Russian).
25. Kashkin, A. V. 2003. In Leont'ev, A. E. (ed.). *Arkheologiya: istoriia i perspektivy (Archaeology: History and Perspectives)*. Yaroslavl: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Yaroslavl Museum-Reserve; "Rostov Kremlin" State Museum-Reserve, 112–127 (in Russian).
26. Kozlova, A. V. 2004. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaja zemlia. Istoriia i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 18. Veliky Novgorod, 188–207 (in Russian).
27. Komar, A. V. 2001. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (iz istorii kostiuma) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I*

Millennium AD (from the History of Costume)) 2. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 103–117 (in Russian).

28. Komarov, K. I. 2002. In *Arkheologicheskie stat'i i materialy. Sbornik uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voiny (Archaeological Articles and Proceedings. Collection of Papers by the Veterans of the Great Patriotic War)*. Tula: "Grif i K" Publ., 141–184 (in Russian).

29. Kochkurkina, S. I., Linevskii, A. M. 1985. *Kurgany letopisnoi vesi X — nachala XIII veka (Barrows of Chronicles' Ves' of 10th — early 13th Centuries)*. Petrozavodsk: "Kareliia" Publ. (in Russian).

30. Krylasova, N. B. 2001. *Istoriia prikamskogo kostiuma. Kostium srednevekovogo naseleniia Permskogo Predural'ia (History of the Kama River Region Costume. Medieval Costume of the Perm' Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

31. Levashova, V. P. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X—XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th—13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 207–252 (in Russian).

32. Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII—XII vv. (Barrows of Southern Ural, 8th — 12th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

33. Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura: Etnicheskaia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysyacheletiiia nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

34. Makarov, N. A. 1997. *Kolonizatsiia severnykh okrain Drevnei Rusi v XI—XIII vekakh. Po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov na volokakh Beloz'er'ia i Poonezh'ia (Colonization of Northern Margins of the Early Rus' in 11th — 13th Centuries. By Materials from Archaeological Sites on the Portages of Belozero and Onega)*. Moscow: "Skriptorii" Publ. (in Russian).

35. Mal'm, V. A. 1963. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iaroslavskoe Povolzh'e X—XI vv. Po materialam Timerevskogo, Mikhailovskogo i Petrovskogo mogil'nikov (Yaroslavl Volga Region in 10th—11th Centuries. By Materials of Timerevo, Mikhailovskoye and Petrovskoye Graveyards)*. Moscow: State Historical Museum; Yaroslavl Museum-Reserve, 64–71 (in Russian).

36. Smirnov, A. P. (ed.). 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII—XI vv. Dnevnik arkheologicheskikh raskopok P. P. Ivanova (Materials on the History of Mordva People in 8th—11th Centuries (Field Notebook by P. P. Ivanov))*. Morshansk: Morshansk Museum of Local Lore (in Russian).

37. Smirnov, A. P. (ed.). 1969. *Material'naiia kul'tura sredne-tsninskoi mordvy VIII—XI vv. (po materialam raskopok P. P. Ivanova za 1927—1928 gody) (Material Culture of the Mordva People of the Middle Tsna Area: Based on the Materials from P. P. Ivanov's Excavations in 1927-1928)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

38. Mikhailov, K. A. 1997. In Gaidukov, P. G., Kazarmshchikova T. M. (eds.). *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istoriia i arkheologiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 11. Novgorod, 251–260 (in Russian).

39. Murasheva, V. V. 2000. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniia (X—XIII vv.) (Early Russian Builtup Belt Decoration (10th—13th Centuries))*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).

40. Nedoshivina, N. G. 1956. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X—XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th—13th Centuries)*. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 253–274 (in Russian).

41. Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys.n.e. (po materialam mogil'nikov) (History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD: by the Materials from Burial Grounds)*. Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute for Language, Literature and History (in Russian).

42. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute for Language, Literature and History (in Russian).

43. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX—XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Funerary Sites of the 9th—11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

44. Peterburgskii, I. M. 2009. *Mordva srednego Primokshan'ia v XI–XIV vv. (The Mordva People in the Middle Moksha River Area in 11th–14th Centuries)*. Saransk: “Krasnyi Oktiabr” Publ. (in Russian).
45. Podosenova, Yu. A. 2009. *Visochnye ukrasheniia naseleniia Permskogo Predural'ia v epokhu srednevekov'ia (Temple Ornaments of the Perm Cis-Urals Population in the Middle Ages)*. PhD Diss. Perm (in Russian).
46. Poliakova, G. F. 1983. *Izdeliia iz tsvetnykh i dragotsennykh metallov iz Bolgar (Items from Non-Ferrous and Precious Metals from Bolgar)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
47. Raspopova, V. I. 1965. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 78–91 (in Russian).
48. Rudenko, K. A. 2011. *Bulgarskoe zoloto: filigrannnye visochnye podveski (Bulgarian Gold: Filigreed Temple Pendants)*. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).
49. Sedova, M. V. 1997. In Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: “Nauka” Publ., 63–78 (in Russian).
50. Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
51. Semenov, V. A. 1985. In *Materialy srednevekovykh pamiatnikov Udmurtii (Materials from the Medieval Sites of Udmurtia)*. Ustinov: Udmurtian Research Institute, 92–118 (in Russian).
52. Sizov, V. I. 1902.. In *Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia)* 28. Saint Petersburg: “Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov” Publ. (in Russian).
53. Pletneva, S. A. (ed.). 1981. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
54. Tukhtina, N. V. 1966. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 40, 120–136 (in Russian).
55. Fekhner, M. V. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th–13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ., 21–33 (in Russian).
56. Khalikov, A. Kh., Bezukhova, E. A. 1960. *Materialy k drevnei istorii Povetluzh'ia (arkheologicheskie issledovaniia v Vetluzhskom raione Gor'kovskoi oblasti v 1957 godu) (Materials on the Ancient History of the Vetluga River Area: Archaeological Investigations in the Vetluga District, Gorky Oblast, in 1957)*. Gorky (in Russian).
57. Khalikova, E. A. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 158–178 (in Russian).
58. Erdélyi, I. 1972. In Smirnov, A. P., Chernetsov, V. N., Erdélyi, I. F. (eds.). *Problemy arkheologii i drevnei istorii ugrov (Issues of the Archaeology and Ancient History of the Ugric Peoples)*. Moscow: “Nauka” Publ., 128–144 (in Russian).
59. Yastrebov, V. N. 1893. *Liadinskii i Tomnikovskii mogil'niki Tambovskoi gubernii (Lyada and Tomnikovo Burial Grounds in the Tambov Province)*. Series: Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 10. Saint Petersburg: Imperial Archaeological Commission (in Russian).
60. *The ancient Hungarians: Exhibition Catalogue*. 1960. Budapest

About the Authors:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. Mari El Language, Literature and History Research Institute named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Vorobeva Elena E. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Ryabinin St., 8A, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; veer47@mail.ru

Fedulov Mikhail I. Chuvash State University. Moskovsky Ave., 15, Cheboksary, 428015, the Chuvash Republic, Russian Federation; mfedulov.chuvsu@mail.ru

УДК 902/904

ГОРОДИЩЕ УНОРОЖ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ 2014 Г.

© 2016 г. А.В. Новиков, В.С. Баранов

В настоящей статье публикуются материалы раскопок городища Унорож (Галичский район Костромской области РФ), относящегося к кругу финно-угорских древностей. Этот многослойный памятник занимает особое место среди поселений Костромского Поволжья, имеет сложную историю, включающую различные хронологические этапы и культурные контексты (мезолит – VII тыс. до н.э., ранний железный век – I тыс. до н.э. – первые века н.э., средние века и Новое время – IX–XI, XII–XIV, XV–XVIII вв.). В результате раскопок 2014 г. были получены материалы, характеризующие культурные особенности памятника в раннем железном веке; исследованы две наземные деревянные постройки X–XI вв., зафиксированы следы раннесредневекового железоделательного производства; изучены погребения грунтового некрополя XIII–XIV вв.; собрана богатая вещевая коллекция, свидетельствующая об участии местного населения в международной пушной торговле IX–XI вв.

Ключевые слова: археология, Костромское Поволжье, ранний железный век, раннее средневековье, финно-угры, поселение, некрополь.

Городище Унорож, расположенное в Галичском районе Костромской области¹ (рис. 1, 2), занимает, пожалуй,

особое место в номенклатуре поселенческих памятников Костромского Поволжья.

¹ Территория Галичского района Костромской области расположена на северо-востоке центрального района Русской равнины и принадлежит к умеренному широтному поясу. Район приурочен к полого-холмистой морено-водно-ледниковой равнине, рассеянной густой сетью нарушающих монотонность рельефа речных долин и большой котловиной Галичского озера ледникового происхождения. Равнина местами сильно расчленена глубокими оврагами и долинами рек на ряд нешироких второстепенных водораздельных пространств с волнисто-холмистой поверхностью. Через нее тянется моренная гряда, наиболее выраженная на юго-востоке района. Средняя высота гряды – 170–180 м над уровнем моря. Высота берегов Галичского озера достигает 190 метров над уровнем моря. Озерная равнина сравнительно слабо расчленена речными долинами, местами заболочена, с южной стороны подпирается высокими холмами

Городище расположено на южной окраине с. Унорож Галичского района Костромской области на останце первой надпойменной террасы правого берега вытекающей из Галичского озера р. Вексы (левый приток р. Костромы, левый приток р. Волги). В плане городище имеет неправильную, приближающуюся к пятиугольной, форму. С севера и востока обтекается р. Тойга (правый приток р. Вексы), отсекающей останец от коренной террасы. С запада подошва памятника заболочена. Высота склонов над уровнем моренной гряды московского оледенения. Район исследований представляет собой плоскую озерно-ледниковую равнину московского оледенения, на которую наложены более поздние озерные террасы. Основной тип почв – дерново-сильнопodzольные, суглинистые (Петрова, 2008).

поймы составляет порядка 9 м, над урезом воды в р. Тойга около 10–11 м. Размеры площадки по линии север-юг составляют порядка 160–180 м, по линии запад-восток – 70–145 м. Остаток сужается в южной части. Отметки в верхней части площадки по Балтийской системе высот колеблются в пределах 108.00–110.00. Сохранность памятника археологии, расположенного здесь, определяется как неудовлетворительная. В центральной части городища расположена ныне не действующая церковь Благовещения, закрытая в 30-е годы XX в. В северо-западной части находится кирпичное одноэтажное здание бывшей церковно-приходской школы, в советское время – узел связи, почта. Там же, в углу площадки, расположено овальное в плане возвышение, известное как «Курган Журавец». Достоверных сведений о характере данного объекта не имеется. Большая часть городища занята кладбищем. Сохранившиеся участки культурного слоя находятся в северной части Унорожа (Новиков, 2014, с. 4–5).

Не без основания причисляемый к кругу финно-угорских древностей, памятник в то же время имеет сложную историю, включающую различные хронологические, социальные, этнические и культурные контексты, что подтверждается многослойной шкалой культурного слоя. Упомянутый в одном ряду с такими памятниками региона, как Дурасовское (IX – начало X в.) и Поповское городища (VII–IX вв.), Унорож отличается от них экономической парадигмой, являясь единственным пока известным на территории Костромской области объектом, материалы которого свидетельствуют об участии местного

населения в международной пушной торговле рубежа I–II тыс. н.э.

Все эти особенности определяют возрастающий интерес к памятнику со стороны исследователей и необходимость проведения систематических археологических работ на его территории.

Первые письменные упоминания о городище относятся к 1888 г. (Археологическая карта России. Костромская область, 1999, с. 162–164). Краткие сведения о памятнике содержатся в сообщениях членов Костромской губернской ученой архивной комиссии И.К. Херсонского (Херсонский, 1890, с. 30–32) и И.В. Миловидова (Миловидов, 1890, с. 123, 126). В частности, И.В. Миловидов публикует данные о том, что на территории памятника были вырыты человеческие кости с серебряными поясами, железные удила и другие вещи (Миловидов, 1890, с. 130–131).

Первые археологические работы на памятнике, раскопки на месте «Кургана Журавец», проводились В.Н. Глазовым в 1908 г. (Археологическая карта России. Костромская область, 1999, с. 162–164). В 1927 г. площадка обследована экспедицией Костромского научного общества по изучению местного края под руководством В.И. Смирнова (Паспорт памятника: с. Унорож. Городище, 1983, с. 1–4).

В 1956 году городище осмотрено М.И. Матасовым, который отметил, что с. Унорож, центр Унорожского сельсовета, включает в себя бывший древний монастырь с ныне закрытой церковью Благовещения, речка Тойга подмывает крутой восточный берег холма. В его осыпи заметно проглядывает большой мощности слой чернозема (более 1 м) (Матасов, 1956, с. 4, 5).

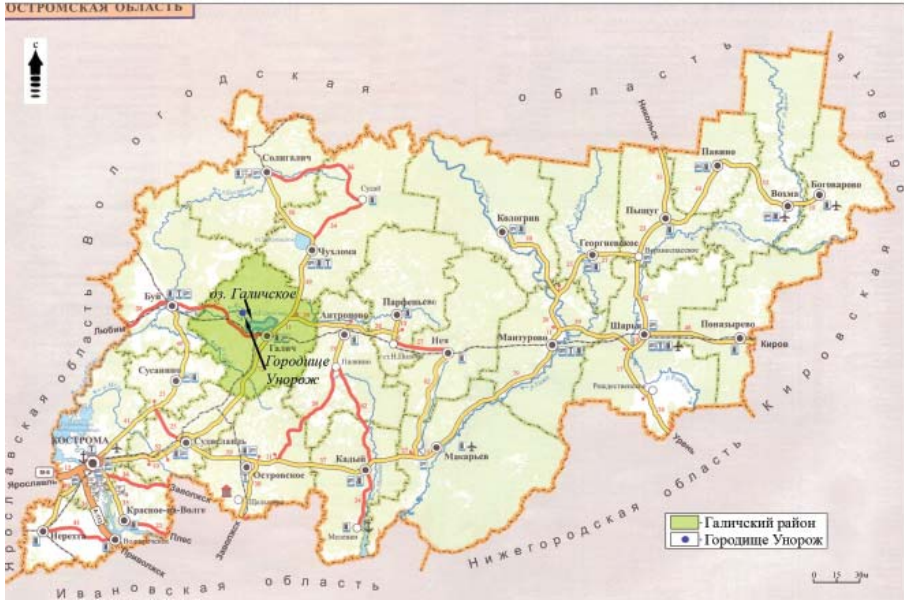

Рис. 1. Карта-схема Костромской области с обозначением местонахождения городища Унорож.

Fig. 1. Schematic map of the Kostroma Oblast, with the localization of the Unorozh hillfort.

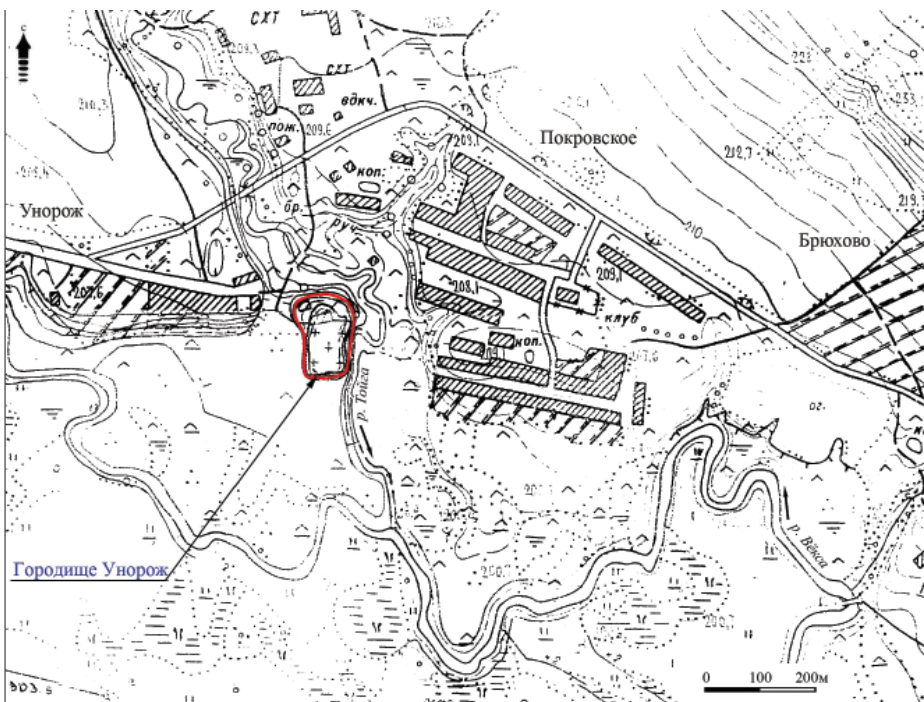

Рис. 2. Городище Унорож. Ситуационный план.

Fig. 2. Unorozh hillfort. Situational plan.

В 1958 г. М.И. Матасов выполнил только осмотр городища и сделал его панорамный снимок с восточной стороны (Матасов, 1958, с. 1).

В 1983 г. городище обследовалось К.И. Комаровым. Высказывая на основании имеющихся материалов свое мнение о датировке памятника, он отмечает, что более или менее точная датировка его затруднительна и может быть дана лишь предположительно. Стратиграфия слоя позволяет сделать вывод о двух периодах жизни на городище. Начало функционирования памятника он относит ко времени возникновения культуры раннего железного века, к VIII–VII или VII–VI вв. до н.э. Второй период жизни на городище может, по мнению К.И. Комарова, охватывать первую половину – первые три четверти I тыс. н.э. (Комаров, 1983, с. 6–8).

На основании этих работ К.И. Комаровым была составлена учетно-паспортная документация на городище Унорож как на объект археологического наследия Костромской области (Паспорт памятника: с. Унорож. Городище, 1983, с. 1–4).

Важнейшее значение имели раскопки, проведенные в 1988–1989 гг. под руководством Е.А. Рябинина. В результате исследований участка в 96 кв.м. на северо-восточной окраине памятника впервые были получены сведения о стратиграфии культурного слоя и культурной принадлежности городища (Рябинин, 1988, 1989).

Исследователь выделил четыре основных слоя сверху вниз соответственно: слой черного гумуса, светло-коричневого (бурого), темно-коричневого и «пестрого» гумуса.

Нижний горизонт (бурый с остатками древесины) Рябинин Е.В. от-

носит к начальному этапу функционирования поселения. Толщина его составляет 0,2–0,5 м. В данном горизонте представлена исключительно лепная посуда.

В нем выделены два строительных яруса (Рябинин, 1988, с. 9–10).

В 1988 г. Е.А. Рябининым была определена их предварительная хронология, основанная на находках стеклянных бус, железного ножа, происходящего из основания культурного слоя, роговых гребней и бронзовой иглы с подвижным кольцом и саманидской серебряной монеты (Рябинин, 1988, с. 11–12).

Стеклянные бусы происходят из строительных ярусов I и II раскопа 1. Среди них цветной – преимущественно желтый рубленный бисер, верхняя граница бытования которого по новгородской стратиграфии относится к третьей четверти XI в. (Колчин, 1982, с. 167). Цветные лимонovidные бусы пронизки датированы автором временем до 1076 г. (Рябинин, 1988, с. 11). Нож, найденный в основании культурного слоя, относится к типу I.1. по классификации А.Е. Леонтьева. Дата таких ножей VIII–X вв. (Леонтьев, 1976, с. 33–35, 41). Из верхнего строительного яруса происходят односторонний составной гребень и бронзовая игла, имеющие ближайшие параллели в северо-западных областях. Гребни подобного типа в Ладоге датируются временем не ранее 930-х гг. (Давидан, 1962, с. 99–101), верхняя граница их бытования по новгородской стратиграфии определяется третьей четвертью XI в. (Колчин, 1982, с. 164). Игла с подвижным кольцом относится к скандинавским украшениям, хорошо известным в погребениях Бирки (тип 237/238) и датируется

IX–X вв. (Petersen, 1928, p. 192, 193, 195). Таким образом, автор исследований отмечает, что наиболее вероятное время функционирования поселения – X в., но допускает корректировку его нижней и верхней хронологической границ (Рябинин, 1988, с. 11). Строительный ярус I, на основании находок гребня и бронзовой скандинавской иглы, предположительно, датирован Е.В. Рябининым второй половиной X в. Датировка лежащего ниже II яруса, на основании находки в нем серебряного саманидского дирхема конца IX – начала X в. (чекан Аш-Шаша от имени Исмаила ибн Ахмада, 892–907 гг.²), отмечается как «более ранняя» (Рябинин, 1988, с. 13). Работы 1989 г. позволили подтвердить более раннюю дату бытования II яруса находкой составного гребня, принадлежавшего к первой (ранней группе) северо-ладожских гребней, соотносимых с гребнями, связанными с горизонтом Е Старой Ладogi (VIII – первая четверть X в.) (Давидан, 1962, с. 96–101; Рябинин, 1988, с. 13).

Характер керамического материала, согласно Е.В. Рябину, подтверждает финно-угорскую принадлежность памятника. По его мнению, наряду с горшковидными формами представлены мисковидные сосуды с широким устьем, типологически сходные с «мерянско-камским» типом керамики по классификации Е.И. Горюновой (Рябинин, 1988, с. 13).

Отмечая, что по ведущим элементам культуры данное поселение X–XI вв. связано с финно-угорским миром, автор констатирует, что ряд предметов импорта указывают на контакты Унорожского поселения с Востоком и се-

веро-западными областями (Рябинин, 1988, с. 13). Основываясь на результатах работ 1989 г., он приходит к выводу о включении в конце I тыс. н.э. поселения в систему международной пушной торговли. (Рябинин, 1989, с. 13). Свидетельство тому – многочисленные амулеты из просверленных астрагалов бобра, имеющие аналогии у финского населения Прикамья, Приуралья, Волго-Окского междуречья, Прибалтики, Ярославского Поволжья, Волго-Клязьминского междуречья, отмечающие культовую роль бобра у этих народов, связанную с его промысловым значением. Данные находки документируют переориентацию местного населения на добычу пушнины и, соответственно, втягивание местных племен в пушную торговлю. Сопоставляя материалы городища Унорож с другими памятниками Костромского Поволжья (Дурасовское, Поповское городища), Е.А. Рябинин отмечает их явное различие, а также сходство Унорожа с поселениями, вписанными в торговые отношения, например с поселением Крутик на р. Шексе, где находки костей бобра составили 97,8% костного материала (Рябинин, 1992, с. 156). Развивая эту мысль в дальнейшем и сопоставляя в материале городища находки резных гребней, стеклянных бус, восточной монеты и скандинавской застёжки типа 237/238, он приходит к выводу о существовании в регионе широтного направления культурных связей, обеспечивающих обращение вещевых находок, сопоставимого с западным отрезком Сухоно-Вычегодской торговой магистрали, существование которой предполагалось А.С. Спицыным, Л.А. Голубевой, Е.И. Горюновой и другими исследователями (Рябинин, 1992, с. 156).

² Определение монеты сделано И.Г. Добровольским (ГЭ).

Другой важной частью экономики поселения, как отмечает исследователь, являлись ювелирное дело и железообработка, о чем свидетельствуют находки тиглей и льячек, а также железных криц, бронзоволитейных и железных шлаков. Все эти находки были отмечены в пределах 2 строительного яруса (Рябинин, 1989, с. 11).

В процессе исследований 1988–1989 гг. остается нерешенным вопрос о хронологическом соотношении яруса I со слабо выраженными следами заселения Унорожа в XII–XIII вв. (Рябинин, 1989, с. 13).

Анализ верхнего горизонта культурного слоя – черного гумуса мощностью 0,3–0,5 м показал, что данные отложения подверглись нарушениям, о чем свидетельствуют находки измельченной лепной керамики их нижних слоев и обломки поздней гончарной посуды. В этом горизонте преобладают фрагменты древнерусской круговой керамики с волнистым и линейным орнаментом, датирующейся XI–XIII вв.

Наряду с керамикой датирующее значение имели находки стеклянного браслета, по новгородским аналогиям связанного с периодом между 1130–1360 гг. (время наибольшего распространения данного типа – 30–70 гг. XII в.) (Полубояринова, 1963, с. 173–176), сердоликовой плитчатой бусины XII–XIII вв., серебростеклянной цилиндрической бусины XI–XIII в., овального кресала XIII–XIV вв. (Колчин, 1982, с. 163), что позволило автору работ отнести следующий период заселения останца в Унороже к предмонгольской эпохе и установить синхронность накопления черного слоя со временем существования Галича Мерьского (XII–XIII вв.) (Рябинин, 1989, с. 3–4).

Обращаясь к особенностям материальной культуры поселения в своей работе, посвященной археологии мери, А.Е. Леонтьев говорит об Унороже как о сложном археологическом памятнике, сохранившем культурные слои от раннего железного века до позднего средневековья. Он включает его в локальную группу памятников мерянского времени, занимающую северный берег Галичского озера и нижнего течения р. Векса (Леонтьев, 1996, с. 246–247). В других работах он характеризует Унорож X в., как центр локальной финской группировки, заселявшей северный берег Галичского озера и нижнего течения р. Векса, и центр достаточно специализированной производственной деятельности. По основным культурным показателям он сближает население Унорожа с финскими обитателями Поволжья и Волго-Клязьминского междуречья (Археология Костромского края, 1997, с. 139–150).

По мнению авторов коллективной монографии «Русь в IX–X веках: археологическая панорама», посвященной обобщению древнерусского археологического материала эпохи становления древнерусского государства, материальная культура раннего Унорожа отражает влияние на местную культуру, связанную с волжско-финскими традициями, северо-западного компонента, отражающего связи с Ладогой, Новгородом, Белозерьем и восточного компонента, документирующего контакты с Прикамьем. Отмечается Унорож и на карте основных путей сообщения IX–X веков (Леонтьев, Носов, 2012, с. 397).

Археологические исследования Унорожа были возобновлены в 2013 г. в связи с необходимостью проведе-

ния охранно-спасательных работ по мере разрастания действующего в настоящий момент сельского кладбища. Они проводились ООО «Костромская археологическая экспедиция» под руководством А.В. Новикова в северной части памятника у границы некрополя, где захоронения осуществляются в XXI в. Работы 2013 г. носили рекогносцировочный характер. В 2014 г. они были продолжены в соответствии планом реализации федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 гг.)».

Раскоп 2014 г. был разбит по линии север-юг с внешнего периметра могильных оградок деревенского кладбища, с западной их стороны, и примыкал к раскопу 2013 г., продолжая его в южном направлении (рис. 3).

Первоначальная площадь раскопа составила 36 кв. м. Сначала раскоп имел квадратную форму, размеры 6 х 6 м. Вместе с прирезкой 0,8 х 1,2 м, сделанной с целью фиксации погребения №3, площадь земляных вскрытий составила 36,96 кв. м. С севера на юг линии квадратов (2 х 2 м) получили наименование заглавными буквами русского алфавита Д–Ж, с востока на запад – арабскими цифрами 1–4.

Средняя глубина культурных напластований на месте проведенных работ составила около 120 см. По сравнению с участком, исследованным в 2013 г., его мощность увеличивается на 10 см по направлению к центральной части памятника. Наблюдается устойчиво спокойное залегание слоев, отмечаемые колебания нерегулярны. В раскопе 2014 г. отсутствует горизонт, связанный со строительством и разрушением монастырской стены, зафиксированный в северной части раскопа 2013 г. Он

состоит из пестроцвета и строительного мусора (битый красный кирпич, известка, кирпичная крошка). Время его формирования можно отнести к XVIII–XIX вв.

Стратиграфия

Стратиграфическая колонка, выявленная в раскопе 2014 г. в основном согласуется с полученными ранее сведениями о культурных отложениях памятника. Она представлена пятью горизонтами культурного слоя.

Горизонт 1. Черная гумусированная тяжелая однородная супесь. Задернован. Время его образования преимущественно происходило в древнерусский период (XII–XIII вв.), однако верхняя часть слоя нарушена в связи с использованием площадки городища в период XV–XX вв. Встречаются отдельные находки этого времени. Частые нарушения данного горизонта отмечает и Е.В. Рябинин. Обозначенный горизонт раскопа 2014 г. соответствует строительному ярусу I из раскопа Рябинина Е.В. С нижним уровнем горизонта 1 связано бытование некрополя.

Горизонт 2. Темно-коричневая тяжелая супесь, насыщенная древесным тленом и щепой. Время складывания данного горизонта соотносится с финно-угорским (мерянским) поселением. Соответствует строительному ярусу II, выделенному Е.В. Рябининым в 1988–89 гг. Может быть датирован второй половиной X–XI вв.

Горизонт 3. Тонкая прослойка черного сажистого супесчаного грунта, разделившая горизонты темно-серой и темно-коричневой супесей, частью заходящая в нижний уровень слоя темно-коричневой супеси. Вероятно, представляет собой слой пожарища на одном из участков городища. Ме-

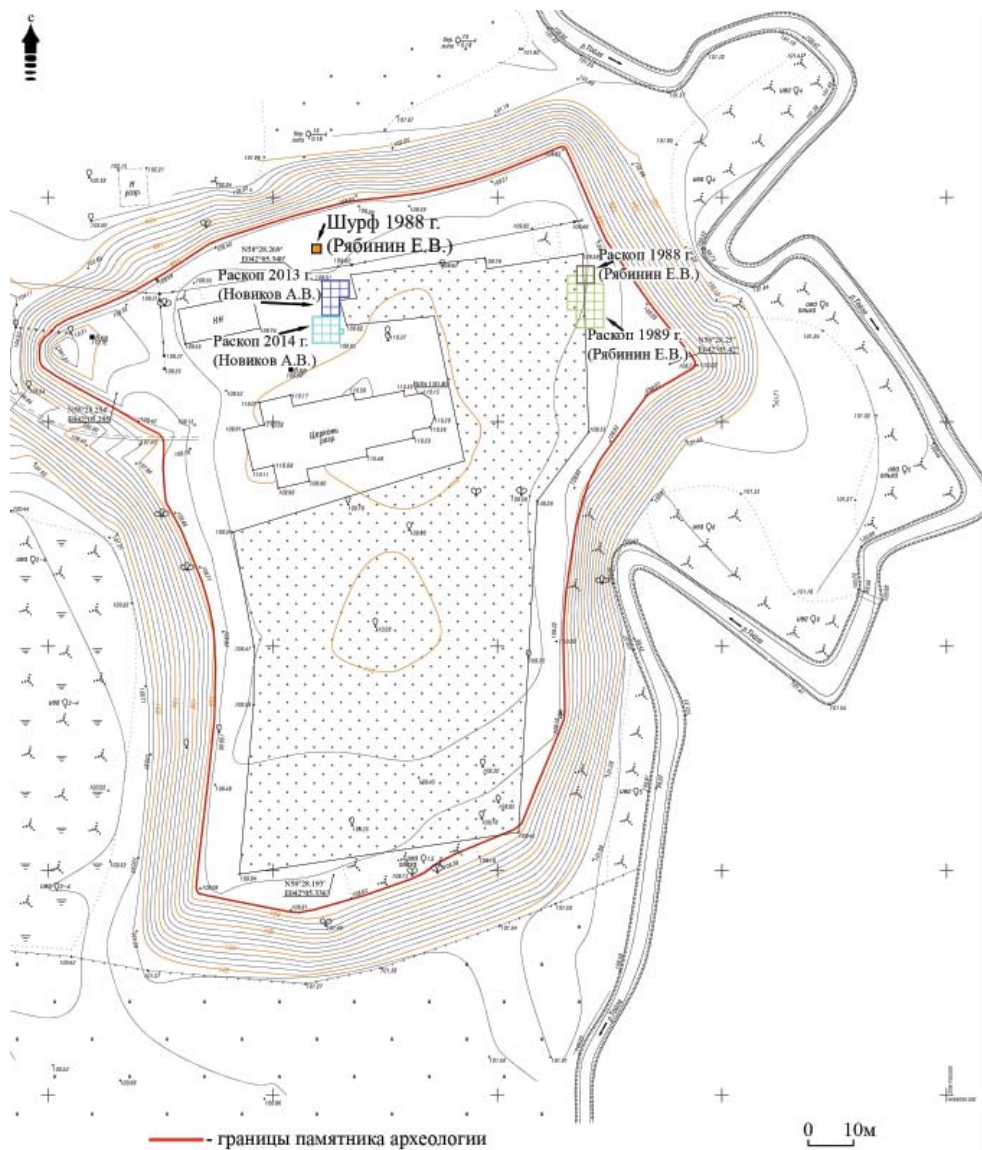

Рис. 3. Городище Унорож. План памятника с обозначением места археологических исследований 1988–1989 и 2013–2014 гг.

Fig. 3. Unorozh hillfort. The plan of the site with localization of archaeological digs in 1988–1989 and 2013–2014.

стами отделяет горизонт 2 от горизонта 4.

Горизонт 4. Темно-серая тяжелая супесь. Соответствует строительному ярусу II в раскопе 1988–1989 гг. Его датировка укладывается в диапазон начала–середины X в. Судя по некоторым находкам, бытование которых выходит за рамки X в. (некоторые формы гребней, бус, бронзовых украшений), можно предположить отнесение нижней границы этого слоя ко второй половине IX в.

Горизонт 5. Серая предматериковая супесь. Содержит следы местонахождений эпохи мезолита и раннего железного века.

Объекты

В ходе раскопок 2014 г. исследованы наземные деревянные постройки X–XI вв., рубленные в «обло» (рис. 4-5), с полом на глинобитной основе, следы железодельного производства, 6 грунтовых погребений, включая захоронение, раскрытое в 2013 г., и перезахоронения; собрана богатая вещевая коллекция.

Погребальный комплекс на памятнике впервые зафиксирован в 2013–2014 гг. Он относится к нижнему уровню горизонта 1 и может быть связан с использованием территории памятника в древнерусское время. Все захоронения произведены по обряду ингумации. Устройство погребений – могильные ямы подпрямоугольной формы, по периметру погребений №№ 4, 5 фиксировались остатки гробовищ. Погребение № 6 – парное (рис. 6).

Палеоантропологические исследования костных останков из погребений выполнены заведующим Центра физической антропологии ИЭА РАН, д.и.н. С.В. Васильевым и с.н.с. кафе-

дры антропологии Биологического факультета МГУ, к.б.н. С.Б. Боруцкой (Новиков, 2014, с. 4).

Все захоронения женские и детские. Возраст женщин в среднем составлял 35 лет, самой старшей было 50 лет. Возраст детей 3, 7 и 14 лет.

Сопровождающий инвентарь в погребениях скуден и представлен дровым тонкоконечным браслетом линзовидно-ромбического сечения с орнаментом в виде частой косой насечки на внешней стороне (погребение 1), такие браслеты бытовали на территории Руси с конца I тысячелетия н.э. до XIV века (Левашова, 1967, с. 214); височным кольцом из тонкой, округлого сечения, проволоки, один из концов которого завернут в спираль (погребение 4), соотносимым с типом височных украшений 3A12 (кольцевые с заходящими концами, один из которых завернут в спираль) (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 14, 15, рис. 8: 8) и с типом перстнеобразных височных колец Мининского археологического комплекса (Археология северорусской деревни X–XIII вв., т. 2, 2008, с. 102, рис. 92: 20). Кольцо с завитком на одном конце «является характерным локальным элементом костромской курганной культуры» (Рябцева, 2005, с. 70).

Раскрыты и исследованы остатки двух построек X–XI вв.

Постройка 1. Строение деревянное наземное. Находится в слое темно-коричневой супеси, внутреннее заполнение – темно-коричнево-черная супесь, сильно насыщенная углистозелеными включениями, тленом, щепой, обожженной глиной. Встречаются участки глинобитного пола в виде серовато-желтого пестроцвета глины

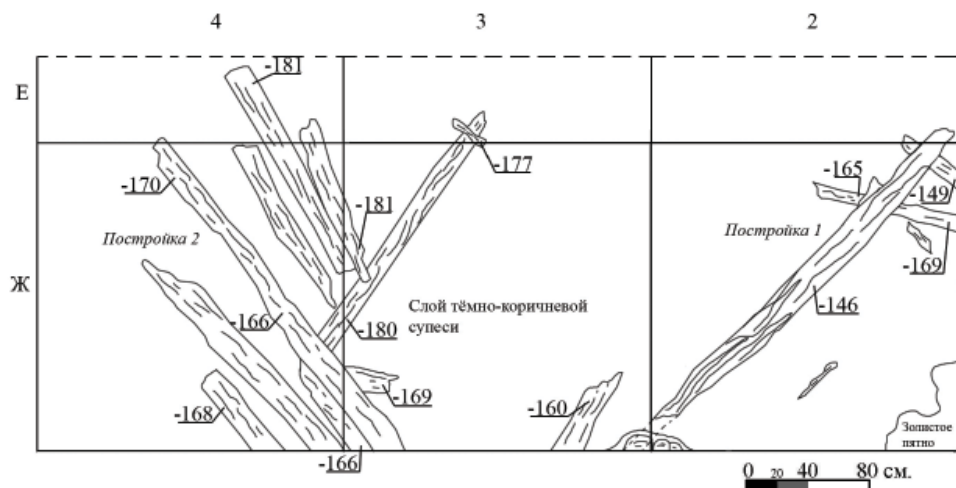

Рис. 4. План построек 1 и 2 в раскопе 2014 г.

Fig. 4. Plan of structures 1 and 2, dig of 2014.

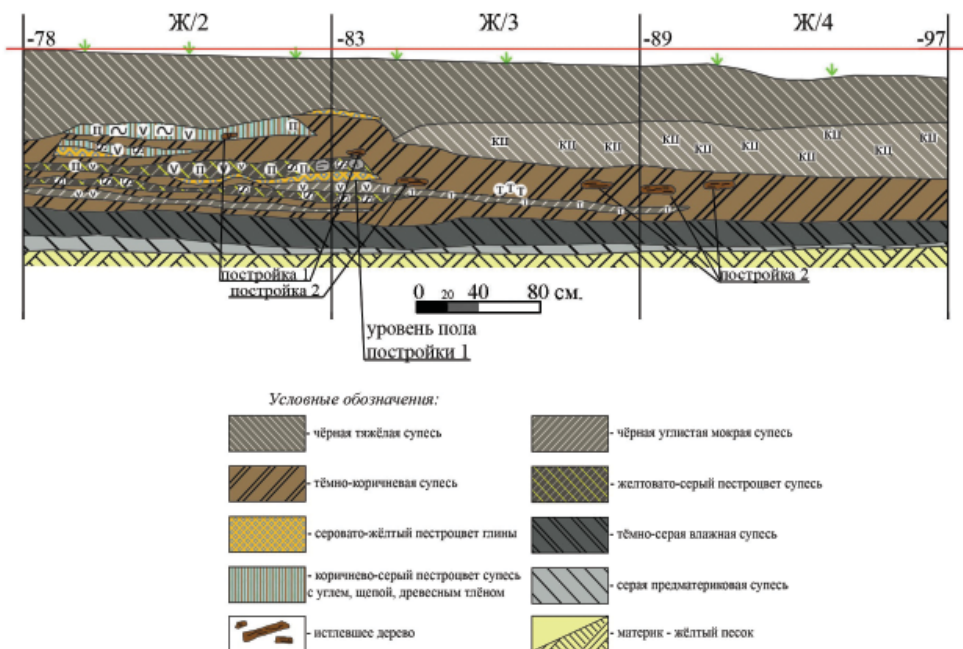

Рис. 5. Стратиграфия южной стенки раскопа 2014 г. со следами построек 1 и 2.

Fig. 5. Stratigraphy of the southern wall of the dig of 2014, with traces of structures 1 and 2.

с обожженными зонами. Пол постройки подстилается желтовато-серым пестроцветом. По одному из фиксируемых элементов соединения бревен (северо-восточный угол постройки) выяснилось, что постройка рублена в «обло». Ориентирована постройка СВ–ЮЗ, аналогично постройке, исследованной раскопом 2013 г., с которой выстраивается в общую линию.

Постройка № 2. Строение деревянное наземное. Начинает отчетливо проследиваться с отметкой –162, –168 в кв. Ж/4 – в виде истлевших бревен. Связано со слоем темно-коричневой супеси, внутреннее заполнение – темно-коричнево-черная супесь, сильно насыщенная углисто-золистыми включениями, тленом, щепой. Места соединений бревен не фиксируются (истлели), другие уходят в южную стенку раскопа. Ориентирована постройка СВ–ЮЗ, аналогично постройке № 1 и постройке, исследованной раскопом 2013 г. При разборе уровня постройки были найдены индивидуальные предметы. На уровне верхних элементов конструкции обнаружены:

1. Гребень односторонний косяной, наборный. Состоит из двух накладок в виде пластин, один из длинных краев которых округлый, а другой прямой. Внешняя сторона обеих пластин выпуклая, украшена линейно-циркульным орнаментом (в орнаментальное поле, ограниченное рельефными резными линиями, вписаны четыре группы солярных кружков, объединенных по 4 и 5 фигур, концы пластин украшены парными вертикальными линиями). Боковые накладки скрепляют между собой при помощи 8 железных штифтов зубцовую часть гребня, состоящую из восьми пластин с зубцовой нарезкой.

Зубцы крупные, в плане треугольной формы (рис. 8: 6).

2. Оселок в виде каменной пластины с заточенными краями.

При разборе в нижнем уровне найдены следующие предметы:

1. Пять бусин из синего стекла, одна лимонно-желтого цвета из тянутой трубочки.

2. Накладка одностороннего наборного гребня. Изготовлена в виде выпуклой с лицевой стороны пластины с дугообразным верхним ребром. Нижнее ребро прямое. Внутренняя сторона накладки, примыкающая к зубьям – плоская. Внешняя сторона оформлена декором из двойных рельефных линий и солярных кружков. Линии делят орнаментальное поле на отдельные сегменты, кружки располагаются по углам рисунка. Для монтажа накладки с зубьями гребня имеются три сквозных округлых отверстия для металлического крепежа (рис. 8: 5).

3. Бисер крупный желтого стекла рубленый, из тянутой трубки, края заполированы.

Общая характеристика массовых находок

Кости животных по видовому составу и частично по возрасту определены канд. вет. наук С.В. Барминым. Наибольший процент от общего числа составляют фрагменты костей крупного рогатого скота (32%) и бобра (26%). Далее следуют кости лошади, мелкого рогатого скота, свиньи и птицы. В меньшем количестве собраны кости собаки, лисы, рыбы, медведя и белки. Единичны кости зайца, хоря и ондатры. Зафиксированы остатки и членистоногих (видимо, ракообразных) в 1 экз. (4 пласт). Детальные статистические исследова-

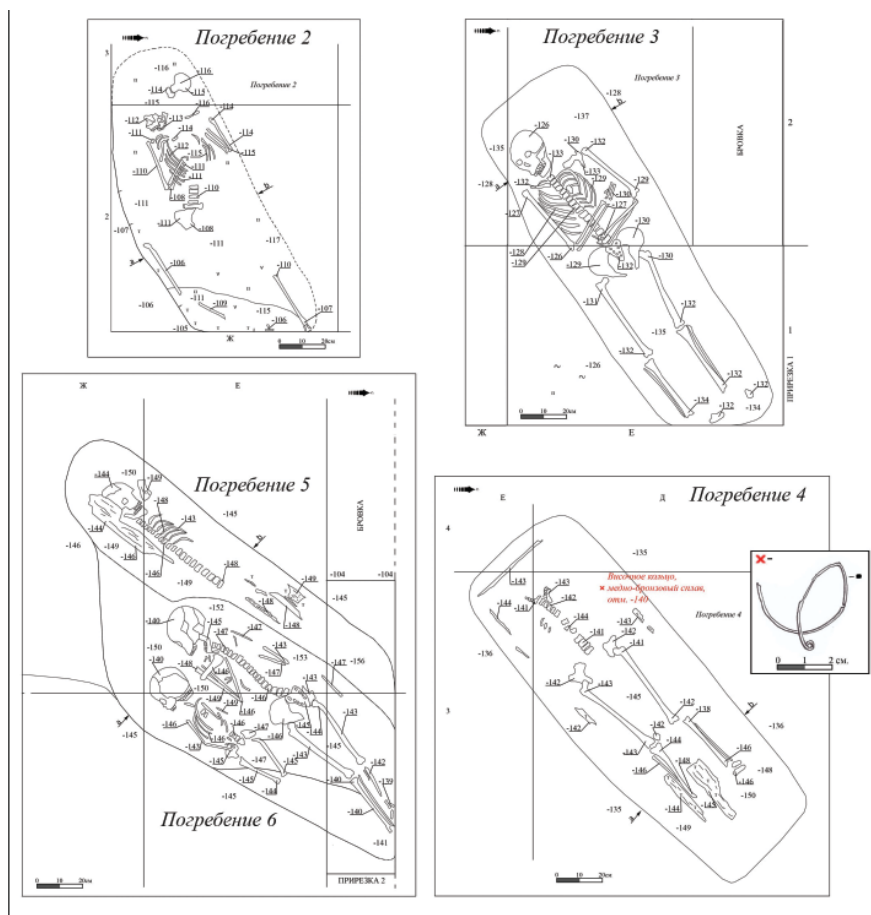

Рис. 6. Планы погребений 2–6, исследованных в 2014 г.

Fig. 6. Plans of graves 2–6 studied in 2014.

ния археозоологического материала показали значительный удельный вес костей бобра на всем протяжении бытования поселения в мерянский и, вероятно, в древнерусский период, хотя попадание костей животных в поздние горизонты (пласты 1–3) могло быть связано с перекопами в процессе бытования могильника. В мерянское время удельный вес костей бобра в промысловой добыче составил от 78,94 до 94,12%, что связано с популярностью шкуры этого животного в торговле пушниной.

В массовом материале широко представлены также фрагменты кера-

мики и кованые железные гвозди. Железные гвозди найдены в количестве 48 шт., в основном они встречаются на уровне 2 пласта (33 шт.), но в меньшем количестве присутствуют в каждом строительном горизонте.

96% массового материала – фрагменты глиняной посуды. В раскопе встречены фрагменты от круговой (22% от общей массы керамики) и лепной посуды (78%), из них 0,2% керамики раннего железного века. Ряд фрагментов сильно ошлакован (5%) и типологическая принадлежность к круговой или лепной посуде не устанавливается, но, судя по место-

нахождению такой керамики начиная с уровня 3 пласта, можно предположить о характере посуды как лепной. Следует отметить и то, что керамика сильно измельчена, что наблюдалось и при исследованиях в 2013 г.

В раскопе собраны следующие виды посуды (рис.7).

1. Ранняя круговая керамика (рис. 7: 52–57). Фрагментов от такой посуды в раскопе встречено небольшое количество (193 шт.). Керамика сильно измельчена. В основном ранняя круговая посуда сосредоточена на уровне 2–3 пластов в горизонте черной супеси, редко вмешивается в нижние слои. Среди ранней круговой посуды по морфологии верхней части выделяются:

1. Профилированные, с выраженной сильновогнутой внутрь шейкой, выделенным округлым плечиком, с заворотом чернового края внутрь или венчиком в виде скошенного наружу бортика (кососрезанный). Такая посуда составляет 57,3% от ранней круговой керамики, обнаруженной в раскопе. Датировка XI – первая половина XIII в.

2. Плавно профилированные, с выраженной плавно вогнутой, в сравнении с 1 группой посуды, внутрь шейкой, выделенным округлым плечиком (XIII–XIV вв.). Данная группа посуды составляет 23,8%.

По особенностям верхней части выделяется и керамика с раструбной и прямой шейкой (14,2%). Единожды отмечается горшок с низким отогнутым краем (2,3%) и посуда баночной формы (2,3%).

Фрагменты круговой посуды аналогичны керамике, найденной при раскопках памятника в 1988–1989 гг. (строительный ярус I), и в слое чер-

ной супеси в 2013 г. Представленная керамика близка круговой посуде из Суздальского ополья (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2004, с. 22–25). Синхронны и материалы ранней круговой керамики селища Усть-Шексна (Кадиева, 2007, с. 64–65). Подобная керамика распространена в это же время в Костроме и Галиче.

Основные датировки обнаруженной круговой керамики укладываются в рамки XII–XIII вв. В примеси фрагментов присутствуют песок (мелко и крупнозернистый) и дресва. Фрагменты от красноглиняных сосудов (окислительный обжиг) и сероглиняных (окислительно-восстановительный обжиг) грубых сосудов. Некоторые черепки в изломе трехслойные. Многие с черной прослойкой в изломе. Поверхность посуды неровная из-за выступающих минеральных примесей. Цвет керамики неравномерный от коричневого до светло серого, и местами различных оттенков от серого до черного. Ряд черепков содержит следы от нагара. Все донца плоские, многие из них запесочены. Встречается керамика, орнаментированная одинарной или двойной волной.

Среди общей массы выделяются фрагменты от кругового горшка (рис. 7: 51). Горшок S-видной формы, тулово округлобокое, хотя плавность профилировки присутствует, плечо обозначено изгибом, шейка изогнута, край кососрезанный в виде бортика. Фрагмент аналогичен посуде, зафиксированной на северо-западных территориях в слоях X–XI вв. в Новгороде, Пскове, Рюриковом городище, Старой Ладогге. Горюнова В.М. отмечает, что плавность в профилировке начинает теряться с середины X в. и широко распространяются

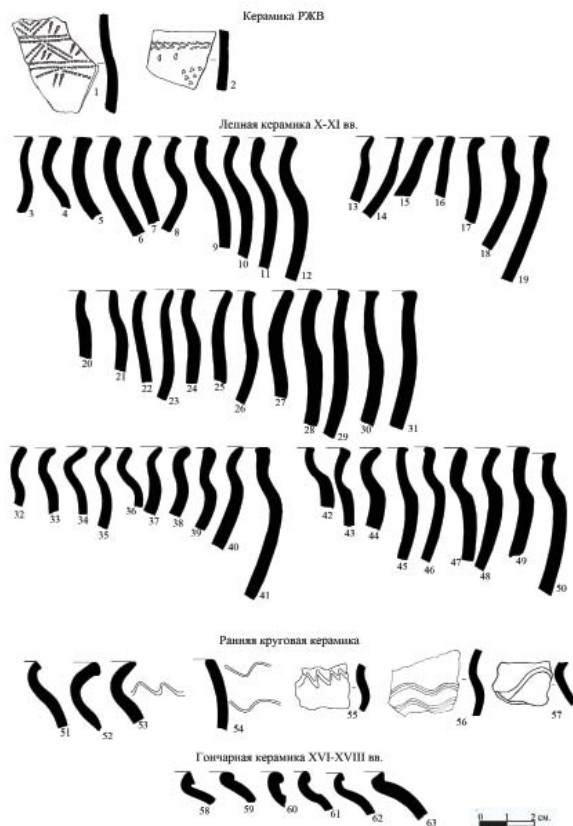

Рис. 7. Керамика из раскопа 2014 г.: 1, 2 – керамика РЖВ; 3–50 – лепная керамика X–XI вв.; 51–57 – ранняя круговая керамика; 58–63 – гончарная керамика XVI–XVIII вв.; 3–12 – группа плавнопрофилированной посуды; 13–19 – посуда баночного типа; 20–31 – группа слабопрофилированной посуды; 32–50 – группа профилированной посуды (32–41 – со сглаженным ребром, 42–50 – с выделенным ребром).

Fig. 7. Ceramics from the dig of 2014: 1, 2 – ceramics of the early Iron Age; 3–50 – hand-made ceramics, 10th – 11th centuries; 51–57 – early wheel pottery; 58–63 – wheel pottery of 16th – 18th centuries; 3–12 – group of vessels with graded profile; 13–19 – can-type vessels; 20–31 – group of vessels with flat profile; 32–50 – group of profiled vessels (32–41 – with smoothed rib, 42–50 – with distinguished rib).

кососрезанные венчики на посуде S-образного профиля (Горюнова В.М., 2009, с. 137–139).

II. Гончарные гладкие горшки и банки русского времени (XVI–XIX вв.) (рис. 7: 58–63). Найдено 299 фрагментов. Встреченная посуда фрагментарна и вмещивается в слой черной супеси на уровне 1, 2 и отчасти (в меньшем количестве) в слой темно-коричневой супеси на 3–5 пластах раскопа. Посуда

красноглиняная и сероглиняная гладкая (изредка чернолощеная) с примесью песка в тесте или без видимых примесей. Обжиг окислительный и окислительно-восстановительный. В основном это горшки, которые характеризуются отсутствием выраженной шейки, сильно округлым и выпуклым туловом с наибольшим расширением в верхней трети сосуда. Отмечаются и горшки с невысокой вогнутой шей-

кой, округлым выпуклым туловом с небольшим расширением в верхней трети сосуда. Связываются данные находки с монастырским периодом. Единичны фрагменты с глазурью (XIX–XX вв.). Также редко встречаются обломки фаянсовой и фарфоровой посуды (4 шт.).

III. Основная, самая многочисленная, группа керамических изделий представлена лепной мерянской керамикой (рис. 7: 3–50). Данная керамика характерна для строительного яруса II, выделенного Е.В. Рябининым в раскопах 1988–1989 гг., и горизонтов темно-коричневой и темно-серой супеси раскопа 2014 г. Превалируют комплексы такой посуды над круговой, начиная с 3 пласта, что первоначально на данном уровне составляет 74% от общей массы керамики, ниже на уровне 4–6 пласта (слой темно-коричневой и темно-серой супеси) – 97–99%. Цвет такой керамики неравномерный от коричневого до серого и других более темных оттенков. Часть посуды сильно ошлакована.

За основу при описании особенностей лепной посуды с Унорожа положена классификация А.Е. Леонтьева с исследований мерянских памятников на озерах Неро и Плещеево (Леонтьев, 1996, с. 52–55). По характеру обработки поверхности и составу теста фрагменты посуды представлены:

1) лошенные и подлощенные с примесью песка в тесте (2,8% среди лепной мерянской керамики). Найдена в основном на уровне 5–6 пласта, характерна для слоя темно-серой супеси;

2) заглаженные, поверхность ряда фрагментов затерта. Примесь в тесте – песок, мелкая дресва (14,5%);

3) заглаженные с органическими примесями, где четко фиксирует-

ся толченая раковина (4,7%). Такие фрагменты более легкие и не характерны для местной среды, что может указывать на прикамские связи. Наибольший процент такой керамики обнаружен в 4 пласте (нижние горизонты слоя темно-коричневой супеси);

4) шероховатые, такая поверхность образована из-за выступающих песчинок, превалирующая примесь в тесте – песок, встречается дресва, в т.ч. крупная (23,3%);

5) бугристая, основное содержание в примеси крупной дресвы (54,7%). Увеличение доли такой керамики приходится на 2–4 пласт (нижние горизонты слоя черной супеси и верхние темно-коричневой).

Найдено 72 фрагмента от донных частей. Основная часть – плоские донца. Очень редко встречаются уплощенные формы дна. Доля донцев с закраиной или уступом, нередко слабо выделенной закраиной составляет 41,6%, с почти прямым переходом дна в стенку 23,6%, с переходом дна в стенку под углом 34,7%.

Морфологические особенности лепной мерянской посуды. Следует отметить, что достаточно значительная фрагментарность данного комплекса не позволяет четко определить особенности горшка в целом, а допускает в основном охарактеризовать морфологию его верхней части.

Среди форм отчетливо выделяются:

1. Слабопрофилированные горшки (рис. 7: 20–31). Посуда этой группы представлена с прямой: а) высокой или б) низкой шейкой (в большинстве). Шейка может быть незначительно отогнута наружу. Плечо пологое.

2. Профилированные горшки с низким отогнутым краем, с выделен-

ным ребром по плечу (четким или сглаженным) (рис. 7: 32–50).

3. Плавнопрофилированные горшки с плавно вогнутой шейкой и округлым выпуклым плечом (рис. 7: 3–12).

4. Баночной формы без плечиков (рис. 7: 13–19).

Доля первой группы сосудов с прямой шейкой составляет 50,7%, из них 37,2% с низкой прямой и 13,5% с высокой. Высокая шейка характерна для нижних уровней, а именно слоя темно-серой супеси. Доля банок без плечиков составляет 2,2%. Посуда с низким отогнутым краем – 33,6%. Доля сосудов с плавно вогнутой шейкой составляет 13,5%.

Доля посуды с четкими реберными плечиками составляет 18,6%, плечиками в виде сглаженного ребра – 25%, с округлыми выпуклыми плечиками – 30,2% и пологими низкими плечиками – 26,2%.

Венчики. Край лепной посуды, как правило, округлый (скругленный) (74%), реже плоский (15,3%), встречается утолщенный (5,8%) с валиковым напылом (0,8%) и округло приостренный (4,1%). Округлый край чаще всего неровный.

Довольно редко встречается орнаментированная лепная мерянская керамика. Орнамент представлен элементами из крупного гребенчатого штампа, крупных шнуровых оттисков, насечками. В двух случаях отмечена керамика, орнаментированная вдавлениями трубчатой костью, из которых составлен узор в виде треугольников.

IV. Значительный интерес представляет горизонт начала раннего железного века. Вопрос о соотношении культур сетчатой керамики и гребенчато-шнуровой (ананьинского типа) в

Костромском Поволжье ставится преимущественно в последние годы и является одним из дискуссионных. Наличие в материалах городища Унорож керамики обеих культурных групп дает основание предполагать возможность взаимодействия крупнейших культурных общностей РЖВ Поволжья. До недавнего времени комплексы гребенчато-шнуровой керамики в Верхнем Поволжье выделялись отрывочно и конечными пунктами их распространения на запад в Волжском бассейне считались городища Поветлужья (Бадер, 1951, с. 150–151). При этом необходимо подчеркнуть, что работы по выявлению, сопоставлению, анализу и обобщению ананьинских материалов Верхневолжского региона в целом, в том числе изучение поселений РЖВ этой округи и включение ряда из них в систему ананьинской культурно-исторической области, еще только предстоит выполнить.

Типологически выделяемый комплекс керамики эпохи раннего железа был представлен и в материалах исследований 2013 г. Найдена такая керамика на уровне 4 пласта. Находки этого времени, обнаруженные в раскопе фрагментарны (рис. 7: 1, 2). Сетчатая и гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика находилась в переотложенном состоянии, что связано с последующим заселением площадки памятника. Поверхность сетчатой керамики шероховатая из-за выступающих песчинок. Примесь в тесте – песок. Черепки, как правило, коричневого цвета. Поверхность, помимо заглаженных участков, покрыта и сетчатыми отпечатками мелкойчистой или крупночистой фактуры, как с бессистемным расположением,

так и складывающимися регулярно. Отпечатки как четко вдавленные, так и слабо, едва заметные, подзатертые. Точно такие же отпечатки характерны и для бедно орнаментированной сетчатой посуды финала поздней бронзы, переходного периода и раннедьяковского времени данного региона.

Фрагменты шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики ананьинского типа соотносимы с керамикой каменоложской стадии, датируемой Л.И. Ашихминой VI–V вв. до н.э. (Ашихмина, 2014, с. 74).

С находками раннего железного века можно связать кремневый скребок красного цвета с высокой спинкой, двумя рабочими краями и мало-выразительные кремневые отщепы, раскиданные по раскопу в различных слоях и уровнях.

К этому же времени, вероятно, относится железный массивный нож длиной 22,2 см со слабоизогнутым клинком и коротким черенком, выходящим со стороны спинки. Спинка клинка дугообразная. Лезвие имеет значительную сточенность внутри клинка. Клинок в сечении клиновидный. Острие закруглено. Переход к черешку рукояти вверху покатый, снизу – в виде ступеньки. Черешок короткий в виде широкой закругленной пластины. По типологической схеме А.Х. Халикова соответствует типу III, 2 Г. (Халиков, 1977, с. 144, 148). Датируются изделия такой формы VI в. до н.э.

Культурных горизонтов, связанных с данным хронологическим пластом, на месте проведения настоящих раскопочных работ, как и в предшествующий год исследований, не зафиксировано. В то же время не вызывает сомнения, что поселок в данную эпоху существовал на территории

останца, вероятнее всего, в южной его части. Заселение площадки в раннем железном веке могло произойти как минимум в VI в. до н.э.

V. Находки, связанные с эпохой мезолита (раннего неолита?), представлены мелкими обломками кремневых пластин и отщепами. Среди них можно выделить кремневый вкладыш. Встречены данные находки на уровне 6 пласта в слое серой предматериковой супеси. По крайней мере, керамика неолитического облика в пределах раскопа не найдена, не обнаружена она и предшествующими исследователями памятника, что, вероятно, говорит в пользу мезолитического происхождения данных кремневых изделий. Предметы мезолитического облика были найдены и ранее в раскопе 2013 г.

Периодизация

Исследования городища позволяют создать предварительную периодизацию памятника, учитывающую особенности вещевых находок и объектов, изученных на его территории.

Первый период можно связывать с эпохой мезолита. Судя по небольшому количеству находок, характер посещений площадки был кратковременным.

Второй период относится к раннему железному веку (VIII до н.э. – первые века н.э.). Характер заселения пока остается невыясненным. Но, вероятнее всего, поселок этого времени тяготел к южному краю останца, выступающему в пойму р. Вексы. Эта территория в настоящее время полностью занята кладбищем. Среди находок выделяются фрагменты сетчатой и гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики ананьинского типа, кремневые отщепы и железный нож.

Третий период – мерянский. Время освоения площадки во второй половине IX в. – начале X в. – XI в. включительно. Мерянский период является наиболее существенным этапом жизни на городище. К этому времени относятся все исследованные в 2014 г. постройки. Учитывая исследования Е.А. Рябинина и стратиграфические наблюдения 2013–2014 гг., этот период можно разделить на 2 этапа.

Ранний – начало – середина X в. На этом этапе происходят освоение площадки памятника первопоселенцами и включение поселения в систему торговых связей. Есть основания, в силу значительного сходства Унорожа с поселением Крутик на р. Шексне, отодвинуть нижнюю границу памятника во вторую половину или конец IX в.

В пользу освоения памятника в этот период говорит ряд находок 2013 и 2014 г. Среди материалов 2013 г. – обломок крупной шаровидной бусины красного (печеночного) цвета (по И.Г. Розенфельд – тип 2). Подобные бусы на дьяковских городищах датируются второй половиной I тыс., в основном VII–IX вв. (Розенфельд, 1982, с. 65, рис. 14: 8, 14–16). Такие находки известны с территории Дурасовского городища (Горюнова Е.И., 1961, с. 110). Интересно их присутствие среди бус, найденных на поселении Крутик (Захаров, 2012, с. 224, рис. 7). С территории поселения Крутик (участок, датированный концом IX–X вв.) происходит также очень близкая аналогия костяной привеске в виде бобра (Захаров, <http://www.archaeolog.ru/?id=233>), найденной в Унороже в 2014 г. на глубине 5 пласта (рис. 8: 1). Животное изображено стоящим на четырех лапах, характерный хвост-лопата вытянут. Тулово массив-

ное, округлых очертаний, голова маленькая, на короткой шее, с низкими заостренными ушами. Глаза намечены как два углубления в голове, сделанные острым предметом (иглой?). Морда уплощена, ноздри выполнены тем же способом, что и глаза. На спине имеется сквозное отверстие округлой формы с конической сверлиной для подвешивания.

Интерес представляет находка подвески-костылька (рис. 8: 3), имеющая аналогии в материале Верхнего Прикамья IX в. (Голдина, Кананин, 1989, с. 192, рис. 70: 24, 30), свидетельствующая о возникновении контактов с этим регионом уже в самом начале существования Унорожа.

Поздний – середина X–XI в. В этот период поселение достигает максимального экономического роста, связанного с пушной торговлей, бронзолитейным и железоделательным производством, и на каком-то этапе прекращает существование. Причина этого пока не ясна, т.к. отсутствуют явные признаки разрушения поселения в результате военного потрясения или другого катаклизма. Наиболее вероятны экономические причины данного события, связанные с нарушением системы международной пушной торговли в результате прекращения в XI в. притока восточного серебра (Даркевич, 1976, с. 160), вызвавшего разрушение описанной З.А. Львовой системы тройного обмена: серебро–бусы–меха (Львова, http://chernov-treznin.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm).

Четвертый – древнерусский период, XII–XIV вв. Период, синхронный с существованием и развитием Галича Мерского, расположенного на противоположном берегу Галичского озера. О существовании в какой-то

форме древнерусского поселения на территории городища можно судить по некоторым находкам из раскопок Е.А. Рябикина. Результаты исследований 2013 и 2014 г. засвидетельствовали в слое, относимом к этому времени, наличие могильника. Погребения частично перерезают и частично разрушают строительный ярус I, соответствующий горизонту 2 мерянского периода. Небольшая глубина и невыраженность заполнения ям, наличие некоторых вещей, связанных с погребениями, присутствие парных погребений могут говорить о соотносимости могильника со временем древнерусской колонизации региона. Его хронологические границы, ввиду скудости сопутствующего погребениям материала, не определены, но, по-видимому, могут укладываться в исторические рамки древнерусского времени – XIII–XIV вв. Некрополь может быть синхронен бытовавшему рядом поселению данного периода. Верхняя его дата остается открытой, возможно, захоронения осуществлялись и в более позднее время.

Пятый – монастырский период (XV–XVIII вв.).³

Первое упоминание об Унороже (тогда еще не селе, в части владений московских митрополитов в Ликургской волости) содержится в жалованной грамоте 1474 г. великого князя Ивана III Васильевича на имя митрополита Геронтия, когда на месте современного села стоял митрополичий Благовещенский Унорожский монастырь. При этом в своей грамоте Иван III ссылается на грамоты его предше-

ственников Василия II Васильевича (1425–1462) и Василия I Дмитриевича (1389–1425), из чего следует, что Унорожская обитель уже существовала, по крайней мере, в первой четверти XV в. (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв., 1951, с. 215–216). К XVII в. Унорож окончательно переходит в подчинение Галичу (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв., 1950, с. 64–67, 74, 76, 78, 87; Диев, 1833, с. 124–130; Диев, 1909, с. 31–34). Окончательное преобразование монастыря в приходской храм с погостом происходит в 1764 г., когда в ходе церковной реформы Екатерины II, Иаково-Железноборовский монастырь был обращен в заштатный, а приписанные к нему обители (а значит и Унорожская) – в приходы. (Православная энциклопедия, 2008, т. 19, с. 133–137). С этого времени и до начала советского периода Унорож становится погостом, т.е. сельским поселением на церковной земле, состоящим из приходского храма с кладбищем и жилищ священнослужителей и причетников храма.

Шестой – постмонастырский период отмечает развитие территории памятника после упразднения Благовещенского монастыря. На месте сгоревшей деревянной церкви монастыря в 1814 г. была построена каменная Благовещенская церковь, обнесенная каменной оградой, в которой располагалось кладбище (Беляев, 1863, с. 77). В Списках населенных мест Российской империи за 1877 г. в с. Унорож упоминается всего 4 двора, 9 жителей мужского пола и 14 – женского (Списки населенных мест Российской империи. Костромская губерния, 1877, с. 128). С конца XIX–XX вв. происходит разрастание деревенского кладбища

³ Авторы статьи приносят глубокую благодарность А.Н. Иванову за подборку и систематизацию материалов по истории позднего Унорожа.

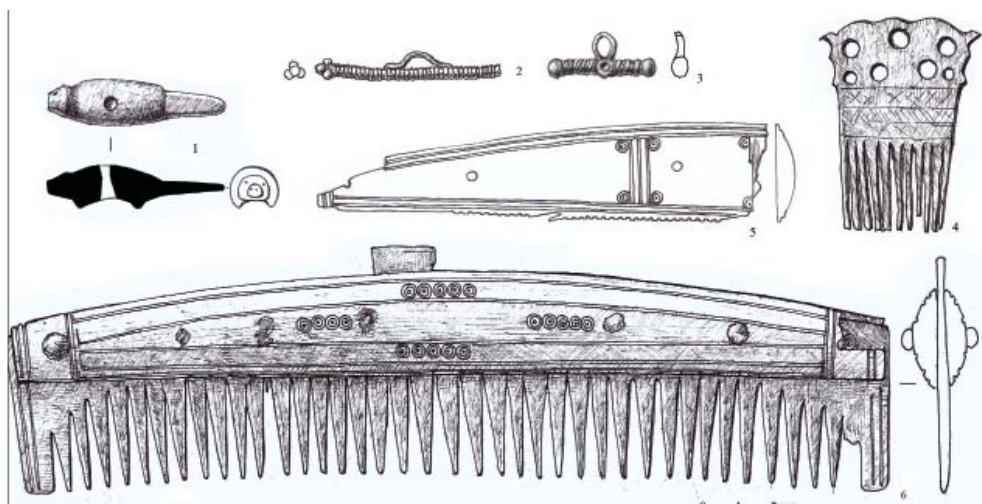

Рис. 8. Индивидуальные находки из раскопа 2014 г.: 1 – подвеска зооморфная «бобр», 2 – привеска, 3 – привеска-костылек, 5 – накладка одностороннего наборного гребня с солярным орнаментом, 4 – гребень односторонний с зооморфным навершием, 6 – гребень односторонний наборный; 1, 4, 5 – рог; 2, 3 – медь; 6 – рог, железо.

Fig. 8. Individual finds from the dig of 2014: 1 – zoomorphic pendant “beaver”, 2 – appendage, 3 – appendage-nail, 4 – unilateral comb with zoomorphic knob, 5 – onlay of a composed unilateral comb with solar ornamentation, 6 – composed unilateral comb; 1, 4, 5 – antler; 2, 3 – copper; 6 – antler, iron.

практически по всей территории городища.

Подводя итоги изучения городища Унорож за истекший период, следует отметить необходимость проведения системных комплексных исследований данного памятника (включая палеоантропологические, археозоологические, палинологические и др. исследования). Это позволит создать значительную источниковую базу для изучения вопросов истории населения Костромского Заволжья в эпоху раннего средневековья, осветить культурные, социальные и экономические

процессы, происходящие в этот период на территории региона.

Систематические археологические работы на территории Унорожа позволяют получить информацию об одном из наиболее интересных объектов археологического наследия Костромской области, наметить характер и направления освоения территорий на северо-востоке Руси, определить степень участия населения Костромского Заволжья в международной транзитной (меховой) торговле IX–XI вв. и в общих процессах становления территории древнерусского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. 1 / Отв. ред. С.В. Бахрушин. М.: ИИ АН СССР, 1951. 400 с.
2. Археологическая карта России. Костромская область / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. 368 с.
3. Археология Костромского края / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия Костром. обл., 1997. 274 с.

4. Археология северорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / Отв. ред. Н.А. Макаров / Т. 2: Материальная культура и хронология / Ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. 365 с.
5. Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ; «Отечество», 2014. 300 с.
6. Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // МИА. № 22. М.: АН СССР, 1951. С. 110–158.
7. Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб: Типография Почтового Департамента, 1863, 198, V с.
8. Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: МГУ им. Н.П. Огарева, 2008. 352 с.
9. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1989. 216 с.
10. Горюнова В.М. Датировочные возможности раннегончарной керамики X–начала XI в. // РА. 2009. № 4. С. 132–141.
11. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА. № 94. М.: Наука, 1961. 264 с.
12. Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 4 / Ред. М.И. Артамонов. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 1962. С. 95–108.
13. Даркевич В.П. Художественный металл Востока в VIII–XIII вв. / Отв. ред. Т.В. Николаева. М.: Наука, 1976. 199 с.
14. Диев М.Я. О селе Ликурге // Труды и летописи ОИДР. М., 1833. Ч. VI. С. 124–129.
15. Диев М.Я. Старинные волости и станы в Костромской стороне. Материалы для Историко-географического словаря Костромской губернии. М., 1909. 62 с.
16. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Отв. ред. С.В. Бахрушин. М.-Л.: АН СССР, 1950. 587 с.
17. Захаров С.Д. Белоозеро // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. / Отв. ред. Н.А. Макаров. Москва; Вологда: Древности севера, 2012. С. 212–239.
18. Захаров С.Д. Новые полевые исследования средневековых памятников Белоозерья. URL: <http://www.archaeolog.ru/?id=233> (дата обращения: 13.01.2016).
19. Кадиева Е.К. Древнерусская круговая керамика Ярославля XII – середина XIII вв.: морфология и орнаментация (по материалам Успенского раскопа) // Археология: история и перспективы. Сборник статей 3-й межрегиональной конференции / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль: Ярославский музей-заповедник, Музей-заповедник «Ростовский кремль», 2007. С. 64–73.
20. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
21. Комаров К.И. Отчет о работах Костромской экспедиции в Костромской области в 1983 г. / Архив ИА РАН. Р.1. № 9867.
22. Левашова В.П. Браслеты // Очерки истории по русской деревни / Труды ГИМ. Вып. 43 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков / М.: Советская Россия, 1967. С. 207–252.
23. Леонтьев А.Е. Классификация ножей Сарского городища // СА. 1976. № 2. С. 33–45.
24. Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 340 с.
25. Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X вв. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. Москва; Вологда: Древности севера, 2012. С. 382–401.

26. *Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладogi как исторический источник. URL: http://chernov-trezin.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm (дата обращения: 13.01.2016).
27. *Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В.* Средневековое расселение в Суздальском ополье // РА. 2004. № 1. С. 19–34.
28. *Матасов М.И.* Отчет об археологических разведках в Буйском, Сусанинском и Ореховском районах Костромской области в 1956 г. / Архив ИА РАН. Р.1. № 1226.
29. *Матасов М.И.* Отчет об археологических разведках в Костромской области в 1958 г. / Архив ИА РАН. Р. 1. № 1721.
30. *Миловидов И.В.* Древности Костромского края, известные Архивной комиссии // Костромская старина. Вып. 1. Кострома: Костром. учен. арх. комис., 1890. С. 115–133.
31. *Новиков А.В.* Отчет о выполненных археологических раскопках городища у с. Унорож в Галичском районе Костромской области в 2014 г. / Архив ИА РАН.
32. Паспорт памятника: с. Унорож. Городище, VIII в. до н.э. – VII в. н.э. / Сост. К.И. Комаров / Архив Департамента культуры Костромской области. 12.08.1983, 4 с.
33. *Петрова Т.В.* Отчет об инженерно-геологических изысканиях по ул. Подбельского, 1 в г. Галиче, Костромской области. ООО «Геос». Кострома, 2008. / Архив ООО КАЭ. № 5.
34. *Полубояринова М.Д.* Стекланные браслеты Древнего Новгорода // МИА. № 117 / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: Наука, 1963. С. 164–199.
35. Православная энциклопедия. Т. 19 / Под общ. ред. Патриарха Моск. и всея Руси Алексия II. М.: Православная энциклопедия, 2008. 753 с.
36. *Розенфельд И.Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982. 180 с.
37. *Рябинин Е.А.* Отчет о работе Заволжской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1988 г. / Архив ИА РАН, Р.1. № 12779.
38. *Рябинин Е.А.* Отчет о работе Заволжской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1989 г. / Архив ИА РАН, Р.1. № 15730.
39. *Рябинин Е.А.* Северный трансевропейский путь X в. и мера (по материалам резной кости Костромского Поволжья) // Археологические вести. № 1. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 153–164.
40. *Рябцева С.С.* Древнерусский ювелирный убор: Основные тенденции формирования. СПб.: Нестор - История, 2005. 384 с.
41. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб.: Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. Вып. XVIII. Костромская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870–72 годов / Обр. ст. ред. М. Раевским. СПб., 1877. 465 с.
42. *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.
43. *Херсонский И.К.* Сведения о некоторых памятниках старины, доставленные в Костромскую ученую архивную комиссию от церквей Костромской епархии // Костромская старина. Вып. 1. Кострома: Костром. учен. арх. комис., 1890. С. 1–74.
44. Petersen I. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928. 240 p.

Информация об авторах:

Новиков Александр Викторович, заместитель директора, ООО «Костромская археологическая экспедиция» (г. Кострома, Россия); kae44@mail.ru

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sl.baranov@mail.ru

THE UNOROZH HILLFORT: PRELIMINARY RESULTS
OF ARCHAEOLOGICAL ACTIVITIES IN 2014

A.V. Novikov, V.S. Baranov

The authors publish archaeological findings from the Unorozh hillfort (Galich District, Kostroma Oblast, Russian Federation), which belongs to the Finno-Ugric antiquities. This multi-layered site occupies special place among other settlements found in Kostroma Volga Region and has a rich history embracing many chronological stages and cultural contexts (Mesolithic – 7000 BC, early Iron Age – 1000 BC, first centuries AD, Middle Ages and the New time – 9th – 11th, 12th – 14th, 15th – 18th centuries). The dig of 2014 yielded some materials, which define cultural features of the site in the Early Iron Age; two wooden buildings of the 10th – 11th centuries were investigated, traces of the Early Medieval ironwork production were fixed, burials of the ground necropolis of the 13th – 14th centuries were studied, a rich collection of artefacts was collected to witness participation of the local population in the international fur trade in the 9th – 11th centuries.

Keywords: archaeology, Volga Area at Kostroma, Early Iron Age, Early Middle Ages, Finno-Ugrians, settlement, necropolis.

REFERENCES

1. Bakhrushin, S. V. (ed.). 1951. *Akty feodal'nogo zemlevladieniia i khoziaistva XIV–XVI vv. (Documents of the Feudal Land Tenure and Economy, 14th–16th Centuries)*. Part 1. Moscow: Institute for History, the USSR Academy of Sciences (in Russian).
2. Krasnov, Yu. A. (ed.). 1999. *Arkheologicheskaiia karta Rossii. Kostromskaia oblast' (Archaeological Map of Russia: Kostroma Oblast)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., Russian Academy of Sciences (in Russian).
3. Leont'ev, A. E. (ed.). 1997. *Arkheologiia Kostromskogo kraia (Archaeology of the Kostroma Land)*. Kostroma: State Research and Production Center for the conservation, restoration and use of historical and cultural heritage of the Kostroma region (in Russian).
4. Zakharov, S. D. (ed.). 2008. *Arkheologiia severnorusskoi derevni X–XIII vv.: Srednevekovye poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere (Archaeology of the Northern Rus Village, the 10th – 13th Centuries: Medieval Settlements and Cemeteries near Kubenskoye Lake) 2. Material'naia kul'tura i khronologiia (Material Culture and Chronology)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoii kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).
6. Bader, O. N. 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 110–158 (in Russian).
7. Beliaev, I. 1863. *Statisticheskoe opisaniie soborov i tserkvei Kostromskoi eparkhii (Statistic Description of Cathedrals and Churches of the Kostroma Diocese)*. Saint Petersburg: Typography of the Postal Department (in Russian).
8. Vikhliav, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiia mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of 1st – 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: Mordovia State University named after N. P. Ogarev (in Russian).
9. Goldina, R. D., Kananin, V. A. 1989. *Srednevekovye pamiatniki verkhov'ev Kamy (Medieval Sites at the Headstreams of the Kama River)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
10. Goriunova, V. M. 2009. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 132–141 (in Russian).

11. Goriunova, E. I. 1961. *Etnicheskaia istoriia Volgo-Okskogo mezhdurech'ia* (Ethnic History of the Volga-Oka Area). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 94. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Davidan, O. I. 1962. In Artamonov, M. I. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 4. Leningrad: State Hermitage Museum, 95–108 (in Russian).
13. Darkevich, V. P. 1976. *Khudozhestvennyi metall Vostoka VIII—XIII vv.* (Artistic Metalwork in the Orient in 8th – 13th Centuries). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Diev, M. Ya. 1833. In *Trudy i letopisi Obshchestva liubiteli istorii i drevnostei rossiiskikh* (Proceedings and Chronicles of the Community of Russian History and Antiquities Amateurs) VI. Moscow, 124–129 (in Russian).
15. Diev, M. Ya. 1909. *Starinnye volosti i stany v Kostromskoi storone. Materialy dlia Istoriko-geograficheskogo slovaria Kostromskoi gubernii* (Ancient Volosts and Villages in the Kostroma Land: Materials for the Historical-Geographical Dictionary of the Kostroma Province). Moscow (in Russian).
16. Bakhrushin, S. V. (ed.). 1950. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniaziei XIV—XVI vv.* (Wills and Contracts of the Great and Feudal Knyazes in 14th—16th Centuries). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
17. Zakharov, S. D. 2012. In Makarov, N. A. (ed.). *Rus' v IX—X vekakh. Arkheologicheskaia panorama* (Russia in the 9th—10th Centuries. An Archaeological Panorama). Moscow; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 212–239 (in Russian).
18. Zakharov, S. D. *Novye polevye issledovaniia srednevekovykh pamiatnikov Beloz'er'ia* (Recent Field Investigations of the Medieval Sites in the Beloozero Area). Available at: <http://www.archaeolog.ru/?id=233> (accessed 13.01.2016) (in Russian).
19. Kadieva, E. K. 2007. In Leont'ev, A. E. (ed.). *Arkheologiia: istoriia i perspektivy* (Archaeology: History and Perspectives). Yaroslavl: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Yaroslavl Museum-Reserve; "Rostov Kremlin" State Museum-Reserve, 64–73 (in Russian).
20. Kolchin, B. A. 1982. In Kolchin, B. A., Yanin, V. L. (eds). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda)* (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod)). Moscow: "Nauka" Publ., 156–177 (in Russian).
21. Komarov, K. I. 1984. *Otchet o rabotakh Kostromskoi ekspeditsii v Kostromskoi oblasti v 1983 g.* (Report on the Fieldworks of the Kostroma Expedition in the Kostroma Oblast in 1983). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R.1, dossier 9867 (in Russian).
22. Levashova, V. P. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X—XIII vv.* (Sketches on History of the Russian Village of 10th—13th Centuries). *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 207–252 (in Russian).
23. Leont'ev, A. E. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia* (Soviet Archaeology) (2), 33–45 (in Russian).
24. Leont'ev, A. E. 1996. *Arkheologiia meri. K predystorii Severo-Vostochnoi Rusi* (Archaeology of the Merya People. Towards Pre-History of North-Eastern Rus'). Moscow: "Geoeko" Publ. (in Russian).
25. Leont'ev, A. E., Nosov, E. N. 2012. In Makarov, N. A. (ed.). *Rus' v IX—X vekakh. Arkheologicheskaia panorama* (Rus' in the 9th—10th Centuries. An Archaeological Panorama). Moscow; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 382–401 (in Russian).
26. L'vova, Z. A. *Stekliannye busy Staroi Ladogi kak istoricheskii istochnik* (Glass Beads from Staraya Ladoga as a Historical Source). Available at: http://chernov-trezin.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm (accessed 13.01.2016) (in Russian).
27. Makarov, N. A., Leont'ev, A. E., Shpolianskii, S. V. 2004. In *Rossiiskaia Arkheologiia* (Russian Archaeology) (1), 19–34 (in Russian).
28. Matasov, M. I. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Buiskom, Susaninskom i Orekhovskom raionakh Kostromskoi oblasti v 1956 g.* (Report on the Archaeological Field Surveys in the Buy, Susanino and Orekhovo Districts, Kostroma Oblast, in 1956). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R.1, dossier 1226 (in Russian).

29. Matasov, M. I. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Kostromskoi oblasti v 1958 g.* (Report on the Archaeological Field Surveys in the Kostroma Oblast in 1958). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R. 1, dossier 1721 (in Russian).
30. Milovidov, I. V. 1890. In *Kostromskaia starina (Kostroma Past)* 1. Kostroma: Kostroma Provincial Academic Archival Commission, 115–133 (in Russian).
31. Novikov, A. V. *Otchet o vypolnennykh arkheologicheskikh raskopkakh gorodishcha u s. Unorozh v Galichskom raione Kostromskoi oblasti v 2014 g.* (Report on the Archaeological Excavations Conducted on a Hillfort near the Unorozh Village, Galich District, Kostroma Oblast, in 2014). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
32. Komarov, K. I. (comp.). 1983. *Pasport pamiatnika: s. Unorozh. Gorodishche, VIII v. do n.e. – VII v. n.e.* (Passport for the Site: Unorozh Village, Hillfort, 8th c. BC — 7th c. AD). Archive of the Culture Department, Kostroma Oblast. 12.08.1983 (in Russian).
33. Petrova, T. V. 2008. *Otchet ob inzhenerno-geologicheskikh izyskaniiax po ul. Podbel'skogo, 1 v g. Galiche, Kostromskoi oblasti. OOO «Geos»* (Report on the Geological Engineering Survey in Podbelsky St. 1, Town of Galich, Kostroma Oblast, Conducted by “Geos” Ltd.). Kostroma. Archive of the Kostroma Archaeological Expedition Ltd., no. 5 (in Russian).
34. Poluboiarinova, M. D. 1963. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 117. Moscow: “Nauka” Publ., 164–199 (in Russian).
35. Patriarch of Moscow and all Russia Alexy II (ed.). 2008. *Pravoslavnaia entsiklopediia (The Orthodox Encyclopedia)* 19. Moscow: “Orthodox Encyclopedia” Publ. (in Russian).
36. Rozenfeldt, I. G. 1982. *Drevnosti zapadnoi chasti Volgo-Okskogo mezhdurech'ia v VI–IX vv.* (Antiquities of the Western Part of the Volga-Oka Interfluvium in the 6th–9th Centuries). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
37. Riabinin, E. A. 1989. *Otchet o rabote Zavolzhskoi ekspeditsii LOIA v 1988 g.* (Report on the Fieldwork of the Trans-Volga Expedition, Institute of Archaeology, Leningrad Branch, Academy of Sciences of the USSR, in 1988) Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R.1, dossier 12779 (in Russian).
38. Riabinin, E. A. 1990. *Otchet o rabote Zavolzhskoi ekspeditsii LOIA v 1989 g.* (Report on the Fieldwork of the Trans-Volga Expedition, Institute of Archaeology, Leningrad Branch, Academy of Sciences of the USSR, in 1989). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R.1, dossier 15730 (in Russian).
39. Riabinin, E. A. 1992. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; “Dmitrii Bulanin” Publ., 153–164 (in Russian).
40. Riabtseva, S. S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ. (in Russian).
41. Raevski, M. (ed.). 1877. *Spiski naselennykh mest Rossiiskoi imperii, sostavlennye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del. Sankt-Peterburg: Tsentr. stat. kom. Min. vnutr. del, 1861–1885* (Lists of Localities of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistic Committee of the Ministry of Interiors. Saint Petersburg: Central Statistic Committee. Ministry of Interiors, 1861–1885). Issue XVIII. *Kostromskaia guberniia. Spisok naselennykh mest po svedeniiam 1870-72 godov (Kostroma Province. List of Localities by the Data from 1870–1872)*. Saint Petersburg (in Russian).
42. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e.* (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC)). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
43. Khersonskii, I. K. 1890. In *Kostromskaia starina (Kostroma Past)* 1. Kostroma: Kostroma Provincial Academic Archival Commission, 1–74 (in Russian).
44. Petersen I. 1928. *Vikingetidens smykker*. Stavanger: Dreyers grafiske anstalt.

About the Authors:

Novikov Alexander V. “Kostromskaia Arkheologicheskaja Ekspeditsia” Ltd. Marshal Novikov Str., 10, Kostroma, 156013, Russian Federation; kae44@mail.ru

Baranov Vyacheslav S. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sl.baranov@mail.ru

УДК 902.01

НОСЕЛЬСКОЕ III СЕЛИЩЕ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2008 Г.

© 2016 г. А.В. Михеев, А.И. Михеева

В статье представлены результаты новых археологических исследований средневекового горизонта Носельского III селища в Марийском Поволжье. Дано описание объектов, связанных со средневековым слоем (хозяйственные ямы). Приводятся результаты анализа керамического материала, который представлен местной (лепной, раннекруговой, «славяноидной») и импортной (круговой русской и булгаро-ордынской) посудой, и вещевого комплекса. Новые материалы позволяют уточнить датировку селища, ограничивая время его существования XIV–XV вв., и охарактеризовать его как марийское сельское поселение, входившее в округу Малосундырского (Важнангерского) городища.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, средневековье, марийцы, селище, керамика.

Носельское III селище расположено на мысу коренной террасы правого берега р. Волги (Чебоксарское водохранилище), известного у местного населения под названием «Яшкар уа корем нер» (мыс у рябинового оврага). Высота площадки по отношению к пойме составляет 54 м (рис. 1). Площадь памятника составляет около 3400 кв. м. Поверхность хорошо задернована, в прошлом площадка мыса, занятая селищем, подвергалась распашке.

Памятник был открыт разведочным отрядом Марийской археологической экспедиции (руководитель А.Х. Халиков) в 1958 г. В этом же году были проведены стационарные исследования двумя раскопами: первый 140 кв. м. на северо-восточной оконечности мыса и второй площадью 63 кв. м. в юго-западной части площадки. Общая площадь раскопа составила 203 кв. м. Результаты раскопок 1958 года предварительно опубликованы Г.А. Архиповым (Архипов, 1982, с. 17–20).

В 2008 году археологические исследования селища были возобновлены. Было заложено два раскопа. Раскоп I разбит в северо-восточной части мыса и продолжает раскоп I 1958 г. Раскоп II разбит северо-западной части мыса и юго-восточной стенкой смыкается с раскопом II 1958 г. Оба раскопа 2008 г. ориентированы по линии северо-восток – юго-запад. В результате проведенных работ мысовая (северо-восточная) часть памятника исследована полностью. Общая площадь двух раскопов составила 136 кв. м. Таким образом, всего на селище вскрыто 339 кв. м.

Памятник двухслойный, содержит слои эпохи бронзы (чирковская культура) и средневековья. Стратиграфия на обоих раскопах одинакова. Дерн прослежен по всей длине и имеет толщину от 2 до 8 см. Далее идет пахотный слой толщиной от 2 до 30 см (в раскопе II) и заметно уменьшается в юго-западном направлении. Под слоем пахоты залегает темно-серая гум-

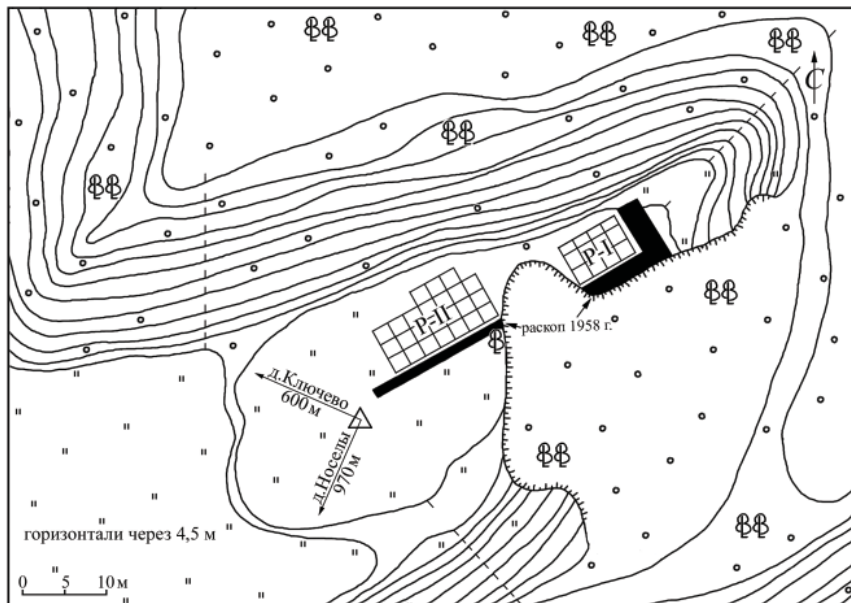

Рис. 1. Топографический план Носельского III селища.

Fig. 1. Topographic plan of Nosely III settlement.

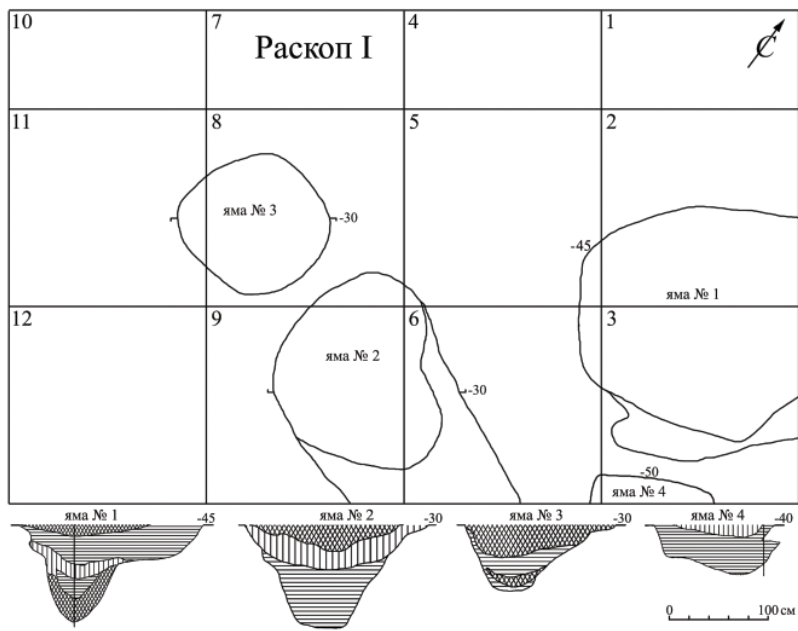

Рис. 2. Носельское III селище. Сводный план средневековых объектов на раскопе I.

Fig. 2. General plan of medieval objects on dig I. Nosely III settlement.

мированная супесь (слой эпохи средневековья). Ниже идет светло-серая гуммированная супесь (слой эпохи бронзы). Этот слой заметно уменьшается в юго-западном и северо-восточном направлениях, а на отдельных участках полностью выклинивается. Материковый слой представлен красным суглинком. В квадратах, примыкающих к раскопам А.Х. Халикова, отмечается прослойка балласта, оставшегося от отвалов 1958 г. Толщина культурного слоя, связанного с эпохой средневековья, составляет от 10 до 25 см, в ямах – до 60 см.

Целью данной статьи является характеристика средневекового культурного слоя селища, включающего отдельные хозяйственные объекты, керамический комплекс и вещевой инвентарь. В целом материалы посвящены одному из слабо изученных периодов марийской истории как в отношении количества исследованных памятников и объема вещевого комплекса, так и хронологии.

В ходе археологических исследований 2008 года выявлено несколько хозяйственных ям: по 4 на каждом раскопе. При этом ямы I и 4 раскопа I и яма 3 раскопа II уходили в стенку, примыкающую к раскопам 1958 г. Кроме того, в раскопе II зафиксировано несколько столбовых ямок.

На раскопе I со средневековым слоем связано 4 объекта (рис. 2).

Яма № 1. Четкие контуры округлой формы размерами 202 x 214 см обозначились черным гуммированным заполнением на фоне светло-серой гуммированной супеси на гл. 40 см от современной дневной поверхности. При разборке ямы в слое темно-серой гуммированной супеси отмечены отдельные фрагменты до-

статочно крупной обмазки, которая явно набивалась на какую-то основу, но сплошного заполнения обмазки не выявлено. Фрагменты мелкой обмазки встречались при разборке слоя темно-серой гуммированной супеси с глубины 25–30 см. Наблюдения при выборке и стратиграфия ямы I позволяют сделать следующие выводы по ее конструкции. Дно ямы неровное. В северо-западной части имеется дополнительная яма 1а, размеры которой на глубине 88 см (+35 от контрольного репера) составили 68 x 68 см. На дне ямы 1а углистая прослойка, которая четко прослеживалась при разборке. Общая глубина ямы от уровня фиксации (40 см) в юго-западной части составила 40–45 см, в северо-западной – 104 см. Яма 1а имела, вероятно, перекрытие, с которым связана прослойка темно-серой гуммированной супеси, отмеченная в профиле. Непосредственно над ямой № 1, возможно, имелась деревянная конструкция, с которой связан черный углистый слой, находящийся над основным заполнением ямы – темно-коричневой гуммированной супесью. Возможно, с этой конструкцией связаны и фрагменты обмазки, набивавшиеся на деревянную основу, поскольку обмазка встречалась в черном гуммированном слое с гл. 25–30 см. Обнаруженный в яме 1 вещевой материал (керамика, кости, ножи, различные железные предметы) однозначно свидетельствуют о ее хозяйственном назначении.

Яма № 2. Четкие контуры овальной формы размерами 196 x 147 см обозначились черным гуммированным заполнением на фоне светло-серой гуммированной супеси на гл. 30 см от современной дневной поверхности. Разрез показал, что яма имеет

скошенные стенки и прямое дно. Заполнение ямы неоднородно: верхний слой ямы представлен черной гуммированной супесью толщиной до 36 см, далее идет слой коричневой гуммированной супеси толщиной до 28 см, ниже – слой коричневого гуммированного суглинка толщиной до 56 см. Общая глубина ямы от уровня фиксации составила 103 см. С ямой связаны находки 16 фрагментов керамики. Хозяйственное назначение ямы не вызывает сомнения.

Яма № 3. Первые контуры ямы, представленные заполнением черной гуммированной супесью, обозначились на глубине 30 см. Яма имела округлую в плане форму с размерами 151 x 142 см. Разрез показал, что яма имеет скошенные стенки, дно прямое. Юго-западная стенка ямы более пологая. Заполнение ямы неоднородно: верхний слой представлен черной гуммированной супесью мощностью до 32 см, далее коричневая гуммированная супесь, на 4 см выше дна ямы прослежена прослойка черной гуммированной супеси. Общая глубина ямы составила 67 см. С ямой связаны находки 30 фрагментов керамики. Яма 3 также имела хозяйственное назначение.

Яма № 4. Первоначальные контуры обозначились на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности. Более четкими они стали с глубины 50 см, когда было скрыто заполнение, соединявшее эту яму с ямой № 1. Судя по всему, большая часть ямы была исследована при раскопках 1958 г. Заполнение ямы 4 представлено коричневой гуммированной супесью. Непосредственно в яме найдено 8 фрагментов керамики.

На раскопе II зафиксировано 8 ям различного назначения (рис. 3).

Яма № 1. Первоначальные контуры ямы округлых очертаний диаметром 123 см зафиксированы на глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности. В разрезе яма имела скошенные стенки и плоское дно. На уровне фиксации ямы заполнение представлено черной гуммированной супесью. Почти по контуру лежали небольшие фрагменты известняковых плиток и сгоревшего дерева. Черное гуммированное заполнение имело толщину 20 см, ниже залегал слой коричневого гуммированного суглинка. Общая глубина ямы – 83 см. В заполнении ямы № 1 найдено 32 фрагмента от средневековых сосудов. Хозяйственное назначение ямы сомнений не вызывает. Возможно, яма №1 входила в состав какой-то хозяйственной или жилой постройки, и находилась в ее северо-восточной части, поскольку на предыдущем уровне (20 см) она входила в состав обширного заполнения черного гуммированного суглинка, уходившего в юго-восточную стенку, примыкающую к раскопу II А.Х. Халикова.

Яма № 2. Первоначальные контуры ямы овальных очертаний размерами 163 x 224 см зафиксированы на глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности по заполнению коричневого гуммированного суглинка на фоне темно-серой гуммированной супеси. Яма имела слегка скошенные стенки, плоское дно. С северной стороны ямы имелся уступ максимальной шириной до 62 см. Над ямой № 2 в большом количестве зафиксированы фрагменты обгоревших деревянных жердей длиной до 40 см. Возможно, яма сверху была закрыта чем-то вроде шалаша. При выборке ямы найдено 29 фрагментов керамики.

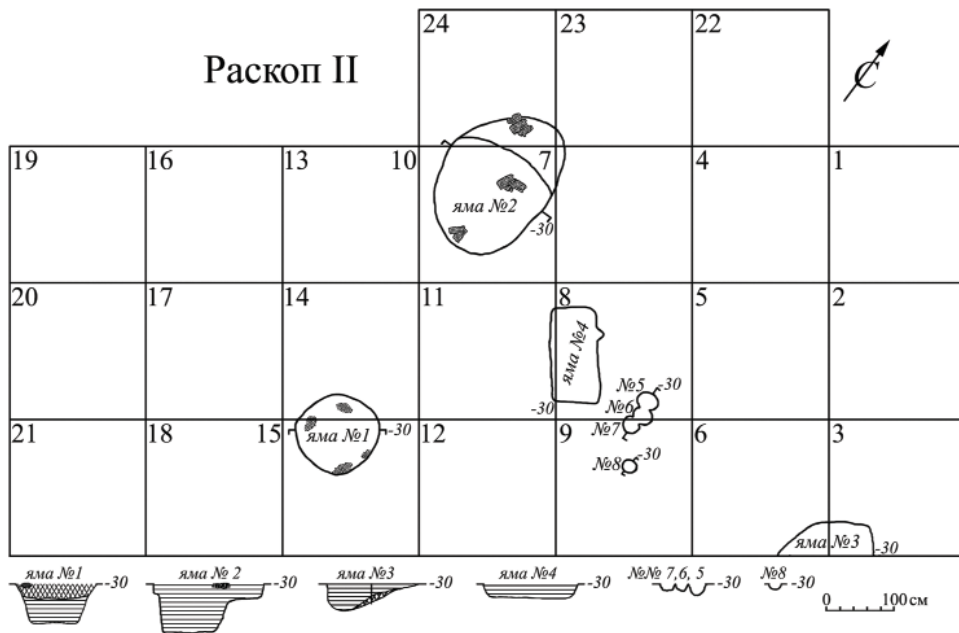

Рис. 3. Носельское III селище. Сводный план средневековых объектов на раскопе II.

Fig. 3. General plan of medieval objects on dig II. Nosely III settlement.

ки эпохи средневековья и большое количество глиняной и известковой обмазки. Яма № 2, безусловно, имела хозяйственное назначение.

Яма № 3. Первоначальные контуры ямы зафиксированы на глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности по заполнению коричневого гуммированного суглинка на фоне серой гуммированной супеси (слой эпохи бронзы). Большая часть ямы уходила в юго-восточную стенку и, вероятно, часть ее была исследована в 1958 году. С ямой связаны находки 4 фрагментов средневековой керамики.

Яма № 4. Первоначальные контуры ямы подпрямоугольной формы размерами 70 x 138 см зафиксированы на глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности по заполнению коричневым гуммированным суглинком на фоне темно-серой гуммированной супеси. Яма имеет коры-

тообразную форму с плоским дном. Глубина от уровня фиксации составляет 20–22 см. Заполнение ямы № 4 однородное. У северо-западной длинной стенки зафиксированы следы от столбовой ямы диаметром 18 см, глубиной 10 см, стенки этой ямы скошены вовнутрь, дно приостренное. С ямой № 4 связаны находки прясла, обмазки и 12 фрагментов керамики. Вероятно, объект, также следует относить к типу хозяйственных.

На раскопе II зафиксировано 4 ямы от столбов. Диаметр их составляет 18–24 см, глубина от 13 (№ 7) до 24 (№ 5) см. Ямы №№ 5, 7, 8 имеют котловидную форму, у ямы № 6 дно наклонное.

Комплекс находок с Носельского селища включает в себя многочисленные фрагменты керамики и отдельные предметы, связанные с бытом и хозяйственной деятельностью.

Изделия из черного металла Носельского селища представлены кольчатými удилами (раскоп 1958 г.), сошником (2003 г.), кочедыком, наконечником стрелы, рыболовным крючком, ножами, обломком топора и неопределенными предметами.

Двусоставные кольчатые удила с Носельского селища из раскопок 1958 года имеют достаточно широкую датировку с X по XV в. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 20; Руденко, 2000, с. 54).

Сошник обнаружен при разведочных работах Д.Ю. Ефремовой. Основные размеры: общая длина – 29, 6 см, длина черешка – 10, 5 см, ширина черешка – 7, 4 см. Рабочий конец заострен и слегка выгнут (Ефремова, 2006, с. 22). Он близок орудиям типа III B1 или III B2 классификации Ю.А. Краснова, зафиксированным не ранее XII в. главным образом в центральных и южных районах лесной полосы, а также в Волжской Болгарии (Краснов, 1987, с. 51).

Кочедык (рис. 6: 13), имеющий стержень, заканчивающийся плоской петлей, также имеет широкое бытование. Аналогичный экземпляр по новгородским древностям происходит из слоя XV в. (Колчин, 1953, с. 68–69), и отмечен в материалах бассейна Вятки на памятниках XII–XV вв. (Макаров, 2001, с. 92, рис. 48).

Наконечник стрелы (рис. 6: 1) с упором, ромбовидный с прямыми сторонами, вогнутыми плечиками и наибольшим расширением в верхней половине. Длина пера – 34 мм (общая – 57 мм), максимальное расширение – 10 мм. По А.Ф. Медведеву, подобные наконечники можно отнести к типам 51–52 и их вариантам, которые бытовали на территории Восточной Евро-

пы и Сибири в VII–XIV вв. (Медведев, 1966, с. 69).

Рыболовный крючок округлый в сечении с жалом на конце и узкой лопаточкой в месте крепления к леске (рис. 6: 7).

Три железных ножа с упором при переходе лезвия в рукоять: два с прямой спинкой (рис. 6: 9, 10), у третьего спинка слегка выгнута (рис. 6: 11).

Из вещевого комплекса Носельского III селища следует указать еще находки 4 пряслиц. Все они глиняные, одно сделано из стенки средневекового сосуда (рис. 6: 4). Второе – выпуклое со скругленными краями (рис. 6: 5), третье – биусеченноконическое (рис. 6: 3), четвертое также биусеченноконическое, но с конусовидным отверстием (рис. 6: 2). В раскопе I найдено два глиняных грузила, одно из которых шлифованное (рис. 6: 8, 12).

Керамическая коллекция Носельского III селища, связанная с эпохой средневековья, составляет 1164 учтенных фрагментов: из раскопок 1958 года, хранящихся в фондах Национального музея им. Т. Евсеева¹, и из раскопок 2008 года. В предварительной публикации Г.А. Архипов дал общую характеристику керамики Носельского III селища, выделив лепную и гончарную группы посуды (Архипов, 1982, с. 18–19). В последние годы значительно пополнились керамические коллекции марийских поселений XIII–XV вв., что позволяет на новом качественном уровне подойти к изучению керамического комплекса поселения. Поскольку ке-

¹ Авторы выражают благодарность директору НМ РМЭ А.В. Муравьеву и С.В. Большову за предоставленную возможность работы с коллекцией Носельского III селища 1958 г.

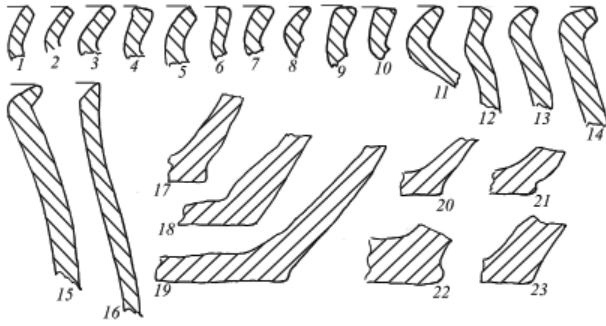

Рис. 4. Керамика Носельского III селища.

1–23 – лепная;
24–62 – раннекруговая.

Fig. 4. Ceramics from Nosely III settlement.

1–23 – hand-made ceramics;
24–62 – early wheel ceramics.

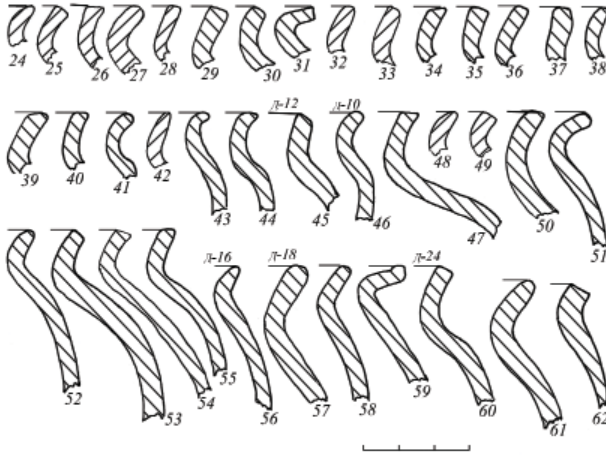
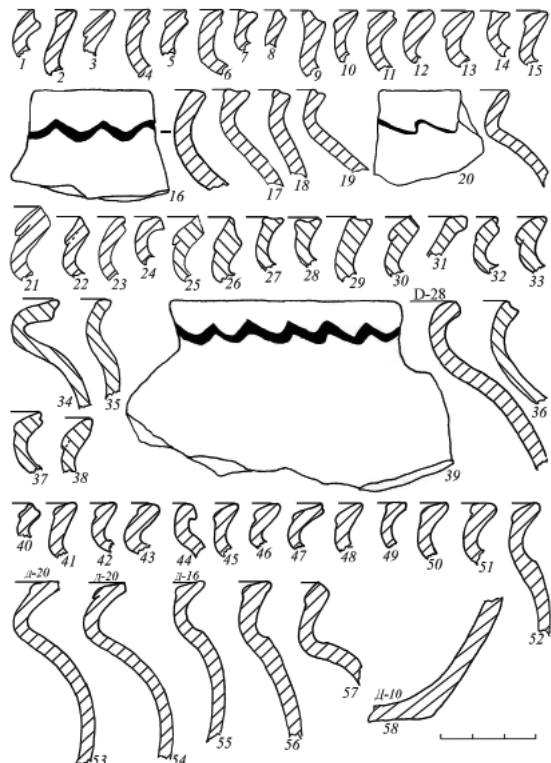

Рис. 5. Керамика Носельского III селища. 1–39 – «славяноидная»; 40–58 – русская.

Fig. 5. Ceramics from Nosely III settlement. 1–39 – “Slavicoid”; 40–58 – Russian.

рамика является одним из важных хронологических показателей, авторы посчитали необходимым включить в анализ керамические материалы из раскопок А.Х. Халикова. В ходе сравнительного анализа венчиков удалось выделить 153 сосуда.

Так как имеющийся материал в значительной степени фрагментирован, при выявлении групп керамики учитывался комплекс устойчивых сочетаний главных технологических характеристик. В их число входят: состав формовочных масс, способ изготовления, качество обжига, оформление края венчика. Население Носельского селища III находилось на стадии освоения круга, у большинства сосудов лишь верхняя часть заглажена кругом, соответственно основной упор при анализе керамике сделан на изучение венчиков. При обработке керамических коллекций выделено 3 группы керамики с различными гончарными традициями, присутствующими в комплексе Носельского III селища: местная, включающая лепную, раннекруговую, «славяноидную», русская, болгаро-ордынская.

Лепная керамика составляет 11,7% в общем керамическом комплексе Носельского III селища и представлена венчиками от 18 сосудов (рис. 4: 1–23). Сосуды преимущественно с раструбовидной горловиной и простым оформлением края венчика – округлый, прямосрезанный, кососрезанный во внешнюю или внутреннюю стороны. Фрагменты бурого или темно-серого цвета, с толщиной стенок от 4 до 7 мм. Фрагменты в изломе черного цвета, 2 сосуда в изломе трехслойные, с характерной черной прослойкой. Поверхность сосудов с грубыми следами заглаживания. Диаметр сосудов от 14

до 16 см. В качестве примеси к тесту в лепной посуде использовались шамот (55,6%), раковина (16,7%), песок и шамот с песком (по 11,1%), раковина с известняком (5,5%). Шамот и песок, используемые в качестве примесей к тесту, средних и крупных размеров. В 3 случаях в крупном шамоте зафиксирована раковинная примесь. Полных форм не реконструировано.

Раннекруговая керамика составляет 45,6% в общем керамическом комплексе Носельского III селища (рис. 4: 24–62). Фрагменты преимущественно бурого или коричневого цвета, нередко цвет на одном сосуде варьируется от светло-коричневого до бурого. Толщина стенок от 5 до 7 мм. 50% керамики содержат сильные следы нагара. Посуда в изломе имеет слоистость, поверхностные прослои коричневые или бурые, а сердцевина темно-серого или черного цвета. Поверхность сосудов бугристая, содержит беспорядочные следы грубого заглаживания. Гончарный круг использовался лишь для подправки венчика. В раннекруговой посуде преобладает раструбовидная горловина. Оформление края венчика достаточно простое: уплощенный, округлый, кососрезанный во внешнюю или внутреннюю стороны, приостренный. Абсолютно преобладает второй вариант оформления края. Диаметр сосудов от 12 до 24 см. В качестве примеси к тесту в раннекруговой посуде использовался песок, преимущественно крупнозернистый с размерностью зерен до 2,5–3 мм (41,4%), раковина (15,7%), шамот (11,4%), шамот с песком (12,9%), раковина с песком (10,0%), шамот с раковиной и дресва (по 4,3%). Полных форм почти не восстановлено. По крупным фрагментам, дающим представление

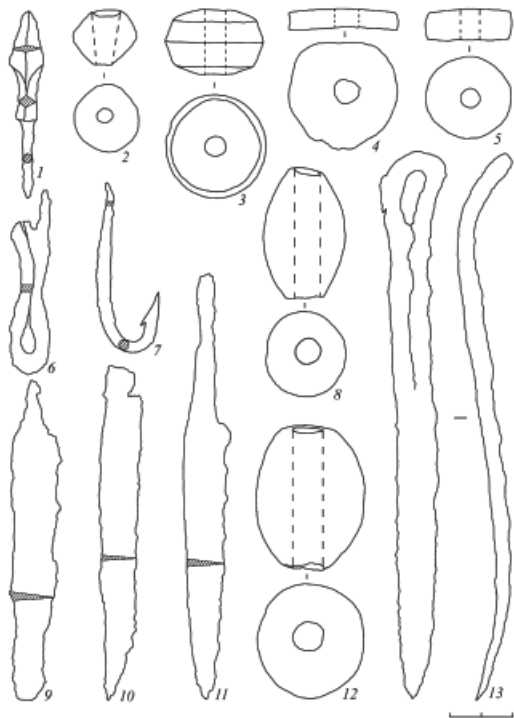

Рис. 6. Вещевой комплекс Носельского III селища.

1, 6, 7, 9–11, 13 – железо;
2–5, 8, 12 – глина.

Fig. 6. Complex of finds from Nosely III settlement. 1, 6, 7, 9–11, 13 – iron;
2–5, 8, 12 – clay.

о форме, можно говорить, что в коллекции представлены сосуды 2 типов. К первому типу относятся горшки усеченно-конической формы с выраженным плечиком, плавно переходящим в тулово (тип I) (рис. 4: 53–55); ко второму – слабопрофилированные сосуды, с невыраженным переходом к плечу (тип II) (рис. 4: 56, 58, 62).

«Славяноидная» посуда составляет в общем керамическом комплексе Носельского III селища 29,4%. При выделении этой группы мы исходили из классического определения «славяноидной керамики», данное Т.А. Хлебниковой: гончарная «...посуда местной фактуры (с толченной раковины, шамотом), но не местной формы» (Хлебникова, 1967, с. 89–90).

Цвет посуды от светло-коричневого до черного. Толщина стенок от 4 до 6 мм. Черепки коричневого или бурого цвета, трехслойные в изломе. 40%

сосудов «славяноидной» керамики содержат слои нагара. В качестве примеси к тесту использовались раковина (55,5%), шамот с раковинкой (22,2%), шамот с песком (13,3%), раковина с песком (4,4%) и шамот (2,2%). Посуда изготовлена способами скульптурной лепки, в большинстве случаев зафиксированы признаки конструирования сосудов спиральным налепом из жгутов с применением донно-емкостной программы конструирования начина. Формообразование происходило на гончарном круге с той или иной степенью профилирования и вытягивания верхней части сосудов. Вместе с тем нижние части сосудов содержат следы обработки ручным способом (заглаживание, обработка ножом). По периметру днищ видны характерные наплывы. Диаметр днищ от 8 до 10 см. На трех днищах зафиксировано клеймо в виде птичьей лапки, на одном

сосуде в виде четырех лучеобразных линий, исходящих из одной точки, в виде треугольника с параллельной основанию линии. В 4 случаях следы подсыпки золы.

Материал преимущественно фрагментарный, по крупным фрагментам, дающим представление о форме, можно говорить, что в коллекции представлены горшки с низкой горловиной, преимущественно раструбовидной формы. Диаметр сосудов от 16 до 20 см. Оформление края венчика разнообразно. Преобладают варианты с ложбинкой по прямо- или кососрезанному краю (48,5%) (рис. 5: 7, 8), с наплывом внутрь, имеющий подтреугольное сечение (15,1%), с наплывом внутрь, при этом внешний край кососрезан, по центру среза в отдельных случаях ложбинка (21,2%), остальные варианты составляют менее 5%. Отмеченные варианты венчиков имеют широкое распространение в материалах Волжской Булгарии (Полубояринова, 1993, с. 38; Хлебникова, 1988, с. 36), Москвы и Подмосковья (Чернов, 1996, с. 73, 91, рис. 15: 94, 33: 134), Новгорода (Смирнова, 1956, с. 237–246), бассейна Вятки (Макаров, 1995, с. 166–189) с XII по XV в. Абсолютное большинство посуды неорнаментировано. Орнамент прослежен на 4 венчиках (рис. 5: 16, 20, 39) и 9 стенках в виде однорядной и двурядной волны.

Русская посуда составляет 12,4% в общем керамическом комплексе Носельского III селища. Посуда темно-серого или светло-коричневого цвета, толщина черепка от 5 до 6 мм. Сосуды изготовлены спирально жгутовым налепом с применением донно-емкостной программы конструирования начина. В качестве примеси к тесту использовались песок (73,7%)

и дресва (преимущественно кварцевая) (26,3%). Формообразование происходило на гончарном круге, на сосудах прослежены явные следы вытягивания. На днищах сосудов зафиксированы следы подсыпки песка. По крупным фрагментам, дающим представление о форме, можно говорить, что здесь также присутствуют сосуды с выраженным плечиком, плавно переходящим в тулово (Тип I); и сосуды с узкими плечиками, при переходе к тулову имеется слабовыраженное ребро (тип IV). В оформлении края венчика отмечены те же варианты венчиков, что и в «славяноидной» посуде: с наплывом внутрь, имеющим подтреугольное сечение (50,0%), с наплывом внутрь, при этом внешний край кососрезан (23,0%), с ложбинкой по кососрезанному краю (11,5%). Остальные варианты оформления края составляют менее 5%.

Булгаро-ордынская керамика представлена лишь стенками и составляет 0,1% от учтенных фрагментов.

В целом процентное соотношение выделенных групп керамики Носельского III селища соответствует общей картине, сложившейся на поселенческих памятниках Марийского Поволжья XIV–XV вв. (Михеева, 2007, с. 313–320). По сравнению с керамикой Важнангерского городища, в округу которого входит Носельское III селище, здесь более высок процент раннекруговой посуды, составляющей в общем керамическом комплексе 45,6%, (на Важнангерском городище – 35,9%). Близкие показатели имеют Юльяльское селище – 46,0%, также входящее в округу Важнангерского городища, и селище Нижние Шелоболки – 49,4%. Преобладают в общем керамическом комплексе и венчики

с простым оформлением края: уплощенный (14,4%), округлый (26,4%), кососрезанный во внешнюю сторону (16,9%). Возможно, данное обстоятельство связано с характером памятника как рядового сельского поселения округа Важнангерского городища.

В предварительной публикации материалов исследований 1958 г. Г.А. Архипов, основываясь главным образом на материалах керамического комплекса, предложил датировать селище XI–XIII вв., с возможным заходом в начало XIV в. (Архипов, 1982, с. 20). Исследователь памятника А.Х. Халиков датировал селище концом XIII – началом XIV в. (Халиков, Архипов, 1958, с. 218). С этой датировкой согласились и другие исследователи

(Никитина, Михеева, 2006, с. 146). Полученные материалы уточняют датировку, предложенную А.Х. Халиковым и Г.А. Архиповым.

Вещевой материал Носельского III селища имеет достаточно широкую датировку. Вместе с тем анализ керамического материала, соотношение различных групп керамики в комплексе селища свидетельствуют о его идентичности керамическим комплексам хорошо датированных памятников, в частности, Важнангерскому городищу (XIV–XV вв.), Юльальскому селищу (XIV–XV вв.). Таким образом, Носельское III селище может быть датировано XIV–XV вв. Не противоречит этой дате и вещевой инвентарь памятника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов Г.А. Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) // Поселения и жилища Марийского края. АЭМК. Вып. 6 / Научн. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1982. С. 5–50.
2. Ефремова Д.Ю. Отчет о разведочных работах в Горномарийском районе Республики Марий Эл в 2004 году / НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. № 1099. Йошкар-Ола, 2006.
3. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) / МИА. № 32. М.: Наука, 1953. 260 с.
4. Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.: Наука 1987. 237 с.
5. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука. 1966. 154 с.
6. Макаров Л.Д. Славяно-русское заселение бассейна р. Вятки и исторические судьбы удмуртов Вятской земли в XII–XVI веках // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 80–107.
7. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2001. 143 с.
8. Михеева А.И. Керамика поселенческих памятников Марийского Поволжья XIII–XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции) / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. С. 311–324.
9. Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 196 с.
10. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария. М.: Наука, 1993. 123 с.
11. Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // ТА. № 1–2 (6–7). Казань: Институт истории АНТ, 2000. С. 42–102.

12. Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода / Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 55. М.: Наука, 1956. 250 с.

13. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

14. Халиков А.Х., Архитов Г.А. Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 г. III Носельское селище. Йошкар-Ола, 1958 / НРФ МарНИИ-ЯЛИ Оп. 1. Д. № 86.

15. Хлебникова Т.А. Результаты исследований Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. // История, археология, этнография мари. Труды МарНИИ. Вып. XXII / Отв. ред. А.В. Хлебников. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1967. С. 148–169.

16. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.

17. Чернов С.З. Заселение водоразделов Радонежа по данным археологических исследований сельца Никольское Поддубское // Археологические памятники Москвы и Подмосковья / Труды музея истории г. Москвы. Вып. 9. М., 1996. С. 60–96.

Информация об авторах:

Михеев Алексей Викторович, кандидат исторических наук, заведующий отделом, МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); miheev.alexey@mail.ru

Михеева Аурика Ивановна, кандидат исторических наук, начальник Управления по сохранению, использованию и охране памятников истории и культуры Минкультуры РМЭ (г. Йошкар-Ола, Россия); miheeva.aurika@gmail.com

NOSELY III SETTLEMENT BY RESULTS OF STUDIES IN 2008

A.V. Mikheev, A.I. Mikheeva

The article presents results of new archaeological studies of the medieval horizon of Nosely III settlement in Mari Volga region. It contains definitions of objects connected with the medieval layer (household pits). The authors provide results of analysis of the ceramic material represented by the local (hand-made, early wheel and “Slavicoid” ceramics) and imported (wheel-made Russian and Bulgar-Horde) ware and complex of items. New materials allow us to provide a more precise dating of the settlement and limit the time of its existence to 14th – 15th centuries and define it as a Mari rural settlement belonging to the district of the Maly Sundyr (Vazhnanger) hillfort.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Middle Ages, Mari people, settlement, ceramics

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A. 1982. In Arkhipov, G. A., Sepeev, G. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha Mariiskogo kraia (Settlements and Dwellings of the Mari Land)*. Series: Arkheologiiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 6. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 5–50 (in Russian).

2. Efremova, D. Yu. 2006. *Otchet o razvedochnykh rabotakh v Gornomariiskom raione Respubliki Marii El v 2004 godu (Report on the Field Surveys in the Gornomariysky District, the Mari El Republic, 2004)*. Yoshkar-Ola. Scientific Hand-Written Fund of the Mari Research Institute of Language, Literature, and History I. Inv. 1, dossier 1099 (in Russian).

3. Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgiiia i metalloobrabotka v drevnei Rusi (Domongol'skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus' (Pre-Mongol Period))*. Materialy

i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

4. Krasnov, Yu. A. 1987. *Drevnie i srednevekoveye pakhotnye orudiia Vostochnoi Evropy (Ancient and Medieval Tilling Tools of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

5. Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

6. Makarov, L. D. 1995. In *Materialy po istorii Udmurtii (s drevneishikh vremen i do serediny XIX v.) (Materials on the History of Udmurtia: from the Earliest Times to the Middle 19th Century)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 80–107 (in Russian).

7. Makarov, L. D. 2001. *Drevnerusskoe naselenie Prikam'ia v X—XV vv. (Ancient Russian Population in the Kama Area in 10th—15th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

8. Mikheeva, A. I. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 311–324 (in Russian).

9. Nikitina, T. B., Mikheeva, A. I. 2006. *Alammer: mif i real'nost' (Vazhnangerskoe (Malo-Sundyrskoe) gorodishche i ego okruga) (Alammer: Myth and Reality (Vazhnanger (Maly Sundyr') Hillfort and its Surroundings))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

10. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaia Bolgariia (Rus' and Volga Bulgaria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

11. Rudenko, K. A. 2000. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (6–7). Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 42–102 (in Russian).

12. Smirnova, G. P. 1956. *Opyt klassifikatsii keramiki drevnego Novgoroda (Essay of Classification of the Ancient Novgorod Ceramics)*. Series: Trudy Novgorodskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition) I. Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 55. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

13. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

14. Khalikov, A. Kh., Arkhipov, G. A. 1958. *Otchet o polevykh rabotakh Mariiskoi arkhologicheskoi ekspeditsii za 1958 g. III Nosel'skoe selishche (Report on the Fieldworks of the Mari Archaeological Expedition in 1958. Nosely III Settlement)*. Yoshkar-Ola. Scientific Hand-Written Fund of the Mari Research Institute of Language, Literature, and History. Inv. 1, dossier 86 (in Russian).

15. Khlebnikova, T. A. 1967. In Khlebnikov, A. V. (ed.). *Istoriia, arkhologiya, etnografiia mari (History, Archaeology, Ethnography of the Mari People)*. Series: Trudy Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (Proceedings of the Mari Research Institute) XXII. Yoshkar-Ola: Mari Book Publisher, 148–169 (in Russian).

16. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–102 (in Russian).

17. Chernov, S. Z. 1996. In *Arkheologicheskie pamiatniki Moskvy i Podmoskov'ia (Archaeological Sites in Moscow and Moscow Region)*. Series: Trudy muzeia istorii g. Moskvy (Proceedings of the Museum of History of the Moscow City) 9. Moscow, 60–96 (in Russian).

About the Authors:

Mikheev Alexey V. Candidate of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; miheev.alexey@mail.ru

Mikheeva Aurika I. Candidate of Historical Sciences. The Mari El Republic Ministry of Culture, Press and Ethnic Issues. Kremlevskaya St., 41, Yoshkar-Ola, 424002, Mari El Republic, Russian Federation; miheeva.ayrika@gmail.com

УДК 903.02

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЧУВАШЕЙ И ФИННО-УГРОВ
(СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)**

© 2016 г. А.В. Волков

В статье проводится сравнение погребального обряда чувашей и соседних финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья (марийцев, мордвы, удмуртов) в XV–XIX вв. Актуальность исследования связана с дискуссионностью вопроса об этногенезе чувашского народа. Выделяются общие и отличительные черты топографии могильников, устройства могильных ям и надмогильных сооружений, ориентировок погребенных, положения костяков. Наряду с археологическими источниками, в исследовании использованы этнографические данные по всем рассматриваемым народам. Предпринимаются попытки выявить истоки и причины бытования у этих народов тех или иных погребальных традиций. Результаты сопоставления показывают заметное финно-угорское влияние на погребальный обряд чувашей, а также взаимопроникновение культур.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, XV–XIX вв., чувашаи, марийцы, мордва, удмурты, погребальный обряд, могильники, надмогильные сооружения.

Погребально-поминальные обряды являются одними из наиболее важных показателей этнической специфики. В силу своей консервативности они сохраняют важные черты идеологических представлений.

Изменения в погребальном обряде могли происходить либо в случае сильного культурного давления, либо длительных культурных контактов с соседними народами, приводивших к взаимопроникновению культур.

Исследование в сравнительном плане духовной и материальной культуры нескольких этносов позволяет выделить общие, характерные для всех изучаемых народов черты, а также подчеркнуть специфические, свойственные только одному этносу.

Особенно это актуализируется в связи с дискуссионностью вопроса об этногенезе чувашского народа. Изучение чувашского тюркского на-

рода в сравнении с финно-угорскими народами позволяет выделить из погребального обряда специфические, характерные только для чувашей черты, что, возможно, дополнит существующую в науке фактологическую базу.

Хронологические рамки исследования ограничены XV–XIX вв. в связи с тем, что только с конца XV века можно говорить о чувашах как о сформировавшемся этносе, а уже с XIX века в погребальной обрядности исчезают основные черты традиционных погребений.

Изучению чувашско-финно-угорских параллелей в погребальном обряде в науке уделено немало внимания. Имеются диссертационные исследования Г.И. Дроздовой (Дроздова, 2007, 307 с.), а также А.А. Степановой (Степанова, 2003, 365 с.). Однако сама проблема погребального обряда чувашей незаслуженно оттеснена на

второй план. С конца 1970-х годов в литературе нет обобщающих трудов, а в статьях и монографиях даются общие характеристики. Полной информации, обобщенной и детализированной, например, в монографическом исследовании нет, что в отличие от изучения соседних финно-угорских народов Среднего Поволжья. В связи с этим актуализируется тема параллелей чувашей и финно-угров в погребальном обряде.

Описание погребального обряда, на наш взгляд, следует начинать с месторасположения могильников. Могильники чувашей занимают возвышенные места рядом с водой и отделены от селения естественной преградой (рекой, оврагом, лесом) (Федулов, 2012, с. 53). Такая преграда, видимо, должна была отделять мир мертвых от мира живых.

Удмурты располагали свои могильники также вблизи воды. Однако место могильника не всегда возвышается над поверхностью. Н.И. Шутова разделяет по топографическому расположению могильники удмуртов XVI–XIX вв. на пять групп. По этой классификации, площадки пятой группы могильников (43,2 %) никак не выделяются над поверхностью. В остальных случаях место могильника либо возвышается, либо возвышается незначительно. Причем эта местность в большинстве случаев понижается к югу (в редких случаях – к северу, востоку или западу). Кроме того, есть основания предполагать, что в древности удмурты располагали кладбища в лесу, ограждая территорию деревянной оградой и рвом (Шутова, 1992, с. 55–56).

Могильники марицев XVI–XVIII веков занимают мысы, образованные

слиянием рек, на краю надлуговой террасы; ровные площадки и склоны надлуговых террас; в редких случаях естественные возвышения полей и мыс песчаной дюны в пойме реки (Никитина, 1992, с. 17). На Картуковском марицком могильнике прослежены следы каменной изгороди (Никитина, 1992, с. 14).

Все мордовские могильники расположены на возвышении и укреплены естественным образом. Только на курганно-грунтовом могильнике Лобаски имеется искусственная ограда (Малкова, 2000, с. 11).

Следы ограждений на чувашских погребальных памятниках встречены только на Бахтигильдинском могильнике, хотя ограждениями их можно назвать весьма условно. Могильник расположен на мысовидном участке, на площадке которого имеются следы рва. Данный ров отделяет мордовский могильник XVI–XVII вв. от чувашского могильника XVII в. (Каховский Б.В., 1977, с. 47).

Могильные ямы на могильниках вышеупомянутых народов не перекрывают друг друга, что может свидетельствовать о существовании надмогильных сооружений.

Так, на чувашских могильниках устанавливались каменные и деревянные столбы «юпа» («юба»). Судя по работам этнографов, предпочтение отдавалось деревянным столбам, так как, по верованиям чувашей, дерево ассоциировалось с живым (Салмин, 2009, с. 207). Особенностью чувашских надмогильных сооружений являются каменные надмогильные столбы. Большинство этих юпа содержат арабграфичные надписи. В некоторых исторических описаниях есть сведения о том, что столбы исписаны

«какими-то буквами, непохожими ни на русския, ни на татарския» (Пекарский 1865, с. 60). В данном случае речь идет об юпа с древнечувашиской рунической письменностью (Салмин, 2009, с. 207).

У удмуртов следы надмогильных деревянных сооружений в виде остатков кола прослежены лишь в 2-х случаях (могильники Енабердино, Аты) (Шутова, 1992, с. 56). Этнографические данные позволяют судить о сооружении удмуртами надмогильного холмика, а также навесов и срубов. Хотя последние, видимо, не имели повсеместного распространения (Шутова, 1992, с. 57–58).

На марийских могильниках устанавливались колья и шесты, которые прослеживаются и археологически (Никитина, 1992, с. 18). На Кадочниковском могильнике были зафиксированы столбовые ямки по углам могильной ямы, которые в плане образуют изгородь (Шапран, Сенникова, 2014, с. 14).

Небольшая часть погребений мордвы (2,9 %) были отмечены деревянными столбиками. Причем данная традиция наблюдается в основном у мокши. В то же время, для мордвы-эрзи было характерно сооружение курганно-грунтовых могильников (Малкова, 2000, с. 11).

Расположение погребений группами на чувашских погребальных памятниках не отмечено, хотя на некоторых финно-угорских могильниках эта традиция наблюдается. Так, на 4-х удмуртских могильниках обнаружены группы погребений. Хотя и удмурты в большинстве случаев погребения располагали рядами (Шутова, 1992, с. 56). На марийских могильниках могилы образовывали нечеткие ряды,

хотя на некоторых отмечено групповое расположение (Никитина, 1992, с. 17–18). На мордовских погребальных комплексах прослеживается тенденция к группировке захоронений, что, по мнению исследователей, связано с сильными родовыми традициями (Шутова, 2000, с. 11).

Для всех исследуемых народов было характерно сооружение прямоугольных могильных ям со слегка скругленными углами и ровным дном. В исключительных случаях встречаются погребения овальной и неправильной формы, как и сооружение подбоев и заплечиков (Федулов, 2012, с. 56; Шутова, 1992, с. 59; Никитина, 1992, с. 18–19; Малкова, 2000, с.).

Глубина могильных ям на чувашских могильниках варьируется в зависимости от времени захоронения – до принятия христианства могильные ямы имели небольшую глубину, но с его принятием глубина стала увеличиваться. Классическим примером может служить Мартыновский могильник, который представляет собой некрополь XVI–XIX вв. В западной части могильника были обнаружены погребения XVIII–XIX вв., а в восточной – погребения XVI–XVII вв. (Каховский Б.В., 1978, с. 95–118). По верованиям чувашей, могилу следовало копать до красной глины. Если же покойника хоронили в черной земле, то при наступлении конца света «поедающий черную землю» (*Хура тӓпра сиекен*) вместе с землей может съесть и тело покойника (Прокопьев, 1903, с. 15).

Для марийцев характерна глубина могильных ям до 100 см. Небольшая часть погребений имеет глубину больше 100 см, что связано с принятием христианства.

Существует несколько вариантов объяснения небольшой глубины могильных ям на марийских могильниках:

1) Копая могилу, марийцы старались не становиться в нее ногами, что было продиктовано страхом перед могилой (Кузнецов, 1907, с. 19).

2) Боязнь большого количества земли над покойником, что могло стать препятствием для вознесения души на небо (Никитин, 1980, с. 64).

Глубина удмуртских могил варьируется от 30 до 80 см, а в единичных случаях обнаружены погребения с глубиной от 80 см (Шутова, 1992, с. 60).

Особое значение в погребальном обряде имеет ориентировка погребенных, иногда являясь и этноопределяющим признаком. Так, исследователи финно-угорской традиции истоки просеверной ориентировки видят в мифологических представлениях (Шапран, Сенникова, 2014, с. 17). Это особенно хорошо прослеживается на погребальном обряде удмуртов. Северная ориентация у них является преобладающей, правда, с несколько отклонением к западу или востоку (62,3 %). Остальные ориентировки не так значительны – западная 10,1 %, юго-западная (12,3 %), южная (3,6%), восточная (2,6 %), юго-восточная (1,4 %) (Шутова, 1992, с. 65).

Для марийцев также была характерна просеверная ориентация, однако с большим распространением западной и южной ориентировок (Никитина, 1992, с. 26). Для мордвы более распространенной является западная ориентировка (53,8 %). Восточная ориентировка составляет 3 %, северная – 17%, южная – 18,8 % (Малкова, 2000, с. 13–14).

Исследователи подразделяют чувашские могильники по ориентировке на 2 группы (Федулов, 2011, с. 265). Данное деление совпадает с территориями проживания этнических групп чувашей:

1) Северо-западная и центральная группа (территория проживания верховых чувашей – вирьял – и средненизовых чувашей – анат енчи) – одинаковое распространение северо-западной (Икковский, Староурмарский, Толиковский могильники) и западной ориентировок (Новоядринский, Новосюрбеевский могильники). Необходимо отметить, что на данной территории встречены могильники, в которых были обнаружены погребения как с северо-западной, так и с западной ориентировками (Верхнеачакский могильник, п. 48 и п. 49). Северная ориентировка встречена в исключительных случаях (Староурмарский, Катергинский «Тубах мазар» могильники). В книге А.А. Фукс отмечено, что в древности чуваша хоронили головой на север (Фукс, 1840, с. 101).

2) Южная группа (территория проживания низовых чувашей-анатри) – характеризуется полным преобладанием западной ориентировки. Исключение составляет Бахтигильдинский могильник. Наличие северной, северо-западной, южной, северо-восточной, юго-восточной, юго-западной ориентировок на данном могильнике объясняется этническими различиями населения – в южной части хоронили мордву, проживавшую по соседству с чувашами.

Костяки погребенных у всех изучаемых народов лежали вытянуто на спине. Руки и ноги погребенных в могильниках находились в большинстве случаев в вытянутом положении.

Необходимо отметить, что на Новоядринском могильнике в Ядринском районе Чувашии было встречено три погребения (№ 7, 14 и 94) с нехарактерными чертами для общечувашского обряда захоронения. Так, костяк в погребении № 7 располагался на правом боку, в погребении № 14 – на левом боку, в погребении № 94 – на правом боку. Ноги умершего в погребениях № 7 и № 14 были подогнуты, а руки согнуты в локтях и кисти рук расположены около лица. В погребении № 94 ноги погребенного были вытянуты, руки согнуты в локтях и располагались перед лицом. М.И. Федулов наличие погребений такого типа на данном могильнике, не встречавшихся более у чувашей, объясняет совместным проживанием и межэтническими браками с соседней мордвой (Федулов, 2012, с. 58). Хотя Малкова Н.М. отмечает, что во всех мордовских могилах изучаемого периода погребенные лежали вытянуто на спине с прямыми ногами (Малкова, 2000, с. 13). Тем не менее, учитывая то, что покойники с подогнутыми ногами встречены только на чувашском Новоядринском могильнике, нельзя не согласиться с мнением М.И. Федулова о привнесенном характере этих черт в погребальный обряд указанных народов. У маришцев найдены единичные захоронения умерших с едва подогнутыми ногами (Никитина, 1992, с. 26). На удмуртских могильниках покойники уложены на спину с вытянутыми ногами (Шутова, 1992, с. 66).

Чуваши покойников хоронили в деревянных конструкциях, которые можно проследить как по археологическим, так и этнографическим источникам. При этом встречаются погребения, в которых никаких следов

деревянной конструкции не было обнаружено. По всей видимости, их и не существовало. А.К. Салмин отмечает, что в древности покойников могли хоронить и без гробов – их просто заворачивали в бересту, войлок или холст (Салмин, 2010, с. 249).

Сама деревянная конструкция видоизменялась и усложнялась с течением времени. Так, на более ранних могильниках были найдены лубовые конструкции, дубовые колодки либо просто деревянные рамы, которые перекрывались досками (Каховский Б.В., Каховский В.Ф., 1992, с. 102). В XVIII в. чуваша на дно могилы клали доски, на них – перину или ковер, потом – труп. С боков и сверху обкладывали досками. Затем появляется коробка без дна, дно которых заменялось лыком. Конструкции таких типов, по форме напоминающих колыбель, по мнению А.К. Салмина, делались для того, чтобы покойникам было нежестко лежать. Следует добавить, что гроб ассоциировался с кораблем, на котором умерший переправляется в мир иной, т.е. за водное препятствие (Салмин, 2010, с. 249).

У маришцев была распространена конструкция, представляющая собой раму из четырех досок, поставленных на ребро таким образом, что боковые доски на 5–7 см выступают за торцовые. При этом торцовые доски по высоте были больше боковых и намного углублены в землю. Данную конструкцию, которая не имела дна, сверху закрывали дощатой крышкой. Однако на могильниках были встречены крышки из луба и коры.

На дне могилы маришцы устраивали подстилку из войлока, ткани, пера, луба и дерева. Захоронения в классических гробах были встречены в по-

гребенях конца XVII – начала XVIII века. Появление таких гробов как у чувашей, так и у марийцев Т.Б. Никитина связывает с распространением христианства среди населения, тем самым опровергая гипотезу Б.В. Каховского о том, что чувашаи переняли такие формы гробов от волжских болгар. Она справедливо отмечает, что на ранних памятниках на территории Чувашии (могильники «Палаху» и у с. Большая Таяба) никаких следов от деревянных конструкций в могилах обнаружено не было. Однако следует заметить, что точка зрения Т.Б. Никитиной является не совсем корректной, так как отсутствуют другие свидетельства распространения христианства у населения (наличие крестов у погребенных, большая глубина захоронений, снижение количества погребального инвентаря). К тому же насильственное распространение христианской религии начинается только с середины XVIII в. Причины появления гробов такого типа следует, видимо, искать во взаимодействии средневожских народов с русскими в присурских районах. На памятниках в большом количестве присутствуют монеты, а иногда и вещи, изготовленные русскими мастерами (в Верхнеачакском могильнике найдена железная пряжка с русской надписью). Как показали исследования раннего русского поселения Курмыш-4, с конца XIV в. в районе нижней Суры между русскими, мордвой, марийцами и чувашами происходили активные контакты в области материальной культуры (Федулов, 2012, с. 59).

У мордвы часть захоронений устроены без каких-либо деревянных конструкций на дне могильной ямы. Тем не менее встречаются погребаль-

ные конструкции в виде гроба, колоды, подстилки, луба, сруба, рамы (Малкова, 2000, с. 12). Наличие сруба в могильных ямах является, по всей видимости, отличительной чертой мордвы, так как у других изучаемых народов данный вид деревянной могильной конструкции встречен не был.

Удмурты хоронили умерших в погребальных конструкциях различных видов – гробах, деревянных рамах, на подстилке, колодах (Шутова, 1992, с. 61–62).

Исследование выявило, что погребальный обряд изучаемых народов имеет много схожих черт, но есть и некоторые отличия.

У всех исследуемых в статье народов наблюдается стремление расположить могильники на возвышенном месте, рядом с водой. Кроме того, у мордвы и чувашей кладбища отделены от селения естественной преградой.

Могильные ямы не перекрывают друг друга, что свидетельствует о наличии надмогильных сооружений. Чаще всего отмечено, наличие деревянных сооружений – столбов, срубов, кольев. Для чувашского этноса наиболее характерными являются каменные и деревянные столбы «юпа» («юба») с нанесенными на них руническими или арабграфичными надписями. Данная традиция менее характерна для финно-угров – у марийцев устанавливались колья и шести без надписей, а для мордвы надмогильные сооружения встречались в редких случаях. Надмогильные сооружения удмуртов отличаются большей распространенностью срубов и изгородей.

Группы захоронений на чувашских могильниках не встречены, хотя и прослежены исследователями на финно-угорских могильниках.

И чувашаи, и финно-угры устраивали могильную яму прямоугольной формы со слегка округленными углами и небольшой глубиной. В исключительных случаях встречаются у всех народов ямы овальной и неправильной форм, с подбоями и заплечиками.

Исследователи отмечают характерность для финно-угров просеверной ориентации, что и прослеживается при изучении их могильников. Для чувашского населения преобладающей ориентировкой погребенных является западная, а просеверная характерна только для верховой и средненизовой этнографических групп.

Костяки погребенных лежат вытянуто на спине, но в исключительных случаях встречаются умершие с подогнутыми руками и ногами.

У всех изучаемых народов отмечены деревянные сооружения различных видов – рамы, гробы, лубяные подстилки, в могильной яме, – хотя они не являлись повсеместно распространенными. При рассмотрении данного вопроса следует, на наш взгляд, проанализировать их эволюцию.

Причиной сходства служат, видимо, одинаковые социально-экономические условия, в которых жили народы в исследуемый период, что способствовало взаимопроникновению культур. Кроме того, нельзя отрицать фактор влияния финно-угорской культуры в период этногенеза чувашей, что и отразилось в погребальном обряде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дроздова Г.И. Погребальный обряд народов Волго-Камья XVI–XIX веков: по археологическим и этнографическим материалам. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 307 с.
2. Каховский В.Ф. Исследование средневековых могильников в Чувашии в 1975 г. / Архив ИА РАН. Ф.1. Р. I. Д. 5428.
3. Каховский Б.В. Мартыновский могильник // Исследования по археологии Чувашии / Отв. ред. В.Ф. Каховский. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ СМ ЧАССР, 1978. С. 95–118.
4. Каховский Б.В., Каховский В.Ф. Археология Среднего Поволжья. Учеб. пос. 2-е изд., доп. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 1992. 130 с.
5. Кузнецов С.К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис. Вятка: Губернская Типография, 1907. 77 с.
6. Малкова Н.М. Погребальный обряд эрзи и мокши XVI–XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 23 с.
7. Никитин В.В. Древние культы финно-угров Средней Волги (по фольклорным и археологическим материалам) // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. 2 / Науч. ред. А.Е. Китиков. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1980. С. 63–67.
8. Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. 160 с.
9. Пекарский П. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 году // Записки Императорской Академии наук. Т. VI. СПб., 1865. 81 с.
10. Прокопьев К.П. Похороны и поминки у чуваш. Казань: Типо-литогр. Император. ун-та, 1903. 39 с.
11. Салмин А.К. Юпа – антропоморфный столб на могиле у чувашей // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2 / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 204–210

12. Салмин А.К. Традиции при укладывании в гроб у чувашей // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / Отв. ред. Н.А. Томилов, М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов. Ч. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Иркутск-Омск, 2010. С. 249–252.

13. Степанова А.А. Религиозно-культурные связи чувашей и марийцев по материалам языческих похоронно-поминальных обрядов: XVI–начало XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2003. 365 с.

14. Федулов М.И. Погребальный обряд чувашей в XV–XIX вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. – Великий Новгород – Москва: Изд-во «Новгородский технопарк», 2011. С. 265–266.

15. Федулов М.И. Этнокультурные компоненты в погребальном обряде чувашей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Часть 3. № 6. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2012. С. 53–61.

16. Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1840. С. 101.

17. Шапран И.Г., Сенникова Л.А. Вятские марийцы в XVI–XVIII вв. (по материалам Кадочниковского могильника). Ижевск: Сарапульская типография, 2014. 248 с.

18. Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 264 с.

Информация об авторе:

Волков Александр Владимирович, аспирант, заведующий сектором археологии и древней истории, Чувашский национальный музей (г. Чебоксары, Россия); volkov_aleksandr00@bk.ru

THE FUNERARY CEREMONY OF THE CHUVASH AND FINNO-UGRIC PEOPLES (A COMPARATIVE STUDY)

A.V. Volkov

The article compares the funerary ceremonies of the Chuvash people and their Finno-Ugric neighbors in the Middle Volga area and the Urals (Mari, Mordovians, Udmurts) in 15th – 19th centuries. The discussion is relevant because the ethnic genesis of the Chuvash is still debated. Highlighted are common and distinctive features of topography of the burial grounds, design of burial pits and tomb structures, orientation of inhumations, position of bodies. Along with the archaeological sources, the author invokes ethnographic data on each of the studied peoples. He attempts to identify the origins and reasons for certain funerary traditions spread among these peoples. The results show a remarkable Finno-Ugric influence on the funerary ceremony of the Chuvash as well as diffusion of cultures.

Keywords: archaeology, Middle Volga area, 15th – 19th centuries, Chuvash, Mari, Mordovians, Udmurt, funerary ceremony, burial grounds, tomb structures.

REFERENCES

1. Drozdova, G. I. 2007. *Pogrebal'nyi obriad narodov Volgo-Kam'ia XVI–XIX vekov: po arkhelogicheskim i etnograficheskim materialam (Funerary Rite of the Volga-Kama Area Peoples in 16th – 19th centuries: by the Archaeological and Ethnographical Data)*. PhD Diss. Kazan (in Russian).

2. Kakhovskii, V. F. *Issledovanie srednevekovykh mogil'nikov v Chuvashii v 1975 g. (Studies of the Medieval Burial Grounds in Chuvashia in 1975)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. Reg. I, dossier 5428 (in Russian).

3. Kakhovskii, B. V. 1978. In Kakhovskii, V. F. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Chuvashii (Studies in the Archaeology of Chuvashia)*. Cheboksary: Chuvashia Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 95–118 (in Russian)

4. Kakhovskii, B. V., Kakhovskii, V. F. 1992. *Arkheologiia Srednego Povolzh'ia. Uchebnoe posobie (Archaeology of the Middle Volga Area: Educational book)*. Cheboksary: Chuvashia State University (in Russian).
5. Kuznetsov, S. K. 1907. *Kul't umershikh i zagrobnye verovaniia lugovykh cheremis (The Cult of the Dead and Beliefs in Life after Death among the Meadow Cheremis)*. Vyatka: Provincial Typography (in Russian).
6. Malkova, N. M. 2000. *Pogrebal'nyi obriad erzi i mokshi XVI–XVIII vv. (Funerary Rite among the Erzya and Moksha in 16th – 18th Centuries)*. PhD Diss. Samara (in Russian).
7. Nikitin, V. V. 1980. In Kitikov, A. E. (ed.). *Voprosy mariiskogo fol'klora i iskusstva (Issues of Mari People Folklore and Art)* 2. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 63–67 (in Russian).
8. Nikitina, T. B. 1992. *Mariitsy (konets XVI – nachalo XVIII vv.) po materialam mogil'nikov (Mari People in Late 16th – Early 18th Centuries by Materials of the Burial Grounds)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).
9. Pekarskii, P. 1865. Puteshestvie akademika Nikolaia Iosifa Delilia v Berezov v 1740 godu (Journey of Academician Joseph-Nicolas Delisle to Berezov in 1740). In *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk (Notes of the Imperial Academy of Sciences)* VI. Saint Petersburg (in Russian).
10. Prokop'ev, K. P. 1903. *Pokhorony i pominki u chuvash (Funerals and Funerary Feasts among the Chuvash people)*. Kazan: Typo-lithography of the Imperial University (in Russian).
11. Salmin, A. K. 2009. In Pavlinskaia, L. R. (ed.). *Sibirskii sbornik (Siberian Collected Papers)* 1. *Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii (Funerary Rite among the Peoples of Siberia and Adjacent Territories)*. Book 2. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 204–210 (in Russian).
12. Salmin, A. K. 2010. In Tomilov, N. A., Berezhnova, M. L., Korusenko, S. N., Khakimov, R. S. (eds.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Irkutsk; Omsk, 249–252 (in Russian).
13. Stepanova, A. A. 2003. *Religiozno-kul'turnye svyazi chuvashei i mariitsev po materialam iazycheskikh pokhoronno-pominal'nykh obriadov: XVI – nachalo XX vv. (Religious and Cultural Relations of the Chuvash and Mari People According the Materials of Pagan Funerals and Funerary Feasts (16th – early 20th Centuries))*. PhD Diss. Saransk (in Russian).
14. Fedulov, M. I. 2011. In *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russia Archaeological Congress)* II. Saint Petersburg; Veliky Novgorod; Moscow: “Novgorodskii tekhnopark” Publ., 265–266 (in Russian).
15. Fedulov, M. I. 2012. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo (Bulletin of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky)*. Part 3, no. 6. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 53–61 (in Russian).
16. Fuchs, A. A. 1840. *Zapiski o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoj gubernii (Notes on the Chuvash and Cheremis (Mari People) of the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Imperial Kazan University (in Russian).
17. Shapran, I. G., Sennikova, L. A. 2014. *Viatskie mariitsy v XVI–XVIII vv. (po materialam Kadochnikovskogo mogil'nika) (Mari People in the Vyatka River Area in 16th – 18th Centuries (by the Materials of Kadochnikovo Burial Ground))*. Izhevsk: “Sarapul'skaia tipografiia” Publ. (in Russian).
18. Shutova, N. I. 1992. *Udmurty XVI – pervoi poloviny XIX v.: po dannym mogil'nikov (Udmurt People in 16th – First Half of 19th Centuries: by the Data of Burial Grounds)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Author:

Volkov Alexander V. Chuvash National Museum. Red Square, 5/2, Cheboksary, 428032, the Chuvash Republic, Russian Federation; volkov_aleksandr00@bk.ru

УДК 391/395

ОБ ОДНОМ ТИПЕ УКРАШЕНИЙ МАРИЙСКОГО КОСТЮМА XVI–XVIII ВВ.

© 2016 г. Т.Б. Никитина, Н.А. Павлова

На материалах 12 погребальных комплексов Картуковского, Выжумского и Важнангерского могильников рассматривается один элемент марийского костюма XVI–XVIII вв.: воротники/обшивки выреза одежды, представляющие собой ленты шириной 1,5–2,5 см, расшитые тесьмой из золотных нитей. При исследовании образцов термическим и визуальным методами установлено, что основа изделия была выполнена из шелковых нитей вязанием крючком. Все рассмотренные погребения датируются XVI – началом XVIII вв. и являются наиболее ранними комплексами с изделиями, выполненными с использованием крючка для вязания. Находки, свидетельствующие о вязании, выявлены также в могильниках мордвы. Шелк-сырец для изготовления основы и тесьма из золотных нитей покупались в рыночных центрах, расположенных на Волге.

Публикуемые материалы предоставляют новые данные для изучения домашнего хозяйства финно-угорских народов (мари и мордвы) в средние века и новое время, а также для исследования истории возникновения и распространения техники вязания крючком.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, средневековье, новое время, поволжские финны, костюм, текстиль, вязание крючком.

В 1970–1980-х гг. Марийской археологической экспедицией было исследовано значительное количество погребальных памятников марийцев XVI–XVIII вв. В захоронениях обнаружены многочисленные металлические украшения и фрагменты одежды, позволившие реконструировать погребальный костюм. В настоящее время о женском костюме имеется гораздо больше сведений, чем о мужском, однако по материалам марийских могильников прекрасно восстанавливаются и основные элементы мужской одежды. В этом контексте представляет интерес одна деталь костюма: довольно узкие ленты (1,5–2,5 см), расшитые тесьмой из золотных нитей, обнаруженные в области шеи. Первоначально Т.Б. Никитина ввела данное украшение в типологию под названием шейные воротники, но вернее то,

что эти полоски ткани использовались для обшивки ворота рубахи или платья.

Украшения такого типа обнаружены в 12 погребениях XVI–XVIII вв. (Никитина, 1992, с. 53) из Картуковского (пп. 1, 17, 19, 27, 81, 83, 102, 133, 136), Выжумского (пп. 23, 29), Важнангерского (п. 10) могильников, оставленных населением, относящимся к горным мари. Судя по другим деталям костюма, подобные украшения присутствовали как в мужских, так и в женских захоронениях. Например, в погребении 136 Картуковского могильника такая деталь костюма зафиксирована в комплексе с головным убором типа «ошпу», двумя серебряными щитковыми перстнями, двумя нагрудными украшениями «ширкама» и «почкама», височными кольцами в форме знака вопроса с нанизанной на

опускающийся вниз конец серебряной бусиной, бисером и бусами, бесспорно свидетельствующими о том, что погребение женское.

Наиболее интересны, на наш взгляд, следующие образцы, которые обнаружены в мужских захоронениях (табл. 1, 2):

1. Выжумский могильник, погребение 23 (рис. 1: 1, рис. 1: 2);

2. Важнангерский могильник, погребение 10 (рис. 1: 3, рис. 1: 4);

3. Картуковский, погребение 17 (рис. 2: 1, рис. 2: 2).

Половая принадлежность установлена в основном по инвентарю, а принадлежность костяка из п. 23 Выжумского могильника подтверждена антропологами.¹

Данный тип украшений привлек наше внимание благодаря богатству декора, необычности исполнения текстильной основы, сравнительной редкости его в материалах могильников.

При исследовании образцов при 10-кратном увеличении термическим и визуальным методами установлено, что текстильная полоска была выполнена из шелковых нитей вязанием крючком. Наиболее простая техника вязания (столбики без накида) (рис. 1: 5) позволяла получить довольно плотную полосу текстиля. Интересно отметить, что толщина нити, из которой изготавливалась полоса основы, составляет всего 0,3 см – это указывает на довольно высокий уровень владения искусством вязания.

До сих пор спорным и неясным является вопрос о месте и времени появления техники вязания крючком. В раннем средневековье наиболее рас-

пространенной была техника «naalbinding», принципиально отличающаяся от описываемой нами: связанное в данной технике изделие невозможно распустить, и для его изготовления используются отдельные нити (Нахлик, 1963, с. 264–265; Hald, 1980, р. 285–310). Эта техника вязания оказывается очень стойкой и отмечается при исследовании текстильных изделий из археологических памятников XIV–XV вв. Новгорода (Нахлик, 1963, с. 264–265) и прибалтийских финнов (Vajanto, 2003, р. 105–116), при раскопках сибирского города Мангазеи еще в XVII в. (Визгалов и др., 2006, с. 131). Где и когда происходит постепенный переход к вязаным изделиям, изготовленным одной нитью, неизвестно. В настоящее время большинство исследователей истории ремесел не склонны датировать появление вязания крючком ранее конца XVIII в., поэтому публикуемые нами образцы представляют значительный интерес.

В погребении 17 Картуковского могильника обнаружены несколько монет, среди которых прочитаны копейки Ивана Грозного и Бориса Федоровича; 2 остались неопределенными. В погребении 10 Важнангерского могильника обнаружены две монеты Петра I. В упомянутом выше погребении 136 Картуковского могильника обнаружено около 100 монет, среди которых читаются монеты Ивана Грозного, Бориса Годунова, Федора Иоанновича и Михаила Федоровича. Таким образом, все рассмотренные погребения датируются XVI – началом XVIII в. и являются наиболее ранними комплексами с изделиями, выполненными с использованием крючка для получения текстиля.

¹ Определение произведено научным сотрудником Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ Е.М. Макаровой.

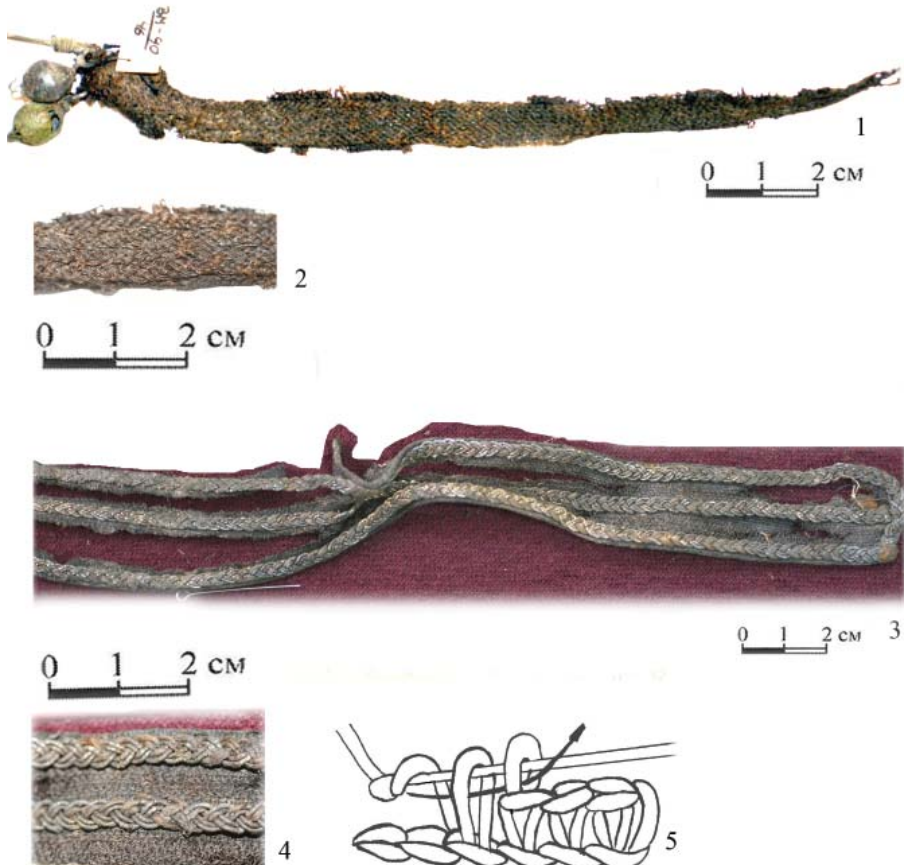

Рис. 1. 1, 2 – Выжумский могильник, погребение 23; 3–5 – Важнангерский могильник, погребение 10.

Fig. 1: 1, 2 – Vyzhum burial ground, grave 23; 3–5 – Vazhnanger burial ground, grave 10.

Как правило, вязаные вещи трактуются в литературе как предметы местного домашнего производства (Mathias, Jerkic, 1995, p.113). Вероятно, описываемые нами предметы также были произведены на месте.

Кроме того, данные этнографии также указывают на древние традиции именно этого способа вязания. У марийцев по этнографическим данным отмечалось вязание крючком, изготовленным из плоской куриной кости (Молотова, 2004, с. 94). Как указывает В.Н. Куклин, у мордвы: «... древнюю историю имел и способ вязанья крючком. Этот инструмент

делали из дерева и кости с уступчиком на конце. Вязать крючком было проще и быстрее. Характерной особенностью этой вязки являлось протаскивание одной петли в другую, тем самым увеличивая их количество...» (Куклин, 1966, с. 239).

В марийских захоронениях эпохи средневековья неизвестны находки вязальных крючков, но они являются частой находкой в захоронениях мордвы, родственной по происхождению и имеющей много общего с марийцами в культуре. «Вязальные» крючки обнаружены в Елизавет-Михайловском (пп. 33, 106), 2 Журавкинском (п. 16),

Таблица 1

Описание исследованных образцов

№ п/п	Памятник, Номер погребения	Описание фрагмента	Размеры (см)	Технология изготовления	Сохранность	Примечание
1	Выжумский могильник; п. 23	Полоса текстиля, выполненная вязанием. На нее нашита в 4 ряда металлизированная плетеная тесьма. С одного из краев пришиты два бубенчика (один - с крючком на конце) и трубочка из медного сплава. 1.1. Тесьма 1.2. Вязаный текстиль	16, 5 x 1,4	1.1. Плетение: косичка. 1.2. Вязание: крючок	Хорошо сохранилась металлизированная тесьма. Полоса вязаного текстиля читается только с изнаночной стороны, сохранность плохая.	1.1 Косичка из пяти сдвоенных нитей. 1.2 Техника вязания однозначно не определяется. Весьма вероятно: столбики без накида
2	Важнагерский могильник; п. 10	Полоса текстиля, выполненная вязанием. На нее нашиты 3 ряда металлизированной плетеной тесьмы. Между рядами тесьмы оставлено пространство 2.1. Тесьма 2.2. Вязаный текстиль 2.3 Нити, пришитые тесьму к полосе.	24 x 2,2	2.1. Плетение: косичка. 2.2. Вязание: крючок 2.3 Отдельные нити	Средняя: нити текстиля сохраняют пластичность, имеются утраты. Металлизированная тесьма сохранилась хорошо.	2.1 Косичка из трех сдвоенных нитей. 2.2 Техника вязания: столбики без накида.
3	Картуковский могильник, п. 17	Полоса текстиля, выполненная вязанием. На нее нашиты 3 ряда металлизированной плетеной тесьмы. Пространство между позументом декорировано вышивкой «косая стежка» 4.1. Тесьма 4.2. Вязаный текстиль 4.3. Нити вышивки (а, б) 4.4. Нити, пришитые тесьму к полосе.	32 x 2,5	4.1. Плетение: косичка. 4.2. Вязание: крючок 4.3 Нити вышивки 4.4. Нити	Хорошо сохранилась металлизированная тесьма. Значительные утраты полосы вязаного текстиля в центральной части, по краям практически полностью скрыта полосами вышивки.	4.1 Косичка из пяти сдвоенных нитей. 4.2 Техника вязания однозначно не определяется. Весьма вероятно: столбики без накида 4.3 Вышивка «косая стежка», вероятно, нитями двух цветов (по краю - более светлый - красный?) 4.4 Читается по изнаночной стороне

Крюково-Кужновском (пп. 421, 449), Шокшинском (п. 596) могильниках VIII–X вв. (Материальная культура, 1969, с. 51, 68; Петербургский, Вихляев, Святкин, 2010, с. 15; Материалы по истории мордвы, 1952, с. 135, 143). Вязальный крючок был зафиксирован при исследовании Ефаевского могильника XII–XIV вв. (Зеленеев, 1987, с. 149). Кроме того, изделия, вязанные крючком, отмечаются у мордвы в раннее Новое время. В Рузлаткинском могильнике мокши XVII–XVIII вв. неопределимая деталь декора одежды также была выполнена вязанием крючком из разноцветных шелковых нитей столбиком с накидом (рис. 2: 3; 2: 4) (Пензенский государственный краеведческий музей, оп. 11722).²

Сырьем для изготовления текстильной полосы служил шелк-сырец (шелк-сырец, по Пажитнову, – нить, скрученная из нескольких тонких нитей) (Пажитнов, 1958, с. 306).

В этнографии имеются данные об использовании марийцами шелка-сырца при изготовлении тесьмы для украшения одежды (Молотова, 2004, с. 66). Активная торговля таким шелком по волжскому пути известна с конца XVI в. «...Близ царства Астраханского, составляющего самую отдаленную часть русских владений на юго-востоке, лежит область Щелканы и Мидия, куда ездят русские купцы добывать шелк-сырец, сафьян, кожи и другие произведения. Главные города в Мидии, где русские производят торговлю, суть: Дербент (построенный, по словам тамошних жителей, Александром Великим) и Шамаха, где находится складочное место шел-

ка-сырца... На основании последней грамоты, данной царем в мою бытность, торговля с Дербентом и Шамахой, для вывоза отсюда шелка-сырца и других произведений этого края, равно как с Персией и Бухарией, вниз по реке Волге и через Каспийское море, дозволена как английским, так и русским купцам. Такое дозволение царь почитает за особенную с его стороны милость, и действительно, оно могло бы доставить много выгоды нашим английским купцам, если бы только вести торговлю надлежащим образом и правильно...» (Флетчер, 2002, с. 111–112).

Таким образом, приведенные сведения четко указывают на получение шелка в виде нитей населением, расселявшимся вдоль Волги, в том числе и горных мари, по крайней мере, с конца XVI в.

Описываемые украшения декорированы тесьмой из золотных нитей. Подобного рода позумент использовался также для изготовления головных уборов (нашмак – лента; такья – шапочка) и общего декора верхней одежды.

Традиция украшать одежду и убор металлическими нитями сложилась в глубокой древности. Вероятно, первым письменным упоминанием таким образом декорированного облачения можно считать описание ефода Аарона, относящееся к XII–XIII вв. до н.э. (Ветхий Завет. Исход, 39: 1–3). Многочисленны описания драгоценных одежд, украшенных золотными нитями, у античных авторов (Плиний Старший, Ливий, Тацит). Уже начиная с римского периода практиковалось несколько технологических приемов изготовления золотной нити. Она изготавливалась из металлической (се-

² Выражаем благодарность В.В. Ставицкому за возможность ознакомления с материалом.

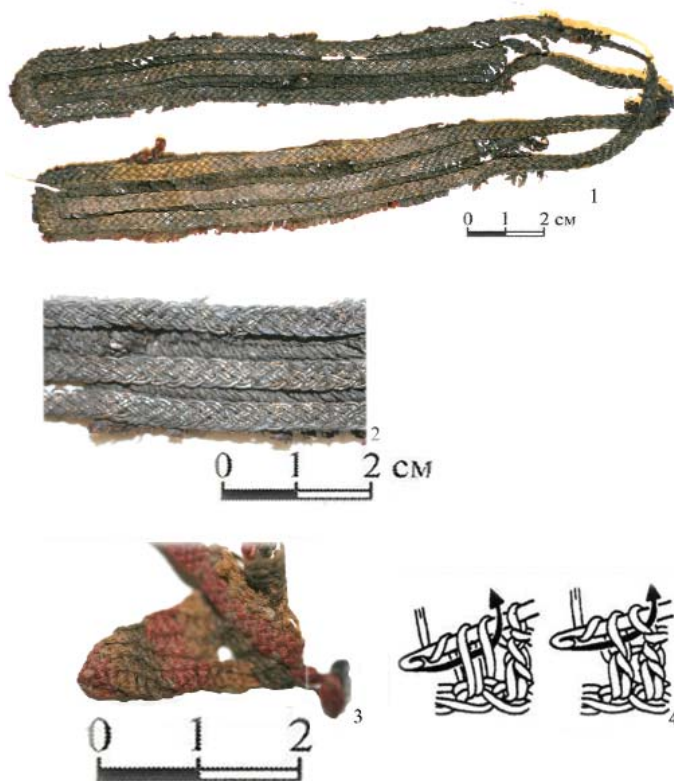

Рис. 2. 1, 2 – Картуковский могильник, погребение 17;
3, 4 – Рузлаткинский могильник

Fig. 2: 1, 2 – Kartukovo burial ground, grave 17; 3, 4 – Ruzlatka burial ground.

ребряной, золотой или позолоченной (серебряной) фольги или из проволоки круглого сечения, накрученной на органическую основу (Энговатова, Орфинская, Голиков, 2005, с. 176–196).

X век является периодом расцвета вышивки металлической нитью у многих народов. Многочисленны находки в скандинавских и русских древностях (Михайлов, 2007; Geijer, 1938, р. 99–105). В эпоху средневековья декорирование костюма «золотными» нитями становится довольно распространенным в Западной Европе (Јаго, 1990, р. 45). В период XII–XIII вв. украшение одежды вышивкой из золотных нитей приобретает массовый характер (Фехнер, 1982, с.

59–60) и перестает быть отличительной характеристикой высших слоев общества.

Использование золотных нитей в декоре одежды широко распространилось у поволжских народов (как тюркоязычных: чуваша, татары, башкиры, так и финноязычных: марийцы (в большей степени), эрзя, мокша) лишь в XVI–XIX вв., но сохраняется в традиционном костюме по сей день (Молотова, 1992, с. 97; Исхаков, 2004; Шитова, 1995; сайт: <http://chuv-costume>; уточнить обстоятельства находки на данный момент не удалось). В археологических материалах из раскопок марийских могильников XVI–XVIII вв. применение тесьмы из золотных

нитей отмечено довольно широко. Такая тесьма была зафиксирована в Микряковском, Большепольском, Картуковском, Выжумском могильниках. Интересно отметить, что подобный элемент декора характерен для памятников, расположенных в Горномарийском районе. Вся тесьма из марийских могильников указанного времени крайне схожа между собой – ее единообразие говорит об изготовлении в одном месте.

Вероятно, такому широкому распространению способствовала живущая в народе с древности традиция украшать одежду металлической нитью; наиболее ранние свидетельства данной традиции относятся к X в. При раскопках марийских могильников IX–XI вв. неоднократно обнаруживались фрагменты тканей, расшитых металлической нитью (могильник Нижняя стрелка, Русенихинский, Черемисское кладбище, Веселовский). В отдельных случаях удалось даже проследить орнаментальные мотивы, выполненные в этой технике: прямые параллельные ряды, орнамент косой крест в квадрате и зигзаг. Анализ металлических нитей из погребений показал, что найденные в марийских могильниках образцы были выполнены нитью, изготовленной из оловянно-свинцовых бронз (Никитина, Алибеков, 2012).

Вышивка металлической нитью (провококой), обнаруженная в марийских захоронениях, имеет много общего с вышивкой «оловянным бисером» или «оловянной зернью», зафиксированным в большом количестве в хронологически синхронных могильниках мордвы и муромы. К сожалению, плохая сохранность олова способствует полному разрушению металла: во всех случаях оставался

только тлен. Горизонтальные многорядные композиции в области головы, по краю рубахи, вдоль швов рукавов в мордовских и муромских захоронениях аналогичны прослеженным в марийских могилах фрагментам. Не исключена возможность, что это, как и в марийских захоронениях, остатки провололочной нити.

Интересно отметить также использование нитей из медного сплава в качестве основы при изготовлении пояса на дощечках (зафиксировано нами в материалах Сарлейского могильника мордвы) (Государственный исторический музей, оп. 1437, № 91).³

Изготовление позумента из золотых нитей требует наличия высоко развитого производства, поэтому можно считать, что местным населением закупалась уже готовая тесьма в крупных торговых центрах. Для памятников Горномарийского района, а также и населения, оставившего Выжумский могильник, наиболее близким центром торговли является Козьмодемьянск. Наиболее вероятный путь поступления позумента в Козьмодемьянск – по водным торговым путям. Волга – традиционный путь для торговли с Востоком. В частности, в изучаемый период имеются данные о торговле России с Ираном с переправкой товаров по Волге (центральный пункт Казань) (Зорин, 2001, с. 98). Существует огромное количество свидетельств наличия развитого производства металлизированной тесьмы (как золотой, так и серебряной) в Иране того периода (Kendrick, 1937, p. 11, 19), производились подобные нити и в Средней Азии (Чепурина, 1938).

³ Выражаем благодарность А.М. Красниковой за возможность ознакомления с материалом.

Вероятно, из тех краев привозились и шелковые нити, которые использовались для производства самого текстильного изделия, на которое нашита тесьма. Фальк следующим образом описывает торговлю шелком на волжском пути: «...большая часть шелка привозится из Персии, а особенно из Гилана, а также и из Италии...» (Фальк, 1824, с. 158).

Первый опыт собственно российского производства позумента относится к 1714 г. – дата основания Алексеем Милютиным шелкоткацкой и позументной фабрики в Москве (Золотая нить России, 1993, с. 14).

В 1740 г. центр изготовления «золотных» нитей смещается из Москвы в Астрахань, где армянская община во главе с Лукой Ширвановым (Гукас Ширванян) получает разрешение на производство «персидских всяких парчей» на привозном (в основном персидском, в небольшой степени западноевропейском сырье) (Пажитнов, 1958, с. 312).

С появлением собственного производства в Астрахани позумент стал привозиться оттуда по уже известным торговым путям. Недалеко от Астрахани находился и источник

шелка-сырца. Вероятно, позументом и шелком-сырцом торговали на многих ярмарках по водному волжскому пути; не исключено также, что реализация подобной тесьмы производилась бродячими торговцами (аналогичный способ торговли для XVII века описан, в частности, в Дании, где таким образом продавалось кружево (лекция Ингер Лаурисен, куратора проекта «Традиции и современность кружевоплетения» в Музеях Московского Кремля).

Тщательность исполнения текстильной полосы, использование для этого редко применяемой техники, украшение ее импортными золотными нитями, обладающими определенной ценностью, сравнительная редкость данного типа украшений вообще: все свидетельствует об особенном статусе владельцев подобных украшений. Трактовка данного статуса – задача следующего этапа исследований.

Таким образом, исследованные образцы представляют значительный интерес по многим причинам. Введение их в научный оборот, несомненно, открывает новые возможности для исследования истории возникновения техники вязания крючком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Глушкова Т.Н., Киреева Е.В., Сутула А.В. Текстиль Мангазеи (начало XVII века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1 (25). С. 117–131.
2. Зеленев Ю.А. Новые исследования Ефаевского могильника XII–XIV вв. // Археология и этнография Марийского края. Древности Среднего Поволжья. Вып. 13 / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола, 1987. С. 148–153.
3. Золотая нить России / Шитье. Парча. Костюм. Драгоценности. XVI–XX вв.: выставка из собрания ГИМ. М.: Эпитафия, 1993. 80 с.
4. Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань: Издательство Казанского университета, 2001. 704 с.
5. Исхаков Д.М. Этнография татарского народа. Казань: Магариф, 2004. 287 с.
6. Куклин В.Н. Приемы обработки и изготовление изделий из шерсти мордвой в XIX–начале XX вв. // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 34. Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1968. С. 227–242.

7. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. / Ред. А.П. Смирнов. Моршанск, 1952. 232 с.
8. Материальная культура среднецнинской мордвы VIII–XI вв. / Ред. А.Е. Алихова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. 129 с.
9. Михайлов К.А. Ранние образцы древнерусского золотного шитья // Новгород и Новгородская Земля: история и археология: материалы научной конференции (Новгород, 23–25 янв. 2007). Вып. 21 / Отв. ред. В.Л. Янин. Новгород, 2007. С. 138–153.
10. Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992. 12 с.
11. Молотова Т.Л. Традиционное марийское ткачество. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152 с.
12. Нахлик А. Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа // МИА. № 123. М.: Академия наук СССР, 1963. С. 228–313.
13. Никитина Т.Б., Алибеков С.Я. Древнемарийская вышивка по материалам Русенихинского могильника IX–XI вв. // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. И.В. Толпеко. Омск: Амфора, 2012. С. 140–147.
14. Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. 159 с.
15. Пажитнов К.А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 425 с.
16. Петербургский И.М., Вихляев В.И., Святкин С.В. Второй Журавкинский могильник. Саранск: «Красный Октябрь», 2010. 132 с.
17. Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб.: Императорская Академия наук, 1821. 446 с.
18. Фехнер М.В. Шелковые ткани в Восточной Европе // СА. 1982. № 2. С. 57–70.
19. Флетчер Дж. О государстве русском / пер. с англ. кн. М.А. Оболенского / серия: Знаменитые книги. М.: Захаров, 2002. 169 с.
20. Чепурина П.Я. Орнаментное шитье Крыма. М.-Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1938. 64 с.
21. Шитова С.Н. Башкирская национальная одежда. Уфа: Китап, 1995. 248 с.
22. Энзоватова А.В., Орфинская О.В., Голиков В.П. Исследование золототканых текстильных изделий из некрополей Дмитровского кремля // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 176–196.
23. Geijer A. Die Textilfunde aus den Grabern // Birka III. Uppsala: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien. 1938. P. 99–105.
24. Hald M. Ancient Danish textiles from bogs and burials: A comparative study of costume and Iron Age textiles. Copenhagen: National Museum of Denmark, 1980. 398 p.
25. Jaro M. Gold embroidery and fabrics in Europe: XI–XIV centuries. In: *Gold Bulletin*. 1990. 23 (2). P. 40–57.
26. Kendrick A.F. A Brief Guide to Persian Embroideries. London: Victoria and Albert Museum, 1937. 19 p.
27. Mathias C., Jerkic S. M. Investigating “WH”: A nineteenth century burial from l’Anse au Loup, Labrador. In: *Canadian Journal of Archaeology*. 1995. Vol. 19. P. 101–116.
28. Vajanto K. Euran emännän neulakintaat. Tutkielma Luistarin haudan 56 neulakinnasfragmenteista. Pro gradu –tutkielma. Helsinki, 2003. 75 p.

Информация об авторах:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, заместитель директора, ГБНУ «Марийский научно-исследовательский НИИ языка, литературы истории им. В.М.Васильева» (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

Павлова Нина Андреевна, научный сотрудник, «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль» (г. Москва, Россия); nina_vladykina@mail.ru

ON ONE TYPE OF DECORATION OF THE MARI COSTUME IN THE 16TH – 18TH CENTURIES

T.B. Nikitina, N.A. Pavlova

The authors use materials of 12 funerary complexes from Kartukovo, Vyzhum and Vazhnanger burial grounds to study one element of the Mari costume in the 16th – 18th centuries: collars or neckline trimmings (1.5–2.5 cm wide ribbons decorated with flounce of golden threads). Thermal and visual methods applied to the samples established that the item was crocheted of silk threads. All studied burials are dated by 16th – 18th centuries and are the earliest complexes containing crocheted items. Artefacts of crocheting were also found in the Mordva burial grounds. The raw silk for the fabric and the flounce of golden thread were bought in the trade centers located in the Volga region.

The materials published in this article offer new data for the study of the Finno-Ugric household (Mari and Mordovians) in the Middle Ages and the New Time, as well as history of appearance and dissemination of crocheting techniques.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Middle Ages, New Time, Volga Finns, costume, textiles, crochet work.

REFERENCES

1. Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G., Glushkova, T. N., Kireeva, E. V., Sutula, A. V. 2006. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 25 (1), 117–131 (in Russian).
2. Zeleneev, Yu. A. 1987. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 13. Yoshkar-Ola, 148–153 (in Russian).
3. *Zolotaia nit' Rossii. Shit'e. Parcha. Kostium. Dragotsennosti. XVI–XX vv.: vystavka iz sobraniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Golden Thread of Russia. Embroidery. Gold-cloth. Costume. Jewelry. 16th – 20th centuries: an Exhibition from the Collections of the State Historical Museum)*. 1993. Moscow: "Epitafiya" Publ. (in Russian).
4. Zorin, A. N. 2001. *Goroda i posady dorevoliutsionnogo Povolzh'ia (Towns and Townships of the Pre-Revolutionary Volga Region)*. Kazan: Kazan University (in Russian).
5. Iskhakov, D. M. 2004. *Etnografiya tatarskogo naroda (Ethnography of the Tatar People)*. Kazan: "Magarif" Publ. (in Russian).
6. Kuklin, V. N. 1968. In *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy)* 34. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 227–242 (in Russian).
7. Smirnov, A. P. (ed.). 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. (Materials for the History of Mordva People in 8th–11th Centuries)*. Morshansk: Morshansk Museum of Art and History (in Russian).
8. Alikhova, A. E. (ed.). 1969. *Material'naia kul'tura srednetsninskoi mordvy VIII–XI vv. (Material Culture of the Mordva People of the Middle Tsnna Area in 8th–11th Centuries)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
9. Mikhailov, K. A. 2007. In Yanin, V. L. (ed.); Rybina, E. A. (comp.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istoriya i arkeologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 21. Novgorod, 138–153 (in Russian).

10. Molotova, T. L. 1992. *Mariiskii narodnyi kostium (Mari Popular Costume)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
11. Molotova, T. L. 2004. *Traditsionnoe mariiskoe tkachestvo (Mari People's Traditional Weaving Art)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
12. Nakhlik, A. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology)* 123. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 228–313 (in Russian).
13. Nikitina, T. B., Alibekov, S. Ya. 2012. In Tolpeko, I. V. (ed.). *VIII istoricheskie chteniia pamiati Mikhaila Petrovicha Griaznova (8th Historical Readings to the Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov)*. Omsk: "Amfora" Publ., 140–147 (in Russian).
14. Nikitina, T. B. 1992. *Mariitsy (konets XVI – nachalo XVIII vv.) po materialam mogil'nikov (Mari People in Late 16th – Early 18th Centuries by Materials of the Burial Grounds)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
15. Pazhitnov, K. A. 1958. *Ocherki istorii tekstil'noi promyshlennosti dorevoliutsionnoi Rossii. Khlopchatobumazhnaia, l'no-pen'kovaia i shelkovaia promyshlennost' (Essays on the History of the Textile Industry of Pre-Revolutionary Russia: Cotton, Flax and Hemp, and Silk Manufacture)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
16. Peterburgskii, I. M., Vikhliaev, V. I., Sviatkin, S. V. 2010. *Vtoroi Zhuravinskii mogil'nik (Zhuravka II Burial Ground)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr" Publ. (in Russian).
17. Falk, J. P. 1821. *Zapiski puteshestviia akademika Fal'ka (Notes of Academician Falk's Journey)*. Series: Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii (Complete Collection of Scientific Journeys through Russia) 6. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
18. Fekhner, M. V. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 57–70 (in Russian).
19. Fletcher, G., the Elder. 2002. *O gosudarstve russkom (The History of Russia, or The Government of the Emperor of Muscovia with the Manners and Fashions of the People of that Country)*. Series: Znamenitnye knigi (Famous Books). Moscow: "Zakharov" Publ. (in Russian).
20. Chepurina, P. Ya. 1938. *Ornamentnoe shit'e Kryma (Ornamental Embroidery of Crimea)*. Moscow; Leningrad: "Vsesoiuznoe kooperativnoe ob"edinennoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
21. Shitova, S. N. 1995. *Bashkirskaiia natsional'naia odezhda (Bashkir National Clothing)*. Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).
22. Engovatova, A. V., Orfinskaia, O. V., Golikov, V. P. 2005. In Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v IX–XIV vekakh: Vzaimodeistvie Severa i Iuga (Rus in the 9th–14th Centuries: Interaction of the North and the South)*. Moscow: "Nauka" Publ., 176–196 (in Russian).
23. Geijer, A. 1938. Die Textilfunde aus den Gräbern. In *Birka III*. Uppsala: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 99–105.
24. Hald, M. 1980. *Ancient Danish textiles from bogs and burials: A comparative study of costume and Iron Age textiles*. Copenhagen: National Museum of Denmark.
25. Jaro, M. 1990. Gold embroidery and fabrics in Europe: XI–XIV centuries. In *Gold Bulletin* 2 (23), 40–57.
26. Kendrick, A. F. 1937. *A Brief Guide to Persian Embroideries*. London: Victoria and Albert Museum.
27. Mathias, C., Jerkic, S. M. 1995. Investigating "WH": A nineteenth century burial from l'Anse au Loup, Labrador. In *Canadian Journal of Archaeology* 19, 101–116.
28. Vajanto, K. 2003. *Euran emännän neulakintaat*. Tutkielma Luistarin haudan 56 neulakinnas-fragmenteista. Pro gradu – tutkielma. Helsinki.

About the Authors:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Pavlova Nina A. The Moscow Kremlin State Historical and Cultural Museum and Heritage Site. Kremlin, Moscow, 103132, Russian Federation; nina_vladykina@mail.ru

УДК 904

«НОВОКРЕЩЕНЫ» ВХОДОИЕРУСАЛИМСКОГО НЕКРОПОЛЯ ЦАРЕВОКОКШАЙСКА: ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2016 г. П.С. Данилов, Е.М. Макарова, Д.С. Блинова

Статья посвящена историко-археологическому и антропологическому анализу наиболее древней категории погребений Входоиерусалимского некрополя Царевококшайска. Это инвентарные погребения, которые атрибутируются авторами раскопок как захоронения марийцев-новокрещенов. Рассматриваются особенности расположения Входоиерусалимского некрополя в системе других некрополей и культовых сооружений Царевококшайска. Приводится краткая справка об исследованиях данного некрополя. Особо рассматривается формирование категории населения «марийцы-новокрещены» и их расселение в слободах и деревнях, окружавших Царевококшайск. Данные основаны на анализе источников, проведенном исследователями истории Марийского края конца XVI–XVIII вв. Погребальный обряд марийцев-новокрещенов Входоиерусалимского некрополя рассматривается в контексте синхронных погребальных памятников, относящихся к марийской культуре XVII–XVIII вв. Дано описание основных категорий погребального инвентаря из его захоронений. Антропологический анализ включает краниологические характеристики отдельных черепов и серии в целом. Сравнение антропологических материалов с ранее изученными марийскими сериями выявляет отсутствие достоверных отличий между серией инвентарных погребений Входоиерусалимского некрополя и горными марийцами XVI–XVII вв.

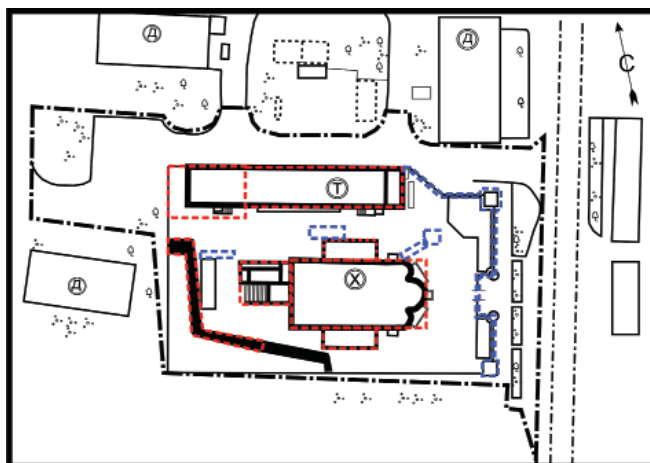
Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, конец XVI–XVIII вв., Царевококшайск, исторические некрополи, новокрещены, погребальный обряд, погребальный инвентарь, палеоантропология, краниология.

Одними из наиболее исследованных типов археологических памятников на территории Царевококшайска являются исторические некрополи XVII–XIX вв.

Самым ранним памятником этого типа является Входоиерусалимский некрополь Царевококшайска, который расположен в историческом центре Йошкар-Олы, на территории, ограниченной современными улицами – Пушкина – с юга, Вознесенской – с востока, бульваром Чавайна – с севера и Советской – с запада. Данный участок находился к югу от стены и рва городского острога начала XVII в.

Этот исторический некрополь был выявлен при спасательных археологических исследованиях на территории восстановительного строительства Богородице-Сергиевого монастыря и Входоиерусалимской церкви. Могильник исследовался в 2010 и 2014 году. В полевой сезон 2010 года были исследованы 613 погребений, а в 2014 году – 198 погребений (рис. 1).

Территория исторического некрополя в разное время входила в зону активной городской застройки. Разрушение памятника было начато с середины XVIII века, когда на территории кладбища строилась каменная Вхо-

Условные обозначения:

⊗	Входоиерусалимская церковь
Ⓓ	Жилой дом
Ⓣ	Трапезная
— · — · —	ул. Вознесенская
- - - - -	Раскопки 2010 года

- - - - -	Раскопки 2014 года
— · — · —	Территория монастыря
Ⓕ Ⓕ Ⓕ	Лиственные деревья
⊙ ⊙ ⊙ ⊙	Кустарники
⊠	Автомобильная стоянка

Рис. 1. Раскопки на территории Входоиерусалимского некрополя 2010, 2014 года.

Fig. 1. Digs on the territory of the Vkhodoierusalimskii necropolis in 2010 and 2014.

доиерусалимская церковь (1759 г.). В дальнейшем определенный урон памятнику был нанесен в конце XIX века, когда на территории некрополя строятся сооружения Богородице-Сергиевого женского монастыря – кирпичная стена и хозяйственные постройки. Наибольший ущерб Входоиерусалимскому некрополю был причинен в советский период, когда в 1930-е гг. на его территории было построено кирпичное здание госархива, фундамент которого разрушил множество погребений некрополя. В дальнейшем дополнительный ущерб нанесли траншеи под коммуникации, пересекающие исследованную территорию могильника. Все эти повреждения причинили большой урон погребениям Входоиерусалимского некрополя.

Территория Входоиерусалимского некрополя тяготела к православным культовым сооружениям, которые сменяли друг друга на протяжении XVII–XVIII вв. Это деревянная Рождественская церковь, которая существовала здесь с начала XVII века. Ее сменила деревянная Входоиерусалимская церковь, построенная после большого царевкокшайского пожара 1696 года и, наконец, каменная Входоиерусалимская церковь, строительство которой закончилось в 1759 году.

Плотность погребений была достаточно высока и могильные ямы, как правило, перекрывали друг друга. Было прослежено до 3 горизонтов погребений.

Входоиерусалимский некрополь Царевкокшайска до сих пор не был предметом отдельного исследования.

Общие вопросы погребального обряда, инвентаря и планиграфии данного памятника рассматривались в некоторых работах по археологии Йошкар-Олы, в частности, в монографии «Археологическое изучение Йошкар-Олы – Царевококшайска» (Йошкар-Ола, 2014) и в статье П.С. Данилова и Ж.С. Калыгиной «Коллекция перстней из Входиерусалимского некрополя» (Данилов, Калыгина, 2012). Краткая характеристика антропологического материала могильника представлена в работах Л.Т. Яблонского (Яблонский, 2011, 2012), Е.М. Макаровой и Н.В. Харламовой (Макарова, Харламова, 2013).

Цель данной статьи – публикация материалов исследования Входиерусалимского некрополя, проведенных в 2010 и 2014 году.

Наиболее ранние погребения исторического некрополя датируются начальным периодом существования Царева города на Кокшаге – концом XVI – началом XVII в. Это подтверждается как нумизматическим материалом, так и выделением на этом кладбище категории погребений, в которой присутствует погребальный инвентарь, обладающий яркой этнической принадлежностью. Погребения Входиерусалимского некрополя с инвентарем, вероятнее всего, принадлежат такой категории населения Марийского края, как «новокрещены».

Новокрещены – традиционное название для тех представителей коренных народов, проживавших на присоединенных к Русскому государству территориях, которые были обращены в православную веру в рамках практиковавшейся царской администрацией политики христианизации. В Марийском крае подобная категория

населения стала возникать с первой половины XVII века. В этот период для активизации процесса христианизации за принятие православия крещеным марийцам давалось денежное вознаграждение. Об этом свидетельствует выдержка из отписки в Разрядный приказ 1638 года, которую приводит исследователь истории Царевококшайска А.А. Андреянов: «...которые иноземцы...крестьяне в православную крестьянскую веру ... и тем за крещение дают государева жалования за крещение в полы их денежных окладов да по сукну по доброму» (Андреянов, 1991, с. 38). А в конце XVII века добровольный переход в новую веру поощрялся предоставлением 6-летней льготы служилым людям в «государевой службе», ясачным крестьянам в платежах и повинностях. Христианизация усилилась в 1730-е гг., когда в Свияжске была основана Комиссия новокрещенских дел, в результате деятельности которой удалось подвергнуть крещению большую часть марийцев (Марийцы, 2013, с. 71).

В Царевококшайске проживали так называемые «служилые новокрещены», которые, как пишет Г.Н. Айплатов, представляли собой «...феодалную прослойку из лиц коренной национальности, несших сторожевую службу, а во время войн обязанных выступать в походы». По данным Г.Н. Айплатова в Царевококшайске в 1663 году проживало 30 новокрещенцев, которые имели поместья и служили без денежного оклада «с землей» (Айплатов, 1970, с. 10).

К предметам погребального инвентаря, которые соотносятся с новокрещеными, относятся женские украшения, перстни с прорезным орнаментом, наконечники стрел и ножи.

Монеты с пробитыми отверстиями, использовавшиеся в марийских украшениях, были найдены как в этом могильнике, так и на территории посада и базарной площади Царевококшайска. Все эти вещи находятся в том же горизонте материальной культуры, что и инвентарь языческих марийских погребений конца XVI–первой половины XVIII в. Однако принадлежность этих вещей крещеным марийцам бесспорна, так как все они найдены на православном кладбище в захоронениях по христианскому обряду и относятся к периоду после постройки Царева города на Кокшаге.

Это подтверждается тем фактом, что по архивным данным прихожанами Входоиерусалимской и предшествующей ей Рождественской церкви были по большей части крестьяне, проживающие в деревнях, которые находились в черте городской округи Царевококшайска, в том числе и в Новокрещенской слободе, где компактно проживали марийцы-новокрещены. Однако большая часть погребений относится к периоду, предшествующему строительству каменной Входоиерусалимской церкви, то есть к XVII – первой половине XVIII в. Можно предположить, что Рождественская церковь, существовавшая на данной территории до строительства Входоиерусалимской, также обслуживала население близлежащих слобод и в дальнейшем новопостроенная церковь приняла на себя функции предшествующей церкви.

А.Г. Иванов приводит данные о поселенном составе церковных приходов Царевококшайска в XVIII в. В частности, по данным на 1730 год к Рождественской приходской церкви относилось население как Рожде-

ственной слободы Царевококшайска, так и деревень Ноли, Азяково, Аленкино, Шихайдарово, Крутой Враг (часть). В дальнейшем на протяжении XVIII в. к приходу Рождественской церкви были присоединены деревни Чигашево, Евдокимово, Изи Ноли, Шеклянур, Апшат Аул, Мозарская, Нур Мучакш, Руй Беляк, Люльпаны, Пуланур, Нюхты, Аказина, Нюшты, Малая Орша, Коминская и др. Согласно анализу этнического состава церковных приходов, который провел А.Г. Иванов, марийское население составляло подавляющую часть прихода Рождественской, а затем и Входоиерусалимской церкви (общее число – 1223, марийцы – 1125 душ обоого пола) (Иванов, 2011, с. 119). В трех других городских церквях Царевококшайска марийцы были в незначительном количестве лишь в приходе Вознесенской церкви (12 душ обоого пола).

Как пишет А.Г. Иванов: «Спецификой Рождественского прихода являлось то, что в нем абсолютное большинство прихожан составляли марийское крестьяне. В XVII в. это были «служилые новокрещены ис черемис» Новокрещенской слободы. В начале XVIII в. к ним прибавились новокрещенные ясачные крестьяне Подгородной Нолинской волости, окрещенные казанским миссионером Алексеем Раифским. В середине XVIII в. в ходе массовой христианизации в этом приходе «уже числилось 19 деревень «старокрещен» и «новокрещен» марийцев. В последней четверти XVIII в. поселенный состав прихода стабилизировался. По данным исповедных росписей, в Рождественском приходе удельный вес марийских крестьян в

1745 году составлял 90,6%; в 1774 г. – 87,7%; в 1789 г. – 88,2%; во Вхоидиерусалимском приходе в 1798 г. – 92,0%» (Иванов, 2011, с. 128).

Данные археологических исследований подтверждают принадлежность Вхоидиерусалимского некрополя к более раннему приходу Рождественской церкви, прихожане которой по большей части были мари́йцами «новокрещенами». В дальнейшем, после прекращения деятельности Рождественской церкви, ее прихожане стали переходить в приход Вхоидиерусалимской церкви, но хоронились уже на общегородском кладбище – Тихвинском некрополе.

Погребальный обряд

Погребальный обряд мари́йцев-новокрещенов Царевококшайска ранее не был предметом отдельного исследования. Основные черты погребального обряда Вхоидиерусалимского некрополя достаточно традиционны для позднесредневековой мари́йской культуры, которая стала предметом монографического исследования Т.Б. Никитиной (Никитина, 1992, с. 39).

Погребения совершены в ямах прямоугольных форм. Труположение на спине, вытянутое, руки вытянуты вдоль костяка, либо сложены на груди. Ориентировка погребений Вхоидиерусалимского некрополя западная, однако встречаются и небольшие труположения в северо-западном и северо-северо-западном направлениях. «С распространением христианской веры и укреплением связей с русскими в обряд захоронения входит западная ориентация покойников, которая с середины XVII в., особенно у горных мари, является преобладающей. В этот период, очевидно, появляется представления мари́йцев о стране

умерших на западе» (Никитина, 2002, с. 216). Ранее, по представлениям мари́йцев, страна умерших располагалась на севере или северо-западе, что объясняет подобную ориентировку языческих мари́йских захоронений.

Надмогильных сооружений, таких как кресты, столбы, навесы и ограды, на территории некрополя не прослежено, что, впрочем, может объясняться высокой степенью разрушения верхних слоев могильника.

Погребальный инвентарь

Основная категория погребального инвентаря, прослеженная на территории Вхоидиерусалимского некрополя – это нумизматический материал. Самые ранние монеты, обнаруженные в погребениях некрополя, это серебряные копейки Ивана IV (1547–1584 гг.) и Лжедмитрия I (1605–1606 гг.). Все они пробиты, что говорит об использовании их в составных мари́йских украшениях. Интересно то, что подавляющее количество монет являются одиночными, то есть не являются частью украшения погребенного и не имеют привязки к какой-либо части погребения. По всей вероятности, это проявление традиции посмертного дара погребенному, который давался ему в загробный мир. Как пишет Т.Б. Никитина: «Проявляя заботу о ранее умерших, им через вновь погребяемых родственников посылали подарки: украшения (бусы, кольца, сьюльгамы), брошенные в засыпь, орудия труда (косы и серпы) передавались через детские захоронения... Беспокоясь за судьбы своих предков после их земной смерти, часто в могилу и засыпь погребения бросали серебряные деньги» (Никитина, 1992, с. 38–39).

Остатки погребальной одежды не фиксируются, небольшие фрагменты ткани сохраняются лишь рядом с металлическими предметами.

Для классификации элементов погребального инвентаря Входоиерусалимского некрополя, характерных для позднесредневековой марийской культуры, мы обращаемся к классификации, предложенной Т.Б. Никитиной (Никитина, 1992, с. 45–69).

Одним из наиболее характерных предметов украшений, распространенных в погребальном инвентаре новокрещенов, являются сьюлгамы (рис. 2; 9, 10). Сьюлгамы погребений Входоиерусалимского некрополя относятся к типу I, подтипу 2 – пластинчатые, выполняющие роль застежки (Никитина, 1992, с. 54). Сьюлгамы, по большей части, неорнаментированы.

Височные кольца, встреченные на территории некрополя, относятся к типу 1, подтипу 2 по Т.Б. Никитиной и наиболее распространены в других марийских позднесредневековых могильниках (рис. 2; 1, 2). Они изготовлены из круглой в сечении бронзовой или серебряной проволоки, имеют форму вопросительного знака с украшенным, опускающимся вниз стержнем, который является продолжением кольца и крепится к нему неподвижно (Никитина, 1992, с. 50).

Самой распространенной категорией этномаркирующего погребального инвентаря, являются перстни (рис. 2; 3-8). Перстни, обнаруженные в могилах Входоиерусалимского некрополя, относятся к типу I, подтипу 1 – «щиток украшен геометрическими композициями из насечек и прорезных линий» по классификации Т.Б. Никитиной (Никитина, 1992, с. 57). Ближайшие аналогии перстням Вхо-

доиерусалимского некрополя мы находим в материалах Мало-Кугунурского могильника XVII–XVIII вв., который исследовался Т.Б. Никитиной в 1982 году. В частности, орнамент перстня из погребения 123 Входоиерусалимского некрополя является полной аналогией орнамента перстня из одного погребений Мало-Кугунурского могильника в Оршанском районе Республики Марий Эл. Подобный тип перстней встречается аналогии и в других исследованных марийских могильниках того же периода – Выжумском I, расположенном в Юринском районе и Картуковском, расположенном в Горномарийском районе Республики Марий Эл (Никитина, 1992, с. 56–57).

Одними из характерных украшений для марийцев позднего средневековья являются украшения-назадники, известные под названием юпинэ. «Юпинэ состояли из кожаной основы, на которую крепились 3, 5, 7, 9, 13 шнуров с нанизанными медными цилиндрическими обоймочками и бусами. Шнуры завершаются колокольчатыми привесками, из которых опускаются кисти шерстяных витых нитей... Украшение обычно крепилось к поясу со стороны спины таким образом, что прикрывало поясицу женщины и конец косы, заткнутой за пояс» (Никитина, 1984, с. 59). Юпине выполняли роль оберега. На территории Входоиерусалимского некрополя всего было найдено 12 экземпляров такого рода украшений.

Помимо украшений, погребальный инвентарь погребений новокрещенов Входоиерусалимского некрополя представлен такими сопутствующими предметами хозяйственного назначения как ножи и костяные кочедыки (рис. 2: 11–13).

Рис. 2. Предметы погребального инвентаря Входоиерусалимского некрополя, относящиеся к материальной культуре марийцев конца XVI – пер. пол. XVIII вв.

1, 2 – височные кольца; 3–8 – перстни; 9, 10 – сюльгамы; 11 – нож железный; 12 – кочедык костяной; 13 – нож железный с костяной рукоятью.

Fig. 2. Grave goods from the Vkhodoierusalimskii necropolis attributed to the Mari material culture of late 16th – first half of 18th centuries (1, 2 – temple rings; 3–8 – finger rings; 9, 10 – syulgams; 11 – iron knife; 12 – bone bent awl; 13 – iron knife with a bone handle).

Таким образом, анализ погребального обряда и погребального инвентаря показывает очевидные параллели между инвентарными погребениями православного Входоиерусалимского некрополя и синхронными погребальными памятниками марийцев конца XVI – начала XVIII в.

Антропологический анализ

Антропологический материал из раскопок некрополя Входоиерусалимской церкви был очень плохой сохранности и представлен не во всех погребениях. Половозрастные определения костяков и вычисления палеодемографических характеристик были осуществлены Л.Т. Яблонским. Определение пола осуществлялось по черепам с учетом коннексии полученных данных с морфлогией посткраниального скелета. Возраст взрослых индивидуумов устанавливался по степени облитерации швов и стертости зубов, детей – по состоянию зубной системы и синостозу эпифизов посткраниального скелета (Яблонский,

2011, 2012). Сохранность костяков из погребений с инвентарем, их пол и возраст представлены в таблице (табл. 1).

После работы Леонида Теодоровича большая часть материалов была перезахоронена. Автору данной статьи были предоставлены целые черепа для дальнейшего исследования. Так, были измерены 62 черепа из раскопок Входоиерусалимской церкви (Макарова, Харламова, 2013). Измерения произведены по методике Р. Мартина (Martin, 1928) с учетом методических рекомендаций В.П. Алексева и Г.Ф. Дебеца (1964). При оценке измерительных признаков были использованы таблицы категорий признаков Г.Ф. Дебеца (Алексеев, Дебеч, 1964). Краниологические измерения осуществлены по короткой программе (38 линейных признаков, 3 угловых размера, 10 указателей). Средние показатели серии, а также значения t-критерия Стьюдента высчитывались в программе Microsoft Excel 2007. Из

62 погребений с хорошей сохранностью черепов только 5 были с инвентарем (табл. 2).

Приведем краткое описание каждого индивидуума.

Основной раскоп, погребение 18 принадлежало мужчине 25–30 лет. Череп высокий при средних размерах продольного и поперечного диаметров, овоидной формы. Лобная кость широкая по значению наибольшей ширины и узкая на уровне фронтотемпоральных точек. Лоб высокий. Рельеф черепа выражен слабо. Лицо узкое, средневысокое, по указателю выступания лица – ортогнатное. В горизонтальной плоскости лицо умеренно профилировано на уровне орбит и резко – на уровне передне-скуловых точек. Клыковая ямка умеренно глубокая. Нос узкий, низкий, сильно выступающий. Переносье средних размеров. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Высота и ширина орбиты попадают в категорию малых величин, по пропорциям этих размеров орбиты мезоконхные.

Основной раскоп, погребение 58 принадлежало мужчине 35–40 лет. Череп брахикранный высокий. Форма черепа в вертикальной норме сфеноидная. Лобная кость широкая как по значению наименьшей, так и по значению наибольшей ширины. Рельеф черепа выражен слабо. Лицо мезогнатное средних размеров как по абсолютным величинам, так и по их соотношению. В горизонтальной плоскости лицо умеренно профилировано на уровне орбит и резко – на уровне передне-скуловых точек. Клыковые ямки очень глубокие. Нос сильно выступающий, по пропорции высоты и ширины грушевидное отверстие ме-

зоринное. Нижний край грушевидного отверстия заостренной формы. Орбиты мезоконхные, их абсолютные размеры расположены на границе малых и средних величин.

Основной раскоп, погребение 63. В нем был захоронен мужчина 40–45 лет. Для его черепа характерны средние размеры длины и ширины и малая высота свода черепа. По пропорциям этих размеров череп мезокранной формы. В вертикальной норме череп овоидный. Лобная кость средних размеров. Выраженность рельефа на черепе можно оценить как среднюю или чуть выше средней. Лицевой скелет, очевидно, средних размеров, о чем свидетельствуют средние значения верхней ширины и полной высоты лица¹. По указателю выступания лица мезогнатное. В горизонтальной плоскости лицо слабо профилировано на назо-малярном уровне и очень резко на зиго-максиллярном. Нос узкий, низкий, умеренно выступающий. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Орбиты низкие, узкие, мезоконхные.

Основной раскоп, погребение 110 принадлежало юноше 18–20 лет. Череп долихокранный при среднем продольном диаметре и малых размерах поперечного и высотного диаметров. Форма черепа в горизонтальной проекции сфеноидная. Для лобной кости характерны большие значения наименьшей ширины лба и малые значения наибольшей. Рельеф черепа выражен слабо за исключением значительно развитого наружного затылочного бугра. Прогнатное лицо характеризуется большими значени-

¹ В краниологический бланк была неверно записана верхняя высота лица, поэтому этот размер исключен из описания.

Таблица 1

Таблица сохранности погребений с инвентарем
(пол, возраст по Л.Т. Яблонскому)

№ погребения	Сохранность	Пол	Возраст
Основной раскоп			
Погребение 7	Только зубы	муж?	20-25
Погребение 10	Скелет-1. Фрагменты черепа и посткраниального скелета	муж	35-40
Погребение 14	<i>(сохранность не указана)*</i>	жен	45-50
Погребение 18	Полный костяк удовлетворительной сохранности. Необходима реставрация черепа	муж	25-30
Погребение 37	Костяк отсутствует		
Погребение 38	Полный костяк удовлетворительной сохранности	жен	40-45
Погребение 40	<i>(сохранность не указана)</i>	жен	20-25
Погребение 50	Фрагменты отдельных костей посткраниального скелета и черепа	муж	40-45
Погребение 55	Череп фрагментарный. Отдельные кости скелета плохой сохранности	муж	старческий
Погребение 57	<i>(сохранность не указана)</i>	муж	25-30
Погребение 58	Целый костяк удовлетворительной сохранности	муж	35-40
Погребение 60	<i>(сохранность не указана)</i>	жен?	молодой
Погребение 63	Череп целый, бедро, плечо	муж	40-45
Погребение 66	Костяк отсутствует		
Погребение 67	Скелет-2. Череп фрагментарный, длинные кости	муж	30-35
Погребение 78	<i>(сохранность не указана)</i>		6-8
Погребение 85	<i>(сохранность не указана)</i>		дет
Погребение 87а	Костяк отсутствует		
Погребение 89	<i>(сохранность не указана)</i>		до 1 года
Погребение 91	<i>(сохранность не указана)</i>		до 6 лет
Погребение 100	Фрагменты отдельных костей	муж	45-50
Погребение 110 в	Череп целый, зубы, плечо, бедренная, лучевая кости	муж	18-20
Погребение 115	Костяк отсутствует		
Погребение 116	Скелет-1. Череп фрагментарный, длинные кости	жен	40-45
Погребение 137	<i>(сохранность не указана)</i>		подросток
Погребение 140	Костяк отсутствует		
Погребение 145а	Костяк отсутствует		
Погребение 150	Костяк отсутствует		
Погребение 151	<i>(сохранность не указана)</i>		до 2 лет
Погребение 165	<i>(сохранность не указана)</i>	жен	взрослый
Погребение 174	Костяк отсутствует		

* Далее курсивом примечания автора данной статьи.

Раскоп 1. Северная прирезка			
Погребение 5	Костяк отсутствует		
Погребение 7	Костяк отсутствует		
Погребение 9	Костяк отсутствует		
Погребение 12	Костяк отсутствует		
Погребение 19	Костяк отсутствует		
Погребение 22	Костяк отсутствует		
Погребение 29	<i>(сохранность не указана)</i>	жен?	взрослый
Погребение 32	Скелет-1. Череп фрагментарный		10 лет
Погребение 38	Костяк отсутствует		
Погребение 53	Костяк отсутствует		
Погребение 56	Скелет-1. <i>(сохранность не указана)</i>	жен?	взрослый
Погребение 65	<i>(сохранность не указана)</i>	муж?	
Погребение 81	<i>(сохранность не указана)</i>	жен	взрослый
Погребение 83	Костяк отсутствует		
Погребение 84	Костяк отсутствует		
Погребение 85	Костяк отсутствует		
Погребение 94	<i>(сохранность не указана)</i>		2 года
Погребение 98	Костяк отсутствует		
Погребение 105	<i>(сохранность не указана)</i>	муж	взрослый
Погребение 108	Костяк отсутствует		
Погребение 109	<i>(сохранность не указана)</i>		8 лет
Погребение 114	<i>(сохранность не указана)</i>	муж	взрослый
Погребение 117	Костяк отсутствует		
Погребение 122	<i>(сохранность не указана)</i>	жен	30-35
Погребение 123	<i>(сохранность не указана)</i>	жен	взрослый
Погребение 125	Костяк отсутствует		
Погребение 126	Зубы		15-16
Погребение 127	Костяк отсутствует		
Погребение 151	бедро		
Раскоп 1. Западная прирезка			
Погребение 5	Костяк отсутствует		
Погребение 7	<i>(сохранность не указана)</i>	детск.	до 1 года
Погребение 8	Череп фрагментарный, длинные кости	муж	30-35
Погребение 10	Костяк отсутствует		
Погребение 11	Костяк отсутствует		
Погребение 14	Костяк отсутствует		
Погребение 16	<i>(сохранность не указана)</i>		3-4 года
Погребение 17	Костяк отсутствует		
Погребение 18	<i>(сохранность не указана)</i>		подросток
Погребение 19	Зубы		10-12 лет
Погребение 23	Костяк отсутствует		

Погребение 27	<i>(сохранность не указана)</i>	муж	25-30
Погребение 33	<i>(сохранность не указана)</i>	жен	30-35
Погребение 35	Череп фрагментарный	муж	35-40
Погребение 36	Костяк отсутствует		
Погребение 38	<i>(сохранность не указана)</i>	муж	взрослый
Погребение 41	Костяк отсутствует		
Погребение 42	<i>(сохранность не указана)</i>	жен	взрослый
Погребение 50	<i>(сохранность не указана)</i>		детск.
Погребение 53	<i>(сохранность не указана)</i>	жен	45-50
Погребение 54	Череп фрагментарный. Длинные кости выборочно	муж	35-40
Погребение 56	Череп фрагментарный, кости частично, зубы	жен.	25-30
Погребение 59	Череп фрагментарный	жен	30-35
Погребение 62	<i>(сохранность не указана)</i>	муж?	
Раскоп 2			
Погребение 4	<i>(сохранность не указана)</i>	муж	25-30
Погребение 6	Череп целый, бедро, плечо	муж	20-25
Погребение 6а	Костяк отсутствует		
Погребение 9	<i>(сохранность не указана)</i>	жен	40-45
Погребение 10	Череп фрагментарный	жен	35-40
Погребение 16	Череп целый-реставрация, зубы	15-16	
Погребение 20	<i>(сохранность не указана)</i>	жен	50-55
Погребение 22	Целый череп без нижней челюсти	жен	60-65
Погребение 26	Скелет 1	муж	60-65
Погребение 34	<i>(сохранность не указана)</i>	муж	45-50
Погребение 39	Костяк отсутствует		
Погребение 40	Костяк отсутствует		
Погребение 43	зубы		6-8
Погребение 44	Костяк отсутствует		
Погребение 45	Череп фрагментарный, бедренная кость	муж	35-40
Погребение 50	Костяк отсутствует		
Погребение 58	<i>(сохранность не указана)</i>		10-12
Погребение 61	кости частично	муж	взрослый
Погребение 61а	Костяк отсутствует		
Погребение 64	Костяк отсутствует		
Погребение 72	<i>(сохранность не указана)</i>		подросток
Погребение 86	Скелет 1. Череп фрагментарный, длинные кости	жен	30-35
Погребение 94	<i>(сохранность не указана)</i>	жен.	молодой
Погребение 101	<i>(сохранность не указана)</i>	жен?	
Погребение 105	Костяк отсутствует		
Погребение 110	<i>(сохранность не указана)</i>	муж.	взрослый
Погребение 115	Череп фрагментарный	жен	30-35
Погребение 117	Костяк отсутствует		

ями верхней ширины и высоты лица и малыми значениями скулового диаметра и средней ширины лица. По углам горизонтальной профилировки лицо профилировано хорошо. Нос низкий, широкий, сильно выступающий. Нижний край грушевидного отверстия имеет предносовые ямки. Переносье широкое, умеренно высокое. Высота орбиты характеризуется очень малыми значениями этого признака при средней ширине, на что так же указывает соотношение величин ширины и высоты орбиты.

Раскоп 2, погребение 6 принадлежало мужчине 20–25 лет. Брахиокранный череп характеризуется малым значением продольного диаметра, средней величиной поперечного диаметра черепной коробки и большой высотой свода. Форма черепа в вертикальной норме пентагоноидная. Размеры лобной кости на границе средних и больших величин. Лоб значительно изогнут. Средние значения высотных размеров лица сочетаются с большими значениями скулового диаметра и верхней ширины лица, при тяготении средней ширины лица к малым значениям этого признака. По указателям лицевого скелета отмечаем ортогнатию и зуриению. В горизонтальной плоскости лицо умеренно профилировано как на уровне орбит, так и на уровне передне-скуловых точек. Клыковая ямка глубокая. Грушевидное отверстие низкое, средней ширины, нижний край завершен предносовыми ямками. Носовые кости выступают слабо. Переносье широкое. Орбиты низкие и узкие.

Суммарная мужская серия характеризуется малыми размерами продольного и поперечного диаметров, средней высотой черепной коробки (табл. 3).

По пропорциям этих размеров, серия принадлежит к мезокранным, гипсикранным и метриокранным формам. Лоб сильно выступающий средней ширины. Лицевой скелет мезоморфный как по абсолютным размерам, так и по указателям. В вертикальной плоскости лицо ортогнатное. В горизонтальной плоскости лицо умеренно профилировано на уровне орбит и хорошо – на уровне передне-скуловых точек. Малые размеры грушевидного отверстия сочетаются с широким, умеренно высоким переносьем и сильно выступающими носовыми костями. Орбиты средней ширины, очень низкие.

Несмотря на свою малочисленность, серия достаточно однородна (табл. 3). Практически по всем размерам значения квадратического отклонения меньше средних или в пределах средних величин. Незначительное увеличение сигмы мы отмечаем по скуловой ширине, верхней высоте лица, ширине носа. Лишь по углу выступанию носа и назо-маллярному углу мы фиксируем значительное повышение показателей дисперсии в сравнении со стандартными. В целом серия принадлежит к европеоидному типу с определенным уральским налетом, характерным для данной территории и времени.

При сравнении серии погребений с инвентарем с серией безинвентарных погребений Входоиерусалимского некрополя, мы отмечаем у последней увеличение практически всех размеров мозговой капсулы, за исключением незначительного понижения в размерах высотного диаметра и ширины основания черепа. По признакам лицевого скелета серия безинвентарных погребений имеет более узкое и высо-

Таблица 2

Индивидуальные измерения черепов из погребений с инвентарем

Признаки по Мартину	Погр. 18	Погр. 58	Погр. 63	Погр. 110в	Раск. 2, погр. 6
	♂	♂	♂	♂	♂
	Adultus	Maturus I	Maturus II	Juvenis	Adultus
1. Продольный диаметр	180,0	172,0	178,0	180,0	170,0
8. Поперечный диаметр	138,0	142,0	138,0	133,0	143,0
17. Высотный диаметр	141,0	138,0	129,0	131,0	137,0
5. Длина основания черепа	99,0	99,0	93,0	98,0	101,0
9. Наименьшая ширина лба	91,0	100,0	94,0	99,0	97,0
10. Наибольшая ширина лба	122,0	125,0	120,0	112,5	121,0
11. Ширина основ. черепа	120,0	123,0	130,0	120,0	127,0
12. Ширина затылка	113,0	113,5	115,0	105,0	113,0
45. Скуловая ширина	128,0	134,0	-	128,5	140,0
40. Длина основания лица	91,0	97,0	93,0	104,0	94,0
48. Верхняя высота лица	70,0	66,0	-	74,0	69,0
47. Полная высота лица	125,0	-	119,0	126,0	122,0
43. Верхняя ширина лица	99,0	108,0	105,0	108,0	110,0
46. Средняя ширина лица	95,0	97,0	104,0	93,0	95,0
60. Длина альвеолярной дуги	50,0	53,0	-	56,0	52,0
61. Ширина альвеол. дуги	58,0	60,0	61,0	61,0	66,0
55. Высота носа	49,4	49,3	50,8	48,2	45,0
54. Ширина носа	21,7	25,0	23,7	27,3	24,8
51. Ширина орбиты	40,4	41,0	39,8	41,0	40,9
51а. Ширина орбиты от д.	39,0	39,7	38,6	39,8	38,5
52. Высота орбиты	31,2	33,3	32,4	28,6	29,6
Высота изгиба лба	27,0	27,3	28,1	28,3	27,4
Высота изгиба затылка	26,7	23,5	29,7	29,1	23,0
SC. Симотическая ширина	7,8	5,2	9,1	12,0	8,0
SS. Симотичекая высота	3,1	2,0	4,8	4,0	3,0
DC. Дакриальная ширина	20,5	21,8	22,0	26,7	26,8
DS. Дакриальная высота	9,4	11,4	10,7	11,2	11,4
Глубина клыковой ямки	4,6	8,8	-	-	6,6
Высота изгиба скул. кости	11,9	12,2	-	-	11,8
Ширина скуловой кости	48,5	55,4	-	-	57,0
Углы					
77. Назо-малярный угол	140,6	141,2	145,3	131,6	140,8
Zm. Зиго-максиллярный угол	126,3	125,6	121,8	131,4	136,2
75(1). Угол выступания носа	35,0	35,0	24,0	33,0	19,0
Указатели					
8:1. Поперечно-продольный	76,7	82,6	77,5	73,9	84,1

17:1.Высотно-продольный	78,3	80,2	72,5	72,8	80,6
17:8. Высотно-поперечный	102,2	97,2	93,5	98,5	95,8
9:8. Лобно-поперечный	65,9	70,4	68,1	74,4	67,8
40:5. Выступания лица	91,9	98,0	100,0	106,1	93,1
48:45. Верхний лицевой	54,7	49,3	-	57,6	49,3
54:55. Носовой	43,9	50,7	46,7	56,6	55,1
52:51.Орбитный	77,2	81,2	81,4	69,8	72,4
SS:SC. Симотический	39,7	38,5	52,7	33,3	37,5
DS:DC. Дакриальный	45,9	52,3	48,6	41,9	42,5
Надпереносье (по Мартину 1-6)	3	1	4	1	4
Надбровные дуги (1-3)	1,5	1,5	2	1,5	2
Наружный заглавный бугор (по Брока 0-5)	1	1	1	3	2
Сосцевидный отросток (1-3)	2	2	3	1,5	3
Передне-носовая кость	2	2	-	-	2
Форма черепа сверху	овоид	сфеноид	овоид	сфеноид	пентаг.
Нижний край груш. отв.	Antr	Antr	Antr	F.Pr.	F.Pr.

кое лицо при равном значении указателя выступания лица. В углах горизонтальной профилировки различий между двумя сериями не обнаружено. При сопоставлении размеров грушевидного отверстия, переносья и носовых костей значимых различий между двумя сериями выявлено не было. В размерах орбит отмечаем незначительное увеличение высоты орбиты в серии безинвентарных погребений. Однако величина этого признака не выходит за рамки категории малых размеров. Таким образом, мы можем сделать вывод, что обе серии Входоиерусалимского некрополя практически не отличаются друг от друга.

Для сравнительной характеристики двух серий математическими методами был применен t-критерий Стьюдента (табл. 3). Поскольку необходимым условием при вычислении критерия является численность серии не меньше 30-ти, мы сделали поправку в численности серии инвентарных погребений (N=30). Таким образом,

мы имеем дело с несколько более завышенными показателями t-критерия, что будет акцентировать различия между сериями, если они есть, и в то же время подтвердит принадлежность обеих серий к одной генеральной совокупности, если достоверные различия не будут найдены.

Сопоставление данных двух серий с разным погребальным обрядом одного некрополя показало, что серии достоверно отличаются друг от друга по продольным размерам черепа, длине основания лица, высоте орбиты, симотической высоте. В то же время нельзя игнорировать идентичность серий практически по всем размерам лицевого скелета и широтным показателям мозговой капсулы, что наводит на мысль об общей антропологической платформе в формировании данных краниотипов.

В ходе работы была выдвинута гипотеза, что в погребениях с инвентарем могли быть захоронены марийцы-новокрещены, сохранившие в своей

погребальной обрядности традицию обеспечивать умершего необходимыми в загробной жизни вещами. С целью проверки этой гипотезы был проведен сравнительный анализ исследуемой серии с материалами по горным и луговым мари. Сразу оговоримся, что по антропологическим данным мы не сможем выяснить этническую принадлежность погребенных на некрополе Входоиерусалимской церкви. Мы можем только обрисовать антропологический портрет погребенных и искать ему аналогии среди тех или иных серий, чья этническая принадлежность зафиксирована.

Наиболее подробная краниологическая характеристика серий горных и луговых мари приведена в работах М.С. Акимовой (1958, 1960) и В.П. Алексева (1964). Так, М.С. Акимова, изучив материалы могильников горных и луговых мари XVI–XVIII вв., пишет о значительных различиях между черепами горных и луговых мари.

По основным размерам мозгового отдела обе серии укладываются в пределы средних величин, но по продольному и высотному диаметрам черепа луговых мари дают сдвиг в сторону малых величин, а черепа горных мари, напротив, в сторону больших. В связи с большей длиной черепа у горных мари длиннее также основание черепа и лица. По черепному указателю обе серии мезокранны, но черепа горных мари тяготеют к долихокрании. Заметные различия наблюдаются также и в некоторых размерах лица. При почти одинаковой высоте ширина его по всем трем широтным диаметрам у горных мари больше. У них также несколько шире орбиты и нос. Лоб более наклонный, надбровье развито сильнее. В вертикальной плоскости лицо в

обеих сериях ортогнатное, но в группе горных мари имеется склонность к мезогнатности. В горизонтальной плоскости лицо у последних более профилировано. Угол носовых костей к линии общего профиля значительно выше. Подводя итог, М.С. Акимова пишет, что в целом черепа горных мари оказываются несколько более европеоидными (Акимова, 1958).

Позже В.П. Алексеев объединил все ранее изученные материалы в единую серию, добавив к ним несколько черепов из фондов Музея антропологии и этнографии, с кафедр нормальной анатомии Казанского медицинского университета и Военно-медицинской академии. Сравнивая все финноязычные народы, Алексеев приходит к выводу, что нет основания выделять в составе Поволжских финнов субуральский и сублапоноидный типы. Предложив оставить один – субуральский, отличающийся от классических вариантов уральской расы заметно большей долей европеоидного компонента (Алексеев, 1969).

В качестве сравнительного материала были привлечены две мари́йские серии, опубликованные В.П. Алексеевым (1969), а также неопубликованные данные одного из авторов данной статьи (объединенные в одну серию черепа из двух горно-мари́йских могильников XVI–XVII вв. из раскопок Т.Б. Никитиной). Результаты анализа представлены в таблице 3.

Сравнение серии инвентарных погребений и горных мари (серия В.П. Алексева) показало, что эти две серии представлены разными антропологическими вариантами, сходство между которыми фиксируется лишь по отдельным признакам. Напротив, сопоставление краниологических

особенностей исследуемой серии с луговыми мари́йцами выявило определенное сходство между сравниваемыми материалами. При абсолютно разных формах мозговой коробки между сериями практически нет достоверных различий по размерам лицевого скелета, за исключением более высоких орбит и менее выступающего носа у луговых мари. Данное обстоятельство может свидетельствовать о том, что эти типы сформировались на одной антропологической основе, но подверглись изменению в результате различных этнических процессов. Сравнение данных инвентарных погребений с таковыми у горных мари (серия Е.М. Макаровой) показало, что эти две серии могут быть объединены в рамках одного антропологического варианта. Найденные различия в размерах мозговой капсулы несущественны, а значения признаков не выходят за границы одной категории. Различия в строении носовых костей, хотя и статистически значимы, но такой размах изменчивости симотической высоты и угла выступления носа допустим в рамках одного краниологического типа.

Закономерно возникает вопрос, почему материалы инвентарных погребений обнаружили сходство с одной горно-мари́йской серией и кардинальные различия с другой. Одна из причин – серия В.П. Алексеева сборная. Работая в русле тенденций своего времени, Валерий Павлович объединил в одну серию все ранее изученные материалы, а также современные мацерированные черепа из медицинских вузов. Как следствие, выборка получилась многочисленной, но неоднородной, в отличие от материалов Е.М. Макаровой. Безусловно, вопрос этот

интересен. Он требует детального изучения всего массива материалов как по горным, так и по луговым мари. Подобные изыскания выходят за рамки настоящей работы и, как считают авторы, должны стать предметом отдельного исследования.

Таким образом, на территории Входоиерусалимского некрополя Царевококшайска прослежена категория инвентарных погребений, которые мы атрибутируем как погребения мари́йцев-новокрещенов. На начальном этапе христианизации мари́йцы сохранили свою древнюю традицию класть в погребения сопутствующие предметы – украшения, предметы быта и вооружения. Это связано с достаточно поверхностным проникновением православных традиций в мари́йскую культуру в XVII – первой половине XVIII в. Такого рода погребения отражают начальный этап формирования мари́йского двоеверия, в котором христианская вера мирно соседствует с мари́йской традиционной религией. По всей вероятности, новокрещенские погребения Входоиерусалимского некрополя можно связать с такой категорией населения Мари́йского края, как «служилые новокрещены». Это мари́йцы, проживавшие в ближайших к Царевококшайску деревнях, которые были первыми обращены в православие в первой половине XVII века.

Антропологический и краниологический анализ, проведенный Е.М. Макаровой, показал, что черепа из погребений с инвентарем некрополя Входоиерусалимской церкви относятся к европеоидному типу с незначительной монголоидной примесью местных поволжско-приуральских истоков.

Таблица 3

Сравнительная краниологическая характеристика при помощи t-критерия Стьюдента

Признаки по Мартину	X_1	$\sigma(X_1)$	X_2	X_3	X_4	X_5	$t_{st} - X_1 - X_2$	$t_{st} - X_1 - X_3$	$t_{st} - X_1 - X_4$	$t_{st} - X_1 - X_5$
1. Продольный диаметр	176,0	4,7	179,4	185,0	181,4	177,2	2,027*	7,266***	3,813***	0,913
8. Поперечный диаметр	138,8	4,0	140,8	141,0	141,8	135,8	1,638	1,959	2,708**	2,710**
17. Высотный диаметр	135,2	5,0	134,1	136,9	131,7	132,1	0,786	1,303	2,728**	2,328*
5. Длина основания черепа	98,0	3,0	102,2	103,1	99,2	98,4	3,523***	5,231***	1,353	0,419
9. Наименьшая ширина лба	96,2	3,7	97,8	98,1	96,7	97,1	1,606	2,165**	0,466	0,945
11. Ширина основ. черепа	124,0	4,4	123,7	128,7	126,4	122,0	0,228	4,094***	2,014*	1,804
12. Ширина затылка	111,9	3,9	113,4	113,1	111,6	110,1	1,117	1,240	0,263	1,758
45. Скуловая ширина	132,6	5,6	129,7	135,3	132,3	131,5	1,845	2,073*	0,241	0,824
40. Длина основания лица	95,8	5,1	99,8	99,9	95,5	97,2	2,727**	3,303**	0,222	0,903
48. Верхняя высота лица	69,8	3,3	71,6	70,8	69,5	68,5	1,073	1,138	0,237	1,182
55. Высота носа	48,5	2,2	49,6	52,1	50,0	48,1	1,528	5,240***	1,986	0,532
54. Ширина носа	24,5	2,0	24,6	26,0	24,8	24,8	0,195	3,099**	0,561	0,653
51. Ширина орбиты	40,6	0,5	40,2	42,0	40,3	40,5	1,017	4,470***	1,253	0,325
52. Высота орбиты	31,0	1,9	32,5	32,8	32,5	31,5	2,850**	4,002***	2,834**	0,941
SC. Симотическая ширина	8,4	2,5	9,5	8,5	8,5	8,3	1,805	0,152	0,136	0,146
SS. Симотическая высота	3,4	1,1	4,1	3,9	3,6	4,3	2,366*	2,041*	0,922	3,768***

Углы													
77. Назо-малярный угол	139,9	5,0	139,0	141,8	140,4	139,3	0,743	1,735	0,385	0,460			
Zm. Зито-максиллярный угол	128,3	5,6	128,4	130,0	130,0	130,5	0,084	1,338	1,131	1,596			
75(1). Угол выступания носа	29,2	7,3	28,1	26,0	22,0	24,8	0,614	2,116*	4,351***	2,354*			
Указатели													
8:1. Поперечно-продольный	79,0	4,3	78,7	76,6	78,2	76,7	0,247	2,288*	0,802	2,298*			
17:1.Высотно-продольный	76,9	4,0	74,5	74,2	72,8	74,8	2,371**	2,991**	4,410***	2,189*			
17:8. Высотно-поперечный	97,4	3,2	95,3	97,8	92,9	97,6	1,822	0,286	4,343***	0,216			
9:8. Лобно-поперечный	69,3	3,3	69,5	69,8	68,2	71,8	0,186	0,582	1,466	2,786**			
40:5. Выступания лица	97,8	5,7	97,8	96,8	96,2	98,7	0,002	0,804	1,222	0,585			
48:45. Верхний лицевой	52,7	4,1	54,5	52,8	52,9	51,8	1,811	0,110	0,189	0,738			
54:55. Носовой	50,6	5,4	48,1	50,0	49,7	50,7	1,094	0,499	0,601	0,087			
52:51. Орбитный	76,4	5,2	81,0	78,2	80,9	77,9	2,932**	1,491	3,325**	1,039			
SS:SC. Симптический	40,4	7,3	43,4	45,9	40,9	52,5	1,342	2,491*	0,233	4,908***			

Примечание:

- X₁ – погребения с инвентарем некрополя Входоиерусалимской церкви
X₂ – безинвентарные погребения некрополя Входоиерусалимской церкви
X₃ – горные маришцы (Алексеев, 1969)
X₄ – луговые маришцы (Алексеев, 1969)
X₅ – горные маришцы (Макарова, не опубликовано)

* - достоверно при p<0,05

** - достоверно при p<0,01

*** - достоверно при p<0,001

Сравнительный анализ с использованием парного t-критерия Стьюдента выявил морфологическое сходство серии некрополя Входиерусалимской церкви с горно-марийским населением, оставившим I Выжумский и Картуковский могильники.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Айтлатов Г.Н.* Город Царевококшайск и его уезд в XVII–XVIII вв. // Страницы истории Марийского края / Отв.ред. Л.И. Ибраев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1970. С. 9–32.
2. *Акимова М.С.* Краниологическая характеристика мордвы-эрзи // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды Ин-та этнографии. Новая серия. Том LXIII. М.: Изд-во Академии наук, 1960. С. 83–117.
3. *Акимова М.С.* Краниология современного населения Мордовской и Марийской АССР // Краткие сообщения Института этнографии. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 29. С. 131–141.
4. *Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1965. 127 с.
5. *Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука, 1969. 324 с.
6. *Андреев А.А.* Город Царевококшайск: страницы истории (конец XVI века – начало XVIII века). Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1991. 96 с.
7. *Данилов П.С., Калыгина Ж.С.* Коллекция перстней из Входиерусалимского некрополя // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. Ю.А. Зеленев, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИЯЛИ, 2012. С. 166–172.
8. *Данилов П.С., Калыгина Ж.С.* Археологические данные о переходе от средневековья к Новому времени на примере Царевококшайска // Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар: Изд-во ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 141–142.
9. *Данилов П.С., Калыгина Ж.С.* Результаты археологических исследований города Царевококшайска – Йошкар-Олы в 2008–2013 годах // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том III. Казань: Отечество, 2014. С. 600–603.
10. *Иванов А.Г.* Царевококшайск в конце XVI–XVIII вв. Очерки по истории уездного города. Йошкар-Ола: МарГУ, 2011. 440 с.
11. *Макарова Е.М., Харламова Н.В.* Население Царевококшайска (Йошкар-Олы) кон. XVI – сер. XVIII вв. по данным антропологии (предварительные результаты исследования) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр.: в 2 т. Т. 2 / Отв. ред. Д. Дж. Андерсон и др. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. С. 82–88.
12. *Марийцы. Историко-этнографические очерки / Отв.ред. А.С. Казимов.* Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. 482 с.
13. *Никитина Т.Б.* Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.). По материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. 160 с.
14. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.
15. *Яблонский Л.Т.* К палеодемографии Царевококшайска // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. Ю.А. Зеленев, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИЯЛИ, 2012. С. 173–181.
16. *Яблонский Л.Т.* Палеодемографические материалы из раскопок позднесредневековой Йошкар-Олы (Царевококшайска) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 337–338.

17. Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Jena, 1928. Bd. II. P. 579–991.

Информация об авторах:

Данилов Павел Степанович, старший научный сотрудник, Марийский государственный университет, Национальный музей РМЭ им.Т. Евсеева (г. Йошкар-Ола, Россия); paszulya@mail.ru.

Макарова Екатерина Михайловна, научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет; лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ekaterina.m.makarova@gmail.com.

Блинова Дарья Сергеевна, научный сотрудник, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); daschenka93@mail.ru

THE “NEOPHYTES” FROM THE VKHODOIERUSALIMSKII NECROPOLIS IN TSAREVOKOKSHAISK: HISTORICAL, ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

P.S. Danilov, E.M. Makarova, D.S. Blinova

The article offers a historical, archaeological and anthropological analysis of the earliest group of burials from the Vkhodoierusalimskii necropolis in Tsarevokokshaisk. These are burials with grave goods, which are defined by the archaeologists as burials of the Christianized Mari. The authors address the specific location of the Vkhodoierusalimskii necropolis within the system of other necropolises and religious buildings of Tsarevokokshaisk. They give a brief overview of studies conducted on this necropolis. They specifically focus on development of the neophyte Mari group and their settlement in towns and villages surrounding Tsarevokokshaisk. Data are based on source studies in late 16th – 18th c. Mari El conducted by the historians. The funerary rite of the Mari neophytes from the Vkhodoierusalimskii necropolis is considered in the context of synchronous Mari funerary sites of 17th – 18th centuries. The article provides description of the main groups of grave goods from its burials. Anthropological analysis includes craniological characteristics of some skulls and overall series. Comparison of these anthropological materials with the earlier studied Mari series points to the lack of any reliable distinctions between the series of burials with grave goods from the Vkhodoierusalimskii necropolis and the mountain Mari of 16th – 17th centuries.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, late 16th – 18th centuries, Tsarevokokshaisk, historical necropolises, neophytes, funerary rite, grave goods, palaeoanthropology, craniological analysis

REFERENCES

1. Aiplatov, G. N. 1970. In Ibraev, L. I. (ed.). *Stranitsy istorii Mariiskogo kraia (Pages from the History of the Mari Land)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 9–32 (in Russian).
2. Akimova, M. S. 1960. In *Voprosy etnicheskoi istorii mordovskogo naroda (Issues of Ethnic History of the Mordovian People)*. Proceedings of the Institute of Ethnography, New Series LXIII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 83–117 (in Russian).
3. Akimova, M. S. 1958. In *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii (Concise Bulletins of the Institute of Ethnography)* 29. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 131–141 (in Russian).
4. Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1965. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniĭ (Cranio-metry. Methodology of Anthropological Research)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
5. Alekseev, V. P. 1969. *Proiskhozhdenie narodov Vostochnoi Evropy (Origins of the Peoples of Eastern Europe)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

6. Andreianov, A. A. 1991. *Gorod Tsarevokokshaisk: stranitsy istorii (konets XVI veka – nachalo XVIII veka)* (*The Town of Tsarevokokshaisk: Pages from History (Late 16th — Early 18th Centuries)*). Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
7. Danilov, P. S., Kalygina, Zh. S. 2012. In Zeleneev, Yu. A., Nikitina, T. B. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 6. Yoshkar-Ola: Mari State University; Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 166–172 (in Russian).
8. Danilov, P. S., Kalygina, Zh. S. 2013. In *XIX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (19th Ural Archaeological Session)*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 141–142 (in Russian).
9. Danilov, P. S., Kalygina, Zh. S. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* III. Kazan: “Otechestvo” Publ., 600–603 (in Russian).
10. Ivanov, A. G. 2011. *Tsarevokokshaisk v kontse XVI–XVIII vv. Ocherki po istorii uездного goroda (Tsarevokokshaisk in Late 16th — 18th Centuries: Essays on History of a District Town)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
11. Makarova, E. M., Kharlamova, N. V. 2013. In Anderson, D. J., et al. (eds.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 2. Irkutsk: Irkutsk State Technical University, 82–88 (in Russian).
12. Kazimov, A. S. (ed.). 2013. *Mariitsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki (Mari People: Historical and Ethnographical Essays)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
13. Nikitina, T. B. 1992. *Mariitsy (konets XVI – nachalo XVIII vv.). Po materialam mogil'nikov (Mari People in Late 16th — Early 18th Centuries: by Materials from Burial Grounds)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
14. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
15. Yablonsky, L. T. 2012. In Zeleneev, Yu. A., Nikitina, T. B. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 6. Yoshkar-Ola: Mari State University, Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 173–181 (in Russian).
16. Yablonsky, L. T. 2011. In Vasiliev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 337–338.
17. Martin, R. 1928. *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung*. Bd. II. Jena, 579–991.

About the Authors:

Danilov Pavel S. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; The National Museum of the Mari El Republic named after T.E. Evseev. Sovetskaiia St., 153, Yoshkar-Ola, 424006, Mari El Republic, Russian Federation; paszulya@mail.ru

Makarova Ekaterina M. Kazan (Volga) Federal University. Kremlin St., 18, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ekaterina.m.makarova@gmail.com

Blinova Daria S. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; daschenka93@mail.ru

УДК 623.11

О ФОРТИФИКАЦИИ «ВЕЛИКОГО ГОРОДА» – БИЛЯРА

©2016 г. А.М. Губайдуллин, Ф.Ш. Хузин, З.Г. Шакиров

В статье отражены результаты археологических исследований фортификации городища Биляр – столицы Волжской Булгарии в домонгольское время. Его оборонительные сооружения представляли собой мощные системы валов, рвов и деревянных укреплений, расположенных в несколько рядов. Исследованы две основные линии обороны – внешнего и внутреннего города. Внешний пояс обороны городища состоит из трех параллельных рядов валов и рвов и был сооружен в течение трех строительных периодов. Внутреннюю линию обороны образуют два ряда валов и рвов, исследования которых выявили следы четырех строительных периодов. Все периоды строительства оборонительных сооружений Биляра укладываются в хронологические рамки первой половины X – начала XIII веков.

Кроме того, в 25 м от наружного вала были прослежены два ряда столбовых ям – возможно, остатки еще одной фортификационной линии, которая препятствовала непосредственному штурму основных укреплений. Вопрос о существовании цитадели Биляра пока остается открытым.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Билярское городище, фортификационные сооружения, вал, ров, частокол.

Билярское городище – остатки «Великого города» – расположено в регионе Закамье, в бассейне р. Малый Черемшан, по обоим берегам р. Билярки на равнинной местности. Занимаемая памятником площадь – 570 га (с примыкающими посадами около 800 га). Оно имеет мощные укрепления в виде валов и рвов, разделяющих городище на внутренний и внешний город. Средняя высота валов – 2–3 м, ширина – до 20 м, глубина рвов – 2,5–3 м, ширина – 15–18 м (рис. 1). Поселение датируется только домонгольским периодом истории Булгарского государства. Как укрепленный город, возникнув еще в X веке, оно существовало до первой трети XIII века, погибнув осенью 1236 года во время монгольского нашествия.

В процессе многолетних исследований памятника, археологическими экспедициями были изучены линии

обороны как внешнего, так и внутреннего города, которые составляют его структуру.

Оборонительные сооружения внешнего города. Внешний пояс обороны состоит из трех параллельных валов и рвов (рис. 2). Их изучение позволило установить, что самые ранние укрепления внутреннего ряда представляли собой лишь линию частокола и узкую канаву. Основываясь на комплексе найденного археологического материала, эта линия датируется первой половиной X в.

Следующий этап в строительстве линии обороны связывается уже с сооружением земляных насыпей. Ширина основания земляного вала составляла 760 см, а высота – 140 см, который сложен в основном из плотного суглинки (Хузин, 1985, с. 65). Что касается деревянных укреплений, то в процессе работ удалось зафиксировать лишь

Рис. 1. Снимок Билярского городища из космоса (ресурс SASPlanet).

Fig. 1. Space photo of the Bilyar fortified settlement (source: SASPlanet).

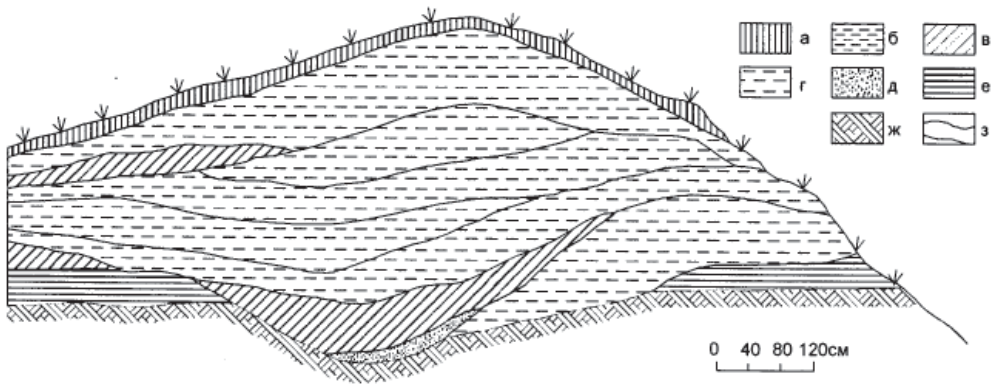

Рис. 2. Профиль внутреннего вала внешней линии обороны в раскопе VI 1968 г. (а – дерн; б – глинистые и суглинистые насыпи с пестроцветными включениями; в – культурный слой (серая и темно-серая супесь); г – золистые прослои; д – углистые прослои; е – погребенная почва; ж – материк; з – насыпи валов разного времени).

Fig. 2. Profile of the internal wall of the external defense line in dig VI (1968) (a – turf; б – loamy and argillaceous mounds with mottled impurities; в – cultural layer (gray and dark-gray sandy clay); г – ashy strata; д – carbonaceous strata; е – buried soil; ж – bedrock; з – mounds of walls of different time periods).

небольшую ямку с древесным тленом в верхней части насыпи, а сооружение самого вала относится к первой половине XI в. Только уже с третьим строительным периодом связывается перестройка укреплений и значительное увеличение насыпи. Согласно стратиграфии и комплексу находок она датируется XII – началом XIII веков, а уничтожение наземных укреплений связано со временем монгольского нашествия (Хузин, 1985, с. 69).

По определению Ф.Ш. Хузина, по вершине вала были устроены деревянные укрепления, чьи следы зафиксированы непосредственно под дерном в виде параллельных канавок заполненных гумусированной супесью. Они располагались вдоль оси оборонительной насыпи на расстоянии 210 см друг от друга. По мнению исследователя, данные объекты представляли собой следы от нижних венцов стены, которая имела вид городской (Хузин, 1985, с. 71).

При исследовании средней линии укреплений было установлено, что вал состоял из чернозема с включениями материкового суглинка. Наибольшая высота его составляла 100–120 см при ширине основания около 8–10 м. Следов деревянных сооружений выявить не удалось. Отсутствие же следов рва могло компенсироваться руслом р. Елшанки, протекавшей между линиями укреплений. Судя по найденному археологическому материалу, эта насыпь датируется временем не раньше второй половины XII в.

Рассматривая фортификационные сооружения внешней обороны Биллярского городища, необходимо отметить одну важную деталь в ее системе. В 25 м от наружного вала в результате исследований были прослежены две линии параллельных «глубоких и широких столбовых ям с промежутком в 20 м между ними» (Халиков, 1976, с. 54) (рис. 3). Вполне возможно, что мы имеем дело с фортификационной по-

стройкой, получившей название фоссебрея, которая препятствовала непосредственному штурму основных укреплений – не позволяла сразу подойти атакующим колоннам и подвезти близко осадную технику, но обороняющиеся могли выдвигаться вперед и вести обстрел противника еще на подступах к городу, не подпуская его на близкое расстояние.

Нужно отметить, что это немало важно, т.к. непосредственный штурм любых основных крепостных сооружений часто должен был приводить и приводил к их захвату. Возможно, что она была устроена в виде частокола, наиболее простого защитного сооружения. Это не требовало при строительстве значительных материальных затрат, тем не менее могло эффективно использоваться при обороне.

Такого же типа внешние укрепления строились в средневековье и на территории Западной Европы. Привлекает внимание то, что и они представляли собой деревянные палисады, построенные из невысоких бревен в рост человека. Вызывает также интерес их месторасположение – они размещались на примерно таком же расстоянии от основных укреплений – от 20 до 30 шагов (Виолле-ле-Дюк, 2009, с. 173, 229). Скорее всего, в очередной раз мы имеем дело с общими правилами и одинаковыми расчетами в военно-инженерной науке того времени, касающихся принципов обороны фортификационных сооружений.

Оборонительные сооружения внутреннего города. Внутренняя линия обороны состоит из двух рядов рвов и валов (рис. 4). Средневековые строители при возведении укреплений, частично спрямив, использовали морфологические особенности ландшафта,

а именно русла рек Билярки (с юго-западной стороны) и Малой Елшанки (в северо-восточной части). Археологические исследования начала 1980-х и 2009 года выявили и позволили уточнить сложную стратиграфическую картину (Аськеев и др., 2010, с. 54–55).

Внутренний вал содержал в себе следы четырех строительных периодов (рис. 5). Здесь насыпь первого строительного периода состояла из плотной гумусированной супеси темно-коричневого цвета. По обеим сторонам этого первоначального вала были зафиксированы узкие канавки и столбовые ямки. Данная насыпь была стратиграфически увязана с нижним горизонтом культурного слоя Билярского городища, датируемого первой половиной X в. (Хузин, Кавеев, 1985, с. 45).

Следующий строительный период, зафиксированный исследователями, характеризовался увеличением мощности насыпи, которая была сложена из чередующихся слоев плотного коричневого суглинка, темно-серой супеси, пестроцвета и желтой материковой глины. В процессе исследований никаких следов деревянных конструкций выявлено не было (Хузин, Кавеев, 1985, с. 48).

Само возведение наиболее мощных оборонительных насыпей относится к третьему и четвертому строительным периодам. В это время вал был наращен путем подсыпки мощных пластов материкового суглинка. Исследователями были выявлены и остатки наземных укреплений, которые дошли до нас в виде «...обугленных остатков частокола-тына из плотно подогнанных друг к другу толстых плах, поставленных на гребне вала» вдоль

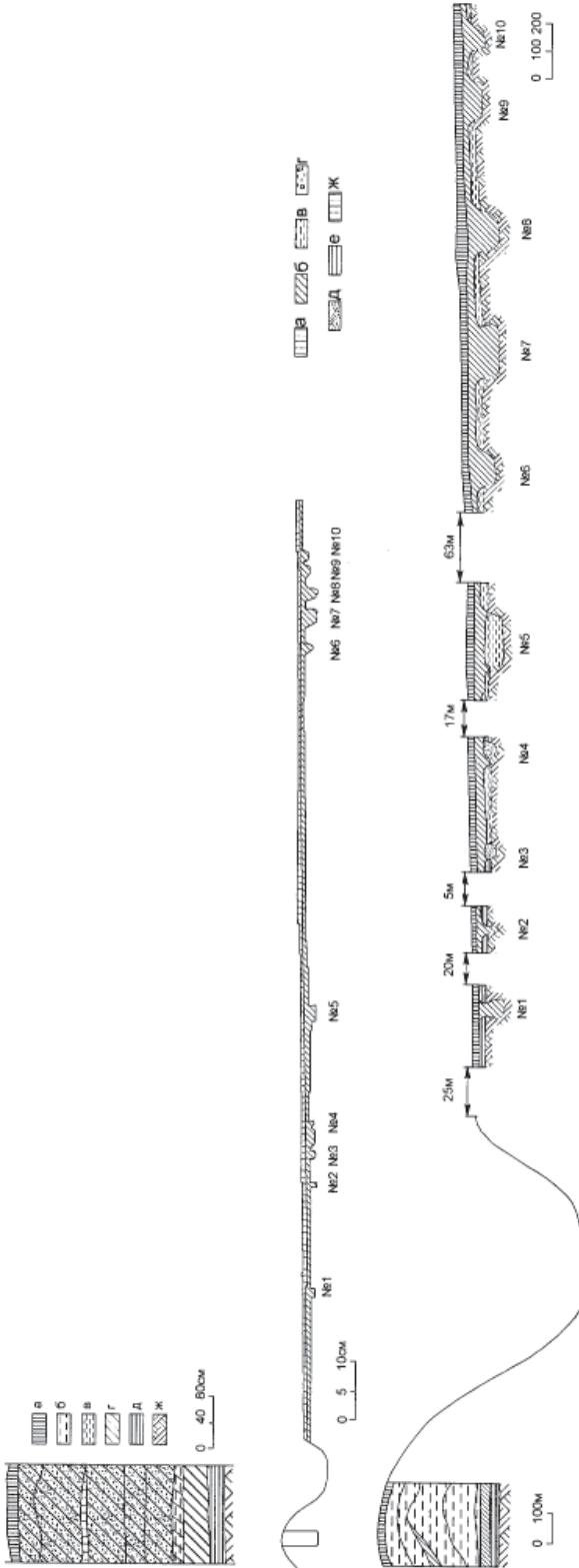

Рис. 3. Профили внешней линии обороны (по А.Х. Халикову, 1976 г.): 1 – средний вал, 2 – внешний вал и загородная часть за валами с северной стороны траншеи № 4 (общая схема, профиль в деталях).

Fig. 3. Profiles of the external line of defense (after A.Kh. Khalikov, 1976): 1 – middle wall, 2 – external wall and suburban territory behind the walls to the north of trench no. 4 (general scheme, profile in detail).

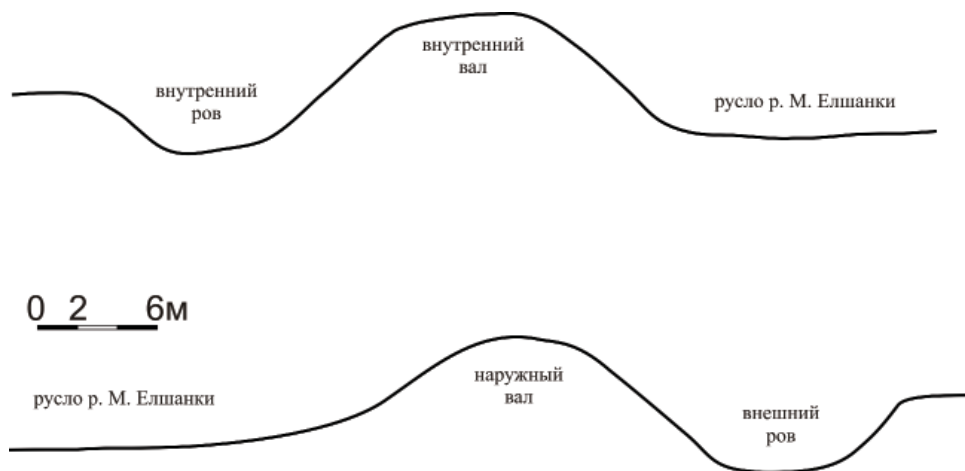

Рис. 4. Профилировка укреплений внутреннего города.

Fig. 4. Profiling of fortifications of the internal city.

вершины его внешней отлогости. Все четыре периода строительства оборонительной насыпи и ее функционирование, таким образом, укладываются в хронологические рамки – с первой половины X века по 1236 год. Первая насыпь – 1-я половина X века, вторая – XI–XII века, третья – вторая половина XII века, четвертая – начало XIII в. (Хузин, Кавеев, 1985, с. 48, 52). С последним строительным периодом можно соотносить и возникновение внутреннего рва, выявленного при исследованиях 2009 года (рис. 6), грунт из которого использовался для наращивания вала.

Следующий, внешний ряд укреплений, расположен на расстоянии около 30 м от внутреннего. Он состоит из вала и рва. В процессе работ каких либо следов надвальных сооружений не было прослежено. По мнению авторов исследований, сооружение этой линии относится ко второй половине XII в. (Хузин, Кавеев, 1985, с. 53–54). До них, по материалам раскопок XV и XVI в районе «караван-са-

рая», схожую точку зрения выдвигал А.Х. Халиков, связывавший строительство внешнего вала внутренней линии укреплений с последствиями похода владимирского князя Всеволода в 1183 году (Халиков, 1976, с. 50).

Таким образом, основываясь на полученных материалах исследований «Великого города» – Биляра, – мы можем проследить почти всю эволюцию болгарских оборонительных сооружений – от самых простых до наиболее сложных. Этот факт является показателем развития фортификационных сооружений в целом за все время существования Волжской Булгарии.

Выявленные на памятнике самые ранние укрепления представляли собой небольшую насыпь, частокол и неглубокий ров с напольной стороны. Однако это вряд ли может говорить о том, что болгары не знали других типов оборонительных конструкций. Видимо, на определенный промежуток времени столь простые сооружения были достаточны. Вскоре, однако, они перестраиваются. В связи с этим

Рис. 5. Фото разреза вала, зачищенного в 2009 г. Вид с северо-запада.

Fig. 5. Photo of a section of the wall cleared in 2009. View from the North-West.

Рис. 6. Фото рва, выявленного в 2009 г. Вид с северо-запада.

Fig. 6. Photo of the ditch discovered in 2009. View from the North-West.

вызывают интерес деревоземляные конструкции внутреннего города. В последний период своего существования они представляли собой довольно сложную конструкцию.

Например, в ходе археологических исследований были выявлены остатки крепостных стен из толстых плах, установленных по гребню внутреннего вала. Их исследователи интерпретировали как частокол-тын. Может показаться странным, что последний рубеж обороны такого города, каким являлось Билярское городище, состоял из довольно простых укреплений. Однако понятие «простой» еще далеко не значит «слабый». Нужно также учитывать то, что у такого важного административно-хозяйственного, торгового, военного, политического и духовного центра государства, занимавшего огромную по тем временам территорию, имелась и сложная фортификация. Кроме того, поздняя датировка этой конструкции не исключает ее спешного возведения, осуществлявшегося в процессе общего ремонта крепостных сооружений и подготовки обороны города незадолго до монгольского вторжения. То есть на каких-то участках городских линий укреплений «старые» стены могли только ремонтироваться, а на других же, из-за недостатка времени и средств, строились более легкие защитные устройства вместо предшествующих более сложных, которые пришли в непригодность.

Скорее всего, на разных участках линий обороны имелись различные по типу крепостные сооружения. Таким образом, осуществлялся принцип разумной достаточности. Об этом может говорить и использование для защиты внутреннего города русла р.

Малой Елшанки, включенной в северо-восточную часть укреплений. И здесь действительно достаточно было построить только стены типа тыновой ограды. Можно предположить, что наклонное положение стены, которое выявилось в процессе исследований, говорит о наличии здесь разрушенных укреплений (рис. 7). По-видимому, они были завалены в процессе их уничтожения во время или после штурма города. Не исключено, что подтверждением применения такой конструкции могут свидетельствовать и использованные в ее устройстве плахи, имеющие аналогии в древнерусском военном зодчестве (Енуков, Енукова, 1993, с. 48–50).

При наклоне внутрь данный тип крепостных стен позволял обороняющимся иметь открытой подошву укреплений и эффективно ее обстреливать, а также лучше предохранял от камней и копий как само сооружение, так и его защитников (Бусмар, 1818, с. 4). Наклон этой постройки давал возможность отразить рикошетом выпущенные метательными машинами снаряды с наименьшим ущербом для всей оборонительной постройки, в том числе и для прикрытия боевого хода. Таким образом, значительная часть энергии летящего камня при ударе теряла свою разрушительную силу.

Деревянная ограда параллельной наружной линии укреплений, располагавшейся на расстоянии около 30 м, выявлена не была, причиной тому, возможно, являлось оплывание вала. Судя по незначительной мощности насыпи, она представляла собой дополнительное оборонительное сооружение, препятствовавшее прямому штурму основного рубежа. В связи с

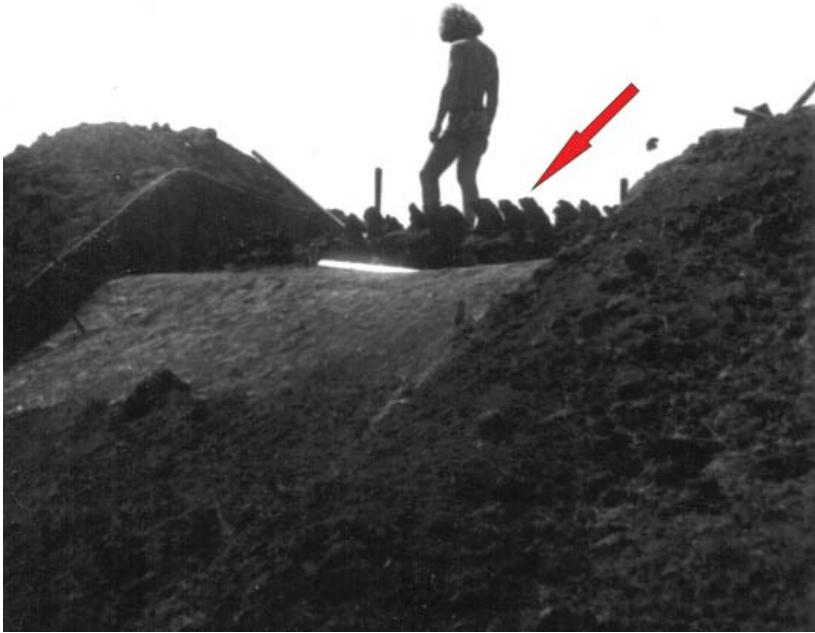

Рис. 7. Фото наклонных деревянных плах на гребне вала, 1976 г.

Fig. 7. Photo of the sloping wooden blocks, 1976.

этим вряд ли деревянное ограждение на ней отличалось какой-либо степенью сложности. Скорее всего, оно могло быть устроено в виде частокола или, что также может быть, столбовой конструкции. Не исключается возможность и устройства булгарами одной лишь оборонительной насыпи в виде дополнительного препятствия без каких-либо надземных стен из дерева.

Не менее примечательным в области фортификации является внешний пояс укреплений, состоящий из трех линий обороны. Первоначальные сооружения, как во внутреннем городе, представляли собой лишь частокол, невысокую насыпь и неглубокий ров. Второй строительный период внутренней линии обороны характеризовался увеличением насыпи и строительством крепостной стены в виде столбовых конструкций. Наземные укрепления третьего строительного

периода представляли собой более сложную картину. По-видимому, они имели уже вид городней. Таким образом, только на примере одной линии обороны мы можем видеть эволюцию в военном зодчестве Волжской Булгарии от простого к сложному.

К сожалению, не удалось определить облик крепостных надвальных сооружений средней линии. Лишь во внешнем валу были прослежены следы «углублений-ямок», относящихся к предмонгольскому периоду. Возможно, они представляют собой остатки оборонительной стены в виде частокола с боевой площадкой с внутренней стороны.

Можно констатировать факт, что оборона «Великого города» – Биляра – отличалась значительной сложностью (рис. 8). Ее искусственные рубежи имели три пояса фортификационных сооружений. Однако необходимо иметь в виду, что крепостные стены

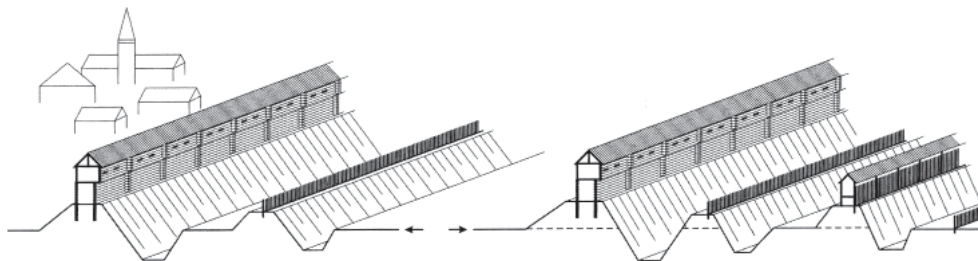

Рис. 8. Вариант реконструкции линий обороны Биляра первой трети XIII в.

Fig. 8. A variant of reconstruction of Bilyar's defense lines in the first third of 13th c.

Билярского городища вряд ли были единообразны по всей длине валов. Скорее всего, с наиболее угрожаемых сторон могли устанавливаться мощные конструкции или, наоборот, там, где опасность нападения была меньше, – более простые.

Судя по окружающему ландшафту и линиям обороны, наиболее опасными для города и удобными для штурма были юго-восточная, восточная и частично северо-восточная стороны. Именно здесь находятся три ряда внешних валов и рвов, а также относительно ровная прилегающая местность. Также некоторым подтверждением этого являются зафиксированные в юго-восточной части укрепления внутреннего города небольшие впадины, устроенные в валах в виде окопов-шанцев. Сейчас они считаются остатками хозяйствен-

ных сооружений русского села Билярска. Однако, согласуясь с их формой и мнением исследователя XIX века А.И. Артемьева, можно предположить устройство этих объектов стрельцами (Артемьев, 1851, с. 13). Ими в Билярске был построен острог, входивший в русскую засечную черту. Поэтому не случайно, что, как и ранее булгарами, данному направлению оказывалось особое внимание.

Несмотря на относительно небольшое количество вскрытых раскопов и площадей, все же мы имеем определенное представление, касающееся общего облика крепостных сооружений Билярского городища, основанное на археологических исследованиях. Что же касается возможного существования цитадели «Великого города», – вопрос остается пока открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьев А.[И.] Древний Болгарский город Жукотин // ЖМВД. СПб.: Изд-во Министерства внутренних дел, 1851. Ч. XXXIII. Кн. 1. С. 56–74.

2. Аськеев И.В., Валулина С.И., Галимова Д.Н., Ермолаев О.П., Мельников Л.В., Рогова Т.В., Ситдииков А.Г., Шайхутдинова Г.А., Шакиров З.Г. Центральное Закамье: природно-культурный ландшафт Билярской моноцентрической агломерации // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки, 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. С. 53–63.

3. Бусмар [Г-И.] Общий опыт фортификации или науки военного укрепления с атакою и обороною крепостей, в котором обе сии науки объяснены одна другою для употребления всех военных людей. СПб.: Типография Н.И. Греча, 1818. 326 с.

4. Виоле-ле-Дюк Э. Осада и оборона крепостей. Двадцать два столетия осадного вооружения. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. 378 с.

5. Енуков В.В., Енукова О.Н. Оборонительные сооружения славян Посеймья (по материалам Ратского городища) // Археология и история юго-востока Древней Руси (по материалам научной конференции). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1993. С. 47–50.

6. Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 41–57.

7. Хузин Ф.Ш., Кавеев М.М. Исследования внутренней линии обороны Билярского городища // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 41–57.

8. Хузин Ф.Ш. Укрепления внешней линии обороны Билярского городища (к вопросу о времени возникновения и этапах строительства) // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 58–90.

Информация об авторах:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, заместитель директора, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, зав. отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); zufar_alchi@mail.ru

ON FORTIFICATION OF “THE GREAT CITY” OF BILYAR

A.M. Gubaidullin, F.Sh. Khuzin, Z.G. Shakirov

The article offers results of the archaeological study of fortifications on the Bilyar fortified settlement – the capital of the Volga Bulgaria in pre-Mongol time. Its defensive structures represent complex systems of walls, ditches and wooden fortifications set in several lines. Two main lines of defense were studied: the external and the internal cities. The external belt of defense of the settlement consists of three parallel rows of walls and ditches and was erected in three construction periods. The internal line of defense consists of two rows of walls and ditches, and the study revealed traces of four stages of construction there. All stages of defense works in Bilyar chronologically fit within the first half of 10th – early 13th centuries.

Besides, two rows of pillar pits were found at the distance of 25 m from the external wall: they seem to be what remains of another fortification line, used to hinder the immediate attack on the main fortifications. The question about the citadel of Bilyar is still open.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Bilyar fortified settlement, fortifications, wall, ditch, palisade.

REFERENCES

1. Artem'ev, A. [I.] 1851. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del (Journal of the Ministry of Internal Affairs)* XXXIII (1). Saint Petersburg, 56–74 (in Russian).
2. As'keev, I. V., Valiulina, S. I., Galimova, D. N., Ermolaev, O. P., Mel'nikov, L. V., Rogova, T. V., Sitdikov, A. G., Shaikhutdinova, G. A., Shakirov, Z. G. 2010. In *Uchenye zapiski Kazanskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities). Vol. 152, book 3, part 1, 53–63 (in Russian).

3. Busmar, [G.-I.] 1818. *Obshchii opyt fortifikatsii ili nauki voennogo ukrepleniia s atakoiu i oboronoiu krepostei, v kotorom obe sii nauki ob"iasneny odna drugoiu dlia upotrebleniia vsekh voennykh liudei (General Experience of Fortifications, or the Science of Military Enhancement, with Assault and Defence of Fortresses, whereas both sciences explain each other; for use by all military men)*. Saint Petersburg: N. I. Grech's Typography (in Russian).

4. Viollet-le-Duc, E. 2009. *Osada i oborona krepostei. Dvadsat' dva stoletii osadnogo vooruzeniia (Siege and Defence of Fortresses: Twenty two centuries of Siege Armament)*. Moscow: "ZAO Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).

5. Enukov, V. V., Eukova, O. N. 1993. In *Arkheologiia i istoriia iugo-vostoka Drevnei Rusi (po materialam nauchnoi konferentsii) (Archaeology and History of the South-Eastern Part of Ancient Rus' (on the proceedings of scientific conference))*. Voronezh: Voronezh State University, 47–50 (in Russian).

6. Khalikov, A. Kh. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 41–57 (in Russian).

7. Khuzin, F. Sh., Kaveev, M. M. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voенно-oboronitel'noe delo domongol'skoi Bulgarii (Military and Defence Systems in pre-Mongol Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 41–57 (in Russian).

8. Khuzin, F. Sh. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voенно-oboronitel'noe delo domongol'skoi Bulgarii (Military and Defence Systems in pre-Mongol Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 58–90 (in Russian).

About the Authors:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Shakirov Zufar G. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Assistant Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; zufar_alchi@mail.ru

Заметки

УДК 902

«БОЛЬШИЕ КЛЮЧИЩИ» УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК НОВЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

© 2016 г. Е.Е. Воробьева, М.И. Федулов

Вводятся в научный оборот материалы археологических исследований, проведенных в 2010 г. отрядом Поволжской Археологической экспедиции Марийского государственного университета на территории Ульяновской области РФ. Среди исследованных археологических памятников наибольший интерес представляют два поселения, расположенные у с. Большие Ключищи Ульяновского района Ульяновской области. В ходе раскопок этих поселений был получен разновременный вещественный материал, что позволяет говорить о многослойности археологического комплекса «Большие Ключищи». На обоих поселениях была найдена лепная керамика срубной культуры XVI–XIII вв. до н.э. Кроме того, на поселении Большие Ключищи-7 обнаружены изделия из железа и шлак, а на поселении Большие Ключищи-8 – фрагменты гончарной болгарской керамики XIII–XIV вв.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, эпоха бронзы, срубная культура, средние века, болгарская керамика, археологический комплекс, поселение.

Осенью 2010 года отрядом Поволжской археологической экспедиции Марийского государственного университета (далее – ПАЭ МарГУ) были проведены научно-исследовательские археологические исследования на участке, отведенном под строительство газопровода-отвода «Сызрань-Ульяновск» на территории Ульяновского района Ульяновской области.

В ходе археологических исследований, проводимых в границах представленного плана землеотвода (рис. 1), наибольший интерес вызвали археологические объекты, расположенные у с. Большие Ключищи Ульяновского района Ульяновской области и объединенные под названием «Большие Ключищи».

Археологический комплекс «Большие Ключищи» включает в себя два

поселения – «Большие Ключищи-7» и «Большие Ключищи-8» (рис. 1).

Поселение «Большие Ключищи-7» располагается в 2,0 км к ССЗ от северной окраины с. Большие Ключищи Ульяновского района Ульяновской области и занимает пологий склон надпойменной террасы правого берега р. Свияга (рис. 2).

Поселение «Большие Ключищи-7» было выявлено в ходе археологической разведки под руководством А.В. Вискалина в 1990 г. (Вискалин, Овчинникова, 1995, с. 20). Тогда же исследователь определил границы поселения по площади распределения археологических находок на пашне – 300 x 150 м – и датировал данный памятник как поселение срубного населения, функционирующее с конца эпохи бронзы – начала раннего железа (Вискалин, 1995, с. 47).

Поскольку коридор проектируемой трассы газопровода проходил через предполагаемую центральную часть поселения (рис. 2), в зоне коридора проектируемой трассы на удалении от края террасы был заложен раскоп размером 40 x 4 м (160 кв. м). Следует заметить, что значительная часть площадки раскопа (за исключением южной части) представляла собой бывшую пойму реки.

В ходе археологического исследования участка поселения на глубине 8–10 см от современной поверхности на всей площадке раскопа фиксировалось наличие ошлакованного железа, а в дальнейшем – и изделий из железа.

Данный факт позволяет предположить наличие металлообрабатывающей производственной (или производственных) мастерской (мастерских) у населения данной территории.

Свидетельством существования каких-либо сооружений на рассматриваемой территории является и фиксация на глубине 60–65 см от современной поверхности, на уровне материка, в квадратах № 8, 10–12, 13, 15, 17, 20 системы столбовых ямок диаметром 15–20 см, расположенных полукругом (рис. 3–5). По всей вероятности, в ходе археологического исследования данного поселения была охвачена либо часть сооружения, либо, согласно реконструкции Ю.А. Семькина, часть оборонительной ограды поселения (Семькин, экспозиция музея). Тем не менее расположение выявленных столбовых ям позволяет авторам статьи предположить, что столбовые ямы располагались по окружности, представляя, таким образом, ступенчато-столбовую каркасную конструкцию опор шатровой кровли или часть округлой ограды вокруг жилого сооружения.

Также на уровне материка были зафиксированы 2 хозяйственные ямы: яма № 1 располагалась в кв. № 39–40, а яма № 2 – в кв. № 17, 19 (рис. 5). Яма № 1 имела заполнение мощностью до 15 см в виде коричневого суглинка в сочетании с гумусом и фрагментированным керамическим материалом. Яма № 2 глубиной до 22 см была заполнена коричневым суглинком с включениями фрагментов керамики.

В ходе археологических исследований участка поселения «Большие Ключищи-7» был получен богатый археологический материал. Это: керамика фрагментарного состояния (661 экземпляр); кремневые и обсидиановые отщепы (53 единицы); фрагментированное ошлакованное железо (159 экземпляров); кости животных (420 единиц), часть из которых (59 единиц) кальцинирована; железный нож; керамическое пряслице; фрагмент кремневого гарпуна, а также фрагменты жернова.

Анализ 661 экземпляра керамического фрагментированного материала с данного участка поселения «Большие Ключищи-7» проводился с использованием методики исследований керамических комплексов, предложенной В.А. Лопатиным для срубных поселений степного Волго-Уралья (Лопатин, 2002, с. 38–42), позволив сделать вывод о том, что вся керамика – лепная. Тесто рыхлое, с примесью песка, крупнодробленой дресвы, органики. Внешняя и внутренняя поверхности изделий заглажены и имеют следы – «расчесы» (рис. 6). Черепок глухой, толстостенный; трехслойный, в изломе проходит серая прослойка, которая может занимать 2/3 толщины стенки; цвет колеблется от кирпично-

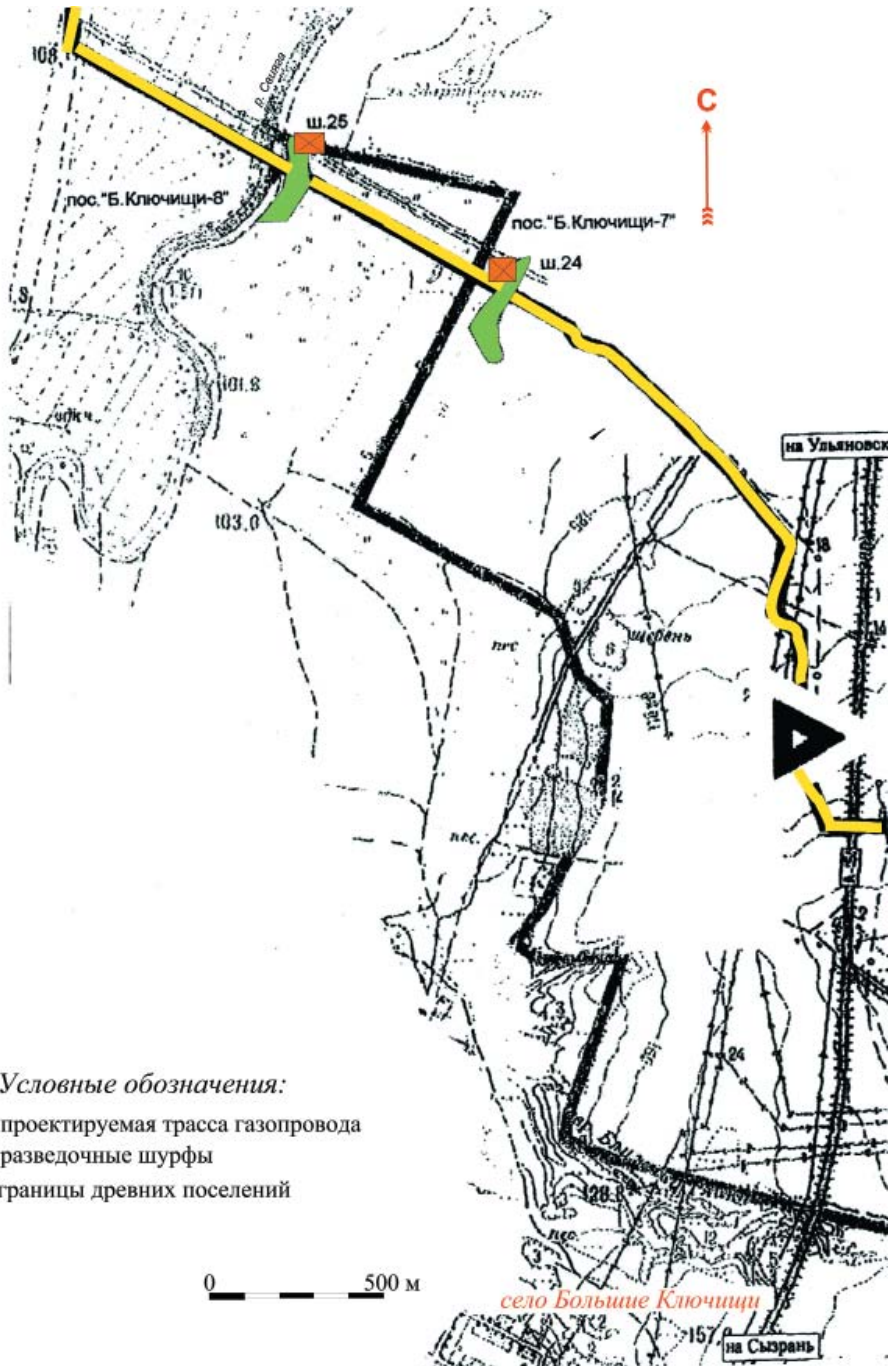

Рис. 1. Трасса газопровода «Сызрань-Ульяновск». Ульяновский район, Ульяновская область. Участок у с. Большие Ключищи. План-схема взаимного расположения обследованной трассы, разведочных шурфов и памятников археологии.

Fig. 1. 'Syzran-Ulyanovsk' gas pipeline. Ulyanovsk District, Ulyanovsk Oblast. Segment at Bolshie Klyuchishi. Schematic plan to localize the explored part of the pipeline, prospect pits and archaeological sites.

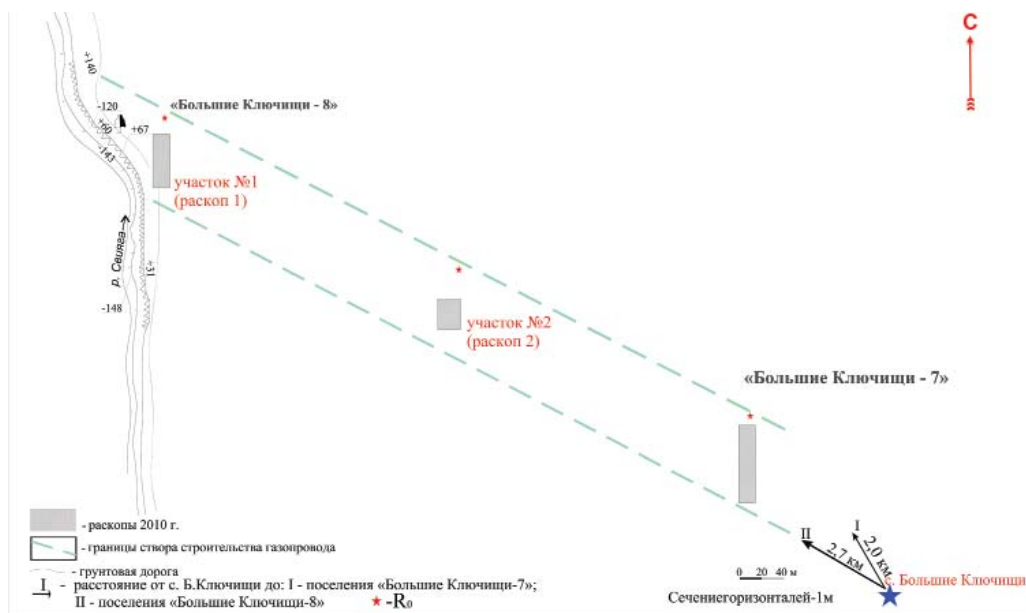

Рис. 2. Трасса газопровода «Сызрань-Ульяновск». Ульяновский район, Ульяновская область. Участок у с. Большие Ключищи. Инструментальная съемка.

Fig. 2. Gas pipeline 'Syzran – Ulyanovsk'. Ulyanovsk District, Ulyanovsk Oblast. Segment at Bolshie Klyuchishi. Instrumental survey.

красного до серо-коричневого; обжиг неравномерный.

Вся керамика представлена фрагментарно:

- венчики (57 экз.) – рис. 6:1–4;
- стенки (582 экз.) – рис. 6:5–7;
- донца (21 экз.) – рис. 6:8;
- ручки (1 экз.) – рис. 6:9.

Вся обнаруженная и анализируемая керамика на исследуемом участке представляет собой керамику бытового назначения – кухонная, что обусловило и основные ее формы. Форма сосудов – баночная, округлобокая, острореберная, колоколовидная.

Часть керамики (47 экз.) богато орнаментирована. Среди орнаментальных мотивов наиболее часто встречаются:

- насечка – рис. 6:1;
- прочерченная линия – рис. 7:1–4;
- гребенчатый оттиск – рис. 6:5–6; 7:5;

- солярные знаки – рис. 7:6;
- треугольник – рис. 7:7;
- елочка – рис. 6:7; 7:8.

В целом анализ керамического материала поселения «Большие Ключищи-7» позволил отнести его к срубной культуре и датировать XVI–XIII вв. до н.э.

Помимо керамического материала на данном участке рассматриваемого поселения наиболее многочисленными являются отщепы (53 экз.)

Любопытно отметить, что отщепы начинают фиксироваться уже с первого пласта. Обнаруженные отщепы преимущественно были изготовлены из кремня белого или серо-коричневого цветов и имели подтреугольную форму. Сохранившиеся размеры данных предметов соответствовали следующим значениям: длина 3,0–3,5 см, ширина 1,5–2,0 см, толщина 0,2–0,3 см (рис. 8:1).

Рис. 3. Система столбовых ямок. Кв. 13–20.

Fig. 3. System of pillar pits. Quarters 13–20.

Рис. 4. Столбовая яма.
Fig.4. Pillar pit.

Отщепы наблюдались и в последующих пластах. Однако следует отметить, что в нижних слоях раскопа наблюдались исключительно обсидиановые отщепы. Как это можно объяснить, пока сказать трудно. Обсидиановые отщепы были изготовлены из обсидиана светло-коричневого цвета и имели размеры –длина 3 см, ширина 1,2–2,0 см, толщина 0,2–0,25 см (рис. 8:2).

Наиболее богатым на другие находки оказался третий пласт (35–40 см от дневной поверхности), на уровне которого были зафиксированы нуклеусы, жернов, нож, пряслице, терочник, пестик (рис. 9–10).

Сохранившиеся фрагменты нуклеусов (рис. 9) изготовлены из кремня серо-коричневого цвета и имели подпрямоугольную или треугольную фор-

мы со следами сколов со всех сторон. Сохранившиеся фрагменты позволяют определить размеры нуклеусов в диапазоне: длина 3,5...4,5 см, ширина 2,5...3,0 см, толщина 2,0...2,5 см.

Жернов (рис. 10:1) изготовлен из крупнозернистого песчаника, светлосерого цвета. Форма – полусферическая, нижняя часть – плоская. На сохранившемся фрагменте наблюдается просверленное отверстие для ручки диаметром 2 см. Общий диаметр жернова около 30 см, толщина 10 см.

Несмотря на сильную коррозию ножа, сохранилась часть лезвия, размеры которого соответствуют следующим параметрам: длина 4,5 см, ширина 1 см, толщина 0,2 см (рис. 10:2).

Также было обнаружено частично сохранившееся пряслице(рис. 10:3),

изготовленное из обожженной глины толщиной 0,5 см и диаметром 4 см.

Терочник (рис. 10:4) изготовлен из слоистого крупнозернистого песчаника светло-серого цвета. Терочник имел плоско-овальную форму и сохранившиеся следующие размеры: длина 4,5 см, ширина 8,5 см, толщина 2,3 см.

Пестик (рис. 10:5) подпрямоугольной формы изготовлен из песчаника темно-серого цвета и расширяется к одному из краев. На внешней поверхности сделаны насечки, идущие вдоль изделия. Длина изделия – 5,5 см, ширина – 2,5 см.

При выборке четвертого пласта, на глубине 40–45 см от дневной поверхности было обнаружено изделие, изготовленное из обожженной кости. Данное изделие сохранилось частично. Сохранившиеся размеры: длина 2,5 см, диаметр отверстия 1,2 см. На внешней поверхности наблюдается присутствие 5 насечек (рис. 10:6).

В 700 м к западу от поселения «Большие Ключищи-7» в направлении к правому берегу р. Свияга, на склоне надпойменной террасы в месте изгиба русла реки располагалось поселение «Большие Ключищи-8» (рис. 2).

Раскоп 1 (участок № 1) общей площадью 120 кв. м был заложен в юго-западной части поселения, в коридоре проектируемой трассы на удалении от края террасы.

На глубине 60 см от современной поверхности, на уровне материка, был обнаружен фрагмент жернова, аналогичного жернову с поселения «Большие Ключищи-7». Несмотря на то что сохранилась лишь четвертая (1/4) часть находки, было установлено, что жернов имел полусферическую форму с плоской нижней частью

и был изготовлен из крупнозернистого песчаника, светло-серого цвета. Общий диаметр жернова около 30 см, толщина 7 см.

Помимо жернова на уровне материка участка № 1 поселения «Большие Ключищи-8» был зафиксирован и керамический материал фрагментарного состояния в количестве 111 экземпляров. По составу теста, цвету фрагмента, степени обжига, способу дополнительной обработки поверхности весь представленный на данном участке керамический материал был разделен на 3 группы:

1. Лепная керамика, представленная 105 фрагментами. Среди экземпляров данной фрагментированной керамики можно встретить венчики, стенки сосудов и донцы. Керамика данной группы имеет полную аналогию с лепной керамикой поселения «Большие Ключищи-7», а именно: рыхлое тесто, с примесью песка, крупнодробленой дресвы, органики. Внешняя и внутренняя поверхности изделий заглажены и имеют следы – «расчесы». Черепок глухой, толстостенный; трехслойный, в изломе проходит серая прослойка, которая может занимать 2/3 толщины стенки; цвет колеблется от кирпично-красного до серо-коричневого; обжиг – неравномерный.

В целом анализ керамического материала данной группы позволяет сделать вывод о том, что вышерассмотренная керамика бытового назначения – кухонная, датируется XVI–XIII вв. до н.э.

2. Красноглиняная керамика – 4 экземпляра – представлена стенками и донцем сосудов, основной формой которых являются горшки, и имеет характерное плотное тесто, хорошо отмученное; равномерный обжиг; че-

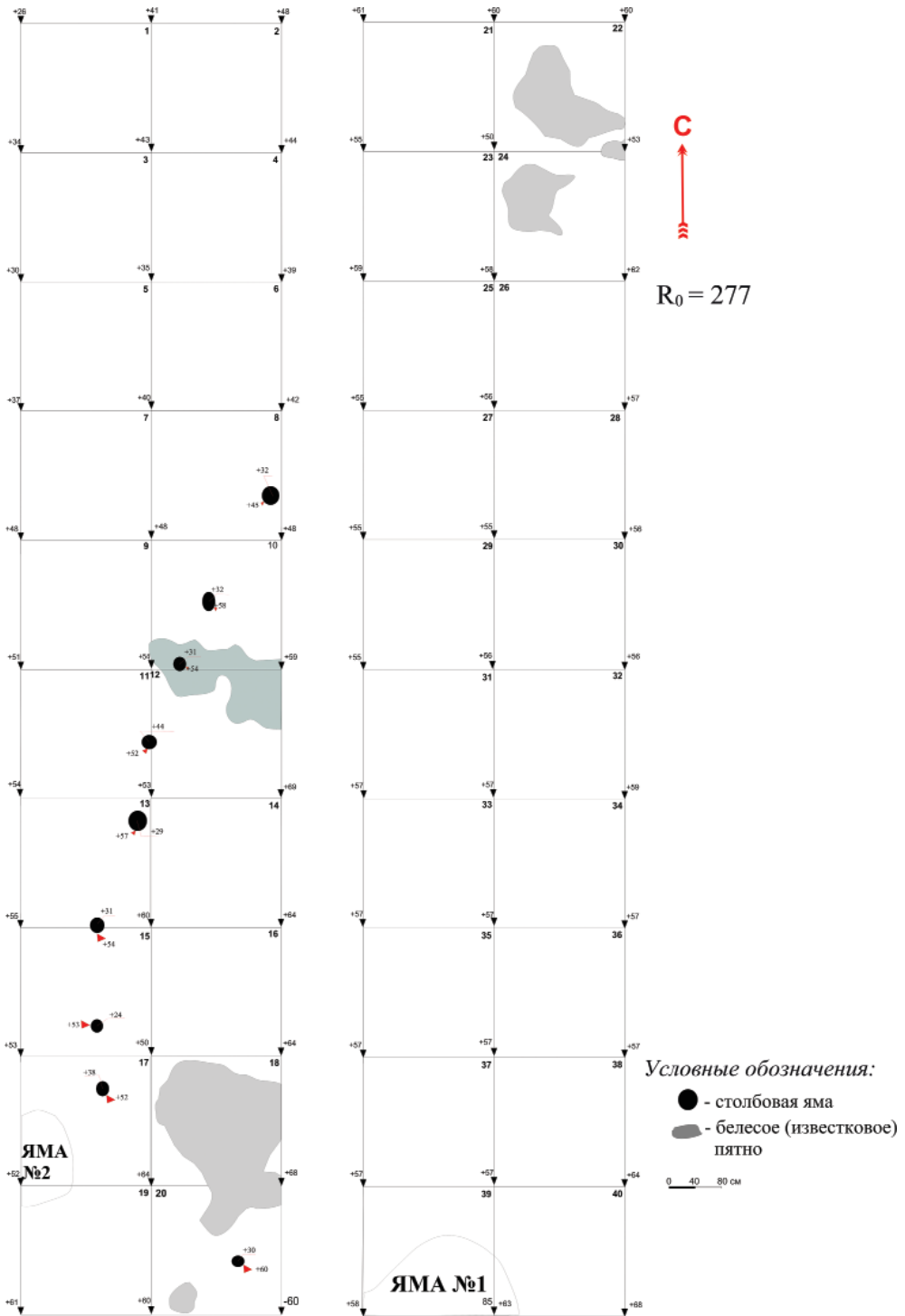

Рис. 5. Поселение «Большие Ключищи-7». План на уровне материка.

Fig. 5. Bolshie Klyuchishi-7 settlement. Plan at the level of the mainland.

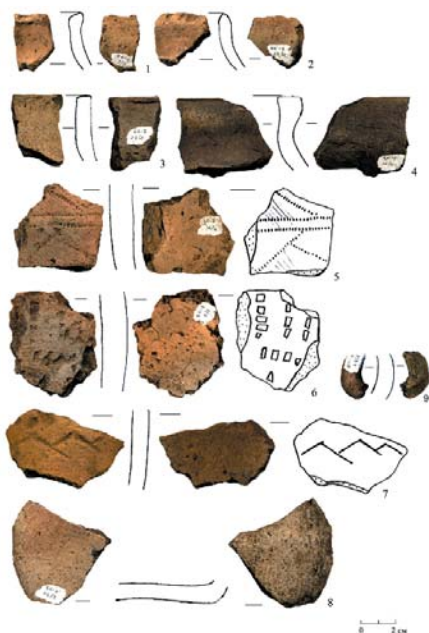

Рис. 6. Поселение «Большие Ключищи-7». Керамика:
1–4 – венчики сосудов;
5–7 – стенки сосудов; 8 – донце сосуда; 9 – ручка сосуда.

Fig. 6. Bolshie Klyuchishi-7 settlement. Ceramics:
1–4 – rims of vessels;
5–7 – walls of vessels; 8 – bottom of a vessel; 9 – handle of a vessel.

репок звонкий, в изломе – кирпично-красного цвета.

Следует отметить, что красноглиняная гладкая керамика встречается на территории Русского государства в разных местностях уже в XV–XVI вв. и продолжает бытовать в XVII–XVIII вв. (Гордеев, Павленко, 2004, с.222; табл. 4).

3. Мореная керамика на данном участке поселения представлена двумя фрагментами керамики. Это – красноглиняная керамика, подвергнутая восстановительному обжигу, благодаря чему она приобрела серо-черный цвет. Тесто тонкое, с примесью мелкого песка. Цвет черепка серо-черный, обжиг равномерный, черепок звонкий. Сохранившиеся фрагменты изделий – стенки сосудов, основной формой которых являются горшки и венчик миски.

В русских городах мореная керамика получает массовое распространение в XVIII в. (Розенфельдт, 1968, с. 28).

Однако при прокладке газопровода в створе проектируемой трассы рядом с раскопом поселения «Большие Ключищи-8» были выявлены не только лепная и гончарная керамика фрагментарного состояния, но и остеологические палеоматериалы – кости диких и домашних животных. Данное обстоятельство обусловило необходимость в проведении дополнительных раскопных исследований на поселении. В связи с этим в месте наибольшей концентрации археологических артефактов был заложен участок № 2 (раскоп № 2) поселения «Большие Ключищи-8», расположенный в 200 м к востоку от высокого обрывистого берега р. Свяга, в центре пахотного поля (рис. 2).

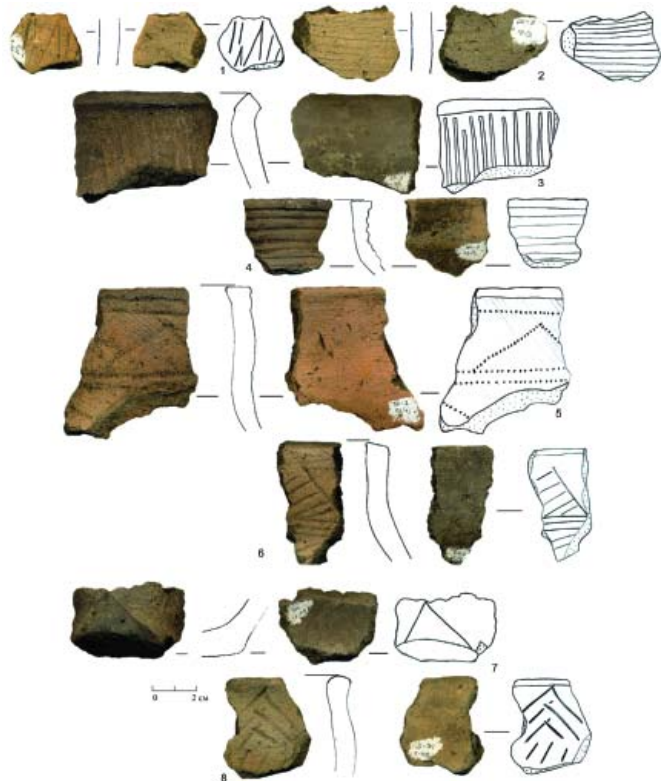
Общая площадь раскопного участка № 2 составила 80 кв.м (8 x 10 м). Поскольку участок был разбит в створе уже прокладываемой проектируемой трассы, верхний (балластный) и культурный слои были разрушены техникой для прокладки газопровода.

Рис. 7. Поселение
«Большие Ключищи-7».

Керамика:

- 1–2 – стенки сосудов;
3–6, 8 – венчики сосудов;
7 – дно сосуда.

Fig. 7. Bolshie Klyuchishi-7
settlement. Ceramics:
1–2 – walls of vessels;
3–6, 8 – rims of vessels;
7 – bottom of a vessel.

В связи с этим была произведена зачистка до уровня материка, в результате чего было зафиксировано и выбрано 5 хозяйственных ям округлой и овальной форм. Размеры ям колеблются в диапазоне от 1,3 до 3,0 м в диаметре, а также в продольном разрезе.

Яма 1 данного участка поселения «Большие Ключищи-8» была зафиксирована с момента зачистки материка на пересечении квадратов № 1–2. Данный объект представлял собой гумусированное пятно округлой формы диаметром 1,3 м.

В ходе выборки данной ямы наблюдалось заполнение в виде темно-серой супеси в перемесе с глиной и светло-серым суглинком и содержанием костей животных. Стенки ямы ровные и отвесные.

Яма 2 расположена к востоку от ямы № 1, в квадратах № 3–4. Начала

фиксироваться на уровне зачистки материка в виде гумусированного овального пятна, вытянутого с востока на запад и имеющего размеры 2,2 x 0,7 м.

Заполнение ямы представлено темно-серой супесью с включениями глины и светло-коричневого суглинка. Дно чашевидное. С момента выборки ямы был выявлен остеологический и керамический фрагментарный материал.

Яма 3 была зафиксирована у северной стенки квадратов № 6–7 на уровне материка в виде овального гумусированного пятна. Данный объект был вытянут с запада на восток на 2,7 м и с юга на север 1,1 м.

В ходе выборки заполнения ямы, представленного темно-серой супесью, были обнаружены кости животных, большие скопления золы, а

Рис. 8. Поселение «Большие Ключищи-7». Отщепы: 1 – кремневый отщеп; 2 – из обсидиана.

Fig. 8. Bolshie Klyuchishi-7 settlement. Flakes: 1 – flint flake; 2 – obsidian flake.

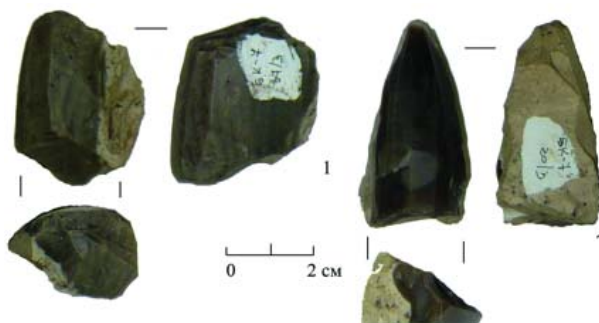

Рис. 9. Поселение «Большие Ключищи-7». Нуклеусы.

Fig. 9. Bolshie Klyuchishi-7 settlement. Nuclei.

также фрагментированный керамический материал.

Дно ямы представлено светло-коричневым суглинком. Дно ямы понижается с отметки 131 у западной стенки ямы к отметке 153 у восточной стенки ямы. Стенки ямы ровные и отвесные.

Яма 4 расположена в квадрате № 7 и квадрате № 8 в виде округлого пятна диаметром 1,3 м гумусированной темно-серой супеси. При выборке данного объекта сразу же на поверхности были выявлены скопления костей животных. Заполнение ямы представлено темно-серой супесью с обильными зольными включениями и фрагментами керамики. Дно ямы относительно ровное, с небольшим понижением у восточной стенки ямы, стенки отвесные.

Яма 5 зафиксирована в квадрате № 2 и частично уходит в северную стенку раскопа. Яма имеет округлую форму диаметром 1,18 м. В ходе выборки ямы наблюдалось заполнение в виде темно-серой супеси с включениями керамического материала фрагментарного состояния.

Стенки ровные. Дно ямы чашевидное и зафиксировано на отметке 98.

В ходе исследования участка 2 (раскоп 2) поселения «Большие Ключищи-8» было выделено 2 группы керамики, различающейся по составу теста, цвету фрагмента, степени обжига, способу дополнительной обработки поверхности (рис. 11):

- 1) лепная керамика;
- 2) болгарская керамика.

Рис. 10. Поселение «Большие Ключищи-7». Находки: 1 – фрагменты жернова; 2 – нож железный; 3 – фрагменты пряслица керамического; 4 – терочник; 5 – пестик; 6 – изделие из кости.

Fig. 10. Bolshie Klyuchishi-7 settlement. Finds: 1 – fragments of a grindstone; 2 – iron knife; 3 – fragments of a ceramic whorl; 4 – rubbing stone; 5 – pestle; 6 – an item made of bone.

Весь представленный керамический материал (244 экземпляра) находится во фрагментарном состоянии.

Группа 1. Лепная керамика (рис. 11:1–5)

Данная группа представлена 242 экземплярами керамики фрагментарного состояния, и имеющая аналогичную характеристику лепной керамики раскопа 1 поселения «большие Ключищи-8»: рыхлое тесто с примесью песка, крупнодробленой дресвы, органики; заглаженность внешней и внутренней поверхности изделий со следами-«расчесами»; глухой, толстостенный, трехслойный черепок, в изломе которого проходит серая прослойка, занимающая 2/3 толщины стенки; цвет от кирпично-красного до серо-коричневого; обжиг неравномерный (рис. 11:1–5).

Это керамика также имеет бытовое назначение – кухонная.

В целом керамический материал относится к срубной культуре и датируется XVI–XIII вв. до н.э.

Группа 2. Булгарская керамика (общебулгарская группа) представлена 2 фрагментами гончарной керамики (рис. 11:6–7).

Найденные фрагменты красной обожженной керамики относятся к общебулгарской группе керамики, датированной второй половиной XIII–XIV вв.

Для данной группы керамики характерны такие признаки, как запесоченность (на поверхности – блестки от кварцитового песка), шершавость, звонкий черепок, цветовая гамма (красная, коричневая, желтоватая), в черепке – серая прослойка, лощеная, с бурым ангобом.

Итак, керамический материал данного поселения разновременный и относится к разным культурам.

Рис. 11. Поселение «Большие Ключищи-8». Раскоп 2.

Керамика: 1 – венчик; 2–5 – стенки; 6–7 – ручка (1–5 – лепная; 6–7 – болгарская).

Fig. 11. Bolshie Klyuchishi-8 settlement. Dig 2. Ceramics: 1 – rim; 2-5 – walls; 6-7 – handle (1-5 – handmade; 6-7 – Bulgarian).

На основании вышеизложенного можно предположить, что поселение «Большие Ключищи-7» и поселение «Большие Ключищи-8» представляют собой единый поселенческий комплекс, начало функционирования которого связано с деятельностью населения срубной культуры на территории современной Ульяновской области, т.е. XVI–XIII вв. до н.э. При этом присутствие разновременного керамического материала наводит на мысль о долговременности существования рассматриваемого поселенческого комплекса.

Следует также заметить, что фиксация хозяйственных ям и отсутствие

следов каких-либо сооружений на поселении «Большие Ключищи-8», вероятно являются доказательством хозяйственного предназначения «Большие Ключищи-8». Кроме того, «Большие Ключищи-8» следует рассматривать как хозяйственный комплекс поселения «Большие Ключищи-7».

Тем не менее, более точную датировку и функциональную нагрузку данного археологического комплекса позволят дать дальнейший углубленный анализ археологического материала поселений этого комплекса и полевые археологические исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вискалин А.В., Овчинникова Н.В. Новые памятники эпохи раннего металла в лесостепном Поволжье // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Йошкар-Ола, 14–18 ноября 1994 г.). Йошкар-Ола: Научный центр финно-угроведения, 1995. С. 19–21.

2. Гордеев В.И., Павленко Ю.А. Малый город Поволжья в позднем средневековье. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2004. 272 с.
3. Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья: Учебное пособие. Саратов: Саратовский государственный университет, 2002. 136 с.
4. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука, 1968. 99 с.
5. Семькин Ю.А. Реконструкция поселения срубной археологической культуры / Экспозиция Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова. Ульяновск.
6. Федулов М.И. Отчет «Археологические исследования (раскопки) на выявленных объектах археологического наследия «Одиночный курган «Дачное-1» и поселение «Дачное» у с. Дачный – пригорода г. Ульяновск, поселение «Большие Ключищи-7» и поселение «Большие Ключищи-8» у с. Большие Ключищи Ульяновского района Ульяновской обл., поселение «Баратаевка-2» у с. Баратаевка Ульяновского района Ульяновской обл. в зоне предполагаемого строительства газопровода-отвода «Сызрань-Ульяновск» в 2010 г.». Йошкар-Ола, 2015 / Архив ИА РАН.

Информация об авторах:

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); veer47@mail.ru

Федулов Михаил Игоревич, старший преподаватель, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары, Россия); mfedulov.chuvsu@mail.ru

“BOLSHIE KLYUCHISHI” (ULYANOVSK OBLAST) AS A NEW ARCHAEOLOGICAL COMPLEX: PRELIMINARY RESULTS

E.E. Vorobeva, M.I. Fedulov

The authors introduce for discussion materials of archaeological studies conducted by the team of the Volga Archaeological Expedition of the Mari State University in Ulyanovsk Oblast of the Russian Federation in 2010. Two of the studied archaeological sites seem to be most interesting: they are situated near Bolshie Klyuchishi village (Ulyanovsk District, Ulyanovsk Oblast). Archaeological materials collected during the excavations of these settlements have a very broad time span, which allows suggesting that Bolshie Klyuchishi is a multilayered archaeological complex. Both settlements yielded the Srubnaya culture handmade ceramics of 16th – 13th centuries BC. Moreover, Bolshie Klyuchishi-7 contained items of iron and slag, and Bolshie Klyuchishi-8 yielded sherds of 13th – 14th centuries wheel-made Bulgarian ceramics.

Key words: archaeology, Middle Volga region, Bronze Age, Srubnaya culture, Middle Ages, Bulgarian ceramics, archaeological complex, settlement

REFERENCES

1. Viskalin, A. V., Ovchinnikova, N. V. 1995. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Uzlovye problemy sovremennoy finno-ugrovedeniia. Materialy I Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov (Key Problems of the Modern Finno-Ugric Studies. Proceedings of the First All-Russian Conference of Finno-Ugric Researchers)*. Yoshkar-Ola: Research Center of Finno-Ugric Studies, 19–21 (in Russian).
2. Gordeev, V. I., Pavlenko, Yu. A. 2004. *Malyi gorod Povolzh'ia v pozdнем srednevekov'e (Small Town in the Volga Area in the Late Middle Ages)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

3. Lopatin, V. A. 2002. *Srubnye poseleniia stepnogo Volgo-Ural'ia: Uchebnoe posobie (The Srubnaya Culture Settlements in the Volga-Urals Steppes: Educational book)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).
4. Rozenfeldt, R. L. 1968. *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. (Ceramic Production in Moscow in 12th – 18th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-39. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
5. Semykin, Yu. A. *Rekonstruktsiia poseleniia srubnoi arkheologicheskoi kul'tury*. Ekspozitsiia Ul'ianovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia im. I. A. Goncharova (*Reconstruction of the Srubnaya Culture Settlement. Exposition in the Ulyanovsk Oblast Museum of Local Lore named after I. A. Goncharov*). Ulyanovsk (in Russian).
6. Fedulov, M. I. 2015. *Otchet «Arkheologicheskie issledovaniia (raskopki) na vyivlennykh ob'ektakh arkheologicheskogo naslediia «Odnocnyi kurgan «Dachnoe-1» i poselenie «Dachnoe» u s. Dachnyi – prigoroda g. Ul'ianovsk, poselenie «Bol'shie Kliuchishchi-7» i poselenie «Bol'shie Kliuchishchi-8» u s. Bol'shie Kliuchishchi Ul'ianovskogo raiona Ul'ianovskoi obl., poselenie «Barataevka-2» u s. Barataevka Ul'ianovskogo raiona Ul'ianovskoi obl. v zone predpolagaemogo stroitel'stva gazoprovoda-otvoda «Syzran'-Ul'ianovsk» v 2010 g.» (Report “Archaeological Studies (Digs) on Discovered Archaeological Sites “Freestanding Barrow ‘Dachnoe-1’ and Settlement ‘Dachnoe’ at Dachny Village (Ulyanovsk Suburbs), Bolshie-Klyuchishi-7 and Bolshie-Klyuchishi-8 at Bolshie Klyuchishi Village (Ulyanovsk Raion, Ulyanovsk Oblast), Barataevka-2 Settlement at Barataevka Village (Ulyanovsk Raion, Ulyanovsk Oblast), in the Area of Planned Construction of Syzran-Ulyanovsk Gas Pipeline in 2010”)*. Yoshkar-Ola. Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Vorobeva Elena E. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Ryabinin St., 8A, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; veer47@mail.ru

Fedulov Mikhail I. Chuvash State University. Moskovsky Ave., 15, Cheboksary, 428015, the Chuvash Republic, Russian Federation; mfedulov.chuvsu@mail.ru

УДК 391/395+745/749

СУМКИ ИЗ ДРЕВНЕМОРДОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ VII–X ВВ.

© 2016 г. М.С. Королева

В статье рассмотрены основные виды сумок (кошельков), встречаемых на древнемордовских памятниках бассейнов рек Вад и Цна в VII–X вв. Представлена их типология, в основу которой положены материал и формы сумок, выделены элементы декора и способы подвешивания. Установлено, что только берестяные и меховые сумочки можно отнести к местному производству. Кожаные сумки варианта 2 имеют широкие аналогии на памятниках Волжской Булгарии, а вариант 1 обнаружен на памятниках Ветлужско-Вятского междуречья и Швеции (Бирка). Отдаленно напоминают восточные элементы украшения на сумочке варианта 3, для которой так и не удалось найти аналогии. Простые застежки-трубки имеют широкое распространение, как и сумки смешанного типа из меха и кожи. Плохая сохранность находок не позволяет проследить подробнее пути их импорта. Все сумочки датированы на основе найденных рядом с ними украшений концом I тысячелетия н.э. В это время контакты с востоком значительно усиливаются.

Ключевые слова: археология, бассейн Оки, р. Цна, р. Вад, раннее средневековье, мордва, сумки, кошельки, типология.

В современном мире сумка является важной составляющей жизни и деятельности человека. Она, по сути, заменяет карманы, предназначенные для хранения необходимых мелочей. В костюмах древних народов редко можно найти карманы. Зато небольшие сумочки (кошельки) имеют место как в женских, так и в мужских погребениях. Материал их изготовления весьма разнообразен.

В большинстве работ, посвященных рассмотрению сумок, они упоминаются в единичных экземплярах, без подробного анализа. Согласно материалам древнемордовских памятников большое количество сумок найдено в Крюковско-Кужновском, Пановском могильниках. Пожалуй, одной из редких находок стала сафьяновая сумочка из Лядинского могильника (Левашова, 1959, с. 38–60). К новым находкам относят материалы из раскопок Петербургского И.М.

В работе Никитиной Т.Б. приведены типология и аналогии сумок Ветлужско-Вятского междуречья (Никитина, 2013, с. 151–161). Большинство встреченных сумок автор отнес к болгарскому импорту. Подобный анализ материалов древней мордвы может привести к новым данным, меняющим наши представления о кожевенном производстве и экономических связях древней мордвы.

В памятниках Цнинской и Вадской мордвы встречаются берестяные, кожаные и меховые сумочки. Общее количество исследованных экземпляров составило 22 штуки (табл. 1). Форма и размеры также разнообразны. Полностью одинаковых сумочек выявить не удалось. Но предполагаемые размеры и формы позволяют выделить отдельные типы.

К 1 типу можно отнести берестяные сумочки, которые часто встречаются в мужских погребениях. В них

Таблица 1.

Погребения с сумками из древнемордовских памятников

Могильник	Береста (штук и % встреч. в могильнике)		Кожа (штук и % встреч. в могильнике)		Кожа и мех (штук и % встреч. в могильнике)
	мужское	женское	мужское	женское	
II Старобадиковский	5 шт. (1,4%)	2 шт. (0,5%)	1 шт. (0,3%)	1 шт. (0,3%)	мужское
II Журавкинский		1 шт. (1,3%)		2 шт. (2,6%)	
Пановский			1 шт. (0,7%)		
Крюковско-Кужновский			9 шт. (1,5%)		1 шт. (0,2%)
Всего	5 шт. (0,4%)	3 шт. (0,3%)	11 шт. (0,9%)	3 шт. (0,3%)	1 шт. (0,2%)

складывались элементы женского костюма, украшения, служащие дарственным комплексом умершим. Одна из ранних находок оказалась в 243 погребении Абрамовского могильника. Внутри сумка покрыта тканью, а снаружи – обрамлена по краю ремешком из кожи (Ставицкий, 2013, с. 147). Аналогии подобных сумок найдены во II Старобадиковском могильнике (рис. 1: 2). В пяти мужских погребениях также встречены фрагменты этих сумок с аналогичным набором. Их облик однообразен. Овальная форма низа покрыта дырочками от шва, скрепляющего две детали. Сумка «каркасная» и жесткая. В женском погребении 31 II Журавкинского могильника сумочка сохранилась лучше (рис. 1: 3). На ней даже имеется орнамент из оловянного бисера, напоминающий глаз или птицу, размещаемую обычно на нагрудных бляхах. В сумочке лежали украшения, разноцветные нитки и вязальный крючок (Петербургский, 2010, с. 19). Этот комплекс может рассказать о занятии погребенной при жизни. Сумка из по-

гребения 333 II Старобадиковского могильника украшена треугольничками и дырочками (рис. 1: 1). Размеры сумок небольшие: 11,5 x 12 см (Петербургский, 2011, с. 89). Поэтому некоторые исследователи находят для них иное определение – кошелек.

В памятниках древней мордвы встречаются кожаные сумки, причем в большем количестве – в мужских погребениях (**тип 2**). А в некоторых из них сумок найдено несколько: три – в погребении 169 и два – в погребении 472 Крюковско-Кужновского могильника (Материалы по истории мордвы, 1952, с. 59, 150). По форме сумки можно разделить на типы.

Вариант 1 имеет округлое большое основание и небольшую горловину. Они изготовлены из двух кусков кожи, сшитых вместе, или окантованных по краю металлической вставкой. Так, в сумке из погребения 55 Крюковско-Кужновского могильника край окантован бронзовой накладкой (рис. 2: 2). В ней лежали: фитильная трубка и кремень; край очень ровный и аккуратный; толщина кожи 3 мм. Кожа

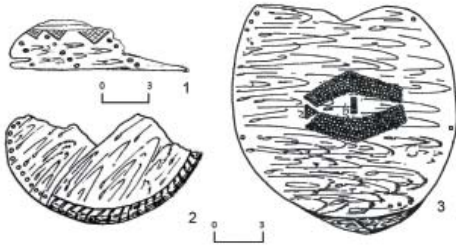

Рис. 1. Берестяные сумки: 1, 2 – II Старобадиковский могильник; 3 – II Журавкинский могильник.

Fig. 1. Birch bark purses: 1, 2 – Staroe Badikovo burial ground II; 3 – Zhuravka burial ground II.

Рис. 2. Кожаные сумки 1 варианта: 1 – Лядинский могильник; 2 – Крюковско-Кужновский могильник.
Fig. 2. Leather purses of I variant: 1 – Lyada burial ground; 2 – Kryukovo-Kuzhnovsky burial ground.

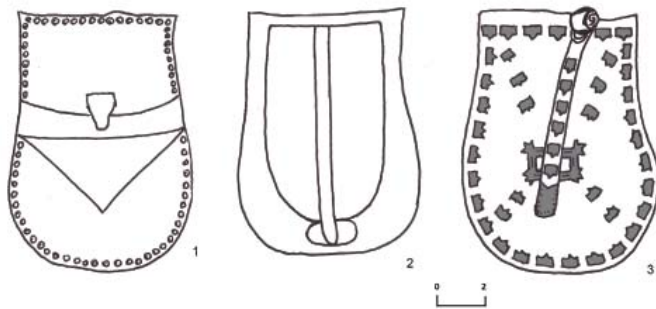
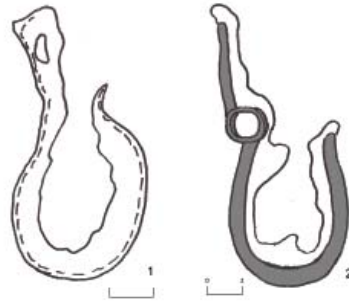
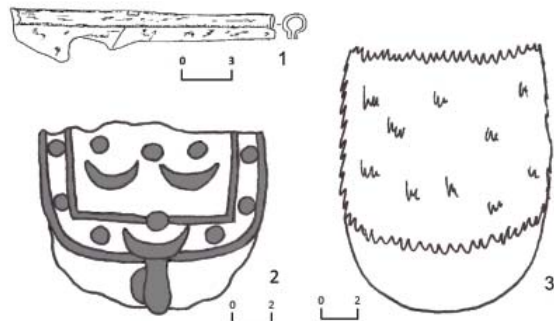

Рис. 3. Сумки Крюковско-Кужновского могильника: 1, 3 – украшение в виде накладок; 2 – простая сумка с застежкой.

Fig. 3. Purses from Kryukovo-Kuzhnovsky burial ground: 1, 3 – onlays; 2 – a simple purse with a clasp.

Рис. 4. Оригинальные виды сумок из древнемордовских памятников: 1 – II Старобадиковский могильник; 2, 3 – Крюковско-Кужновский могильник.

Fig. 4. Authentic types of purses from the early Mordovian sites: 1 – Staroe Badikovo burial ground II; 2,3 – Kryukovo-Kuzhnovsky burial ground.

сильно расслоилась (Материалы по истории мордвы, 1952, с. 196, табл. 12: 2). Кошелек из 22 погребения Лядинского могильника прошит по краю медной проволокой (рис. 2: 1). При этом кожа этого фрагмента представляет собой тонкий сафьян (кожа мелкого рогатого скота), что весьма редко для древнемордовских памятников (Левашова, 1959, с. 44, рис. 3: 2). Размеры сумочек небольшие: 6 x 11,5; 3 x 6 см.

Следующий *вариант 2* распространен шире (7 экз.). Сумки имеют округлый край без четко выраженной горловины. Снаружи помещен клапан с проходящим по центру ремешком для застегивания или крепления к поясу (рис. 3: 2, 3). Лицевая сторона клапана украшалась бронзовыми накладками, как в погребении 2 Пановского и 224, 570 Крюковско-Кужновского могильников (Материальная культура, 1969, с. 77, табл. 1; Материалы по истории мордвы, 1952, с. 78, 179). Накладки были простыми, в виде пуговиц, ажурными и с орнаментом в виде «крылатого семурва» (рис. 3: 1). Сумки из 400 и 472 погребений сверху были покрыты металлической пластиной с орнаментом, но, к сожалению, они не сохранились до наших дней (Материалы по истории мордвы, 1952, с. 127, 150). Одна сумка из погребения 400 имела вышивку в виде трезубца. Поверхность кожи ячеистая. Края горла не обрабатывались. Сбоку проходил шов «через край» с подгибом. Кожа изготовлена сыромятным способом. Поры указывают на принадлежность к крупному рогатому скоту. Размеры колеблются в пределах 15–10 x 12–9 см. В сумках чаще находят кремнеогниво, либо они совершенно пусты.

К отдельному *варианту 3* следует отнести оригинальную сумочку из 169

погребения Крюковско-Кужновского могильника (Материалы по истории мордвы, 1952, с. 196, табл. 12: 3). Она состоит из двух кусков кожи с закругленными концами, сшитыми вместе. Верхняя часть сумки согнута, образуя клапан. На него помещена застежка в виде стержня с одной стороны и бляшкой с отверстием с другой. Клапан украшен накладками в виде полумесяцев и круглых бляшек (рис. 4: 2). Сверху располагалось кольцо для подвешивания сумки к поясу. Размер составляет 9,5 x 8,5 см. По сохранившимся складкам и мереи кожи можно сказать, что она от крупного рогатого скота. Цвет фрагментами темно-коричневого цвета, что может указывать на дубитель. Толщина 0,4–0,5 см. Край неровный, что указывает на натяжение при прошивке. Ширина стежка в 1 см. Подгиб в 0,4 см. Данная сумка не имеет аналогий в древнемордовских памятниках.

Весьма простой *вариант 4* сумки в виде мешка с трубочным креплением по горлу представлен фрагментарно в материалах из погребений 67, 115 II Старобадиковского могильника (Петербургский, 2011, с. 27, 41). В сохранившихся трубочках в 13 см – остатки кожи, сложенные вдвое. В сумках находились остатки металлических пластин и кремней. Возможно, эта сумка имеет ритуальный характер. Об этом говорит спорная «застежка-трубка» и форма сумки (рис. 4: 1). Но в материалах Волжской Булгарии такие сумки также имеют место (по типологии Казакова – тип 2) (Никитина, 2013, с. 158). Дать какие-то дополнительные характеристики кожи невозможно из-за плохой сохранности.

Тип 3 смешанного вида из погребения 169 Крюковско-Кужновского

могильника представлен фрагментарно (Материалы по истории мордвы, 1952, с. 196, табл. 12: 4). От сумки сохранилось только кожаное дно. Сверху находились остатки меха. Следовательно, сумка была меховой с округлым дном размером 8 x 14 см (рис. 4: 3). Сверху имеются линии от стягивания при пришивании на расстоянии 4 мм друг от друга. Толщина около 2–3 мм. Цвет темно-коричневый с остатками мери крупного рогатого скота. Поверхность была сглажена. Встречаются данные о наличии еще таких сумок из этого памятника, но они не сохранились. Можно лишь предполагать, что их форма и размеры были схожими.

Из всего приведенного перечня к местному производству следует отнести берестяные и меховые сумочки. Аналогий среди материала соседних племен не было обнаружено. Это может указывать еще и на плохую сохранность материала. Сумки носили ритуальный характер. В мужских погребениях в виде «дарственного» комплекса, в женских – как отражение рода занятий при жизни. Датировка бытования этих сумок сводится к VII в. по материалам Абрамовского могильника, вплоть до X в. в Крюковско-Кужновском и II Журавкинском могильниках (Ставицкий, 2014; Вихляев, 2008, с. 146).

Кожаные сумки наиболее распространены в памятниках мордвы и их аналогии найти намного проще. Первый вариант больше напоминает чехлы для хранения чего-то мелкого (фитильная трубка, камень). Этот вид встречается в Ветлужско-Вятском междуречье, но имеет большие размеры и чаще изготовлен из кожи бобра. Они носили ритуальный харак-

тер с магическим смыслом. Сумочка из Крюковско-Кужновского могильника аналогична находкам в Бирке, датированным X в. (Никитина, 2013, с. 159). Второй вариант с пластинами на клапане также имеет аналогии в венгерских погребениях. Другие разновидности этого вида появились в результате экономических контактов с Волжской Булгарией (Никитина, 2013, с. 160). На это же указывает редкая сумка с семурвами из Пановского могильника. Сюда же следует отнести сумки с трубчатым креплением, которые представлены в Ветлужско-Вятском междуречье, и в особенности в Волжской Булгарии. Общая их датировка относится к X веку (Вихляев, 2008, с. 146).

Сумка с полумесяцами весьма оригинальна и единична в своем исполнении. Такая же форма в виде конверта встречается в древнерусских памятниках и в Ветлужско-Вятском междуречье. Однако углы в нашем экземпляре более закруглены, как в материалах Бирки (Arwidsson Gr., 1984). Но аналогий украшений так и не удалось обнаружить. Другие сумки из этого погребения составляют импорт из Волжской Булгарии. Датировка изделия относится к X веку (Вихляев, 2008, с. 146).

Таким образом, большинство исследованных сумок можно отнести к импорту X в. из Волжской Булгарии. Местного происхождения лишь берестяные и меховые экземпляры. Они встречаются с VII по X в. и отличаются особыми чертами, такими как вышивка оловянным бисером, форма сумки, способы сшивания и обрамления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Хронология мордовских могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2008. 352 с.
2. *Левашова В.П.* Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Труды Гос. ист. музея. Очерки по истории русской деревни X–XIII веков Вып. 33 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1959. С. 38–60.
3. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. (Дневник археологических раскопок П.П. Иванова) / Отв. ред. А.П. Смирнов. Моршанск: Изд-во Моршан. краевед. музея, 1952. 231 с.
4. Материальная культура Средне-Цнинской мордвы VIII – XI вв. / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. 176 с.
5. *Никитина Т.Б.* Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // ПА. 2013. № 2. С. 151–161.
6. *Петербургский И.М., Вихляев В.И., Святкин С.В.* Второй Журавкинский могильник. Саранск: Красный Октябрь, 2010. 132 с.
7. *Петербургский И.М.* Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Красный Октябрь, 2011. 420 с.
8. *Ставицкий В.В.* Погребальный обряд Тешской группы мордовских могильников III–VII вв. // ПА. 2013. № 2. С. 143–150.
9. *Ставицкий В.В., Ставицкий А.В.* Поздние погребения древнемордовского Абрамовского могильника // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 12. Доступно по URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/12/43002>
10. Arwidsson Gr. Birka II: Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm: Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1984. 290 S.

Информация об авторе:

Королева Мария Сергеевна, аспирант, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск, Россия); kms220@yandex.ru

**PURSES FROM ANCIENT MORDOVIAN SITES
OF THE 7TH – 10TH CENTURIES****M.S. Korolyova**

The article describes the main types of bags (purses) found on the early Mordovian sites in Vad and Tsna River basins in 7th – 10th centuries. The proposed typology relies on the fabric and shapes of the purses, as well as distinguished elements of decoration and suspension. It was established that only birch bark and fur purses can be attributed to the local production. Leather bags of variant 2 find broad analogies on the Volga Bulgarian sites, while variant 1 is found on Vetluga-Vyatka sites and in Sweden (Birka). Elements of decoration on variant 3 bear a remote resemblance to Oriental things, although no analogies could be found. Simple clasps-pipes and purses of mixed types made of fur and leather are widely spread. Poor state of the finds does not allow us to better define the sources of their import. All purses are dated by the end of the first millennium AD based on the decorations found at their side. It was the time for growing contacts with the East.

Keywords: archaeology, the Oka basin, Tsna River, Vad River, Early Middle Ages, Mordovians, bags, purses, typology

REFERENCES

1. Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiiia mordovskikh mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia* (Chronology of Mordovian Burial Grounds of the 1st–14th Centuries Population in the Western Part of the Middle Volga Area). Saransk: Mordovia State University (in Russian).
2. Levashova, V. P. 1959. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv.* (Essays on History of the Russian Village of 10th–13th Centuries). Series: Proceedings of the State Historical Museum 33. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 38–60 (in Russian).
3. Smirnov, A. P. (ed.). 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. (Dnevnik arkeologicheskikh raskopok P. P. Ivanova)* (Materials on the History of Mordva People in 8th–11th Centuries (Field Notebook by P. P. Ivanov)). Morshansk: Morshansk Museum of Local Lore (in Russian).
4. Smirnov, A. P. (ed.). 1969. *Material'naia kul'tura Sredne-Tsninskoi mordvy VIII – XI vv.* (Material Culture of the Mordva People of the Middle Tsna Area in 8th–10th Centuries). Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
5. Nikitina, T. B. 2013. In *Povolzhskaya arkeologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 151–161 (in Russian).
6. Peterburgskii, I. M., Vikhliaev, V. I., Sviatkin, S. V. 2010. *Vtoroi Zhuravinskii mogil'nik* (Second Zhuravka Burial Ground). Saransk: "Krasnyi Oktiabr'" Publ. (in Russian).
7. Peterburgskii, I. M. 2011. *Material'naia i dukhovnaia kul'tura mordvy v VII–X vv.* (Material and Spiritual Culture of the Mordva People in 7th–10th Centuries). Saransk: "Krasnyi Oktiabr'" Publ. (in Russian).
8. Stavitskii, V. V. 2013. In *Povolzhskaya arkeologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 143–150 (in Russian).
9. Stavitskii, V. V., Stavitskii, A. V. 2014. In *Sovremennye nauchnye issledovaniia i innovatsii* (Recent Scientific Investigations and Innovations) 12. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2014/12/43002> (in Russian).
10. Arwidsson, Gr. 1984. *Birka II: Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm: Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.

About the Author:

Korolyova Maria S., Mordovia State University named after N.P. Ogarev. Bolshevistskaya St., 68, Saransk, 430005, the Republic of Mordovia, Russian Federation; kms220@yandex.ru

УДК 902(653)(045)

**НАХОДКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ РИТУАЛЬНЫХ ЛОЖЕЧЕК
В ОКСКО-СВИЯЖСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ**

© 2016 г. В.В. Гришаков, О.В. Седышев, Е.С. Любимкина

В статье рассматриваются находки средневековых ритуальных ложечек с территории междуречья Оки и Свияги, представления исследователей о которых до сих пор остаются скудными. Эти находки, особенно в контексте погребальных комплексов, дополняют сведения о языческих культах финно-угорского населения Среднего Поволжья конца I – начала II тысячелетия. Отмечено, что женские захоронения, в которых найдены металлические ложечки, отличаются богатым инвентарем и неординарностью погребального обряда, что выделяет их на фоне синхронных погребений в могильниках. Не случайно также, что ложечки найдены именно в погребениях женщин, социальная роль которых могла быть связана с отправлением каких-либо сакральных культов. Зооморфное оформление находок ассоциируется с головой лося, что свидетельствует об особом почитании этого животного у поволжских финнов.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, раннее средневековье, поволжские финны, ритуальные ложечки, зооморфные ручки, языческие культы, сакральные функции, социальная стратификация.

В поволжско-финской археологии до сих пор не являются раскрытыми вопросы, связанные с сакральными представлениями и обычаями народов, заселявших Среднее Поволжье в эпоху раннего средневековья. Это связано с той скудной источниковедческой базой, на которую опираются исследователи. В определенной степени они ограничиваются лишь работами О.В. Данилова, который в своей работе обобщил языческие культы населения Марийского Поволжья (1992). Поэтому новые источники, полученные в результате исследования памятников Окско-Свияжского междуречья, могут вызвать интерес у исследователей.

Так, в погребении 53 Чулковского (муромского) могильника, расположенного на реке Тужа (правый приток Оки) в Вачском районе Нижегородской области (Гришаков, 1988, с. 71–

103; Гришаков, Зеленева, 1990), было обнаружено богатое погребение женщины. Длина могилы – 354 см, ширина – 114 см при глубине около 44 см от уровня материка (рис. 1: 1). От костяка сохранились черепная коробка, ребра, фаланги пальцев, тлен костей таза, кости ног. Анатомический порядок расположения костей нарушен: верхняя часть костяка была сдвинута от пояса вправо, отдельные фаланги пальцев оказались в области черепа, который тоже был сдвинут. Именно в этой части украшения костюма были также в хаотичном беспорядке, часто лицевой стороной вниз или сломаны. В ходе расчистки погребения не удалось зафиксировать следов грабительских вкопов или нор грызунов. По всей длине могильное пятно имело равномерную окраску. По-видимому, умершая была положена вытянуто на спине головой на СЗ (328°).

В северо-западной части могилы обнаружены разбросанные без определенного порядка трапециевидные (рис. 1: 8, 10) и бутыльчатые (рис. 1: 3) подвески.

В изголовье умершей были поставлены два глиняных сосуда (рис. 1: 20; рис. 2: 15). Причем в одном из них лежали отдельные фрагменты керамики, которые также встречались в области головы, а в другом – трапециевидная привеска (рис. 1: 8). Около них найдено также ложило из ребра лошади, под которым расчищена костяная шумящая привеска с конусовидными подвесками (рис. 2: 13). Справа в изголовье обнаружена часть нижней челюсти.

Верхнюю часть черепа охватывали головные жгуты, центральную часть которых занимали ажурные литые цилиндрические подвески с шумящими привесками (рис. 1: 2). Налобный венчик охватывал только лобную и височную части черепа (рис. 1: 19). Под головными жгутами прослежены следы оловянного бисера, вероятно, от вышивки шапочки и монетовидные подвески (рис. 1: 15–18), лежавшие лицевой стороной вниз. Подобные привески встречены также слева от черепа и чуть ниже, в предполагаемой области плеча. Под черепом найден ряд трапециевидных подвесок (типа рис. 1: 8).

Слева и справа от черепа обнаружены щитковые височные кольца – 7 экземпляров с левой стороны и 3 экземпляра с правой стороны (рис. 1: 5, 6, 9). Еще два височных кольца справа были сдвинуты и смещены вниз.

Слева, чуть выше височных колец, найден бронзовый колокольчик. Здесь же, рядом с монетовидными привесками, выявлены 7 псевдобронзовых

бусин (рис. 2: 2), а чуть ниже – еще одна бутыльчатая подвеска (рис. 1: 11) и **миниатюрная ложечка из белого сплава** (рис. 3: 7). В области шеи найдена литая ажурная привеска из белого сплава (рис. 1: 21).

С правой стороны, вдоль предполагаемой области правой руки, расчищены две кистевые ленты на кожаных ремешках, обжатых бронзовыми обоймами, которые оканчивались пирамидальными подвесками (рис. 2: 11). Они лежали поверх ребер и лопатки умершей. Здесь же, вдоль лент, найдены спиральный перстень (рис. 1: 23), фрагменты спиральных пронизок, сломанная бронзовая гривна глазовского типа (рис. 2: 1), отдельные трапеции (рис. 1: 8) и три бусины: бородавчатая на голубой основе с черными глазками (рис. 2: 4), голубая четырнадцатигранная (рис. 2: 3), меловая (рис. 2: 6), а также фаланга пальца руки и зуб погребенной.

Подгрудное ожерелье было полностью разрушено и привески от него встречаются по всей предполагаемой области груди и живота. Наиболее сохранившаяся часть оказалась сдвинутой под кистевые ленты и состояла из шумящих привесок с лапчатыми подвесками (рис. 2: 10). Одна из таких привесок ожерелья обнаружена около гривны, ближе к юго-западной стенке. В предполагаемой области груди лежала еще одна привеска с прямоугольным щитком (рис. 2: 14), лицевой стороной вниз. Такая же привеска обнаружена ниже и левее, но лицевой стороной вверх. Под ними и рядом встречались другие подвески подгрудного ожерелья. В состав ожерелья входила также коньковая ажурная привеска (рис. 2: 7), которая располагалась между ними. Здесь же обнару-

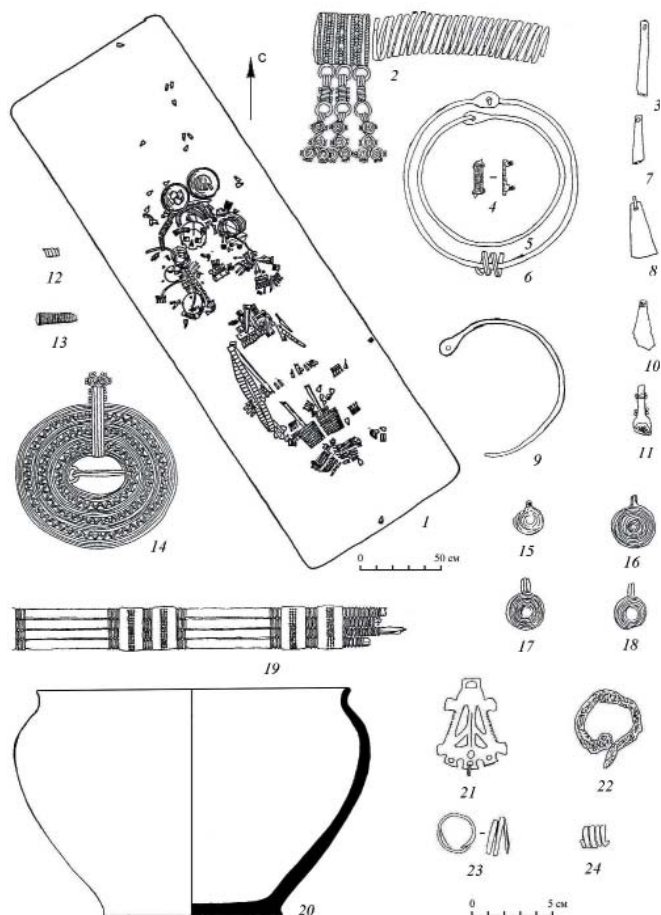

Рис. 1. Чулковский могильник. План и инвентарь погребения 53.

Fig. 1. Chulkovo burial ground. Plan and goods from grave 53.

жены бутылчатая подвеска с лапчатыми привесками (рис. 2: 9) и еще три псевдобронзовые бусины (рис. 2: 2).

Вдоль кистевых лент прослежены следы оловянного бисера.

В области пояса, поверх тазовых костей, обнаружена железная пряжка (рис. 1: 22). Здесь же, слева, – нож (рис. 3: 3) и кожаный ремень с бронзовыми обоймами (рис. 3: 2). Под тазовыми костями – поясной бедренный наконечник (рис. 2: 16), лежавший лицевой стороной вниз. Под ними расчищены две сложные составные шумящие привески (рис. 3: 4), лежавшие также лицом вниз. Чуть выше обнаружен спиральный перстень (типа рис. 1: 23).

Справа вдоль бедра лежала кожаная лента, обжатая бронзовыми обоймами (рис. 3: 1), один конец которой лежал под костью ноги лицевой стороной к дну могилы. На нижнем конце ленты были подвешены бутылчатые подвески (рис. 1: 11). В предполагаемой области колен находился ряд трапециевидных подвесок (типа рис. 1: 8), которые, вероятно, окаймляли подол платья и бутылчатая подвеска (типа рис. 1: 3). Справа, чуть ниже, обнаружены шумящая привеска (типа рис. 2: 10) и бронзовый колокольчик. Около северо-восточной стенки – спиральная пронизь (рис. 1: 24).

На ногах сохранились оборы из полотняной ткани, обвитой кожаным ре-

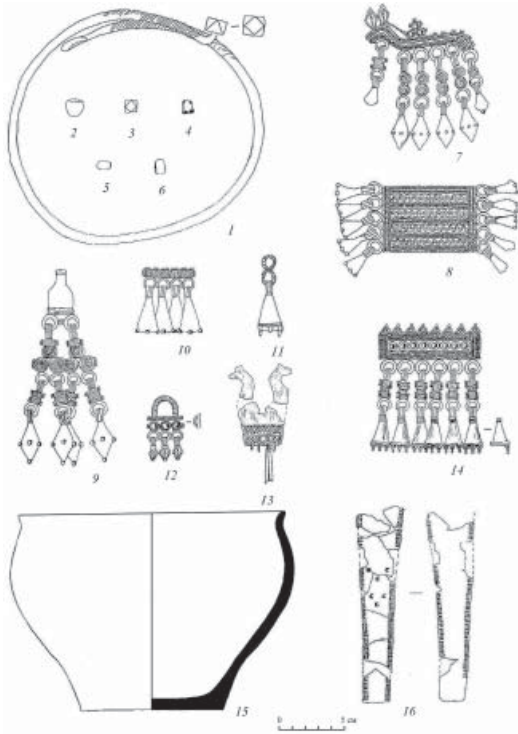

Рис. 2. Чулковский могильник.
Инвентарь погребения 53.

Fig. 2. Chulkovo burial ground. Goods
from grave 53.

мешком с бронзовыми обоймами (рис. 3: 6). Здесь же, в области обор, обнаружены шумящие привески (типа рис. 2: 10) и бутылчатые подвески. Некоторые из шумящих привесок лежали лицевой стороной вниз. Под оборами встречались конусовидные подвески (рис. 1: 3, 7). Чуть ниже обор выявлены две шумящие привески с петельками (рис. 2: 12).

Подъем ног украшали ажурные накладки с прямоугольным щитком (рис. 2, 8) и сложная комбинация из рядов спиральных пронизок, соединенных бронзовыми обоймами (рис. 3: 5). Рядом слева и справа под шумящими ажурными щитками лежали еще две ажурные привески с петельками (типа рис. 2: 12). В ногах обнаружены еще три бутылчатые подвески (типа рис. 1: 11), льячка (рис. 3: 8) и литейные формочки очень плохой сохранности. Умершая была завернута в луб. Судя

по сопровождающему инвентарю, захоронение было совершено в X в.

В контексте рассматриваемой проблемы заслуживает внимание погребение 538, вскрытое В. Н. Шитовым на Шокшинском могильнике в Нижнем Примокшанье, этнокультурная принадлежность которого до сих пор вызывает неоднозначные оценки, хотя причастность его населения к кругу поволжско-финских культур не вызывает сомнения. Длина могилы составляет 195 см при ширине 53 см и глубине 73 см (рис. 4: 1). Захоронение парное, женское, совершенное по обряду труположения, и мужское – с обрядом трупосожжения (Шитов, 1986).

От женского костяка сохранились фрагменты черепа, ключица, несколько различных позвонков, кости рук, бедренные кости. Умершая была положена головой на ВЮВ (101°). Руки

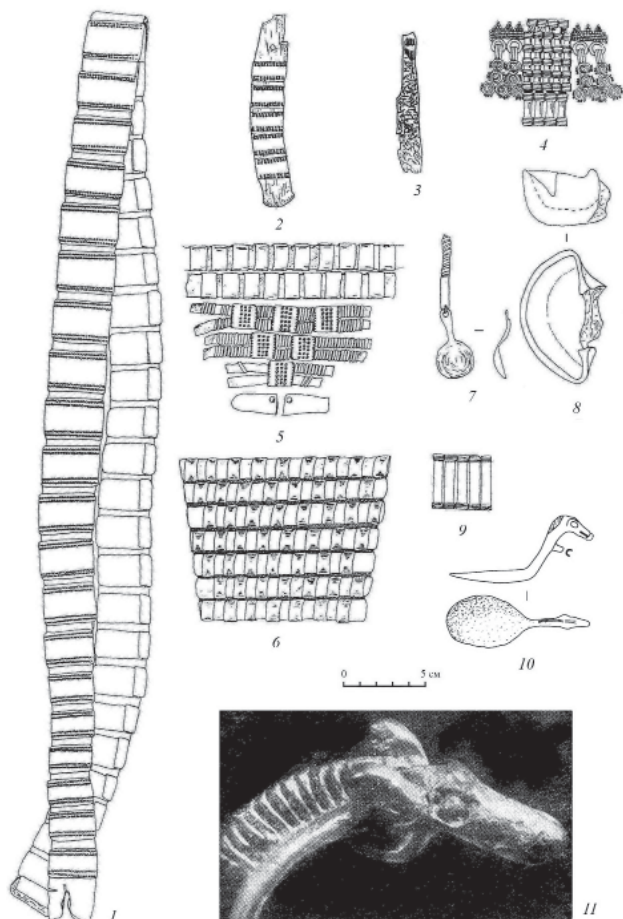

Рис. 3. 1–9 – инвентарь погребения 53 Чулковского могильника; 10 – Тюлькойская находка; 11 – фото ручки билонной ложки Пургасовского городища.

Fig. 3. 1–9 – goods from grave 53. Chulkovo burial ground; 10 – find from Tyulkoy village; 11 – photo of a billon spoon handle from Purgasovo hillfort.

вытянуты вдоль туловища. Под костяком сохранились остатки луба.

Поверх черепа были остатки оловянного бисера, которым, по видимому, был обшит головной убор. Слева и справа у висков обнаружены бронзовые височные кольца (рис. 5: 48, 49), в области шейных позвонков – бусы: голубые полупрозрачные (рис. 5: 1, 2), бирюзовая непрозрачная (рис. 5: 3), с поперечными полосками (рис. 5: 6), бородавчатая (рис. 5: 7), мозаичные из долек многогранного стержня (рис. 5: 8, 15, 18, 26), с многоцветными продольными полосками (рис. 5: 11), с основой из красной пасты, покрытой оранжевым ангобом (рис. 5: 12), на отрезках многослойных палочек

(рис. 5: 4, 13, 14, 16, 17, 22), глазчато-полосатые (рис. 5: 9, 10), из желтого полупрозрачного стекла (рис. 5: 5), полупрозрачная цвета морской волны (рис. 5: 23), светло-зеленая непрозрачная (рис. 5: 24), псевдозолоченная (рис. 5: 25), с остатками оболочки из светлого прозрачного стекла (рис. 5: 25), светло-зеленые полупрозрачные (рис. 5: 21).

Здесь же найдены привески и подвески (рис. 5: 31, 32, 35, 43, 46), умбовидное украшение (рис. 5: 33), спиральные пронизки (рис. 5: 51, 52, 53), фрагмент поделки из кости (рис. 5: 50).

В средней части ожерелья находилась подвеска из белого сплава в

виде билоновой ложечки (рис. 5: 45). Здесь же, на уровне шейных позвонков, найдены колокольчиковые подвески (рис. 5: 44).

В верхней части груди находились трапециевидные подвески (рис. 5: 28, 29, 30) и остатки оловянного бисера, на груди – бронзовая сьюльгама (рис. 5: 41) и низка бронзовых конических подвесок с сохранившейся ниткой (рис. 5: 27). На уровне живота поверх поясничных позвонков лежала бронзовая бляха (рис. 5: 42). Бляха частично перекрывала нож и железное кольцо, по-видимому, для подвешивания ножа (рис. 5: 36, 47).

На руках было по одному спиральному браслету и по два перстня (рис. 5: 34, 39). Кроме них на правой руке – бронзовый браслет с расплюснутыми концами (рис. 5: 38), на левой – шляпкоконечный браслет (рис. 5: 37) и с обрубленными слегка ограненными концами (рис. 5: 40). Концы рукавов были обшиты оловянным бисером.

Мужское захоронение, как указывалось, было совершено по обряду кремации. Пережженные кальцинированные кости, отделенные от углей и золы, были сложены поверх погребенной женщины от ее головы до тазовых костей. Справа от головы умершей женщины был положен железный наконечник копья (рис. 4: 3). На уровне таза среди пережженных костей и поверх них лежали железные пластинчатые обоймы с кольцами (рис. 4: 9), железная пряжка (рис. 4: 10), железный колчаный крючок (рис. 4: 8). Еще одна накладка с кольцом находилась на уровне груди умершей (рис. 4: 7). К северо-западу, примерно на уровне коленных суставов умершей, лежали втульчатый топор (рис. 4: 2), трубочка с пазом (рис. 4: 5), кресало (рис. 4: 6),

железный наконечник ремня (рис. 4: 11) и железный нож (рис. 4: 4).

Время захоронения погребения 538 Шокшинского могильника приходится на X в.

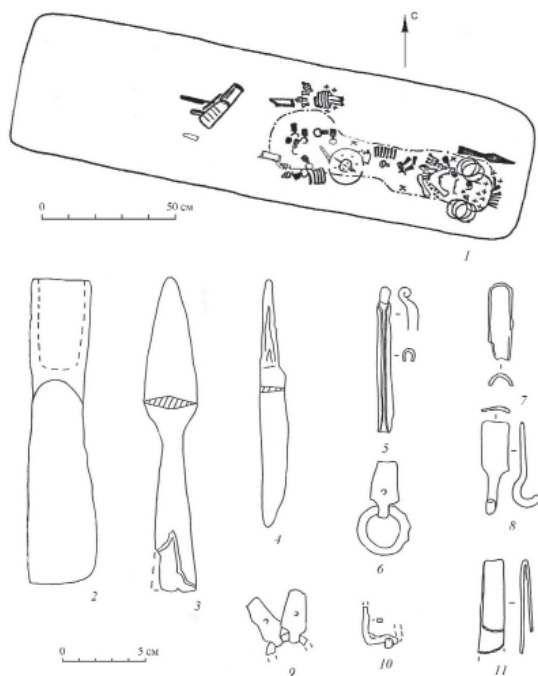
Таким образом, оба рассмотренные погребения с ритуальными билоновыми ложечками относятся к одной исторической эпохе. Их объединяют, прежде всего, богатый погребальный инвентарь, который выделяется на фоне синхронных погребений, неординарность погребального обряда и наличие ритуальных предметов в комплексе.

На наш взгляд, к этому кругу древностей относится находка, обнаруженная на Пургасовском городище, основные напластования которого относят к раннего железного века (Ледяйкин, 1976, с. 123). По мнению автора, аналогии **билоновой ложечки** (рис. 3: 11), рукоятка которой оформлена в виде головки лошади, находит аналогии «на памятниках севера и Западной Сибири ... а также в савроматских древностях середины I тысячелетия до н.э.» (Ледяйкин, 1976, с. 123). Исследователя, несомненно, привлекало желание отнести артефакт к зооморфному стилю искусства раннего железного века, чему способствовал круг находок с городища. Однако известно, что городища привлекали аборигенное население как места отправления культа в более позднее время или как убежище в случае военной опасности. Поэтому находка билонной ложечки, к тому же обнаруженной в слое засыпки сооружения № 1, могла быть случайной и относиться к эпохе средневековья.

Еще одна ложечка стала отдельной находкой в деревне Тюлькой бассейна Большого Цивилия в Чувашии (Архе-

Рис. 4. Шокшинский могильник. План и инвентарь погребения 538.

Fig. 4. Shoksha burial ground. Plan and goods from grave 538.

ологическая карта Чувашской Республики, 2013, с. 175). Окончание ручки данной ложечки исполнено также зоморфно (рис. 3: 10).

Оформление пургасовской, тюлькойской и особенно шокшинской ложечек ассоциируется в большей степени с головкой лося с прижатыми ушами. На них четко передан такой характерный признак этого животного, как мягкий кожистый вырост под горлом, так называемая «борода» или «серьга». О.В. Данилов также подчеркивал, что одним из древних культов поволжских финнов являлся культ лося. Об этом, по мнению исследователя, свидетельствуют изображения животного на керамике, сланцевых пластинах, а также «... кости лося в жертвенных комплексах и черепа лосят, помещенные над входами в жилища» (Данилов, 1992, с. 10). Можно отметить, что деревянные ковши с ручками, вырезанными в виде головы лося, в это время изготовлялись и

пермскими финнами (Семенов, 1980, табл. XXVIII, 5, 7).

«Изображения лося ... на бытовых предметах свидетельствуют о передаче под покровительство божества и самих процессов производства. Лось ... был связан с божествами солнца и воды, лесного плодородия» (Данилов, 1992, с. 11). Поэтому не случайно, что рассматриваемые артефакты обнаружены в богатых погребениях финно-угорских женщин, социальная роль которых могла быть связана с отправлением каких-либо сакральных культов.

В этой связи интересны предположения исследователей о том, что нарушение целостности женского костяка в погребении 53 Чулковского могильника, к тому же задействованного в литейном производстве, было связано с «желанием обезопасить сородичей от ранних смертей (умершей было 16–18 лет). С другой стороны, судя по наличию в составе ожере-

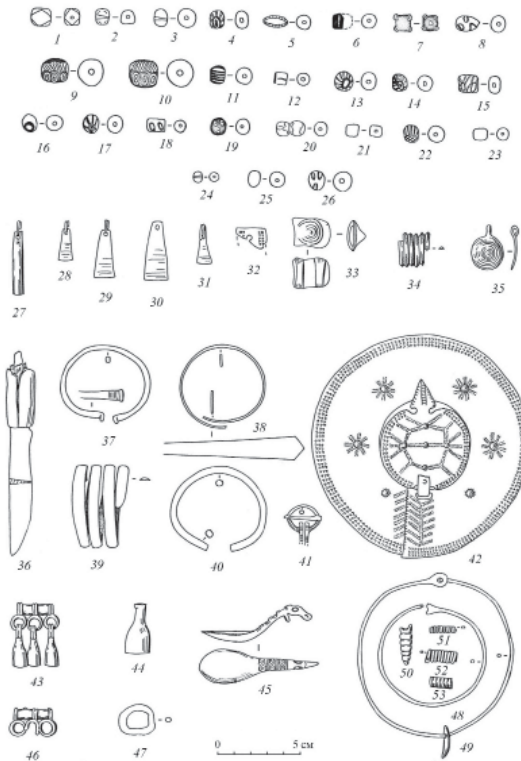

Рис. 5. Шокшинский могильник. Инвентарь погребения 538.

Fig. 5. Shoksha burial ground. Goods from grave 538.

ля ... ложки-амулета, сломанным и перевернутым лицевой стороной вниз украшениям и учитывая их деятельность (литье и бытовая культурная практика), такой обряд мог быть направлен на предотвращение воз-

врата этих женщин в мир живых или своеобразным гарантом попадания в «иной» мир» (Никитина, Ефремова, Гришаков, Пузаткина, Алибеков, 2013, с. 17).

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справочное издание / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары, 2013. 304 с.
2. Гришаков В.В. К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии Мордовии / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 85 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 71–103.
3. Гришаков В.В., Зеленева Ю.А. Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1990. 77 с.
4. Данилов О.В. Языческие культы древнего населения Марийского края. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1992. 25 с.
5. Ледайкин В.И. Пургасовское городище // Материалы по археологии Мордовии / Отв. редактор Г.А. Федоров-Давыдов. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 52. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. С. 107–126.
6. Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю., Гришаков В.В., Пузаткина Е.А., Алибеков С.Я. Женские захоронения с литейными принадлежностями Чулковского могильника (по

материалам Мордовского республиканского краеведческого музея) // Краеведческие записки (материалы XIX Всероссийских краеведческих чтений) / Отв. ред. П.Н. Калинин. Саранск: «Красный Октябрь», 2013. С. 16–26.

7. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1980. С. 5–135.

8. Шитов В.Н. Отчет о работе Шокшинской археологической экспедиции в Мордовской АССР и Рязанской области в 1986 г. / Архив ИА РАН. Р–1, № 11381.

Информация об авторах:

Гришаков Валерий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева (г. Саранск, Россия); vvg815@yandex.ru

Седышев Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева (г. Саранск, Россия); sov323@yandex.ru

Любимкина Елена Сергеевна, студентка, Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева (г. Саранск, Россия); elena.lyubimkina@inbox.ru

FINDINGS OF RITUAL SPOONS OF THE EARLY MIDDLE AGES IN THE OKA-SVIYAGA INTERFLUVE

V.V. Grishakov, O.V. Sedishev, E.S. Lyubimkina

The article discusses medieval ritual spoons found on the territory between the Oka and Sviyaga rivers, so far quite poorly studied. These finds, especially in the context of funerary complexes, supplement our knowledge of the pagan cults practiced by the Finno-Ugric population of the Middle Volga region in late I millennium – early II millennium. It was noticed that female burials with metal spoons contain rich grave goods and exhibit exclusive funerary rite, which distinguishes them among other synchronous graves in burial grounds. Moreover, it is not accidental that spoons were found in female burials, whose social role could consist in practicing some sacred cults. Head of moose is used in zoomorphic design of spoons, suggesting special veneration of this animal among the Volga Finns.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, the early Middle Ages, Volga Finns, ritual spoons, zoomorphic handles, pagan cults, sacred functions, social stratification

REFERENCES

1. Mikhailov, E. P., Berezina, N. S. (eds.). 2013. *Arkheologicheskaya karta Chuvashskoi Respubliki (Archaeological Map of the Chuvash Republic)*. Cheboksary: “Chuvashskoi knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
2. Grishakov, V. V. 1988. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Materialy po arkheologii Mordovii (Materials for the Archaeology of Mordovia)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 85. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 71–103 (in Russian).
3. Grishakov, V. V., Zelenev, Yu. A. 1990. *Muroma VII–XI vv. (Muroma People in 7th–11th Centuries)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
4. Danilov, O. V. 1992. *Iazycheskie kul'ty drevnego naseleniia Mariiskogo kraia (Pagan Cults of the Ancient Population of the Mari Land)*. Candidate Thesis. Moscow (in Russian).
5. Ledyaikina, V. I. 1976. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Materialy po arkheologii Mordovii (Materials for the Archaeology of Mordovia)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 52. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 107–126 (in Russian).

6. Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu., Grishakov, V. V., Puzatkina, E. A., Alibekov, S. Ya. 2013. In Kaligin, P. N. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr'" Typography, 16–26 (in Russian).

7. Semenov, V. A. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 5–135 (in Russian).

8. Shitov, V. N. 1987. *Otchet o rabote Shokshinskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii v Mordovskoi ASSR i Riazanskoi oblasti v 1986 g. (Report on the Fieldworks of the Shoksha Archaeological Expedition in the Mordovia Autonomous Republic and the Ryazan Oblast in 1986)*. Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R–1, dossier 11381 (in Russian).

About the Authors:

Grishakov Valeriy V. Candidate of Historical Sciences. Mordovia State Pedagogical Institute named after M.E. Evsejev. Studencheskaia St., 13b, Saransk, the Republic of Mordovia, Russian Federation; vvg815@yandex.ru

Sedishev Oleg V. Candidate of Historical Sciences. Mordovia State Pedagogical Institute named after M.E. Evsejev. Studencheskaia St., 13b, Saransk, the Republic of Mordovia, Russian Federation; sov323@yandex.ru

Lyubimkina Elena S. Mordovia State Pedagogical Institute named after M.E. Evsejev. Studencheskaia St., 13b, Saransk, the Republic of Mordovia, Russian Federation; elena.lyubimkina@inbox.ru

Хроника

УДК 902

ПАМЯТИ О.В. ДАНИЛОВА**(1954–2014)****© 2016 г. Ю.А. Зеленеев, А.Г. Иванов, О.А. Сидоров**

В некрологе, посвященном памяти кандидата исторических наук, доцента Олега Викторовича Данилова, отмечаются основные вехи его творческого пути, подчеркивается значительный вклад ученого в изучение древностей, связанных с языческими культурами Марийского Поволжья и сопредельных территорий.

Больше года прошло с тех пор как 1 ноября 2014 г. после тяжелой болезни, немного не дожив до своего 60-летия, ушел из жизни ведущий научный сотрудник Учебно-научного археолого-этнологического центра Марийского государственного университета кандидата исторических наук, доцент Олег Викторович Данилов.

Данилов Олег Викторович родился 14 ноября 1954 г. в д. Мамасево Волжского района Марийской АССР. В 1972 г. он был первым зачислен на специальность «История» только что открывшегося Марийского государ-

ственного университета. В историю университета вошел как обладатель студенческого билета № 1.

Студенческие годы многое дали О.В. Данилову, он успешно учился и окончил университет, получив диплом с отличием, занимался общественной деятельностью в комсомольских организациях, танцевал в ансамбле народного танца. Как отличник и активно участвующий в общественной жизни студент он был удостоен чести быть сфотографированным в 1975 г. у знамени Победы, что в те годы было серьезной наградой.

В это же время он стал интересоваться наукой – писал студенческие работы по археологии под руководством В.С. Патрушева, участвовал в студенческих вузовских, региональных и всесоюзных конференциях, работал в археологических экспедициях.

Правда, нужно отметить, что научные интересы Олега Викторовича в то время еще не устоялись и поэтому он после окончания Марийского университета принял предложение руководства вуза о направлении его на стажировку в Ленинградский государственный университет со специализацией по истории древнего мира.

Но пробыв в Ленинграде некоторое время, понял, что это не его призвание и возвратился в Йошкар-Олу.

После прохождения срочной службы в Советской армии О. В. Данилов в 1979 г. был принят на должность ассистента кафедры истории Марийского государственного университета. С этого времени вся его трудовая деятельность была связана с этим учебным заведением, за исключением периода 1985–1988 гг., когда он обучался в очной аспирантуре Института археологии АН СССР в городе Москве.

Молодого и энергичного преподавателя быстро привлекают к работе администратора. С 1981 и по 2000 г. он являлся заместителем декана, с перерывом на время обучения в аспирантуре. Некоторое время был секретарем партийной организации историко-филологического факультета, а в начале 1990-х годов очень недолго исполнял обязанности секретаря партийной организации МарГУ.

Для факультета такой человек, как О.В. Данилов, на административной должности был просто находкой. Он отлично знал учебные планы, умел найти контакт с сотрудниками, был любим студентами. Но административная работа оставляла очень мало времени для занятия наукой, что в конечном итоге привело к тому, что кандидатская диссертация была защищена несколько позднее, чем намечалось.

Еще в ходе обучения в университете О.В. Данилов приступил к полевым археологическим исследованиям. Первоначально под руководством своего университетского научного руководителя В.С. Патрушева (Патрушев, Данилов, Соловьев, 1976), а затем начал проводить и самосто-

ятельные разведки (Патрушев, Данилов, Соловьев, Кугуелова, 1977). Впоследствии он проводит большие по объему разведочные работы в Килемарском районе Марийской АССР, во время которых открыл несколько памятников мезолитической и других эпох (Данилов, 1981).

По мере того как у него выкристаллизовывается интерес к древностям, связанным с язычеством, его полевые исследования приобрели направление поиска конкретного вида памятников (святилища, жертвенники) (Данилов, 1983). Надо отметить, что до О.В. Данилова никто данный вид археологических объектов не изучал, и он, по существу, был их первооткрывателем. Его раскопки на Важнангерском жертвеннике впервые показали возможности получения исторической информации при исследовании такого вида памятников (Данилов, 1984). Материалы раскопок этого жертвенника были довольно быстро введены в научный оборот и на долгое время сделали его эталонным для данного вида археологических объектов (Данилов, 1989). Далее последовали раскопки Ирмарского жертвенника и жертвенника вблизи города Звенигово (Данилов, 1986).

В конечном итоге полевые материалы, подкрепленные архивными данными, и стали основой кандидатской диссертации О.В. Данилова на тему «Языческие культы древнего населения Марийского Поволжья», которую он защитил в Институте археологии РАН в 1992 году. Руководителем кандидатской диссертации был один из ведущих археологов страны, в будущем академик РАН В.В. Седов, оказавший на взгляды О. В. Данилова серьезное влияние.

После защиты диссертации О.В. Данилов много внимания уделял разработке вопросов, связанных с историей марийского язычества, возникновению культов у разных народов, общим проблемам развития религии. Ему все больше приходилось работать не только в области археологии, но и в области этнологии, а также на стыке наук. К началу 90-х годов XX в. он, по нашему мнению, являлся одним из лучших специалистов в области истории марийского язычества.

О.В. Данилов пытался соединить наши знания о современной традиционной культуре с археологическими источниками, раскрывавшими возникновение и развитие того или иного обряда или культа. Результатом этих исследований стали статьи, посвященные свадебным обрядам народов Поволжья (Данилов, Золотова, 1994).

Исследования 1980-х – первой половины 1990-х годов были обобщены им совместно с Т.А. Золотовой в «Очерках традиционной культуры народов Поволжья» (Данилов, Золотова, 1996). Но еще до выхода этой книги О.В. Данилов сделал обобщающий доклад по язычеству волжских финнов на I Всероссийской конференции финно-угроведов в городе Йошкар-Оле (Данилов, 1995).

Исследования конкретного исторического материала позволили О.В. Данилову делать выводы историко-социологического характера, и это давало возможность считать, что к концу 1990-х годов он вырос в ученого, не только предоставляющего источниковый материал, но и поднявшегося до высот философского его осмысления (Данилов, Зеленева, 1996).

Занимаясь вопросами происхождения культов, О.В. Данилов все больше

задумывался об общих гносеологических корнях их происхождения у разных народов. Имеющийся в его распоряжении материал позволял делать выводы об определенных параллелях в язычестве у волжских финнов и славян (русских) (Данилов, 1998).

В 2001 г. О.В. Данилов за успешную преподавательскую, научную и административную работу был награжден Почетной грамотой Правительства Республики Марий Эл. В этом же году он поступил в докторантуру МарГУ. Докторская диссертация должна была вобрать в себя те наработки, которые он подготавливал еще при написании кандидатской диссертации и развить их с точки зрения современных на тот момент исследований.

В это время Олег Викторович продолжал тщательно прорабатывать отдельные культы финно-угорских народов фактически от их зарождения до современности, например, культы лося и оленя (Данилов, 2001), культ птиц (Данилов, 2007).

Впоследствии О.В. Данилов вместе с коллективом соавторов подготовил книгу о культовых памятниках Марий Эл, куда вошли материалы как прежних исследований, так и из предполагавшейся докторской диссертации (Большов, Большова, Данилов, 2008).

Сразу же после окончания докторантуры О.В. Данилов был назначен и.о. декана историко-филологического факультета МарГУ и проработал на этой должности до 2005 года. И опять научная работа была отодвинута на второй план административной деятельностью.

В 1990-х годах XX в. и в начале XXI в. О.В. Данилов вместе с кол-

лективом археологов МарГУ много и успешно участвовал в раскопках средневековых городов Поволжья. Он руководил археологической практикой студентов университета при раскопках Костромы, а затем Йошкар-Олы. Исключительно велик был вклад Олега Викторовича в организацию и проведение этих исследований, подготовку научных отчетов и публикацию полученных материалов (Данилов, Зеленева, Румянцев, 2006; Археологическое, 2009).

О.В. Данилов всегда много внимания уделял работе со студентами. При этом было заметно, что данный вид деятельности доставляет ему огромное удовольствие. Он мог часами объяснять студентам-дипломникам пути написания их работ. Он вникал в любые мелочи, связанные с жизнью студентов. Приносил на защиту дипломных свои галстуки и ботинки, чтобы студент защищался не в футболке и кроссовках, а имел соответствующий внешний вид. К руководителю О.В. Данилову всегда была очередь желающих писать курсовые и дипломные работы.

Вдумчивая и требовательная работа со студентами позволила О.В. Данилову впоследствии успешно руководить аспирантами. Под его руководством было защищено три кандидатские диссертации по этно-

логии (А.Н. Полухина, Н.М. Охотина, Г.С. Зеленева).

Мягкое, доброжелательное отношение О.В. Данилова проявлялось не только к студентам и аспирантам, но и вообще к людям, независимо от того, кем они являлись по своему статусу. С ним было приятно общаться и люди к нему тянулись.

Олег Викторович много сделал для развития научно-исследовательских археологических подразделений в Марийском государственном университете, которые в разное время носили различные названия. Он как раз являлся тем цементирующим коллективом человеком, вокруг которого тот и формировался. Один из авторов данной статьи (Ю.З.) всегда просил Олега Викторовича брать на себя вопросы, связанные с человеческими взаимоотношениями в коллективе, зная, что именно он справится с этим лучше других и не допустит несправедливости по отношению к людям. Моральный авторитет О.В. Данилова был исключительно высок и за поддержкой к нему обращались в трудные минуты самые разные люди, и он всегда находил, что сказать и как помочь человеку.

К сожалению, судьба распорядилась так, что последние годы жизни давались ему очень тяжело, да и ушел он от нас слишком рано.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическое изучение Царевкокшайского посада в 2008 году. Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. 32 с.
2. *Большов С.В., Большова Н.А., Данилов О.В.* Древние культовые памятники Марий Эл. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2008. 163 с.
3. *Данилов О.В.* Важнангерский жертвенник // Археология и этнография Марийского края. Вып. 15 / Отв. ред. Г.А. Архипов, В. В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. С. 129–148.
4. *Данилов О.В.* Культ лося и оленя у финно-угорских народов (истоки и развитие) // Финно-угроведение. 2001. № 2. С. 36–56.

5. Данилов О.В. Культ птиц в Поволжье // Актуальные проблемы всеобщей истории / Отв. ред. Г.Ф. Горбашова. Йошкар-Ола: МарГУ, 2007. С. 145–164.
6. Данилов О.В. Отчет о разведочных работах в Горномарийском районе в 1983 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9931.
7. Данилов О.В. Отчет о разведочных работах в Килемарском районе в 1981 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8481.
8. Данилов О.В. Отчет о раскопках Важнангерского жертвенника в Горномарийском районе за 1984 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9438.
9. Данилов О.В. Отчет о раскопках Ирмарского жертвенника в Куженерском р-не и жертвенника в Звениговском р-не в 1986 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11738.
10. Данилов О.В. Параллели в язычестве русских и волжских финнов // Русские в Средневолжском полиэтническом регионе. Материалы научно-практической конференции. 19–20 декабря 1997 г. / Отв. ред. Г.Н. Крайнов. Йошкар-Ола: Правительство Республики Марий Эл, 1998. С. 62–63.
11. Данилов О.В. Язычество финнов Поволжья // Материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Узловые проблемы современного финно-угроведения / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1995. С. 115–117.
12. Данилов О.В., Зеленева Ю.А. Эволюция и устойчивость этнических систем // Вавилонские чтения / Отв. ред. В.П. Шалаев. Йошкар-Ола: МарГТУ, 1996. С. 192–194.
13. Данилов О.В., Зеленева Ю.А., Румянцев Г.Г. Раскоп 2002 г. на ул. Депутатской в г. Кострома // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. С.И. Алексеев. Кострома: Департамент культурного наследия, культуры и туризма Костромской области, 2006. С. 45–69.
14. Данилов О.В., Золотова Т.А. Очерки традиционной культуры народов Поволжья. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1996. 100 с.
15. Данилов О.В., Золотова Т.А. Свадебные обряды русских и марийцев // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. 1994. № 1. С. 74–81.
16. Патрушев В.С., Данилов О.В., Соловьев Б.С. Отчет о работах археологической экспедиции Марийского гос. университета в 1976 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6447.
17. Патрушев В.С., Данилов О.В., Соловьев Б.С., Кузнецова И.И. Отчет об исследованиях экспедиции Марийского госуниверситета в 1977 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6644.

Информация об авторах:

Зеленева Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); y_zeleneev@mail.ru

Иванов Ананий Герасимович, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); anani@marsu.ru

Сидоров Олег Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); rector@marsu.ru

AD MEMORIAM O.V. DANILOV (1954–2014)

Yu.A. Zelenev, A.G. Ivanov, O.A. Sidorov

The obituary is dedicated to the memory of O.V. Danilov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, who emphasized his significant contribution to the study of the antiquities related to the pagan cults of the Mari Volga and adjacent territories.

УДК 902

**ПАМЯТИ И.М. ПЕТЕРБУРГСКОГО
(1937–2015)**

© 2016 г. В.И. Вихляев, Ю.А. Зеленеев

Некролог посвящен памяти известного исследователя средневековой археологии мордвы, кандидата исторических наук Ивана Митрофановича Петербургского.

Иван Митрофанович Петербургский родился 10 июля 1937 г. в селе Старое Синдрово (ныне Краснослободский район Республики Мордовия). Здесь он окончил среднюю школу и отсюда был призван в ряды Советской армии в 1956 г. После службы в 1959 г. он поступил на историко-филологический факультет Мордовского государственного университета.

Интерес к археологическим исследованиям у него сформировался во время учебы в университете. Большое влияние на это оказала археологическая практика, которую студенты-первокурсники проходили в составе Поволжской археологической экспедиции на раскопках второй столицы Золотой Орды Сарай ал-Джедида (Царевское городище) в Волгоградской

области. Кроме участия в раскопках этого интереснейшего памятника археологии воздействие на студентов оказывало и общение с выдающимися археологами – Алексеем Петровичем Смирновым и Германом Алексеевичем Федоровым-Давыдовым. Практикой руководил профессор Мордовского университета, крупнейший специалист по истории Золотой Орды – Магомет Гарифович Сафаргалиев. Уже в зрелом возрасте И.М. Петербургский часто вспоминал перипетии этой первой экспедиции, и было видно, какое значение она сыграла в его жизни.

После окончания университета И.М. Петербургского в 1964 г. направили в восьмилетнюю школу села Польское Цыбаево Темниковского района Мордовии, где он работал директором и учителем истории.

В 1965 г. Поволжская археологическая экспедиция проводила раскопки Итяковского городища XIV–XVI вв. в Темниковском районе. Иван Митрофанович принял участие в этих исследованиях. По-видимому, именно после этого он окончательно принял решение связать свою жизнь с археологией.

В 1966 г. он был принят в Мордовский государственный универси-

тет сначала лаборантом, а потом был избран ассистентом. Это было, конечно, непростое решение. Ведь уже сформировавшийся и имевший пусть и небольшой опыт руководящей работы семейный человек перешел на низкооплачиваемую должность лаборанта, не имея своего жилья в городе Саранске. И.М. Петербургский хорошо осознавал, что ему придется пройти тяжелую жизненную полосу, но стремление к археологии оказалось выше предполагаемых трудностей.

В период с 1966 по 1970 г. И.М. Петербургский под руководством ведущих археологов университета А.В. Циркина, а затем М.Ф. Жиганова участвовал в исследованиях Шокшинского, Волчихинского и Абрамовского могильников. С 1970 года Иван Митрофанович начал самостоятельные разведочные работы, сначала в Горьковской области, а потом в Мордовии (Петербургский, 1971).

С 1970 по 1973 год И.М. Петербургский обучался в аспирантуре Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики. В 1973 году он защитил диссертацию на тему «Хозяйство мордвы в I – начале II тысячелетия н.э.». Руководителем диссертации был профессор Г.А. Федоров-Давыдов.

После утверждения диссертации он с 1974 года работал сначала старшим научным сотрудником сектора археологии и этнографии МордНИИ-ЯЛИЭ, с 1979 г. по 1997 год – заведующим этим сектором (затем отделом), а в 1994–2001 гг. он занимал пост заместителя директора Института по научной работе.

Последняя четверть XX века была очень продуктивна для И.М. Петер-

бургского с точки зрения накопления новых археологических материалов. В 1974 году он начал раскопки Журавкинского II могильника второй половины VIII – начала XI в. (Петербургский, 1974). Продолжая раскопки этого могильника, он приступил к раскопкам Старобадиковского II могильника VII–X вв. (Петербургский, 1975) и продолжал работать на нем по 1982 г. включительно (Петербургский, 1982).

Исследования могильников не могли решить всех проблем в изучении средневековой мордвы. Поэтому в 1983–1986 гг. И.М. Петербургский раскапывал Старобадиковское и Клюковское поселения, на которых имелись слои VII–XI вв. (Петербургский, 1983; 1986).

С 1987 по 1993 год Иван Митрофанович вел раскопки Стародевиченского могильника XI–XIV вв. Работы на данном памятнике носили охраняемый характер. Тем не менее полученные материалы дополняли источники, которые И.М. Петербургский получил при предыдущих раскопках.

И.М. Петербургский завершил цикл полевых исследований раннесредневековых археологических памятников мордвы раскопками Степановского могильника VIII–XI вв., которые он проводил в 1994–2001 гг.

В 2002 году И.М. Петербургский был избран на должность доцента Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, а с 2011 г. – на должность профессора.

В этот период, по образному выражению Н.Ф. Мокшина, «у него открылось второе дыхание» и он выпустил 6 монографий, фактически опубликовав все свои полевые исследования. А так как он занимался в основном

раскопками раннесредневековых мокшанских памятников, то эти книги явились сводом археологических источников по периоду VII–XIV вв.

Первой в серии этих книг была работа, посвященная обобщению материалов из раскопок в бассейне реки Вад (Петербургский, Аксенов, 2006). Затем были полностью изданы материалы Степановского могильника VIII–XI вв. Проанализирован погребальный обряд и инвентарь, сделаны выводы по хронологии и культурной принадлежности могильника (Петербургский, Аксенов, 2008).

Материалы раскопок Стародевиченского могильника XI–XIV вв. были опубликованы в 2009 г. Здесь также полностью представлен материал полевых исследований, приведена датировка погребений, сделана попытка реконструировать экономический уклад мордвы-мокши этого периода (Петербургский, 2009).

В книге, выпущенной в 2010 г., И.М. Петербургский вместе с соавторами опубликовал материалы Второго Журавкинского могильника VIII–XI вв. В книге дана полная публикация материалов полевых исследований, реконструируется экономика и общественный строй оставившего могильник населения (Петербургский, Вихляев, Святкин, 2010).

Наиболее объемной явилась книга, посвященная публикации материалов полевых исследований Второго Старобадиковского могильника VII–X вв. Эта книга больше всего претендует на

анализ полученных источников. Выводы, сделанные в ней, характеризуют И.М. Петербургского как ученого, стремившегося выйти на определенный уровень исторических обобщений (Петербургский, 2011).

Были опубликованы и материалы поселений, раскопанных И.М. Петербургским, – Старобадиковского и Клюковского. Мордовские раннесредневековые поселения почти не раскапывались, тем более до выхода этой монографии не было какой-то обобщающей работы в этом направлении. Поэтому весомость данного труда не вызывает сомнения (Вихляев, Петербургский, 2013).

Кроме монографических трудов, перу Петербургского принадлежит почти 150 статей и разделов в обобщающих работах. По всему видно, что Иван Митрофанович много внимания уделял изучению археологии своего родного народа – мордвы-мокше. Но значение его работ гораздо шире, и они органично вплетены в канву исследований по раннесредневековой археологии Поволжья.

Иван Митрофанович Петербургский прожил интересную и счастливую жизнь. К нему всегда хорошо относились друзья, коллеги, подчиненные, ученики. Он был любим и уважаем в своей семье. Для подавляющего большинства знавших его людей он был просто Митрофаныч, с которым легко и в работе, и на отдыхе. Таким он нам и запомнился.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петербургский И.М.* Древние и средневековые поселения мордвы / В. И. Вихляев, В. И. Петербургский, О. В. Седышев; [науч. ред. О.В. Зеленцова]; МГУ им Н. П. Огарева. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 216 с.
2. *Петербургский И.М.* Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск, 2011. 408 с.

3. *Петербургский И.М.* Мордва Среднего Примокшанья в XI–XIV вв. Саранск: «Красный Октябрь», 2009. – 238 с.
4. *Петербургский И.М.* Отчет об арх. разведках в бассейне р. Сивинь Краснослободского р-на в 1971 г. / Архив ИА РАН. Р-1. Ф-1. № 4432.
5. *Петербургский И.М.* Отчет об археологических раскопках Старобадиковских и 2 Журавкинского могильников в Zubovo-Полянском р-не Мордовской АССР в 1975 г. / Архив ИА РАН. Р-1. Ф-1. № 6003
6. *Петербургский И.М.* Отчет о раскопках 2 Журавкинского могильника в 1974 г. / Архив ИА РАН. Р-1. Ф-1. № 5556.
7. *Петербургский И.М.* Отчет о раскопках Ключовского поселения в Краснослободском р-не в 1986 г. / Архив ИА РАН. Р-1. Ф-1. № 11660.
8. *Петербургский И.М.* Отчет о раскопках Старобадиковского 2 могильника в Zubovo-Полянском р-не в 1982 г. / Архив ИА РАН. Р-1. Ф-1. № 9070.
9. *Петербургский И.М.* Отчет о раскопках Старобадиковского поселения в Zubovo-Полянском р-не в 1983 г. / Архив ИА РАН. Р-1. Ф-1. № 9921.
10. *Петербургский И.М., Аксенов В.Н.* Вадская мордва в VIII–XI вв. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2006. 146 с.
11. *Петербургский И.М., Аксенов В.Н.* Древние памятники на реке Ляча. – Саранск: «Красный Октябрь», 2008. 168 с.
12. *Петербургский И.М., Вихляев В.И., Святкин С.В.* Второй Журавкинский могильник. – Саранск: «Красный Октябрь», 2010. 132 с.

Информация об авторах:

Вихляев Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск, Россия); galada@list.ru

Зеленев Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); y_zeleneev@mail.ru

**AD MEMORIAM I.M. PETERBURGSKY
(1937–2015)**

V.I. Vikhlyayev, Yu.A. Zeleneev

The article is dedicated to the memory of I.M. Peterburgsky, Candidate of Historical Sciences and well-known researcher of medieval archaeology.

УДК 902

ПАМЯТИ В.Н. МАРТЬЯНОВА
(1934–2015)

© 2016 г. Ю.А. Зеленева, О.В. Зеленцова

Некролог посвящен памяти профессора Арзамасского педагогического института В.Н. Мартьянова.

25 декабря 2015 года на 82-м году оборвалась жизнь профессора Арзамасского государственного университета, кандидата исторических наук Владимира Николаевича Мартьянова.

Журнал «Поволжская археология» в последнем номере за 2014 год поздравлял Владимира Николаевича с 80-летием (Зеленева, Зеленцова, 2014). И вот чуть более чем через год приходится сообщать о смерти ученого.

Владимир Николаевич Мартьянов был очень разносторонним человеком и за свою жизнь сделал много в области археологии и этнологии мордвы. Достаточно сказать, что он, открыв, изучил группу археологических па-

мятников в бассейне реки Тёши и, по существу, воссоздал историю мордовского народа этого региона, которая очень важна для понимания всей средневековой истории мордвы. Ибо именно здесь начинается процесс зарождения мордовской государственности.

Несмотря на свой возраст, Владимир Николаевич был полон творческих планов. Он готов был продолжать полевые работы, вынашивал проекты книг, но реализовать их не смог.

На Владимира Николаевича большое впечатление произвела смерть его друга И.М. Петербургского (25.05.15). После этого у него как-то сразу обострились болезни, которых он раньше просто не замечал, появились пессимистические нотки в разговорах. Тем не менее смерть его стала неожиданностью. Даже сейчас, по прошествии некоторого времени, кажется, что он где-то рядом, как всегда жизнерадостен, заряжен на деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленева Ю.А., Зеленцова О.В. Владимиру Николаевичу Мартьянову – 80 лет // Поволжская археология. 2014. № 4. С. 249–253.

AD MEMORIAM V.N. MARTYANOV
(1934–2015)

Yu.A. Zeleneva, O.V. Zelentsova

This obituary is dedicated to the memory of V.N. Mart'yanov, Professor of Arzamas Pedagogical Institute.

УДК 902: 904

ОБ ОСНОВНЫХ ИТОГАХ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В 2015 Г.

© 2016 г. А.Г. Ситдинов, И.Р. Каримов

Научные изыскания коллектива Института археологии им. А.Х. Халикова в 2015 г. были направлены на углубленную разработку проблем древней и средневековой истории Волго-Камья в контексте Евразийской цивилизации. В рамках этих актуальных задач научная и научно-организационная деятельность Института осуществлялась в форме проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, широкой популяризации исторических знаний, развития сотрудничества с вузами, а также с крупными научно-исследовательскими структурами России и зарубежных стран. Фундаментальные исследования проводились по темам «Археология древнего населения Волго-Камья: взаимодействие культур», «Средневековая тюрко-татарская цивилизация: возникновение, развитие, взаимодействие с народами Евразии», «Антропология и генетика древнего населения Среднего Поволжья».

В 2015 г. исследовательская деятельность Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ проводилась в области археологических, исторических, этноархеологических, музееведческих и естественных наук. Основные исследовательские задачи выполнялись сотрудниками структурных подразделений Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в научной и научно-организационной деятельности.

Археология древнего населения Волго-Камья: взаимодействие культур (рук. М.Ш. Галимова). В рамках данного направления разрабатывались следующие темы:

«Первобытный человек и природная среда в Волго-Камье» (рук. М.Ш. Галимова). При выполнении темы проводился функционально-трассологический анализ разновременных комплексов каменных артефактов

памятников Волго-Камья, обобщены результаты палеогеографических исследований стоянок эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье. Результатом исследования стала реконструкция природного окружения первобытных обитателей долины р. Мёша с помощью широкого спектра палеогеографических методов и подходов в составе междисциплинарного коллектива исследователей. В дальнейшем планируется воссоздание динамики климата и палеоэкологических условий жизнедеятельности коллективов на протяжении длительных археологических эпох – энеолита и бронзового века.

«Памятники позднего каменного века – энеолита Волго-Камья: проблемы культурно-хронологического статуса» (рук. М.Ш. Галимова). В рамках этой темы разработан и апробирован методический подход к решению проблемы культурно-хронологического

разграничения комплексов неолита и энеолита в смешанных многослойных памятниках Нижней Камы.

«Население Волго-Камья в позднем бронзовом – раннем железном веках» (рук. А.А. Чижевский). В 2015 г. продолжены геолого-геоморфологические исследования городищ раннего железного века Волго-Камья, относящихся к ананьинской культурно-исторической области. Было проведено геолого-геоморфологическое и литолого-стратиграфическое изучение городищ в Елабужском, Мамадышском, Рыбно-Слободском районах РТ и в черте г. Казани, где впервые был произведен отбор образцов для дальнейших лабораторных палеогеографических исследований.

Полученные результаты являются основой для палеогеографических реконструкций времени функционирования городищ ананьинской культурно-исторической области, азелинской культуры и селищ именьковской культуры.

«Памятники Волго-Камья конца I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э.: проблемы хронологии и культурно-исторической интерпретации» (рук. Д.Г. Бугров). Продолжена исследовательская работа по введению в научный оборот неопубликованных материалов раскопок 1970-х – 2000-х гг. на памятниках рубежа н.э. и первой половины I тыс. н.э., а также картографическая и хронологическая привязка ряда датирующих категорий артефактов рубежа нашей эры, и выявление культурно-хронологических особенностей и региональной специфики памятников эпохи Великого переселения народов Среднего Поволжья.

Средневековая тюрко-татарская цивилизация: возникновение, раз-

витие, взаимодействие с народами Евразии (рук. Ф.Ш. Хузин). В рамках направления разрабатывались следующие темы:

«Идель–Алтай: формирование культуры народов степной и лесостепной Евразии» (рук. Е.П. Казаков). Идет процесс накопления и представления данных об этапах тюркизации Среднего Поволжья и Прикамья, взаимодействия коренного населения с пришлыми тюрками, уграми и славянами. Завершается подготовка монографии по материалам раскопок Коминтерновского могильника эпохи раннего средневековья.

«Городская культура Восточной Европы эпохи средневековья» (рук. А.Г. Ситдиков). В рамках выполнения темы изучена оборонительная линия в западной и восточной части Болгарского городища, проведены исследования 20 памятников на островах в зоне Куйбышевского водохранилища в пределах Спасского района РТ. Обработаны и введены в научный оборот историко-археологические материалы по Болгарскому городищу по итогам их изучения в 1981–2014 гг. Также проведены специальные изыскательские работы по изучению места геофизических аномалий полученных в результате исследований 2014 г.

«Археология Биляра и его окружи» (рук. Ф.Ш. Хузин). В 2015 г. проведены раскопки во внутреннем городе Билярского городища, выявлены и частично исследованы руины кирпичного здания, скорее всего, общественной бани, функционировавшей в XII – начале XIII в. Проведены разведывательные работы в округе Биляра, в Алексеевском и Аксубаевском районах РТ. В исследованиях, в отличие от прошлых лет, широко применялись

естественнонаучные методы, в частности, спектральный анализ цветного металла, геофизика в поиске руинированных остатков архитектурных сооружений, почвенные исследования и т.д.

«Средневековая Казань и поселения Казанского ханства» (рук. А.Г. Ситдиков). Обобщены материалы археологических исследований предыдущих лет. Ведется работа по подготовке монографических исследований по изучению жилой и хозяйственной застройки, керамическому производству ханской Казани. Организовано исследование поливной керамики и изделий чугунолитейного производства.

«Материальная культура средневековых памятников на Нижней Волге» (рук. А.Г. Ситдиков). Продолжены археологические исследования средневекового памятника – городища Самосделка в Астраханской области. Помимо этого были продолжены археологические разведки на территории Астраханской области, проведены археологические разведки на территории Красноярского городища. Проведены археологические исследования на территории Селитренного городища с целью обнаружения и фиксации границ между слоями золотоордынского периода и Нового времени.

«Остров-град Свияжск в середине XVI–XVIII в.: по археологическим данным» (рук. А.Г. Ситдиков). Продолжались раскопки Свияжска в районе Успенской площади, Иоанно-Предтеченского монастыря, Рождественской площади, Успенского монастыря. В ходе исследований получены новые археологические данные по различным вопросам истории и культуры средневековых городов Волго-Камья

Х–XIV вв. Под руководством Института ведется работа по созданию музея археологического дерева «Татарская слободка», а также организована работа по подготовке находок к консервации.

«Этнополитическая история тюрко-татарских государств» (рук. И.Л. Измайлов). Выполнены работы, которые можно расценить как новые научные знания и новые методики решения проблем этнической истории в период средневековья. Они позволяют показать сложную реальность становления и эволюции средневековой этнополитической общности. Организовано взаимодействие с ведущими специалистами Монголии, Украины, Абхазии, Южной Осетии, Болгарии, Азербайджана и др., а также привлекались специалисты российских научных центров.

Обширные исследования были проведены при реализации Государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)» (рук. А.Г. Ситдиков). Проведены историко-археологические исследования средневековых тюрко-татарских городков за пределами Республики Татарстан: Укек (Саратовская область), Искер (Тюменская область), Красноярское городище (Астраханская область), Красносундюковское городище (Ульяновская область), Касимов (Рязанская область), Курмыш (Нижегородская область), Маджар (Ставропольский край), также изучалось историко-археологическое наследие средневекового тюрко-татарского населения Крыма (Республика Крым). Продолжались изыскания в пограничной зоне Болгарского улуса Золотой Орды и Русских княжеств на примере

юго-восточных районов Нижегородской области.

Археобиологическая лаборатория проводила исследования по направлениям:

Антропология и генетика древнего населения Среднего Поволжья (рук. И.Р. Газимзянов). В рамках данного направления разрабатывались темы:

«Население средневековых городов Среднего Поволжья по данным антропологии и генетики» (рук. И.Р. Газимзянов). Изучались антропологические материалы из археологических раскопок на территории Болгарского городища, Казани, Свияжска, Йошкар-Олы и Перми. Анализ патологических и травматических следов на костях позволили сделать вывод о «характерных» для горожан болезнях: туберкулезе, рахите, сифилисе и т.д. Для последующего генетического анализа было отобрано более 100 образцов из древних захоронений на территории РТ.

«Определение болезней по генетическим маркерам (туберкулез, сифилис и т.д.) и патологических изменений по анализу минеральной плотности и микроэлементного состава костных останков из древних захоронений» (рук. Р.И. Тухбатова). Были проанализированы более 100 образцов древнего ДНК, происходящие, в основном, из средневековых захоронений Болгара. По результатам их анализа был выявлен остеопороз, туберкулез и впервые зафиксированы признаки чумы.

Реконструкция структуры популяций домашних и диких животных (рук. Г.Ш. Асылгараева). В рамках данного направления диагностированы костные остатки животных из ар-

хеологических раскопов в количестве более 25 тыс. костных фрагментов. На основе изучения костных (кухонных) останков из раскопок 2013–2014 гг. установлен видовой состав домашнего стада и пищевые приоритеты населения средневекового Болгара и Свияжска.

Полевые археологические охранно-спасательные работы по обследованию и проведению раскопок земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению. В 2015 г. получено 38 Открытых листов сотрудниками Института для осуществления охранных работ на более чем 200 объектах. В результате исследований выявлены 5 ранее неизвестных археологических памятников, обследовано и зафиксировано состояние более 50 ранее выявленных объектов археологии, на 4 памятниках проведены археологические раскопки общей площадью более 1000 кв.м.

Археологическое наследие Татарстана: опыт сохранения и изучения (рук. А.С. Мухаметшина). Исследования проводились по следующим темам:

«Научное комплектование, учет и хранение археологических коллекций Музея археологии РТ» (рук. А.С. Мухаметшина). Впервые археологические коллекции, поступившие в Музей археологии РТ, получили статусы коллекций основного или научно-вспомогательного фондов. На основании подготовленных пакетов учетной документации в 2015 году подготовлены к рассмотрению Экспертной фондово-закупочной комиссией и приему в фонды Музея археологии РТ коллекции разведок с территории Алексеевского, Камско-Устьинского, Аксубаевского, Спасского, Нурлат-

ского районов РТ и Цивильского района Республики Чувашии в общем количестве 5343 предмета.

«Систематизация археологических коллекций Музея археологии РТ» (рук. А.С. Мухаметшина). В отчетном году систематизированы 4028 музейных предметов археологических коллекций; составлены 62 полевые описи, сверенные коллекции включены в научно-справочную картотеку археологических коллекций Музея археологии РТ.

«Научный фонд и библиотека Института археологии им. А.Х. Халикова: научное наследие археологического изучения РТ» (рук. Х.М. Абдуллин). Были продолжены работы по выявлению и сбору первичной документации – полевых дневников и других материалов экспедиций, археологических научных отчетов, диссертаций, докладных записок, неопубликованных рукописей, личных фондов. Общее количество материалов Научного фонда, поступившего на хранение, насчитывает 2882 ед.хр.

«Подготовка электронных экспозиций и каталогов музеев, а также совершенствование структуры и содержания сайтов» (рук. А.Г. Ситдилов). Сайты Института постоянно пополняются новыми данными о его деятельности, планируемых и проводимых мероприятиях, о новых изданиях. Подготовлена и издана коллективная монография «Встреча в Болгаре. Экскурсия по залам Музея болгарской цивилизации».

Сохранение археологических источников (рук. Р.Х. Храмченкова). В рамках направления разрабатывались следующие темы:

«Консервация и систематизация предметов археологии» (рук.

Р.Х. Храмченкова). Исследованы методы консервации и реставрации археологического дерева, находок из металла, артефактов из лыка, бересты, кожи, яичной скорлупы.

«Естественнонаучные методы исследований в археологии» (рук. Р.Х. Храмченкова). Работы по этой теме развивались по основному направлению – междисциплинарные исследования археологических находок. В область исследований вошли артефакты из раскопов Болгара, Селитренного городища, Казани, Джукетау, а также из фондов Музея археологии РТ.

Геоинформационные системы археологии Татарстана (рук. А.Г. Ситдилов). В 2015 г. большое внимание уделялось совершенствованию методики изучения разрушающихся под воздействием негативных экзогенных процессов памятников археологии с применением передовых ГИС систем. Созданные методом фотограмметрии 3D модели раскопов в Болгаре и Свияжске существенно расширили возможности камеральной обработки данных полевых исследований. Здесь же начаты работы по лазерному сканированию исторических зданий для архивации архитектурного наследия, а также осуществления пространственного анализа распространения средневековых поселений.

Организация и проведение международной полевой археологической школы в Болгаре (рук. А.Г. Ситдилов, Л.А. Вязов). В 2015 г. в работу совместной с Казанским федеральным университетом полевой археологической школы внедрялись новые методики организации образовательного процесса. Практические занятия для слушателей школы проводились на базе специализированных полевых

научно-исследовательских лабораторий – палеоантропологической, археозоологической, археобиологической, черной металлургии и кузнечного дела, древней керамики, археологического стекла. Слушателями школы стали более 100 аспирантов и молодых специалистов из различных регионов России и зарубежных стран. К работе в школе в качестве преподавателей были привлечены специалисты из авторитетных научных центров России, Украины, Франции, Испании, Канады и других стран.

Важной составляющей деятельности Института является издание журнала «**Поволжская археология**». В 2015 г. он еще больше укрепил свои позиции как авторитетное научное издание, на страницах которого рассматривались актуальные проблемы историко-археологических исследований в Волго-Камском регионе. Значительно расширился и круг авторов журнала. Ярким событием 2015 г. стало включение журнала в список рецензируемых изданий ВАК – единственного журнала такого рода в системе Академии наук Татарстана. Под эгидой Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ выпускается совместный с Институтом истории им. Ш. Марджани, ежегодник «**Нумизматика Золотой Орды**».

Институт активно развивает новые формы своей научно-организационной деятельности. В 2015 г. решением Ученого совета Института был организован совместный с Казанским федеральным университетом сектор этнической истории, который возглавил чл.-корр. РАН, д.и.н. В.В. Напольских. Задачей сектора является организация и проведение междисциплинарных семинаров с целью создания научно-

дискуссионной площадки для всестороннего сотрудничества представителей разных дисциплин для решения частных и общих задач в проведении археологических и этноисторических исследований. Участниками семинаров являются крупные российские и зарубежные исследователи, имеющие большой опыт в осуществлении междисциплинарных гуманитарных исследований. Данные семинары являются инновационным инструментом просвещения и популяризации науки в целом, открывают широкую возможность для ознакомления специалистов, аспирантов, студентов с гуманитарными междисциплинарными научными направлениями и школами, развитыми в России и за рубежом.

Результативно в 2015 г. продолжены полевые археологические исследования, которые осуществлялись в рамках 7 экспедиций – Болгарской, Казанской, Свияжской, Межрегиональной (рук. А.Г. Ситдинов), Раннеболгарской (рук. Е.П. Казаков), Первобытной (рук. М.Ш. Галимова), Билярской (рук. Ф.Ш. Хузин).

Традиционно большое внимание в Институте уделяется и подготовке кадров. В настоящее время в аспирантуре Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ проходят обучение 12 человек. Темы диссертационных работ аспирантуры посвящены наиболее актуальным проблемам истории и археологии Волго-Камья и соответствуют общим направлениям научно-исследовательской деятельности Института.

Институтом было проведено 11 научных конференций. Из них – 7 международных и 4 всероссийских. Сотрудники Института участвовали в 41 научной конференции, в том числе в

28 международных и 5 всероссийских форумах.

В 2015 году сотрудниками Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ материалы и результаты исследований представлены в виде 17 монографий, 130 научных публикаций, научно-популярных статей, отчетов.

Расширилась проблематика научных исследований, связанных с изучением прошлого народов Евразии в целом, значительно укрепились научные связи татарстанских археологов с коллегами из других регионов России и зарубежных стран.

ПУБЛИКАЦИИ

1. *Абдуллин Х.М.* Татарское мусульманское военное духовенство в Первой мировой войне / Х.М. Абдуллин // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, приуроченной 100-летию начала войны (г. Казань, 10–11 октября 2014 г.) / Под ред. Л.Р. Габдрафиковой. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С. 158–174.

2. *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Дроздова Г.И., Мухаметшина А.С., Ситдиков А.Г.* 10 лет Музею археологии Республики Татарстан Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ // Поволжская археология, 2015, № 3. С. 256–263.

3. *Абдуллин Х.М., Дэвлет Е.Г., Ситдиков А.Г.* IV (XX) Всероссийский археологический съезд (Казань, 21–25 октября 2014 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 1(78). С. 223–228.

4. *Абдуллин Х.М., Мустафина Г.М.* Казанское пехотное юнкерское училище (1866–1909). Страницы истории и известные выпускники // Военно-исторический журнал. 2015. № 2. С. 56–60.

5. Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / Авторы-сост. Ситдинов А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань, 2015. 38 с.

6. *Богатова Л.Ф., Кулецов Г.Н.* Определение характера воздействия акриловой дисперсии на археологические объекты из кожаной ткани методом оптической микроскопии // Вестник КГТУ. 2015. Т. 18. № 19. С. 199–200.

7. *Богатова Л.Ф., Кулецов Г.Н.* Разработка технологии консервации археологических объектов из кожевенных материалов с применением ННТП обработки // Научные труды SWorld, выпуск 2 (39). Т. 4. Иваново: Научный мир, 2015, 97 с.

8. *Бочаров С.Г.* Генуэзский замок Калиера // Генуэзская Газзария и Золотая Орда. Казань; Симферополь; Кишинев, 2015. С. 47–99.

9. *Бочаров С.Г.* Фортификационные сооружения генуэзской крепости Воспоро // Причерноморье в Средние века. Вып. 9. СПб. 2015. С. 126–145.

10. *Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Письменные источники о итальянской торговле кожей в Северном Причерноморье и данные археологии // Ученые записки Казанского (Приволжского) федерального университета. Серия Гуманитарные науки. Том 157. Книга 3. 2015. С. 215–220.

11. *Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Солхатская война и её отражение в генуэзской фортификации Восточного Крыма // Крым в войнах России. Ростов-на-Дону, 2015. С. 38–45.

12. *Бугров Д.Г., Гайнуллин И.И., Касимов А.В., Ситдиков А.Г., Старовойтов А.В., Усманов Б.М., Чернова И.Ю.* Комплексный подход при сборе информации для визуализации историко-культурного наследия острова-града Свияжск // Виртуальная археология (эффективность методов): мат-лы Второй Международной конференции, состоявшейся 1–3 июня 2015 года в Государственном Эрмитаже / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 102–111.

13. *Бурханов А.А., Измайлов И.Л., Нигаматзянов И.Р.* Кочевники юго-восточных районов Татарстана в системе культур и цивилизаций Волго-Уральского региона и Евразии

(по результатам историко-археологических исследований) // Идель-Алтай: история и традиционная культура народов Евразии. Материалы III Международного форума, посвящ. 90-летию д. филол. наук, проф. С.С. Суразакова. (14–18 июля 2015 г. г. Горно-Алтайск). Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2015. С. 19–23.

14. *Валеев Р.М., Измайлов И.Л., Шайдуллин Р.В.* Эволюция понятий «монголо-татары» и «монголо-татарское иго» в российской исторической науке в XIX – начале XXI вв.: парадигмы и оценки // Монголчуудын соёлын өв: гар бичмэл, архивын баримтын цуглуулга. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал 2015 оны 4 сарын 21-ээс 22-ны өдрүүдэд Улаанбаатар хот = Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Международная конференция при поддержке Президента Монголии. 21–22 апреля, 2015. г. Улан-Батор. Улан-Батор: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи, 2015. С. 51–52.

15. *Волкова Е.В.* Патологии зубочелюстной системы у городского и сельского населения Среднего Поволжья XVI–XVIII вв. (на примере некрополя г. Чебоксары и сельских чувашских могильников). Международная полевая школа в Болгаре. Сборник материалов итоговой конференции. Казань, Болгар, 2015. С. 105–112.

16. *Газимзянов И.Р.* Медико-криминалистические исследования повреждения на черепках, обнаруженных при археологических раскопках на территории Болгарского городища // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 5. С. 44–48.

17. *Газимзянов И.Р.* Население средневекового Болгара по данным краниологии. Предварительные результаты по материалам раскопок 2010–2013 гг. // Поволжская археология, 2015, № 3. С. 112–124.

18. *Галимова М.Ш.* Кремневый и кварцитовый инвентарь населения Волго-Камья в предананьинское и ананьинское время // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология Евразийских степей. Казань: Изд-во Отечество; ИА им. Халикова, 2014. С. 187–191.

19. *Галимова М.Ш.* Кремневый и кварцитовый инвентарь населения Волго-Камья в предананьинское и ананьинское время // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология Евразийских степей. Казань: Изд-во Отечество; ИА им. Халикова, 2014. С. 187–191.

20. *Галимова М.Ш.* Мезолит // Татар энциклопедиясе. Т. 4. Казань, 2014. С. 125 (на татар. яз).

21. *Галимова М.Ш.* Усть-камская культура // Татарская энциклопедия. Т. 6. Казань, 2014. С. 58.

22. *Галимова М.Ш.* Экспериментально-трасологические критерии дифференциации кремневых сребков и оружейных кремней // Методы изучения каменных артефактов. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург. 16–18 ноября 2015 г. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 209–212.

23. *Галимова М.Ш.* Энеолит // Татарская энциклопедия. Т. 6. Казань, 2014. С. 457.

24. *Галимова М.Ш.* Палеолит // Татар энциклопедиясе. Т. 4. Казань, 2014. С. 502–503 (на татар. яз.).

25. *Гилязов И.А., Измайлов И.Л.* Заключение // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 609–614.

26. *Губайдуллин А.М.* Некоторые итоги изучения фортификации города Болгара XIV века // Вестник Казан. гос. ун-та культуры и искусств. Казань: Изд-во КазГУКИ, 2015. № 2. Ч. 2. С. 102–105.

27. *Губайдуллин А.М.* О дополнительных укреплениях средневековых городищ // Филология и культура. Philology and Culture. Казань: Изд-во К(П)ФУ, 2015. № 2(40). С. 299–302.

28. *Губайдуллин А.М.* Пространственное размещение средневековых городищ на территории Среднего Поволжья // Филология и культура. Philology and Culture. Казань: Изд-во К(П)ФУ, 2015. № 1 (39). С. 278–282.

29. Ермолаев И.П., Измайлов И.Л. Казанская война 1552–1557 гг. // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 73–85.

30. Зеленева Ю.А., Пизарёв Е.М. Археологические исследования совместной археологической экспедиции ИКЦ «Сарай-Бату» и МарГУ в 2014 году // Астраханские краеведческие чтения. Выпуск VII. Астрахань. 2015. С. 102–105.

31. Измайлов И.Л. [Перевод и коммент.] Шамильоглу Ю. «Умдет ал-ахбар» и тюркские повествовательные источники золотоордынского и позднезолотоордынского времени. От переводчика // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3 (5). С. 153–174.

32. Измайлов И.Л. Взятие Казани: причины, ход, последствия // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 62–72.

33. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело Казанского ханства // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. IV. Татарские государства XV – XVIII вв. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 690–700

34. Измайлов И.Л. История тюрок: взгляд на средневековую цивилизацию Евразии // *Türkoloji üzerine araştırmalar / Тюркологические исследования / Journal of Turkology. Dil ve Edebiyat İncelemeleri Dergisi. (Afyonkarahisar-Kazan). 2015. № 11. С. 75–90.*

35. Измайлов И.Л. Международные отношения в Волго-Уральском регионе: эпоха Волжской Булгарии (X – первая треть XIII в.) // *Idil-Ural Tarihi Sempozyumu (Ankara, 10–12 Ekim 2011): bildiriler: II. cilt. = История Волго-Уральского региона. Материалы международной научной конференции (Анкара, 10–12 октября 2011). Т. 2. Доклады на русском языке. Отв. ред. И. Кемалоглу. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2015. С. 29–59.*

36. Измайлов И.Л. Меч раннесарматского времени из Икско-Зайского междуречья // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 326–332.

37. Измайлов И.Л. Миркасым Усманов: вся жизнь – служение науке // Миркасым Госманов: тарихи-биографик, фәнни-документаль жыентык. Казан: Жыен, 2014. С. 629–657.

38. Измайлов И.Л. Образ предков и идентичность татар: в контексте «Божьего града Болгара» // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 539–544.

39. Измайлов И.Л. Памяти Михаила Викторовича Горелика (1946–2015) // Поволжская археология. 2015. № 1. С. 271–280.

40. Измайлов И.Л. Правящие кланы в системе управления Улуса Джучи и других империй Чингизидов // Монголчуудын соёлын өв: гар бичмэл, архивын баримтын цуглуулга. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал 2015 оны 4 сарын 21-ээс 22-ны өдрүүдэд Улаанбаатар хот = Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Международная конференция при поддержке Президента Монголии. 21-22 апреля, 2015. г. Улан-батор. Программа и тез. док. Улан-Батор: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи, 2015. С. 49.

41. Измайлов И.Л. Принятие ислама в Улусе Джучи: причины и этапы исламизации // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма / Сборник материалов Международной научно-практической конф., посвящ. 700-летию Мечети Хана Узбека. г. Симферополь, 14–18 октября 2014 г. Симферополь: Крымскотатарский музей искусств; Духовное управление мусульман Крыма, 2014. С. 18–36.

42. Измайлов И.Л. Структура власти в позднезолотоордынских государствах // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 521–531.

43. Измайлов И.Л. Татарское военное искусство // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 686–690.

44. *Измайлов И.Л.* Татары и Казанский край в Смутное время // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 267–280.

45. *Измайлов И.Л.* Формирование государственной территории Волжской Булгарии X–XIII вв.: комплексный анализ источников // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. г. Москва, 15–17 апреля 2015 г. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 116–120.

46. *Измайлов И.Л.* Этнокультурная история Булгарии XII–XIII вв. по мусульманским эпитафийным памятникам периода Улуса Джучи // Филология и культура. 2015. № 1(39). С. 283–290.

47. *Измайлов И.Л., Исхаков Д.М., Трепавлов В.В.* Предпосылки и особенности децентрализации Улуса Джучи // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. IV. Татарские государства XV – XVIII вв. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 78–82.

48. *Измайлов И.Л., Исхаков Д.М.* История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века): Краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ / Отв. ред. Д.М. Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани; Изд-во «Артифакт», 2014. С. 58–75, 100–177, 184–191.

49. *Казаков Е.П., Лыганов А.В.* Итоги изучения Измерского XVII могильника // Поволжская археология. № 4. 2014. С. 43–57.

50. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Введение // Л.И. Ашихмина Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: Изд-во Отечество; ИА АНРТ, 2014. С. 7–8.

51. *Лавенто М., Патрушев В.С.* Развитие и хронология текстильной керамики в Среднем и Верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые ¹⁴C-даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 160–188.

52. *Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Морозов В.В., Бугров Д.Г.* Керамические и кремневые материалы Гулюковской I стоянки: к проблеме разграничения гребенчатых и накольчатых комплексов позднего неолита Икско-Бельского междуречья // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции посвященной 75-летию В.П. Третьякова СПб: ИИМК РАН, 2015. С. 71–75.

53. *Лыганов А.В., Чижевский А.А., Валиев Р.Р., Еремин О.И.* Погребальные памятники начала позднего бронзового века в Приустьевом Закамье // Поволжская археология. № 2. 2015. С. 83–103.

54. *Морозов В.П., Королев Э.А., Кольчугин А.Н., Ескин А.А.* Особенности фракционирования углеводородов в продуктивных и частично разрушенных залежах турнейского яруса / Геология и минеральные ресурсы Европейского Северо-Востока России. Материалы XVI Геологического съезда Республики Коми. Т. III. Сыктывкар: ИГ Коми НЦ УрО РАН, 2014. 424 с.

55. *Напольских В.В.* К происхождению названий соли в финно-пермских языках // *Linguistica uralica*, vol. 51, no 3. Tallinn, 2015, p. 161–176.

56. *Напольских В.В.* Очерки по этнической истории. Казань: Изд-во «Отечество», 2015. 528 с.

57. *Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б.* Украшения и зеркала с Хмелевского I селища // Ученые записки Казанского университета. Т. 157, Кн. 3. 2015. С. 34–46.

58. *Очир-Горяева М.А.* Дискуссионные проблемы изучения образа жизни и типа хозяйства Волго-Маньчских степей в эпоху бронзы // Поволжская археология. № 2. 2015. С. 4–52.

59. *Очир-Горяева М.А.* О возможном назначении сосудов из погребений пазырыкской культуры Горного Алтая // VI Международная научная конференция «Древние культуры

Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая» (12–16 октября 2015 года, г. Хух-Хото). Улан-Уде, 2015. С. 228–236.

60. *Очир-Горяева М.А.* Поселения степной зоны Евразии скифской эпохи // Актуальные вопросы археологии и этнографии Центральной Азии. Материалы международной конференции. Улан-Удэ. 7–8 апреля 2015. Иркутск. Изд-во. Отгиск, 2015. С. 265–275.

61. *Патрушев В.С.* Роль финно-угров в истории народов Евразии // Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Eds. H. Mantila, Jari Sivonen et al. Oulu: University of Oulu, 2015. С. 136–137.

62. *Пигарёв Е.М.* Золотоордынские монеты из сборов археологической экспедиции на Селитренном городище в 2010–2011 гг. (к общей статистике находок) // Астраханские краеведческие чтения. Выпуск VII. Астрахань. 2015. С. 94–101.

63. *Пигарёв Е.М.* Археологическое исследование Каменного бугра в 2014 году // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань: АГУ, 2015. № 2. С. 14–18.

64. *Пигарёв Е.М.* Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище). Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 7. Селитренное городище. Йошкар-Ола. 2015. 208 с.

65. *Пигарёв Е.М.* Исследования средневекового некрополя Селитренного городища в 2013 г. // КСИА. Вып. 237. М., 2015. С. 232–238.

66. *Пигарёв Е.М.* Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Под ред.: Бочаров С.Г., Ситдигов А.Г. Кишинёв: Stratum Plus, 2015. С. 181–196.

67. *Семькин Ю.А.* Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. Отв. ред. Хузин Ф.Ш., Ситдигов А.Г. / Археология Евразийских степей. Вып. 21. Казань: Изд-во Отечество; ИА АН РТ, 2015. 228 с.

68. *Ситдигов А.Г., Абдуллин Х.М.* IV (XX) Всероссийский археологический съезд в Казани // Поволжская археология. 2014. № 4(10). С. 217–234.

69. *Ситдигов А.Г., Бугров Д.Г., Измайлов И.Л., Мухаметшин Д.Г.* Встреча в Болгаре. Экскурсия по залам Музея болгарской цивилизации. Казань: ООО «Мастер-Граф», 2014. 84 с.

70. *Ситдигов А.Г., Бугров Д.Г., Измайлов И.Л., Мухаметшин Д.Г.* Встреча в Болгаре. Экскурсия по залам музея Болгарской цивилизации. Казань: ООО «Мастер-Граф», 2014. 84 с.

71. *Ситдигов А.Г., Измайлов И.Л.* Институт археологии им. А.Х. Халикова. Казань: Отечество, 2014. 29 с.

72. *Ситдигов А.Г., Измайлов И.Л.* История татарского народа в экспозиции Музея Болгарской Цивилизации: новые подходы к визуализации прошлого // Миссия музея в мультикультурном мире. Международный музейный форум. Казань, Россия. 8–12 сентября, 2015 года. Тез. док. Казань: Фолиант, 2015. С. 194.

73. *Ситдигов А.Г., Хузин Ф.Ш.* Институт археологии им. А.Х. Халикова: отвечаем на вызовы современности // Поиски и открытия: роль научно-исследовательских институтов в становлении гуманитарного знания. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2015. С. 38–46.

74. *Ситдигов А.Г., Шакиров З.Г., Каримов И.Р.* Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2014 году // Поволжская археология. Казань, 2015, № 1 С. 241–259.

75. *Старостина И.А., Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Стоянов О.В.* Анализ поверхности археологических металлических объектов для подбора защитного покрытия // Клеи. Герметики. Технологии. 2015. № 6. С. 41–46

76. *Хужжин Ф.Ш.* Тел, эдэбият һәм тарих институтында Татарстан археологиясе (Археология Татарстана в Институте языка, литературы и истории) // Фәнни Татарстан. 2014. № 4. 109–120 бб.

77. *Хузин Ф.Ш.* Болгары и кыпчаки в средневековой истории татар (домонгольский период) // *Idil-Ural Tarihi Sempozyumu* (Ankara, 10–12 Ekim 2011): bildiriler: II. cilt. Доклады на русском языке / Отв. ред. И. Кемалоглу. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2015. С. 1–28.

78. *Хузин Ф.Ш.* Евгению Петровичу Казакову – 80 лет! // *Поволжская археология*. 2014. № 4. С. 6–9.

79. *Хузин Ф.Ш.* Защита докторских и кандидатских диссертаций по археологии в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ в 2014 году // *Поволжская археология*. 2014. № 4. С. 235–240.

80. *Хузин Ф.Ш., Мухамадиев А.Р.* Роль строительных повинностей в развитии городской культуры в Волжской Болгарии (X–XIII вв.) // *Вестник Казан. гос. ун-та культуры и искусств*. 2014. № 3. С. 46–48.

81. *Хузин Ф.Ш., Пискарев В.И.* История России. Учебное пособие к учебнику Е.В. Пчелова «История России с древнейших времен до конца XVI века». 6 класс. Региональная составляющая. М.: «Русское слово», 2014. 102 с.

82. *Черных Е.М., Чижевский А.А., Митряков А.Е.* Скорняковское городище в Котельничском районе Кировской области (предварительные результаты полевых исследований, проведенных летом 2012 г.) // *Этнокультурный ландшафт восточноевропейской части России: материалы и исследования*. Киров: ВятГГУ, 2014. С. 75 – 82.

83. *Чижевский А.А., Лыганов А.В., Валиев Р.Р., Еремин И.О.* Погребальные памятники начала позднего бронзового века в приустьевом Закамье // *Поволжская археология*. Казань, 2015. № 2. С. 83–103.

84. *Чижевский А.А.* Керамика белогорского типа в Самарском Поволжье // *Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы*. Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / *Археология Евразийских степей*. Вып. 20. Казань: Отечество; ИА им. Халикова, 2014. С. 211–224.

85. *Чижевский А.А.* Маклашеевская культура // *Татар энциклопедисе*. Т. 4. Казань, 2014. С. 20 (на тат. языке).

86. *Чижевский А.А., Лыганов А.В.* Исследования памятников эпохи бронзы в приустьевом Закамье // *Поволжская археология*. № 2. 2015. С. 52–82.

87. *Чижевский А.А., Хисмятдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешина А.С., Кочанова М.Д., Асылгараева Г.Ш.* Результаты комплексного исследования Сорочьегорского городища // *Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы*. Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / *Археология Евразийских степей*. Вып. 20. Казань: изд-во Отечество; ИА им. Халикова, 2014. С. 241–262.

88. *Чижевский А.А., Шитлов А.В., Капленко Н.М.* Каентубинская островная стоянка неолита – позднего периода эпохи бронзы (по итогам исследований 2005 г.) // *Тверской археологический сборник*. Вып. 10. Т. I. Тверь: Изд-во Триада, 2015. С. 184–194.

89. *Шайдуллин Р.В., Измайлов И.Л.* Историографические проблемы истории русификации коренных народов Поволжья и Приуралья в XVI–XIX вв. // *Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской истории России: материалы научной конференции (Казань, 29–30 ноября 2012 г.)* / Отв. ред. Г.В. Ибнеева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 248–256.

90. *Шайхутдинова Е.Ф., Ситдииков А.Г., Храмченкова Р.Х.* Разработка технологии химико-термической очистки археологических предметов из железных сплавов // *Ползуновский альманах*. 2014. № 2. С. 36–40.

91. *Шакиров З.Г.* Городища округа средневекового Биляра // *Международная полевая школа в Болгаре*. Сб. материалов итоговой конференции. Казань, Болгар, 2015. С. 356–361.

92. *Шакиров З.Г.* Методы фиксации в археологии. Учебно-методическое пособие для студентов вузов. Казань: Изд-во К(П)ФУ, 2015. 110 с. http://libweb.kpfu.ru/ebooks/04-IMOIV/04_135_000910.pdf

93. *Шитлов А.В.* Культурно-хронологические комплексы IV Мурзихинской стоянки в Нижнем Прикамье // *Поволжская археология*. № 2. 2015. С. 313–325.

94. *Шутилов А.В.* Мелкая кремнёвая пластика Каентубинской островной стоянки // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. 1. С. 468–474.
95. *Шутилов А.В.* Характеристика каменного инструментария позднего энеолита Икско-Бельского междуречья // Археология и этнография Марийского края. Вып. 31. Йошкар-Ола, 2015. С. 136–164.
96. *Янина Т.А., Свиточ А.А., Васильев Д.В., Пизгарёв Е.М.* От Каспия к Средиземноморью: изменения окружающей среды и ответ человека в четвертичном периоде // Путеводитель экскурсий. М.: МГУ, 2015. 44 с.
97. Bakhmatova V., Khranchenkova R., Nabiullin N. Morphology and chemical composition of ceramics of 12th–13th centuries of settlement Djuketau (Volga Bulgaria). Conference Programme and Abstracts. In: EMAC 2015: 13th European Meeting on Ancient Ceramics Athens, Greece, September 24th to 26th 2015, p. 115, 199.
98. Bakhmatova V., Khranchenkova R., Nabiullin N. Morphology and chemical composition of ceramics of 12th–13th centuries from the settlement of Djuketau (Volga Bulgaria). Proceedings of 13th European Meeting on Ancient Ceramics 24–26 September 2015, Athens, Greece. Abstract Book. p. 200.
99. Bocharov S.G. Byzantium and the Northern Black Sea Region during the 13th century // Abstract of the International Symposium “Mobility in Research on the Black Sea Region”. Yassi, 2015, p. 53–54.
100. Bocharov S.G., Maslovskiy A.N., Sitdikov A.G. Ceramic Decor in the European Part of the Golden Horde / Abstract of the XI International Congress on Medieval Pottery in the Mediterranean. In: AIECM3. Antalia, 2015, p. 10.
101. Bocharov S.G., Maslovskiy A.N., Iudin N.I. Influence of the Ceramic Imports Upon the Ceramic Production of Cities of the North-Eastern Black Sea Region at the end of the 13 – 14 centuries. Abstract of the XI International Congress on Medieval Pottery in the Mediterranean. In: AIECM3. Antalia, 2015, p. 47.
102. Bocharov S.G., Maslovskiy A.N., Iudin N.I. Ornamentation changes on glazed vessels as a trend of style. In: Abstract of the Second International Topical Congress AIECM3 «In&Around Pottery&Community». Faenza, 2015, p. 22. (Совместно с А.Н. Масловским и Н.И. Юдиным).
103. Bocharov S.G. Pottery as the integration factor in culture of the Golden Horde. In: Abstract of the Second International Topical Congress AIECM3 «In&Around Pottery&Community». Faenza, 2015, p. 16–17.
104. Bocharov S.G. Vosporo fortress in the system of Genoese fortification of the Crimean peninsula of 14th – 15th centuries. In: *Classica et Christiana*. Yassi, 2015, vol. 10, p. 443–459.
105. Bocharov S.G. West of Khubilai Empire. The Mongols, the Venetians and the Genoese in the Crimea (second half of 13th – beginning of 14th centuries.). In: Abstracts of the International Congress “Khubilai Khan and Mongolian Empire. Ulaanbaatar, 2015, p. 39.
106. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. Relationship between the Mongol’s State and the Republic of Genoa the 13th – 14th centuries. Written evidence and archaeology. In: *Ancient Cultures Area of China, Mongolia and Baikalian Siberia*. Hooh Khoto, 2015, p. 693–699.
107. *Great Bolgar*. Kazan: Master-Graf Ltd., 2015. 404 p.
108. Izmailov I.L. Bolgar in the Golden Horde period (second half of 13th – first half of the 15th centuries). In: *Great Bolgar*. Kazan: Master-Graf Ltd., 2015, p. 55–63.
109. Izmailov I.L. Islam in Ulus of Jochi. In: *Great Bolgar*. Kazan: Master-Graf Ltd., 2015, p. 276–289.
110. Izmailov I.L. Islam in Volga Bulgaria. In: *Great Bolgar*. Kazan: Master-Graf Ltd., 2015, p. 270–275.
111. Khaidarov Timur F., Dolbin Dmitrii A., Kravtsova Olga A., Tuchbatova Rezeda I. Biological Aspects of the Historical Urban Development of Jochi Ulus (Latter Half of the 13–14th Centuries). *The Social Sciences, Abstract Book*, 2015, no 10, p. 1047–1053.
112. Khakimzyanov F.S., Izmailov I.L. Language and writing in Bolgar Town. In: *Great Bolgar*. Kazan: Master-Graf Ltd., 2015, p. 300–11.

113. Khramchenkova R., Begovatov E., Shaykhutdinova E., Safina I., Sitdikov A., Zinnatullin A. Research of 10th century silver coins from Semenovskoe settlement (Volga Bulgaria). *Metrology for Archaeology*, Benevento, Italy. October 21 – 23, 2015. Pp. 407–412.
114. Khramchenkova R., Gubaidullin A., Safina I., Nuzdin E. Chemical composition of the fragment of Islamic enamel glass vessel 13th centuries. *Proceedings of TECHNART 2015 Non-destructive and microanalytical techniques in art and cultural heritage*, Catania, April 27 – 30, 2015, p. 1–141.
115. Khuzin F. Sh. Michael Khudyakov (On the 120th anniversary of his birth); Хузин Ф.Ш. Михаил Георгиевич Худяков (К 120-летию со дня рождения) // *Tatarica*. 2014. № 2 (3). С. 243–246 (текст на англ. яз.); С. 246–248 (текст на рус. яз.).
116. Khuzin F.Sh. On the Process of Sedentarization of Volga Bulgars. In: *Journal of Sustainable Development*. Special issue, vol. 8, no 7, August 2015, p. 68–75.
117. Ochir-Goryaeva M. The Scythian Tombs: Construction and Geographical Orientation. In: *The European Journal of Archaeology*. 2015. Issue. 18.3. pp. 477–496.
118. Pigarev E., Khramchenkova R., Shaykhutdinova E., Kaplan P., Zinnatullin A., Kasimov A. Discovered eggshells with Arabic inscriptions from a Golden Horde burial of 13th-14th centuries. *Metrology for Archaeology*, Benevento, Italy. October 21 – 23, 2015. Pp. 304–308
119. Saparmyradov, K.A., Bolormaa, C., Nabiullovi, I.A., Victorovna, K.D., Ilgizovna, T.R., Alimova, F.K. Metabolic profiling of streptomycetes strains from different types of Tatarstan soils using GEN III omnilog system. In: *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*, 2015, vol. 6, issue 4, p. 148–154.
120. Shakirov Zufar G. and Ahmetgalin Farid A. Necropolises and Burial Sites on the Island of Sviyazhsk Case Study of Archaeological Data. In: *Journal of Sustainable Development*, vol. 8, no 4, 2015, p. 194–201. <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/jsd/article/view/48140/25898> (DOI: 10.5539/jsd.v8n4p194)
121. Sharifullin R.F. Archaeological Research of Bolgar Settlement in 1980–2010. *Bolgar Town in Culture and History*. In: *Great Bolgar*. Kazan: Master-Graf Ltd., 2015, p. 348–351.
122. Sharifullin R.F. Bathhouses. In: *Bolgar Town in Culture and History*. *Great Bolgar*. Kazan: Master-Graf Ltd., 2015, p. 238–247.
123. Shaykhutdinova E., Belyaev A., Yanbaev R., Sitdikov A., Zinnatullin A. Iron casting in Volga Bulgaria in 14–15 cc. *Metrology for Archaeology*, Benevento, Italy. October 21–23, 2015. Pp. 203–207.
124. Shipilov A.V. Copper artefacts the Balkan-Carpathian metallurgical province in the funerary monuments of the Volga-Kama region. In: *4th Balkan Early Metallurgy Symposium*. Targu Jiu, 2015, p. 24–25.
125. Sitdikov A.G., Izmailov I.L. Bolgar Town in Culture and History. In: *Great Bolgar*. Kazan: Master-Graf Ltd., 2015, p. 12–25.
126. Sitdikov A.G., Izmailov I.L., Khayrutdinov R.R. Weapons, Fortification and Military Art of the Volga Bulgaria in the 10th – the First Third of the 13th Centuries. In: *Journal of Sustainable Development*, 2015, vol. 8, no. 7, p. 167–177.
127. Sitdikov A.G., Khramchenkova R.Kh. Typology of Glazed Ceramics of the Kazan Khanate and Analysis of Its Element Composition. In: *Journal of Sustainable Development*, vol. 8, no 7, 2015, pp. 234–244.
128. Sitdikov A.G., Khramchenkova R.Kh. Typology of Glazed Ceramics of the Kazan Khanate and Analysis of Its Element Composition. In: *Journal of Sustainable Development*, vol. 8, no 7, 2015, p. 234–244.
129. Tukhbatova R. I., Fattakhova A. N., Alimova F. K. Anticancer properties of *Trichoderma asperellum* 302 from buried soils. In: *Tsitologiya*, 2014, vol. 56, no 6, p. 450–452.
130. Tukhbatova R. I., Morozova Yu. A., Alimova F. K. Metabolic profiling for characteristics of *Trichoderma* from buried soils. In: *Tsitologiya*, 2014, vol. 56, no 6, p. 445–449.
131. Tukhbatova, Rezeda I.; Buzhilova, Alexandra P.; Rasskazova, Anna V.; Kravtsova, Olga A.; Khartanovich, Valery I.; Berezina, Natalia Y. Comparative morphology and molecular genetic

analysis of patterns of syphilis of archaeological human remains from museum collections In: American Journal of Physical Anthropology, vol. 156, p. 308–308, Supplement: 60 Special Issue: SI. 2015.

132. Valiev R.R., Sitdikov A.G., Shakirov Z.G. Archeological survey of wooden remains from 16th-19th century Sviyazhsk. In: Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis, Special issue, 2014, p. 305–329. http://www.cclbsebes.ro/docs/Sebus_SI_2014/21_RRValiev_AGS_ZGS.pdf

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, заведующий кафедрой, Казанский (Приволжский) Федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Каримов Ильдар Римович, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ildar.karimov@list.ru

KEY RESULTS OF SCIENTIFIC ACTIVITIES OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY NAMED AFTER A.KH. KHALIKOV, ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN 2015

A.G. Sitdikov, I.R. Karimov

Scientific studies conducted by the team of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov in 2015 aimed to further elaborate on the issues of the Volga-Kama early and medieval history within the context of the Eurasian civilization. To pursue these scientific and organizational activities, the Institute conducted fundamental and applied research, promoted historical knowledge and developed cooperation with other universities and major academic institutions of Russia and foreign countries. Fundamental research was conducted on “Archaeology of the Early Volga-Kama Population: Interaction of Cultures”, “Medieval Turkic-Tatar Civilization: Emergence, Development and Interaction with Eurasian Peoples”, “Anthropology and Genetics of the Early Middle Volga Population”.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК РМЭ – Археологическая карта Республики Марий Эл
 АК ЧР – Археологическая карта Чувашской Республики
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. (СПб.)
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края
 ВСНХ – Высший Совет Народного Хозяйства
 ГИМ – Государственный исторический музей. М.
 ГНПЦ – Государственный научно-производственный центр по сохранению, реставрации и использованию историко-культурного наследия Костромской области.
 ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
 ЕИАХМЗ – Елабужский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
 жк. – жертвенный комплекс
 ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
 ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
 ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
 Изд. Моршан. краевед. музея – Издание Моршанского краеведческого музея
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
 ИИ АН СССР – Институт истории Академии наук СССР
 ИИКНП УдГУ – Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете
 ИПК БГПУ – Издательско-полиграфический комбинат Башкирского государственного университета
 ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера
 ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
 ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра Уральского отделения Российской академии наук
 ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
 ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
 Костром. учен. арх. комис. – Костромская губернская ученая архивная комиссия
 КСИИМК – Краткие сообщения Института материальной культуры Российской Академии наук
 КФАН АН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
 ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
 МАЕСВ – Материалы по археологии Северо-Востока. Сыктывкар.
 МАР – Материалы по археологии России. М.
 МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
 МарГУ – Марийский государственный университет
 МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

- МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской Академии наук
МВФ – Музейное ведомство Финляндии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МНИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.
МОИП – Московское общество испытателей природы. М.
Мордов. кн. изд-во – Мордовское книжное издательство
НМ РМЭ – Национальный музей Республики Марий Эл
НМРТ – Национальный музей Республики Татарстан
НРФ МарНИИЯЛИ – Научный рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
пп. – погребения
ПАЭ МарГУ – Поволжская археологическая экспедиция Марийского государственного университета
ПензГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
РА – Российская археология. М.
РСМ – Ранний славянский мир. М.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
ТА – Татарская археология. Казань
ТГУ – Томский государственный университет
Труды МарНИИ – Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола.
УИИЯЛ УрОРАН – Уральский институт истории, языка, литературы Уральского отделения Российской Академии наук
УрО АН СССР/РАН – Уральское отделение Академии наук СССР / Российской Академии наук
ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук
ЧГУ – Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
ЧНИИ – Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЧНИИЯЛИЭ СМ ЧАССР – Чувашский научно-исследовательский институт литературы, истории и этнографии при Совете Министров Чувашской АССР

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Научный журнал «Поволжская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Статьи», «Заметки», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией Соглашение, в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Статьи и заметки, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопроводить «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции «внутреннее» рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Требования по оформлению статей, заметок и других материалов

Общий объем статей не должен быть менее 15 тысяч знаков и не должен превышать 40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и аннотации-резюме. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

Объем заметок аналогичным образом должен быть в пределах 5–15 тысяч знаков. К заметке прилагаются не более 5–8 иллюстраций.

Материалы, направляемые в раздел «Хроника» (некрологи, материалы о конференциях и юбилеях) не должны суммарно превышать 10 тысяч знаков. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25).

Материалы принимаются в электронном виде в формате Word, RTF. Шрифт – Times New Roman, размер кегля 14, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см.

Необходимо предоставить следующие материалы:

- УДК;
- **Название** на русском и английском языках;
- **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском и английском языках;
- **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке; для материалов раздела «Хроника» – не более 500 знаков с пробелами, без ключевых слов.

– **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.

– Представленные материалы необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой;

– **Список литературы (библиография)** составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). **Для сборников статей и коллективных монографий обязательно указание ответственного редактора (отв. редакторов). Библиографический список не следует делать излишне пространным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять в нем не более 25%.**

– **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;

– **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;

– **Таблицы** в формате Word (в тексте) или в виде рисунков в формате JPG (отдельными файлами), диаграммы – в формате Word (в тексте);

– **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. *Образец оформления статьи*);

– **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Примечания:

1. Представленные текстовые материалы должны быть проверены на предмет правописания; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

2) **Аннотация-резюме** составляется для компетентной аудитории, поэтому авторы могут использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины, оно должно быть:

а) информативным (не содержать общих слов);

б) содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследования).

3) **Резюме и ключевые слова на английском языке** должны:

а) быть написанными качественным английским языком;

б) максимально точно передавать смысл русскоязычного резюме и ключевых слов (с учетом различий в синтаксисе и стилистике научного изложения в русской и английской грамматике), вместе с тем не быть калькой – дословным переводом русскоязычной версии.

4) **Библиографические ссылки** на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

5) При оформлении **списка литературы** вначале приводятся работы на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), а затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

Например:

Описание монографии (книги)

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.

5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

6. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.

2. *Чижевский А.А.*, Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.

3. Халиков А.Х. Мезолит Среднего Поволжья // МИА. 1966. № 126. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обулгаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

Напольских В.В. Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. I. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.

2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // ПА. 2012. № 1. С. 216–237.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.

3. *Валулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Том 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blonde_du_Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. *Rezum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // Сб. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет о раскопках Нырғындынское II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 756.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. Подосенова Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

5) Образец оформления статьи

УДК 904 “04/14”

**ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ
БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА («ДОМ РЕМЕСЛЕННИКА»)**

© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

**RESEARCHES IN THE CENTRAL PART OF THE BULGAR ANCIENT
SETTLEMENT («HOUSE OF THE HANDICRAFTSMAN»)**

A.M. Gubaydullin

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

б) Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, к изданию в журнале не принимаются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Подписано в печать 25.03.2016 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 18,5 Тираж 1000